

Z $\frac{51}{29}$

т. 4. е. 3. 1908

Издание
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

XXV-4350

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

IV томъ
3 выпускъ

TOME IV
FASCICULE 3

1908

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

ST. PETERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088112

Княгиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 177.—1816, дочь действительного камергера Василия Семеновича Васильчикова († 1808 г.) отъ брака съ графиней Анной Кирилловной Разумовской (въ монашествѣ—Агнія), была родная племянница фаворита Екатерины II Александра Семеновича Васильчикова (см. т. II, № 65) и родная сестра княгини Маріи Васильевны Кочубей (см. т. I, № 149). Въ началѣ 1790-хъ годовъ Е. В. Васильчикова вышла замужъ за камергера Великой Княгини Анны Ѳеодоровны, позднѣе Московскаго сенатора, действительнаго тайнаго совѣтника князя Николая Григорьевича Вяземскаго, родная сестра котораго, княгиня Марія Григорьевна Голицына, въ 1802 г. повѣнчалась съ дядей Васильчиковой, графомъ Львомъ Кирилловичемъ Разумовскимъ (см. т. I, №№ 91 и 92). Въ Москвѣ Разумовскій жилъ роскошно, давалъ великолѣпныя балы въ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ своемъ домѣ на Тверской, перешедшемъ къ нему частью отъ П. В. Мятлева, частью—это было старинное владѣніе Васильчиковыхъ (одинъ изъ домовъ принадлежалъ фавориту А. С. Васильчикову). Оба владѣнія были соединены въ одно, и на этомъ мѣстѣ Разумовскимъ выстроенъ огромный домъ во дворѣ, съ выходящими на улицу полуциркулярными флигелями (теперь домъ Англійскаго клуба). По смерти Разумовскаго († 1818 г.), его вдова подарила этотъ домъ брату князю Вяземскому, женатому на Васильчиковой (позднѣе онъ перешелъ къ Варварѣ Николаевнѣ Тимашевой-Берингъ и, наконецъ, къ тайному совѣтнику П. П. Шаблыкину).

Княгиня Екатерина Васильевна Вяземская скончалась въ 1816 году; у нея было 3 дочери: Анна (р. 7 Іюля 1796 г., въ Москвѣ, † 21 Мая 1875 г.; за княземъ Михаиломъ Николаевичемъ Голицынымъ), Софія (р. 1798 г., † 1854 г.; замужемъ съ 15 Сентября 1824 г. за Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ) и Елизавета—въ замужствѣ за Александромъ Николаевичемъ Хитрово.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

La princesse CATHERINE VASSILIEWNA VIAZEMSKY, 177. — 1816, fille du chambellan actuel Basile Sémenowitch Vassiltchikoff († 1808) et d'Anne Kyrillowna, née comtesse Razoumowsky (en religion, Agnès), était nièce du favori de Catherine II Alexandre Sémenowitch Vassiltchikoff (v. T. II, № 63) et sœur de la princesse Marie Vassiliewna Kotchoubey (v. T. I, № 149). Elle épousa au commencement des années 90 le prince Nicolas Grigoriowitch Viazemsky, conseiller privé actuel, chambellan de la Grande-Duchesse Anne Féodorowna, et dans la suite sénateur à Moscou, dont la sœur, la princesse Marie Grigoriowna Golitzyne, épousa en 1802 l'oncle de Catherine Vassiltchikoff, le comte Léon Kyrillowitch Razoumowsky (v. T. I, №№ 91 et 92). A Moscou, Razoumowsky menait grand train, donnant des bals splendides à Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et dans sa maison de la Tverskaïa. Cette maison lui était venue, en partie de P. Miatleff, en partie comme vieille propriété des Vassiltchikoff (un des immeubles appartenait au favori A. Vassiltchikoff); les deux terrains furent réunis, et Razoumowsky construisit dans la cour un immense bâtiment avec deux ailes demi-circulaires sur la rue (aujourd'hui le Club Anglais). A sa mort, en 1818, sa veuve en fit don au prince Viazemsky son frère, le mari de la princesse Catherine Vassiltchikoff; l'immeuble passa ensuite à Varvara Nikolaewna Timacheff-Behring, et enfin au conseiller privé P. Chablykine.

La princesse Viazemsky mourut en 1816. Elle avait eu trois filles, Anne (née 7 juillet 1796 à Moscou, † 21 mai 1875), mariée au prince Michel Nikolaewitch Golitzyne, Sophie (1798—1834), mariée le 15 septembre 1824 à Arcade Vassiliewitch Kotchoubey, et Elisabeth, mariée à Alexandre Nikolaewitch Khitrovo.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korollovo, gouv. de Moscou.)

Княгиня ЕЛЕНА НИКИТИЧНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1745 — 1832, дочь генераль-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого от второй жены его, Анны Даниловны Херасковой, рожденной княжны Друцкой, родилась 27 Декабря 1745 года. Въ замужествѣ была за генераль-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣвичемъ Вяземскимъ, отъ котораго имѣла четырехъ дочерей: Екатерину, замужемъ за графомъ Д. А. Толстымъ, Анну, за Неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ герцогомъ Серра-Каприола, Прасковью, за графомъ Д. А. Зубовымъ, и Варвару, за Датскимъ посланникомъ барономъ Розенкранцемъ. Несмотря на извѣстную въ Петербургскомъ обществѣ свою бережливость и любовь къ деньгамъ, княгиня Е. Н. Вяземская играла большую роль въ свѣтъ, и въ домѣ ея на Невскомъ проспектѣ собирався весь дипломатическій корпусъ и высшій кругъ Петербурга. По словамъ Вигеля, „она безъ памяти любила иностранцевъ и въ особенности французовъ; и для нихъ былъ у нея всегда притонъ“. Пристрастіе это сказалося въ особенности во время пребыванія въ Петербургѣ посла Наполеона Савари, встрѣтившаго въ Петербургскомъ обществѣ холодный, даже враждебный приемъ, несмотря на расположеніе, оказываемое ему при Дворѣ. „Въ одномъ только знатномъ домѣ“, продолжаетъ Вигель, „былъ онъ принятъ съ откровенными объятіями: старуха княгиня Е. Н. Вяземская продолжительною связью съ французскимъ посольствомъ обезславивъ свою старость; были люди, которые не побоялись взвести на нее клевету, — будто за угощеніе французовъ она получала деньги отъ правительства“. Будучи сводною сестрою поэта М. М. Хераскова, друга Новикова, подъ вліяніемъ котораго находился также и родной ея братъ, князь Николай Никитичъ Трубецкой, тоже поэтъ, переводчикъ и писатель, княгиня Е. Н. Вяземская не осталась, кажется, безъ вліянія на притѣсненія, чинимыя при Екатеринѣ мартинистамъ. „Скопидомной генераль-прокуроршѣ“, пишетъ одинъ изъ современниковъ, „очень не правилось, что Московскіе братцы ея, подчинялись Новикову, расточаютъ свое достояніе на печатаніе какихъ-то книгъ, на посылку какихъ-то молодыхъ людей за границу, на почти даровую раздачу хлѣба народу, и, конечно, она твердила о томъ супругу своему, имѣвшему ежедневный докладъ у Государыни... Послѣдствіемъ сего была ссылка князя Трубецкого на безвыѣздное житіе въ деревню, подъ наблюденіе“.

Екатерина II не любила княгини Вяземской, и въ дневникѣ Храповицкаго встрѣчается много неблагоприятныхъ отзывовъ Императрицы о ней. Узнавъ о поѣздкѣ Вяземской въ Москву, по случаю свадьбы дочери ея, выходившей за Толстого, Екатерина сказала: „Она поѣхала обирать Московскихъ купцовъ: Oh, comme je la soupçais!“ Другой разъ, услышавъ, что княгиня Вяземская послѣ смерти мужа за долги его продаетъ домъ и имѣніе, Императрица возразила: „Какіе долги? Всѣмъ извѣстно, что давала деньги въ проценты и брала вещи подъ закладъ“, и тутъ же приказала графу Брюсу осмотрѣть кладовыя княгини.

Княгиня Е. Н. Вяземская, въ молодости своей, принадлежала къ числу самыхъ близкихъ друзей князя Александра Борисовича Куракина, о чемъ свидѣлствуютъ цѣлый томъ ея писемъ къ нему и названіе имъ „Еленинской“ одной изъ аллей его парка въ знаменитомъ Надеждинѣ, перешедшемъ въ настоящее время уже въ купеческія руки... Слабое ея здоровье очень беспокоило ея многочисленныхъ друзей; постоянно хворая, она страдала истерическими припадками и дрожаніемъ въ тѣлѣ и, кромѣ того, находилась подъ давленіемъ какого-то тайнаго нравственнаго гнета, наложившаго свой отпечатокъ на ея вѣншій обликъ. „Cette femme dépérit à vue d'œil“, писалъ въ 1786 г. брату князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ о предметѣ его давнишней привязанности; „son physique s'affaïsse tous les jours de plus en plus. Le mal qui la ronge, quoique physique, empire plus par le moral qui la ronge; le morne et la tristesse qui règnent sur sa physionomie et dans tout son être prouvent plus que jamais combien son âme souffre. Cette femme, douée de tant de qualités vraies, malgré ses maux, sait les cacher, et, se contraignant pour la plupart du temps, cela ne laisse que d'empirer et la miner davantage“. Несмотря на это, княгиня Вяземская пережила мужа почти на сорокъ лѣтъ и умерла 87-и лѣтъ отъ роду, 14 Октября 1832 г.; похоронена она, рядомъ съ мужемъ, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

La princesse HÉLÈNE NIKITITCHNA VIAZEMSKY, 1745—1852, fille du prince Nikita Youriewitch Troubetzkoï, feld-maréchal, procureur général, et de sa seconde femme Anne Danilowna Khéraskoff, née princesse Droutzky, naquit le 27 décembre 1745. Elle épousa le prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky, procureur général, dont elle eut quatre filles, Catherine, mariée au comte D. Tolstoï, Anne, au duc de Serra-Capriola, ministre de Naples à St-Pétersbourg, Prascovie, au comte D. Zouboff, et Varvara, au baron Rosenkranz, ministre de Danemark. Connue dans la société pétersbourgeoise pour son caractère économe et intéressé, elle joua un grand rôle dans le monde, et sa maison de la Perspective Newsky réunit tout le Corps Diplomatique et la haute société de la ville. Au témoignage de Wiegel, „elle était folle de tous les étrangers et surtout des français, dont sa maison était le quartier général“. Elle se donna surtout carrière lors du séjour à Pétersbourg de l'ambassadeur de Napoléon, Savary, qui ne trouva dans le monde que froideur et même hostilité, en dépit de la faveur qui lui était témoignée à la Cour. „Il n'y avait“, continue Wiegel, „qu'une grande maison où il fût reçu à bras ouverts: la vieille princesse Viazemsky a déshonoré sa vieillesse par ses relations suivies avec l'ambassade de France; il y a des gens qui n'ont pas craint de la calomnier en la disant payée par le gouvernement pour héberger les Français“. Sœur utérine du poète Khéraskoff, ami de Novikoff, sous l'influence duquel se trouvait aussi son frère le prince Nicolas Nikititch Troubetzkoï, également poète, traducteur et écrivain, elle semble bien avoir été pour quelque chose dans les vexations infligées aux Martinistes sous Catherine“. „Cette grippe-sou de procureuse générale“, écrit un contemporain, „était navrée de voir ses frères de Moscou, sous l'influence de Novikoff, dissiper leur bien à ces publications d'ouvrages, à ces envois de jeunes gens à l'étranger, à des distributions presque gratuites de grain au peuple, et, bien entendu, faisait la leçon là-dessus à son mari, qui avait tous les jours son rapport chez l'Impératrice.... Conclusion, le prince Troubetzkoï renvoyé dans ses terres pour y vivre à demeure et surveillé“.

Catherine II n'aimait pas la princesse Viazemsky, et le Journal de Khrapovitzky mentionne nombre d'appréciations malveillantes de l'Impératrice à son endroit. Lors de son voyage à Moscou pour le mariage de sa fille avec Tolstoï, elle dit: „Elle est allée plumer les marchands de Moscou. Oh, comme je la connais!“ Une autre fois, lorsqu'elle voulut, à la mort de son mari, vendre sa maison et ses terres pour payer ses dettes, l'Impératrice objecta: „Quelles dettes? Chacun sait qu'elle faisait l'usure et le prêt sur gages“, et elle envoya sur-le-champ le comte Bruce inspecter les magasins de la princesse.

La princesse Viazemsky fut, dans sa jeunesse, de l'intimité du prince Alexandre Borissowitch Kourakine, comme l'atteste tout un volume de correspondance qu'elle lui adressa, ainsi que le nom d'Hélène donné à une allée du parc du célèbre Nadejdino, passé aujourd'hui aux mains d'un marchand.... Sa faiblesse de santé donnait de grandes inquiétudes à ses nombreux amis; sans cesse souffrante, elle était sujette à des crises de nerfs et à un tremblement général, et se trouvait en outre sous le coup d'une sorte d'oppression morale cachée qui se reflétait sur son physique. „Cette femme dépérit à vue d'œil“, écrivait en 1786 à son frère le prince Alexis Kourakine en lui parlant de l'objet de son ancien attachement; „son physique s'affaisse tous les jours de plus en plus. Le mal qui la ronge, quoique physique, empire plus par le moral qui la ronge; le morne et la tristesse qui règnent sur sa physionomie et dans tout son être prouvent plus que jamais combien son âme souffre. Cette femme, douée de tant de qualités vraies, malgré ses maux, sait les cacher, et, se contraignant pour la plupart du temps, cela ne laisse que d'empirer et de la miner davantage“. Ceci n'empêcha pas la princesse Viazemsky de survivre à son mari près de quarante ans: elle mourut à 87 ans, le 14 octobre 1852, et fut inhumée près de lui, à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

Князь НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1769—1846, сынъ статскаго совѣтника князя Григорія Ивановича отъ второго его брака съ Беклемишевой, родился 3 Января 1769 года. Онъ былъ родной братъ княгини Маріи Григорьевны Голицыной, вышедшей позднѣе замужъ, при жизни перваго супруга, за графа Льва Кирилловича Разумовскаго. Послѣ кончины графа въ 1818 г., его вдова подарила брату, князю Н. Г. Вяземскому, женатому на племянницѣ ея мужа отъ его родной сестры, домъ Разумовскихъ, на Тверской, гдѣ теперь Англійскій клубъ.

Въ 1795 г., 1 Января, князь Н. Г. Вяземскій былъ назначенъ камергеромъ къ Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, супругѣ Цесаревича Константина Павловича. Позднѣе, съ 1805 по 1811 годъ, Вяземскій былъ сенаторомъ 8-го апелляціоннаго департамента Сената. По свидѣтельству П. М. Снегирева, онъ написалъ въ 1825 г. историко-политическій романъ „Странствованія моего дяди“. Нѣкоторое время князь Вяземскій былъ Калужскимъ предводителемъ дворянства, но постоянно жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 2 Декабря 1846 года; похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Князь Н. Г. Вяземскій былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ—на Екатеринѣ Васильевнѣ Васильчиковой, отъ которой имѣлъ 3 дочерей, второй разъ—на вдовѣ Софіи Егоровнѣ Берингъ, рожденной Папиной, отъ которой родились: 2 сына—князь Григорій (р. 1823 г., † 1882 г.; полковникъ, композиторъ; женатъ на графинѣ Прасковіи Петровнѣ Толстой) и князь Левъ (р. 24 Декабря 1831 г., † 20 Декабря 1852 г.), и дочь Екатерина (р. 1824 г., † 1840 г.).

(Съ портрета Тончи; собственность Ю. В. Арсеньева, въ Москвѣ.)

Le prince NICOLAS GRIGORIEWITCH VIAZEMSKY, 1769—1846, fils du prince Grégoire Ivanowitch Viazemsky, conseiller d'état, et de sa seconde femme, née Béklemicheff, naquit le 3 janvier 1769. Il était frère de la princesse Marie Grigoriewna Golitzyne, qui épousa plus tard, du vivant de son premier mari, le comte Léon Kyrillowitch Razoumowsky, à la mort duquel elle donna à son frère, marié à une fille de la sœur de son mari, la maison Razoumowsky, sur la Tverskaïa, aujourd'hui le Club Anglais.

Le prince Viazemsky, nommé le 1er janvier 1795 chambellan de la Grande-Duchesse Anna Féodorowna, épouse du Césarewitch Constantin Pavlowitch, fut dans la suite, de 1805 à 1811, sénateur au 8e département de cassation. Au témoignage de I. Snéguireff, il écrivit en 1825 un roman historico-politique, *Pérégrinations de mon Oncle*. Il fut un certain temps maréchal de la noblesse de Kalouga, mais sans cesser d'habiter Moscou, où il mourut conseiller privé actuel, le 2 décembre 1846; il fut inhumé au monastère Donskoï.

Le prince Viazemsky fut marié deux fois: en premières noces, avec Catherine Vassiliewna Vassiltchikoff, dont il eut trois filles, en secondes noces, avec Sophie Egorowna, veuve Behring, née Panine, dont il eut deux fils, Grégoire (1825—1882), colonel, compositeur, marié à la comtesse Prascovie Pétrowna Tolstoï, et Léon (24 décembre 1851—20 décembre 1852), et une fille, Catherine (1824—1840).

(D'après un original de Tonci, appartenant à Y. Arsénieff, Moscou.)

Княгиня ВѢРА ФЕДОРОВНА ВЯЗЕМСКАЯ, 1790—1886, старшая изъ дочерей генераль-майора князя Федора Сергѣевича Гагарина (р. 1757 г., † 1794 г.) и известной красавицы княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой, во 2-мъ бракѣ Кологривовой (р. 1762 г., † 1818 г.), родилась 6 Сентября 1790 года, въ Яссахъ, куда, во время турецкаго похода, послѣдовала за мужемъ ея мать. Вступивъ въ супружество 18 Октября 1811 г. съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, княгиня ВѢра Федоровна сразу сроднилась съ литературнымъ кружкомъ, группировавшимся вокругъ ея мужа, насчитывавшихъ въ себѣ такія имена, какъ Пушкинъ, Жуковский, Карамзинъ... Имя ея неразрывно связано съ умственной и литературной жизнью цѣлаго пятидесятилѣтія славнѣйшей эпохи русскаго творчества. Она присутствовала при кончинѣ Пушкина, была другомъ Жуковскаго и находилась въ тѣснѣйшей родственной связи съ семействомъ Карамзиныхъ. Долгая жизнь ея представляетъ свѣтлый примѣръ глубокаго духовнаго единенія съ мужемъ, съ которымъ она жила одной жизнью, пока смерть не разлучила маститыхъ супруговъ. Переживъ мужа на 8 лѣтъ, княгиня ВѢра Федоровна Вяземская скончалась 96-и лѣтъ отъ роду, въ Баденъ-Баденѣ, 8 Юля 1886 года; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ, рядомъ съ мужемъ, на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Характерный отзывъ о княгинѣ Вяземской въ молодости оставилъ въ своихъ запискахъ Вигель, принадлежавшій къ числу ея поклонниковъ: „Княгиня ВѢра Федоровна была существо весьма необыкновенное. При неистощимой веселости ея права никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности: какъ другіе любили выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна и немилосердна только къ нашему подлу! Всѣ влюбленные казались ей смѣшны, страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ничтожны, какъ сочиненныя ею комедіи, которыя при ней разыгрывались и ее забавляли. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ желала привлечь къ себѣ. Не будучи красавицей, немного старше мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе; небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный пронзительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Сильнымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на нынѣшнихъ львицъ: оно въ ней казалось не наглостью, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Частый и громкій хохотъ ея въ другой казался бы неприличнымъ, а въ ней восхищали, ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпрестанно пскрился разговоръ ея... Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ, подобно баранамъ, на жертвенникъ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно, но не страстно“.

Не менѣе картинный портретъ княгини Вяземской рисуетъ знавшій ее уже въ глубокой старости графъ С. Д. Шереметевъ. „Въ своей неизмѣнной, хотя и странствующей обстановкѣ, среди мягкихъ старомодныхъ креселъ, съ неизбѣжнымъ столикомъ для вышиванія и съ клубками шерсти, съ шитыми занавѣсами, съ опухаюми или подушками, съ памятною всѣмъ тростію въ рукахъ и въ старомодномъ чепцѣ, который она охотно спинала среди оживленнаго разговора, полнаго юношескаго пыла, неподдѣльной веселости и остроумія, съ своею чистою, старо-московскою русскою рѣчью, съ выходками и вспышками рѣзваго и не старѣющаго ума, — княгиня ВѢра Федоровна была цѣльнымъ типомъ стараго Московскаго допоярпаго общества. Она кипятилась и негодовала, въ то же время заливалась своимъ заразительнымъ хохотомъ, слѣдя за всѣмъ и живя въ постоянномъ и разнообразномъ общеніи со множествомъ лицъ; она принимала у себя запросто Августѣйшихъ посѣтителей разныхъ странъ съ одинаковою непринужденностью и своеобразной простотою, не чуждою глубокаго знанія человѣческихъ слабостей и придворнаго быта, и всѣхъ очаровывала бескомъ своего свѣжаго, неуываемаго ума. Любила она вспоминать о Пушкинѣ, съ которымъ была въ тѣсной дружбѣ, чуждой всякихъ церемоній, и не иначе называла его, какъ „Alexandre Pouschkin“.

(Съ миниатюры, принадлежащей С. В. Уваровой, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse VÉRA FÉODOROWNA VIAZEMSKY, 1790—1886, l'aînée des filles du prince Théodore Serguéewitch Gagarine (1757—1794), général major, et de la princesse connue pour sa beauté Prascovie Youriowna, née princesse Troubetzkoï, en secondes noces Kologrivoff (1762—1848), naquit le 6 septembre 1790 à Yassy, où, lors de la campagne de Turquie, sa mère avait suivi son mari. Mariée le 18 octobre 1811 au prince Pierre Andréewitch Viazemsky, elle fut tout de suite à son aise dans le cercle littéraire qui se groupait autour de lui et comptait des noms comme ceux de Pouchkine, Joukowsky, Karamzine..... Son nom est inséparable de la vie intellectuelle et littéraire de tout un demi-siècle de l'époque la plus glorieuse des lettres russes. Elle assista à la mort de Pouchkine, et fut en relations d'amitié avec Joukowsky et d'étroite parenté avec la famille Karamzine. Sa longue vie est un lumineux exemple de profonde union spirituelle avec son mari: ils n'eurent qu'une vie à eux deux, jusqu'au jour où la mort sépara ces vénérables conjoints. La princesse survécut huit ans et mourut à Baden-Baden le 8 juillet 1886, âgée de 96 ans; sa dépouille fut ramenée en Russie et inhumée près de son mari, au cimetière de Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

On trouve chez Wiegel, un de ses adorateurs, un passage caractéristique sur la princesse Viazemsky dans sa jeunesse: „La princesse était un être tout à fait extraordinaire. Avec son inépuisable gaité d'humeur, personne ne lui aurait soupçonné une sensibilité profonde: tandis que d'autres aiment à faire montre de la leur, elle, cachait la sienne au monde, qui ne pouvait la découvrir qu'avec le temps. Pas de vraie douleur qui n'excitât en elle non seulement la compassion, mais encore le désir de la soulager! Compatissante pour toute l'humanité en général, elle n'était cruelle que pour notre sexe. Un amoureux lui paraissait ridicule, et une passion qu'elle allumait n'avait à ses yeux que l'importance d'une comédie dont elle aurait été l'auteur et qui se jouait devant elle pour la divertir. Loïn d'encourager personne, elle causait plutôt, à force de moqueries, du dépit à ceux qu'elle voulait approcher d'elle. Un peu plus âgée que son mari et ses sœurs, sans être une beauté, elle paraissait plus jeune qu'eux tous; sa taille menue, son petit nez, son regard ardent et pénétrant, son expression intraduisible par des mots et sa gracieuse désinvolture la rajeunirent longtemps. Ses manières dégagées n'avaient rien de celles d'une lionne d'aujourd'hui: elles ne sentaient pas l'effronterie; on eût dit un reste de mutinerie enfantine. Son rire fréquent et sonore eût semblé inconvenant chez une autre: chez elle il enchantait, coloré et relevé qu'il était de l'esprit dont pétillait toute sa conversation..... Combien, hélas! d'insensés, sans me compter, se firent, tels des moutons, immoler sur l'autel de la foi conjugale par celle qui aimait aussi son mari par-dessus tout, l'aimait tendrement, mais non passionnément!“

Non moins pittoresque est le portrait que trace de la princesse Viazemsky le comte S. Chéréméteff, qui la connut, lui, dans une vieillesse avancée: „Dans son installation invariable, quoique errante, au milieu de ses fauteuils rembourrés à l'ancienne mode, avec son éternelle table à broder et ses pelotons de laine, avec ses rideaux brodés, son éventail ou ses coussins, sa fameuse canne à la main, et, sur la tête, son bonnet à l'ancienne mode qu'elle aimait ôter dans le feu de la conversation, pleine d'ardeur juvénile, de franche gaité et d'esprit, avec son russe pur, moscovite de vieille roche, avec les sorties et les saillies de son esprit mutin et toujours jeune, la princesse était un type accompli de la vieille société moscovite d'avant l'incendie. Elle prenait feu et s'indignait, égrenant en même temps son rire communicatif, au courant de tout et en relations suivies et variées avec une foule de monde. Recevant chez elle sans cérémonie des hôtes de sang royal de divers pays avec une égale désinvolture et une simplicité originale qui n'était pas sans témoigner d'une profonde connaissance des faiblesses humaines et de la vie de Cour, elle enchantait tout le monde par l'éclat, la fraîcheur et la jeunesse de son esprit. Elle aimait à rappeler Pouchkine, avec qui elle avait été liée d'une amitié étroite et sans façons, et qu'elle n'appelait pas autrement qu'Alexandre Pouschkine“.

(D'après une miniature appartenant à Mme S. Ouvaroff, St-Petersbourg.)

Князь ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ, 1792—1878, сынъ князя Андрея Ивановича († 20 Апрѣля 1807 г.) отъ брака съ Евгеніей Ивановной Орейи (по первому мужу Кинне, † 12 Апрѣля 1802 г.), родился въ Москвѣ 12 Юля 1792 г.; изъ-подъ присмотра цѣлаго полка гувернеровъ и учителей князь П. Вяземскій попалъ въ Петербургскій іезуитскій пансіонъ, отсюда въ пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, изъ котораго былъ вызванъ въ Москву, гдѣ, по смерти отца, имѣлъ въ лицѣ П. М. Карамзина своего попечителя и наставника. Раннее общеніе съ литературнымъ міромъ скоро пробудило въ душѣ талантливаго юноши природныя дарованія: уже въ 1808 г. онъ дебютировалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ „Посланіемъ къ...“. Нѣсколькими мѣсяцами раньше (съ 5 Января 1807 г.) онъ выступилъ и на поприщѣ служебномъ, въ качествѣ чиновника Московской Межевой канцеляріи. Въ 1812 г. патріотическое воодушевленіе привело его въ ряды участниковъ Бородинскаго сраженія; по окончаніи войны онъ продолжалъ прежнюю службу. Съ 1817 по 1821 г. находился при П. И. Новосильцевѣ и былъ свидѣтелемъ важныхъ событій, происходившихъ въ то время въ Варшавѣ; онъ же былъ отправленъ Новосильцевымъ къ Государю съ проектомъ конституціи, при чемъ въ этотъ же прѣздъ онъ принималъ участіе въ запискѣ, поданной Государю, съ просьбой о дозволеніи приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Обстоятельства, происшедшія послѣ второго сейма, рѣшили уходить князя Вяземскаго со службы; онъ вернулся въ Москву и отдался литературной дѣятельности. Въ Апрѣлѣ 1850 г. князь Вяземскій поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ Канкринѣ, а затѣмъ состоялъ въ должности вице-директора Департамента внѣшней торговли и управляющаго Заемнымъ банкомъ. Годы 1853—1855 онъ провелъ за границей. Въ 1855 г. князь Вяземскій былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (А. С. Порова) и въ этой должности оставался до Марта 1858 г., когда окончательно вышелъ въ отставку. Служба вообще не привлекала его къ себѣ, и онъ всегда тяготился ею. Біографы князя Вяземскаго утверждаютъ, что его не увлекала жажда труда, и онъ легко предавался бездѣлю. И если къ этому выводу можно прійти, разсматривая князя Вяземскаго какъ чиновника, то къ нему же приведетъ и изученіе Вяземскаго какъ литературнаго дѣятеля: проработавъ на литературномъ поприщѣ какъ поэтъ, критикъ, журналистъ и публицистъ свыше 50 лѣтъ, онъ не создалъ ничего значительнаго, несмотря на свой блестящій умъ, талантъ и образованность. Литературная дѣятельность князя Вяземскаго разнообразна, но въ талантѣ его преобладала критическая струя: пробиваясь сначала въ эпиграммахъ, она ключомъ забила въ болѣе зрѣлыхъ его произведеніяхъ, и его сатира была мѣтка и язвительна, ибо соединяла самостоятельность и глубину мыслей съ рѣзкостью и оригинальностью выраженій; нашему величайшему сатирику Фонъ-Визигу былъ посвященъ имъ критико-біографическій очеркъ этого писателя, одно изъ лучшихъ произведеній князя Вяземскаго. Да и вообще едва ли не въ критическихъ статьяхъ своихъ онъ наиболее успѣлъ проявить художественный вкусъ и талантъ образованнаго литератора стараго времени. Крупное литературное дарованіе князя Вяземскаго цѣнили современники отъ Карамзина до Гоголя; дань уваженія заплатили ему и люди болѣе близкаго къ намъ поколѣнія, собравшіеся въ 1861 г. въ залы Академіи Наукъ чествовать 50-лѣтній юбилей литературной дѣятельности члена Россійской Академіи и ординарнаго академика князя П. А. Вяземскаго. Онъ былъ правъ, говоря о себѣ на этомъ праздникѣ: „На литературномъ поприщѣ я—живое воспоминаніе великой эпохи; я напоминаю имена ея, имена Карамзина, Жуковскаго, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей...“. Одинадцать томовъ сочиненій князя Вяземскаго обязываютъ признать, что онъ до сихъ поръ не только живое, но и прекрасное воспоминаніе своей великой эпохи. Послѣдніе годы жизни князь П. А. Вяземскій провелъ изъ-за болѣзней по большей части за границей и умеръ въ Баденъ-Баденѣ 10 Ноября 1878 года; похороненъ онъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь П. А. Вяземскій былъ женатъ на княжнѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Гагариной; кромя сына Павла Петровича (р. 1820 г., † 1888 г.), у Вяземскихъ были дочери: Марія (р. 1813 г., † 1849 г.; въ замужествѣ за графомъ П. А. Валевымъ), Прасковья (р. 1817 г., † 1835 г.) и Надежда (р. 1822 г., † 1840 г.).

(Съ рисунка карандашемъ К. Аванасьева; собраніе А. Э. Мюнстера, С.-Петербургъ.)

Le prince **PIERRE ANDRÉEWITCH VIAZEMSKY**, 1792—1878, fils du prince André Ivanowitch Viazemsky († 20 avril 1807) et d'Eugénie O'Reilly, en premières noces Quinet († 12 avril 1802), naquit à Moscou le 12 juillet 1792. D'abord sous la férule de toute une légion de gouverneurs et d'instituteurs, il entra ensuite à la pension des Jésuites de Pétersbourg, puis à celle de l'Institut Pédagogique, et fut enfin ramené à Moscou, où il trouva à la mort de son père un protecteur et un précepteur dans la personne de Karamzine. Mis de bonne heure en contact avec le monde des lettres, ce brillant esprit vit rapidement éclore ses talents naturels: dès 1808, il débutait au *Messenger d'Europe* avec son *Epître* à.... Quelques mois plus tôt, le 5 novembre 1807, il était entré dans la carrière administrative comme fonctionnaire à la chancellerie du Cadastre de Moscou. Entraîné en 1812 par l'enthousiasme patriotique sur le champ de bataille de Borodino, il reprit à la paix ses anciennes fonctions. Attaché à Novossiltzeff de 1817 à 1821, il fut témoin des graves événements qui se déroulèrent alors à Varsovie; ce fut lui qui alla de la part de Novossiltzeff présenter à l'Empereur le projet de constitution, et il collabora en même temps au mémoire remis à S. M. pour solliciter l'autorisation d'examiner la question de l'affranchissement des serfs. Les circonstances qui suivirent la session de la seconde diète entraînèrent sa retraite: il revint à Moscou se consacrer aux lettres. Il reprit du service en avril 1830 comme fonctionnaire des commissions spéciales près du ministre des finances Kankrine, puis fit les fonctions de sous-directeur du département du commerce extérieur, gérant de la Banque de Prêts. Parti pour l'étranger en 1853, il fut, à son retour, en 1855, nommé adjoint du ministre de l'instruction publique, et le resta jusqu'à sa retraite définitive, en mars 1858. Le service en général n'eut jamais d'attrait pour lui et lui fut toujours un fardeau. Ses biographes assurent qu'il ne connaissait pas la soif du travail et s'abandonnait facilement à l'oisiveté. Et si l'on arrive à cette conclusion pour le fonctionnaire, on y est également conduit pour le littérateur: en plus de cinquante ans de carrière littéraire comme poète, critique, journaliste et publiciste, il ne créa rien d'important, malgré son brillant esprit, son talent et ses connaissances. Ses productions furent variées, mais ce qui dominait en lui, c'était la fibre critique: elle se fit jour d'abord dans ses épigrammes, puis se révéla puissante dans ses œuvres de maturité; sa satire était virulente et touchait juste, car elle unissait l'indépendance et la profondeur de la pensée à la rudesse et à l'originalité de l'expression. L'étude de biographie critique qu'il consacra au plus grand de nos satiriques, von Vizine, est une de ses meilleures productions. Aussi bien, ce sont sans doute ses articles de critique qui témoignent le mieux de son goût artistique et de son talent de littérateur éclairé du vieux temps. Sa haute valeur littéraire fut appréciée par les contemporains, de Karamzine à Gogol; il reçut également l'hommage d'une génération plus voisine de la nôtre, lors de la solennité célébrée en 1861 à l'Académie des Sciences en son honneur comme membre de l'Académie Russe et académicien ordinaire, à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts dans la carrière littéraire, et c'est à bon droit qu'il dit de lui à cette cérémonie: „Dans la carrière des lettres, je suis le souvenir vivant d'une grande époque; j'en rappelle les noms, ceux de Karamzine, Joukowsky, Pouchkine, et autres grands hommes du temps“.... Les onze volumes laissés par le prince Viazemsky nous le montrent comme un souvenir non seulement vivant, mais brillant de sa grande époque. Dans ses dernières années, sa santé le retint presque constamment à l'étranger; il mourut à Baden-Baden le 10 novembre 1878, et fut inhumé au cimetière Tikhvine, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le prince Viazemsky avait épousé la princesse Véra. Féodorowna Gagarine, dont il eut un fils Paul (1820—1888) et trois filles, Marie (1815—1849), mariée au comte P. Valoueff, Prascovie (1817—1835) et Nadejda (1822—1840).

СОФІЯ ФЕДОРОВНА ЛАДОМІРСКАЯ, 1794—1855, младшая дочь генераль-майора князя Федора Сергѣевича Гагарина и княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Трубецкой (р. 1762 г., † 1848 г.), родилась въ Варшавѣ 29 Декабря 1794 г., восемь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти отца своего, убитаго поляками въ Варшавѣ въ Апрѣлѣ 1794 года. Воспитанная въ Москвѣ подъ надзоромъ матери своей, княгини Прасковьи Юрьевны, по словамъ Вигеля, „до безумія любившей своихъ дѣтей“, она провела остальную часть своей молодости до замужства въ домѣ вотчина своего, Петра Александровича Кологривова, за котораго, еще до войны 1812 г., вышла вторымъ бракомъ ея мать. Кологривовы жили зимой въ Московскомъ его домѣ, а лѣтомъ въ имѣніяхъ его, селѣ Мещерскомъ, Пензенской, и Игаркахъ, Калужской губерніи. О княгинѣ С. Ф. Гагариной и сестрахъ ея, Любови, вышедшей впоследствии за Б. В. Полухтова, и Надеждѣ (княгинѣ Четвертинской), упоминаетъ въ своихъ запискахъ Вигель, говоря о старшей сестрѣ ихъ, княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Вяземской: „Я зналъ трехъ маленькихъ сестеръ ея, милыхъ, скромныхъ, веселыхъ. Мать воспитывала ихъ въ самыхъ русскихъ чувствахъ и не позволяла имъ танцовать въ 1812 г. на балахъ, находя совершенно неприличнымъ забавлять себя такимъ образомъ, когда вся Россія въ траурѣ“. Въ Январѣ 1819 г. княжна С. Ф. Гагарина вышла замужъ за недавно передъ тѣмъ овдовѣшаго отставного гвардіи полковника Василя Николаевича Ладомірскаго, сына Екатеринбургскаго фаворита Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова.

Сохранившіяся письма ея къ мужу свидѣлствуютъ о ея счастливой супружеской жизни, омрачавшейся лишь частыми разлуками съ мужемъ, находившимся въ постоянныхъ разъѣздахъ по дѣламъ управленія отцовскими имѣніями. Въ одномъ изъ нихъ, селѣ Братцевѣ, Московскаго уѣзда, перешедшемъ впоследствии въ родъ Ладомірскихъ, большею частью и проживала С. Ф. Ладомірская и тамъ же скончалась, отъ тифа, 9 Августа 1855 года; погребена она, рядомъ съ мужемъ, въ склепѣ подъ церковью Покрова Пресвятой Богородицы, въ Братцевѣ.

С. Ф. Ладомірская имѣла троихъ сыновей: Ивана (р. 15 Февраля 1820 г.), Николая (р. 2 Сентября 1822 г.) и Петра (р. 31 Декабря 1830 г.), служившихъ въ гвардіи, и двухъ дочерей: Софію (р. 26 Января 1830 г., † 6 Сентября 1880 г.), въ замужствѣ за графомъ А. А. Апраксинымъ, и Зинаиду († 22 Апрѣля 1895 г.), за княземъ Д. М. Голицынымъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю И. С. Щербатову, село Братцево, Московской губ.)

SOPHIE FÉODOROWNA LADOMIRSKY, 1794—1855, plus jeune fille du prince Théodore Serguéewitch Gagarine, général major, et de la princesse Prascovie Youriewna, née princesse Troubetzkoï (1762—1848), naquit à Varsovie le 29 décembre 1794, huit mois après la mort de son père, tué par les Polonais à Varsovie en avril 1794. Elevée à Moscou sous la surveillance de sa mère, qui, dit Wiegel, „aimait ses enfants à la folie“, elle resta une partie de sa jeunesse, jusqu'à son mariage, chez son beau-père Pierre Alexandrowitch Kologrivoï, auquel sa mère s'était remariée dès avant la guerre de 1812: l'hiver à sa maison de Moscou, l'été dans ses propriétés de Mechtcherskoïé, gouvernement de Penza, et de Jarky, gouvernement de Kalouga. Wiegel parle d'elle, ainsi que de ses sœurs, Liouboff, mariée plus tard à B. Polouekhtoff, et Nadejda, princesse Tchertvertinsky, à propos de l'aînée des quatre, la princesse Véra Féodorowna Viazemsky: „J'ai connu ses trois petites sœurs, gentilles, modestes, gaies. Leur mère les élevait dans les sentiments les plus russes, et ne leur permit pas en 1812 de danser au bal, trouvant tout à fait inconvenant de s'amuser de la sorte, quand toute la Russie était en deuil“. La princesse Sophie épousa en janvier 1819 le colonel retraité de la Garde Basile Nikolaewitch Ladomirsky, veuf depuis peu, fils du favori de Catherine, Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff.

Les lettres conservées d'elle à son mari témoignent de son bonheur conjugal, assombri seulement par de fréquentes séparations, nécessaires pour permettre à Ladomirsky de surveiller la gérance des propriétés de son père. C'est l'une d'elles, Bratzévo, district de Moscou, passée plus tard aux Ladomirsky, qu'elle habita presque constamment. Elle y mourut de la fièvre typhoïde le 9 août 1855, et fut inhumée près de son mari dans la crypte de l'église de l'Intercession de la Vierge.

Mme Ladomirsky eut trois fils, Ivan (né 15 février 1820), Nicolas (né 2 septembre 1822) et Pierre (né 31 décembre 1830), officiers de la Garde, et deux filles, Sophie (26 janvier 1830—6 septembre 1880), mariée au comte A. Apraxine, et Zénaïde († 22 avril 1895), au prince D. Golitzyne.

(D'après un original appartenant au prince N. Chtcherbatoff, Bratzévo, gouv. de Moscou.)

ВАСИЛІЙ ПИКОЛАЕВИЧЪ ЛАДОМІРСКІЙ, 1786—1847, сынъ Екатерининскаго фаворита генерал-майора Ивана Пиколаевича Римскаго-Корсакова и графини Екатерины Петровны Строгановой, родился въ Москвѣ 28 Сентября 1786 года; раннее свое дѣтство провелъ въ домѣ своей крестной матери г-жи Толмачевой, на Покровкѣ, подъ присмотромъ двухъ англичанокъ и француза-гувернера изъ эмигрантовъ. По просьбѣ Корсакова, Павелъ I указомъ 15 Ноября 1798 г. пожаловалъ его сыновьямъ, Владиміру и Василю, и дочерямъ, Варварѣ и Софіи, фамилію Ладомірскихъ и права російскаго дворянства, съ дозволеніемъ наследовать благопріобрѣтенныя имѣнія отца. Грамотой Александра I отъ 16 Марта 1803 г. утверждёнъ былъ гербъ фамиліи Ладомірскихъ (угасшаго польскаго рода). Находясь въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, В. П. Ладомірскій былъ принятъ въ 1801 г. нажёмъ ко двору, но получилъ разрѣшеніе продолжать воспитаніе въ Москвѣ, которое, по его собственнымъ словамъ, велось довольно небрежно, безъ всякой системы, при чемъ „много времени пропадало даромъ“. Сдавъ выпускной экзаменъ въ Пажескомъ корпусѣ, 21 Января 1807 г. онъ поступилъ, по волѣ родителей, уже потерявшихъ въ 1806 г. на военной службѣ старшаго сына Владиміра, въ Московскій Комиссаріатскій департаментъ, съ чиномъ XIV класса, и нѣсколько разъ былъ командированъ въ дѣйствующую армію. По желаніе поступить на военную службу не покидало его, и, будучи представленъ въ 1808 г. Императору Александру I на парадѣ Семеновскаго полка, гдѣ у него было много друзей, онъ получилъ разрѣшеніе быть прикомандированнымъ къ этому полку портуней-прапорщикомъ, а 29 Августа 1809 г. произведёнъ въ прапорщики. Тутъ у него произошла дуэль съ офицеромъ Семеновскаго же полка Петромъ Нарышкинымъ, при чемъ оба они были ранены, но, благодаря участію Дибича, дѣло обошлось для нихъ безъ непріятныхъ послѣдствій, и Императоръ Александръ I, вообще благоволившій къ Ладомірскому, прислалъ даже къ нему своего лейбъ-медика Вилле. Въ 1811 г. онъ былъ произведёнъ въ подпоручики, а 25 Сентября 1813 г.—въ поручики, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу А. И. Потемкину. Продѣлавъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, Ладомірскій 14 Марта 1816 г. произведёнъ въ штабсъ-капитаны, 4 Марта 1819 г.—въ капитаны, а 1 Февраля 1820 г.—въ полковники, съ переводомъ въ Дерптскій конно-егерскій полкъ; 12 Марта 1821 г. онъ вышелъ въ отставку и продолжалъ службу по выборамъ въ Московскую губернію, занимаясь въ то же время управленіемъ многочисленными имѣніями отца въ Вѣлоруссіи, къ чему приучался съ самаго дѣтства. Въ 1834 г. В. П. Ладомірскій былъ пожалованъ въ камергеры, а съ 1838 по 1847 г. состоялъ Черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Ладомірскій былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ, очень недолго, на княжнѣ Маринѣ Ксаверіевнѣ Любомірской (р. 1797 г., † 1815 г.), умершей 18-и лѣтъ отъ роду (похоронена въ церкви села Палыковичи, Черниговской губ.), а съ Января 1819 г.—на княжнѣ Софіи Федоровнѣ Гагариной, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Василя, Пиколая и Петра, служившихъ въ гвардіи, и двухъ дочерей: Софію, замужемъ за графомъ А. А. Апраксинымъ, и Зинаиду, за княземъ Д. М. Голицынымъ.

В. П. Ладомірскій скончался 24 Октября 1847 г. и похороненъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, с. Братцево, въ склепѣ подъ церковью Покрова Пресвятой Богородицы.

(Съ портрета, принадлежащаго князю П. С. Щербатову, село Братцево, Московской губ.)

BASILE NIKOLAEWITCH LADOMIRSKY, 1786—1847, fils du général major et favori de Catherine Ivan Nikolaewitch Rimsky-Korsakoff et de la comtesse Catherine Pétrowna Stroganoff, naquit à Moscou le 28 septembre 1786. Il passa sa première enfance chez sa marraine, Mme Tolmatcheff, à sa maison de la Pokrovka, sous la surveillance de deux anglaises et d'un émigré français, son gouverneur. Sur la demande de Korsakoff, Paul Ier accorda par oukase, le 15 novembre 1798, à ses fils Vladimir et Basile et à ses filles Varvara et Sophie le nom de Lodomirsky et les prérogatives de la noblesse russe, avec autorisation d'hériter des biens légaux du père. Un rescrit d'Alexandre Ier confirma le 16 mars 1803 les armes des Lodomirsky, famille polonaise alors éteinte. Elève à la pension de l'Université de Moscou, le jeune Basile fut admis en 1801 comme page à la Cour, mais avec faculté de continuer à Moscou ses études, qui, de son propre aveu, étaient menées assez mollement, sans système aucun, et avec „perte de temps considérable“. Après avoir passé avec succès l'examen de sortie du Corps des Pages, il entra le 21 janvier 1807, par la volonté de ses parents, qui venaient de perdre en 1806 leur aîné Vladimir au service militaire, au département du Commissariat de Moscou, avec rang dans la XIVe classe, et fut à plusieurs reprises envoyé en mission à l'armée d'opérations. Mais il ne renonçait pas à l'espoir d'être aussi militaire, et, présenté en 1808 à l'Empereur Alexandre Ier à une parade du régiment Sémenowsky, où il avait beaucoup d'amis, il se fit commissionner à ce régiment comme porte-étendard à dragonne d'argent, puis passa porte-étendard le 29 août 1809. Il y eut un duel avec un officier, Pierre Narychkine; les deux adversaires furent blessés, mais, grâce à l'intervention de Dibitch, l'affaire n'eut pas de suite, et l'Empereur, bien disposé en général pour Lodomirsky, lui envoya même son médecin personnel Wyllie. Sous-lieutenant en 1811, il passa le 25 septembre 1815 lieutenant et aide de camp du général A. Potemkine. Il fit les campagnes de 1812, 1813 et 1814, fut promu le 14 mars 1816 capitaine en second, le 4 mars 1819 en premier, et, colonel le 1er février 1820, permuta au régiment de chasseurs à cheval de Dorpat. Il donna sa démission le 12 mars 1821, pour prendre une charge électorale dans le gouvernement de Moscou, et faire valoir en même temps, ce qu'il avait appris tout jeune encore, les nombreuses propriétés de son père en Russie Blanche. Chambellan en 1834, il fut de 1838 à 1847 maréchal de la noblesse du gouvernement de Tchernigoff.

Lodomirsky fut marié deux fois, la première, pour très peu de temps, à la princesse Marine Ksavériewna Lubomirsky (1797—1815), morte à 18 ans et inhumée dans l'église du bourg de Palykovitchi, gouvernement de Tchernigoff, la seconde, en janvier 1819, à la princesse Sophie Féodorowna Gagarine, dont il eut trois fils, Basile, Nicolas et Pierre, officiers de la Garde, et deux filles, Sophie, mariée au comte A. Apraxine, et Zénaïde, au prince D. Golitzyne. Lodomirsky mourut le 24 novembre 1847, et fut inhumé dans sa propriété de Bratzévo, aux environs de Moscou, dans la crypte de l'église de l'Intercession de la Vierge.

(D'après un original appartenant au prince N. Chtcherbatoff, Bratzévo, gouvernement de Moscou.)

Княгиня КЛЕОПАТРА ПЛЫНИЧНА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, 179.—1840, младшая дочь генераль-майора графа Пльи Андреевича Безбородко (р. 1756 г., † 1815 г.), брата канцлера князя А. А. Безбородко, и графини Анны Ивановны, рожденной Ширей (р. 1766 г., † 1824 г.), была самой богатой невестой в Россіи, унаследовавъ, за смертью единственнаго брата своего Андрея, вмѣстѣ съ сестрою своею Любовью, несметныя богатства своего дяди, князя Александра Андреевича. Графиня Клеопатра Пльинична Безбородко вышла замужъ за генераль-майора князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Бракъ этотъ, вначалѣ счастливый, былъ, однако, неудаченъ, и супруги скоро разъѣхались, но безъ формальнаго развода. Причиною разрыва былъ, какъ говорятъ, крупный проигрышъ князя Лобанова въ карты, при чемъ имъ была проиграна не только крупная сумма денегъ, но и принадлежавшее его женѣ имѣніе въ Подольской губерніи.

Впрочемъ, княгиня Клеопатра Пльинична, какъ видно изъ переписки братьевъ Булгаковыхъ, сама вела жизнь очень расточительную и, несмотря на свои 500.000 руб. годового дохода, пришла въ полное разореніе и объявила себя несостоятельною въ 8-и милліонахъ.

Княгиня К. П. Лобанова-Ростовская скончалась 21 Декабря 1840 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; она имѣла одну дочь, Анну, умершую въ молодыхъ лѣтахъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse CLÉOPÂTRE ILYINITCHNA LOBANOFF-ROSTOWSKY, 179.—1840, plus jeune fille du comte Elie Andréewitch Bezborodko (1756—1815), général major et frère du chancelier, et de la comtesse Anne Ivanowna, née Chiriaï (1766—1824), était le plus riche parti de Russie, héritière avec sa sœur Liouboff, par la mort de leur unique frère André, des immenses richesses de leur oncle le chancelier. Elle épousa le prince Alexandre Yakovlewitch Lobanoff-Rostowsky. L'union, heureuse au début, tourna pourtant mal, et les époux se séparèrent bientôt, mais sans divorce formel. La raison en aurait été dans de grosses pertes de jeu du prince, qui perdit non seulement de fortes sommes, mais aussi une propriété de sa femme en Podolie.

D'ailleurs la princesse, comme en fait foi la correspondance des frères Boulgakoff, menait de son côté une vie fort dissipée, et, avec ses 500.000 roubles de revenu annuel, finit par se ruiner complètement et faire une banqueroute de huit millions.

La princesse Lobanoff-Rostowsky mourut le 21 décembre 1840, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Elle eut une fille Anne, morte jeune.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1788—1866, сынъ князя Якова Ивановича (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскаго генераль-губернатора, члена Государственнаго Совѣта, отъ брака съ Александрой Николаевной Салтыковой (р. 1764 г., † 1829 г.), родился 19 Юля 1788 г. и получилъ образованіе въ знаменитомъ пансіонѣ аббата Николая. Въ 1801 г. онъ былъ записанъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, въ 1802—1805 гг. состоялъ при Московскомъ архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ короткое время служилъ въ Комиссаріатѣ и въ 1806 г. опредѣленъ былъ въ Кавалергардскій полкъ, съ чинномъ корнета. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ французами 1807 г. и въ Турецкой, гдѣ заслужилъ орденъ св. Владимира 4-й ст. съ бантомъ, золотую шшагу и чинъ штабсъ-ротмистра. Въ Отечественной войнѣ Лобановъ не принималъ участія, состоя ремонтеромъ, и только въ 1815 г. былъ въ Парижѣ. Въ 1815—1816 гг. командовалъ Полтавскимъ казачьимъ полкомъ, въ 1815 г. перешелъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, около года былъ въ отставкѣ и въ 1817 г. поступилъ въ л.-гв. Конно-егерскій полкъ, назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому и вскорѣ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Переведенный въ 1819 г. въ л.-гв. Гусарскій полкъ, онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ Мартѣ 1828 г. Лобановъ получалъ чинъ генераль-майора и затѣмъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но уже въ Сентябрѣ того же года былъ уволенъ отъ службы по болѣзни.

Оставивъ службу, Лобановъ могъ вполнѣ предаться своимъ природнымъ влеченіямъ: у него была страсть собирать всевозможныя коллекціи, изъ которыхъ многія оказались полезными въ научномъ отношеніи. Такъ, одно время онъ собиралъ все, имѣвшее отношеніе къ русской княжнѣ Аннѣ Ярославнѣ, женѣ Французскаго короля Генриха I, а позднѣе заинтересовался Маріей Стюартъ. Лобановъ извлекъ изъ архивовъ и напечаталъ 3 тома писемъ Шотландской королевы и собралъ до 800 ея портретовъ, которые завѣщалъ Эрнстажу, получившему и его собраніе книгъ о Маріи Стюартъ. Къ числу собраній, имѣвшихъ научную цѣнность, принадлежатъ собраніе книгъ по военному искусству и картъ, принадлежащее теперь Главному штабу, и коллекція портретовъ Петра Великаго, пожертвованная Публичной бібліотекой. Кромѣ того, у него было обширное собраніе каталоговъ разныхъ картинныхъ галлерей и коллекція тростей и палокъ, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ лицамъ (перешла къ гр. Воронцову-Дашкову). Въ 1821 г. Лобановъ издалъ въ Парижѣ Евангеліе отъ Матвея, переведенное имъ на русскій языкъ, и молитвы, читаемыя при Божественной литургіи, подъ конецъ жизни—два сборника разнообразныхъ меню на французскомъ языкѣ. Онъ былъ членомъ Парижскаго Société des Bibliophiles Français и Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Наибольшую извѣстность Лобановъ пріобрѣлъ, какъ основатель и первый командоръ Императорскаго Россійскаго яхтъ-клуба. Морскимъ дѣломъ онъ занимался, какъ любитель, и имѣлъ свои яхты. Лобановъ обладалъ хорошимъ состояніемъ и, кромѣ того, женился на одной изъ самыхъ богатыхъ невестъ въ Россіи, графинѣ Клеопатрѣ Ильиничнѣ Безбородко († 1840 г.). Бракъ этотъ, сначала счастливый, оказался неудачнымъ, и супруги разошлись. Богатство позволяло Лобанову жить открыто и пышно въ его громадномъ домѣ на Адмиралтейскомъ проспектѣ (теперь Канцелярія Военнаго министерства). Въ 20-хъ годахъ его любимымъ мѣстопребываніемъ сдѣлался Парижъ. Лобановъ пріобрѣлъ расположеніе Карла X и получалъ отъ него въ аренду замокъ и лѣсъ для охоты въ Фонтенбло. Широкая жизнь нѣсколько разстроила состояніе его, и онъ хотѣлъ продать Петербургскій домъ, но не находилось покупателя. Тогда онъ задумалъ разыграть его въ лотерею и выпустилъ миллионъ билетовъ, по рублю за билетъ, но лотерея не была разрѣшена Государемъ. Вернувшись въ Петербургъ, Лобановъ по-прежнему устраивалъ роскошныя пріемы и пользовался большою любовью среди общества. Онъ скончался 26 Ноября 1866 г. въ Петербургѣ, не оставивъ потомства, и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александроневской лавры.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince ALEXANDRE YAKOVLEWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1788—1866, fils du prince Jacques Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky (1760—1831), général gouverneur de Petite-Russie et membre du Conseil de l'Empire, et d'Alexandrine Nikolaewna, née Saltykoff (1764—1829), naquit le 19 juillet 1788, et fit ses études à la célèbre pension de l'abbé Nicole. Entré en 1801 au Collège des Affaires étrangères, il fut de 1802 à 1805 à Moscou, aux Archives des Affaires étrangères, puis servit quelque temps au Commissariat, et, en 1806, alla comme cornette au régiment des Chevaliers-Gardes. Il fit la campagne de 1807 contre les Français et celle de Turquie, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe avec le ruban, une épée d'or et le grade de capitaine de cavalerie en second. Attaché à la remonte lors de la Guerre Patriotique, il n'y prit pas part, et alla seulement à Paris en 1815. Commandant de 1815 à 1816 du régiment de Cosaques de Poltava, il permuta en 1815 à celui de hussards d'Izioume, puis, après un an de disponibilité, entra en 1817 à celui des chasseurs à cheval de la Garde, fut nommé aide de camp du prince P. Wolkonsky, et bientôt après aide de camp de Sa Majesté. Transféré en 1819 au régiment des hussards de la Garde et promu colonel, il passa général major en mars 1828, et, au mois de septembre suivant, après avoir été à la campagne de Turquie, prit sa retraite pour raisons de santé.

Rendu à la vie privée, Lobanoff put se livrer entièrement à ses goûts naturels: il avait la manie des collections de toute espèce, et il en fit quelques-unes qui présentaient un intérêt scientifique. C'est ainsi qu'un moment il recueillit tout ce qui concernait la princesse russe Anna Yaroslawnna, femme du Roi de France Henri Ier, et dans la suite s'intéressa à Marie Stuart. Il tira des archives, pour la publier en trois volumes, la correspondance de cette reine, et ne rassembla pas moins de 800 portraits d'elle, qu'il légua à l'Ermitage, en même temps que de sa collection d'ouvrages sur elle. Comme collection ayant une valeur scientifique, il convient d'en mentionner une de livres d'art militaire et de cartes, appartenant aujourd'hui à l'Etat-Major, et celle des portraits de Pierre-le-Grand donnée à la Bibliothèque Publique. Il avait en outre une immense quantité de catalogues de galeries de peinture et une série de cannes et de bâtons de personnages historiques, transmise au comte Worontzoff-Dachkoff. Il publia à Paris en 1821 une traduction russe de l'Evangile selon Saint-Mathieu ainsi que des prières dites aux offices, et sur la fin de sa vie, deux recueils de menus en français. Il était membre de la Société des Bibliophiles Français de Paris et de la Société Impériale Russe de Géographie. Il est surtout connu comme fondateur et premier commandeur du Yacht-Club Impérial Russe: amateur de sport nautique, il avait des yachts à lui. Déjà possesseur d'une grosse fortune, il épousa un des plus riches partis de Russie, la comtesse Cléopâtre Ilyinitchna Bezborodko († 1840). Ce mariage, d'abord heureux, tourna mal, et finit par une séparation. Grâce à sa fortune, Lobanoff menait une vie somptueuse et tenait table ouverte dans sa maison de la Perspective de l'Amirauté, aujourd'hui la Chancellerie du Ministère de la Guerre. Dans les années 20, Paris devint son séjour de prédilection. Charles X lui témoignait sa faveur et lui donna à bail un château et une chasse à Fontainebleau. La grande vie faisait quelque tort à sa santé, et il résolut de vendre sa maison de Pétersbourg, mais ne trouva pas d'acheteur. Il eut alors l'idée de la mettre en loterie et émit un million de billets à un rouble, mais l'Empereur refusa son autorisation. De retour en Russie, il reprit ses splendides réceptions de Pétersbourg, où il était très aimé. Il y mourut le 26 novembre 1866 sans postérité, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

Князь ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1731 — 1791, сынъ флота капитана князя Ивана Яковлевича старшаго (р. 1687 г., † 1740 г.), родился 4 Апрѣля 1731 года, служилъ въ Конной гвардіи, но скоро вышелъ въ отставку всего только съ чиномъ поручика. Князь И. И. Лобановъ-Ростовскій принадлежалъ къ той старшей линіи этого древняго княжескаго рода, ведущаго свое начало отъ Владиміра Мономаха, чрезъ князя Ростовскаго Ивана Александровича „Лобана“, къ линіи, которая не блистала талантами, но извѣстна была своимъ необыкновеннымъ чадородіемъ. Отецъ князя Ивана Ивановича былъ однимъ изъ 28 дѣтей стольника князя Якова Ивановича, отъ двухъ его женъ, извѣстнаго какъ тѣмъ, что онъ былъ битъ кнутомъ и лишенъ части вотчины за разграбленіе на Троицкой дорогѣ царской казны, такъ и тѣмъ, что былъ очень недалекій человѣкъ; царевна Софья этимъ недомыслиемъ, тѣмъ, что „онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ“, оправдывала его странный поступокъ на большой дорогѣ, а Петръ Великій, по словамъ князя П. Долгорукаго, будто бы однажды отвѣтилъ знаменитому Якову Федоровичу Долгорукому, когда тотъ сказалъ: „Je ne connais personne qui ait eu plus d'enfants que mon beau-frère (ихъ жены были княжны Черкасскія) Lobanow; ses deux femmes accouchaient presque toujours de jumeaux; il a eu de ses deux mariages quatorze fils et quatorze filles“. — „Cela se comprend“, dit le Czar, „ton beau-frère n'est bon qu'à faire des enfants: il est si bête“. Въ тѣхъ же „мемуарахъ“ можно найти свѣдѣнія о семействѣ самого князя И. И. Лобанова, который умеръ 26 Марта 1791 года и похороненъ въ Знаменской церкви Московскаго Новоспасскаго монастыря.

Съ 1752 г. князь И. И. Лобановъ-Ростовскій былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Куражиной (5 Сентября 1735 г., † 7 Января 1802 г.), у которой было 5 сыновей и 2 дочери: 1) Александръ (р. 24 Мая 1752 г., † 20 Января 1830 г.), генераль-майоръ, 2) Иванъ (р. 1755 г., † 1756 г.), 3) Никита (р. 1757 г., † 1758 г.), 4) Дмитрій (р. 1758 г., † 1838 г.), генераль-отъ-инфантерій, министръ Юстиціи, 5) Яковъ (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскій генераль-губернаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, оберъ-камергеръ (см. т. I, № 153), 6) Марія (р. 1754 г., † 1814 г.) и 7) Прасковія († 1782 г.), въ замужествѣ за Лукьяномъ Ивановичемъ Талызиннымъ.

На оборотѣ портрета находится слѣдующая старинная надпись: „кн. Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій написанъ въ 1758 г. Апрѣля мѣсяца, 27 лѣтъ, въ Москвѣ живописцемъ Лидерсомъ“.

(Съ портрета Людерса, 1758 г.; Музей Императора Александра III.)

Le prince IVAN IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1731—1791, fils du prince Ivan Yakowitch aîné Lobanoff-Rostowsky (1687—1740), capitaine de marine, naquit le 4 avril 1731. Il entra au service dans la Garde à cheval, mais pour en sortir peu après simple lieutenant. Issu d'une vieille famille princière remontant à Vladimir Monomaque par le prince de Rostoff Ivan Alexandrowitch Lobane, il était d'une branche insignifiante intellectuellement, mais connue pour son extraordinaire fécondité. Son père était un des vingt-huit enfants qu'eut de ses deux femmes le prince échanson Jacques Ivanowitch, celui qui reçut le knout et fut privé d'une partie de ses biens patrimoniaux pour avoir détourné le fisc sur la route de Troïtzky, et qui était connu pour son esprit borné: c'est même par son peu de tête que la Tzarewna Sophie expliqua son aventure bizarre sur la grande route: „Il ne sait lui-même ce qu'il fait“, et Pierre-le-Grand, au témoignage du prince P. Dolgorouky, aurait répondu au célèbre Jacques Féodorowitch Dolgorouky, qui lui disait un jour: „Je ne connais personne qui ait eu plus d'enfants que mon beau-frère“ (ils avaient épousé deux princesses Tcherkassky) „Lobanow; ses deux femmes accouchaient presque toujours de jumeaux; il a eu de ses deux mariages quatorze fils et quatorze filles“.—„Cela se comprend“, dit le Czar, „ton beau-frère n'est bon qu'à faire des enfants: il est si bête“. Les mêmes Mémoires donnent des détails sur la famille du prince I. I. Lobanoff lui-même; il mourut le 26 mars 1791, et fut inhumé à l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky, à Moscou.

Le prince Lobanoff-Rostowsky épousa en 1752 la princesse Catherine Alexandrowna Kourakine (3 septembre 1755—7 novembre 1802), qui eut cinq fils et deux filles, Alexandre (24 mai 1752—20 janvier 1830), général major, Ivan (1755—1756), Nikita (1757—1758), Dmitri (1758—1838), général d'infanterie, ministre de la justice, Jacques (1760—1831), général gouverneur de Petite-Russie, membre du Conseil de l'Empire, grand chambellan (v. T. I, N° 133), Marie (1754—1814) et Prascovie († 1782), mariée à Lucien Ivanowitch Talyzine.

Le revers du portrait porte la mention suivante, du temps: „Prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, peint en avril 1758, âgé de 27 ans. Moscou, le peintre Lüders“.

(D'après l'original de Lüders, 1758; Musée Alexandre III.)

Княгиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ, 1735 — 1802, четвертая из семи дочерей князя Александра Борисовича Куракина, оберъ-шталмейстера и конференцъ-министра (р. 1697 г., † 1749 г.), и жены его, Александры Ивановны, рожденной Паниной (р. 1711 г., † 1786 г.), родилась 3 Сентября 1735 г., а семнадцати лѣтъ отъ роду вышла замужъ за князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго, ротмистра Конной гвардіи. Свадьба состоялась въ Маѣ мѣсяцѣ 1752 г. при дворѣ. О знакомствѣ своемъ съ княжной Куракиной по этому случаю рассказываетъ Екатерина II въ своихъ запискахъ: „У меня сильно болѣло горло, что продолжалось болѣе трехъ недѣль, при сильномъ жарѣ, во время котораго Императрица прислала мнѣ княжну Куракину, выходящую замужъ за князя Лобанова. Я должна была ее причесывать; ее усадили для этого въ придворномъ платьѣ и въ большихъ фижмахъ на мою постель; я старалась, какъ могла; но Чоглокова, видя, что мнѣ не удастся убрать ей голову, велѣла ей сойти съ моей постели и докончила ея прическу. Я не видала этой дамы съ тѣхъ поръ“.

Княгиня Е. А. Лобанова, слабая и болѣзненная, почти безвыездно проживала или въ имѣніи въ Волоколамскомъ уѣздѣ, или въ Москвѣ, гдѣ поселилась послѣ смерти мужа ея мать, княгиня А. П. Куракина, домъ которой служилъ главной Московской квартирой многочисленной Куракинской семьѣ. Служба въ дорожномъ полку и крайняя непрактичность въ дѣлахъ князя П. П. Лобанова очень разстроили его состояніе, безконечные процессы по поводу наслѣдства княгини Бятынской, на которое онъ претендовалъ, рѣшались не въ его пользу, и положеніе Лобановыхъ подчасъ становилось критическимъ, что весьма озабочивало княгиню Екатерину Александровну и всю ея родню. Сыновья ея воспитывались бабушкой, вмѣстѣ съ князьями Александромъ и Алексѣемъ Борисовичами Куракиными, и лишь вънаслѣдствіи, съ получениемъ наслѣдства послѣ „тетки Кантемировой“, дѣла Лобановыхъ немного поправились. По словамъ Вантыша-Каменскаго, княгиня Екатерина Александровна „не знала гордости, была ласкова, вѣжлива, любезна со всѣми, благотворительна, получила отличное воспитаніе и имѣла веселый нравъ, не измѣнившійся даже въ маститой старости; кротость и доброта души изображались на лицѣ ея. Окруженная сыновьями, внуками, родными, она напоминала собой времена патриархальныя, когда старость была почтена на землѣ. Графы Пашины, князь Репнинъ, князья Куракины, Голицыны, Долгорукіе и Волконскіе, Бутурлины, Салтыковы, Туголмыны, Пелединскіе безпрестанно посѣщали ее по связямъ родства и изъ уваженія къ ея добродѣтелямъ и примѣрной жизни“.

Княгиня Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская скончалась 7 Ноября 1802 г. и погребена, рядомъ съ мужемъ, въ Знаменской церкви Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.

На оборотѣ прилагаемаго портрета, находящагося въ С.-Петербургѣ, въ Музеѣ Императора Александра III, стариннымъ почеркомъ написано: „кн. Екатерина Александров. Лобанова-Ростовская, рожд. княж. Куракина. Написана въ 1759 году въ Москвѣ, 25 лѣтъ, живописцемъ Лядерсомъ. Laders fec. 1759“. Въ Музеѣ еще имѣется 3 портрета княгини: одинъ П. Аргунова 1754 г. и два неизвѣстныхъ художниковъ (одинъ, изображающій ее въ старости), столько же портретовъ и ея мужа.

(Съ портрета Лядерса, 1759 г.; Музей Императора Александра III.)

La princesse CATHERINE ALEXANDROWNA LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1755—1802, quatrième des sept filles du prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749), grand écuyer et ministre de la Conférence, et d'Alexandrine Ivanowna, née Panine (1711—1786), naquit le 3 septembre 1755, et épousa à 17 ans le prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, capitaine de la Garde à cheval. Le mariage fut célébré en mai 1752 à la Cour. Catherine II raconte dans ses Mémoires la connaissance qu'elle fit de la princesse Kourakine à cette occasion: „J'avais un terrible mal de gorge qui me dura plus de trois semaines avec une forte fièvre, pendant laquelle l'Impératrice m'envoya la princesse Kourakin, qui se mariait avec le prince Labanof. Je devais la coiffer; on la fit asseoir à cet effet en robe de Cour et grand panier sur mon lit: je fis ce que je pus, mais Mme Tschoglokofof, voyant qu'il m'était impossible de parvenir à la coiffer, la fit descendre de mon lit et acheva de la coiffer. Je n'ai pas revu cette dame depuis“.

La princesse Lobanoff, faible et malade, habitait presque constamment ou sa propriété du district de Volokolamsk, ou bien Moscou, où s'était fixée sa mère, devenue veuve, dont la maison était le quartier général à Moscou de la nombreuse famille Kourakine. Le prince, dans son régiment où le service revenait cher, surtout avec son manque absolu de sens pratique, compromettait fortement sa fortune, les procès sans fin qu'il engageait pour avoir l'héritage de la princesse Bariatinsky étaient perdus, et la situation devenait par moments critique, ce qui tourmentait fort la princesse et tous ses parents. Les enfants étaient élevés par la grand'mère, avec les princes Alexandre et Alexis Borissowitch Kourakine, et ce ne fut que plus tard, à l'entrée en possession de l'héritage de „la tante Kantémiroff“ que les affaires des Lobanoff allèrent un peu mieux. Au témoignage de Bantych-Kamensky, la princesse „ne connaissait pas la fierté; affable, courtoise, aimable avec tout le monde, charitable, elle avait une excellente éducation et une humeur gaie qui ne varia jamais, même dans une vieillesse avancée; la douceur et la bonté d'âme étaient peintes sur son visage. Entourée de ses fils, de ses petits-enfants et de ses parents, elle rappelait le temps patriarcal où la vieillesse était honorée sur la terre. Les comtes Panine, le prince Repnine, les princes Kourakine, Golitzyne, Dolgorouky et Wolkonsky, les Boutourline, les Saltykoff, les Toutolmine, les Nélédinsky venaient constamment la voir comme parents et par déférence pour ses vertus et sa vie exemplaire“.

La princesse Lobanoff-Rostowsky mourut le 7 novembre 1802, et fut inhumée près de son mari, à l'église de l'Apparition de la Vierge, au monastère Novospassky à Moscou.

Le présent portrait, conservé à St-Petersbourg, au Musée Alexandre III, porte au revers la mention suivante, du temps: „Pr. Catherine Alexandrov. Lobanoff-Rostowsky, née pr. Kourakine. Peinte en 1759 à Moscou âgée de 25 ans par l'artiste Luders.—Luders fec. 1759“. Le Musée possède trois autres portraits de la princesse, un d'Argounoff 1754, et deux (dont un la représente âgée) d'auteurs inconnus, et autant de portraits de son mari.

(D'après l'original de Lüders, 1759, Musée Alexandre III.)

Князь ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1758—1858, сынъ поручика Копной гвардіи князя Ивана Ивановича отъ брака съ княжной Екатериной Александровной Куракиной, родился 20 Сентября 1758 г.; 14-и лѣтъ, въ 1772 году, онъ записанъ былъ сержантомъ въ Семеновскій полкъ, куда и явился въ 1779 г., при чемъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ получалъ три первые чина и въ 1785 г. былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Принимая дѣятельное участіе въ войнѣ съ турками, былъ при осадѣ Очакова и взятіи Измаила, гдѣ былъ тяжело раненъ, за что получалъ Георгія 4-й ст. и чинъ полковника. Послѣ битвы при Мачинѣ (28 Іюня 1791 г.) посланъ былъ курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о побѣдѣ князя П. В. Репнина, дяди его по матери, и тутъ получилъ, 15 Іюля, орденъ св. Георгія 3-й ст.; за участіе во взятіи Праги 24 Октября 1794 г. князь Лобановъ получилъ золотую шнагу и чинъ бригадира. Царствованіе Павла I принесло князю рядъ отличій: чины генераль-майора и генераль-лейтенанта, орденъ св. Анны 1-й ст. и командорство этого ордена въ 400 душъ, въ Московской губерніи. Однако, назначенный военнымъ губернаторомъ Архангельска и получивъ 14 Декабря 1797 г. рескриптъ съ выраженіемъ благоволенія „за осторожныя мѣры, принятыя въ Архангельскѣ“ (уничтоженіе „дружескаго общества“ въ домѣ купца Кольморена), 27-го того же Декабря князь Лобановъ былъ уволенъ въ отставку. Только въ концѣ 1806 г. онъ опять вернулся на службу, назначенный начальникомъ 17-й дивизіи, сформировавшейся тогда въ Твери, которую онъ и привелъ въ армію Беннигсена подъ Тильзиту. Имя князя Лобанова неразрывно связано въ исторіи съ послѣднимъ. Александръ I возложилъ на него обязанность вести переговоры съ Наполеономъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Переговоры сначала съ Бертье, затѣмъ съ самимъ императоромъ французамъ, при извѣстной самостоятельности и неуступчивости князя Лобанова, привели, однако, къ результатамъ, желаннымъ для Русскаго Государя, уже тогда замислившаго воспользоваться мирнымъ промежуткомъ для того, чтобы нанести окончательный ударъ врагу. Тильзитскій трактатъ былъ подписанъ Лобановымъ вмѣстѣ съ его двоюроднымъ братомъ княземъ А. Б. Куракинымъ. Пожалованный въ генералы-отъ-инфантеріи и Александровской звѣздой, князь Лобановъ получилъ отъ Наполеона орденъ Почетнаго Легіона и подарки. 1 Января 1808 г. онъ былъ назначенъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но на слѣдующій годъ вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью. Послѣ генералъ-губернаторства въ Лифляціи (съ 1810 по 1812 гг.), во время Отечественной войны князю Лобанову поручено было сформировать резервныя дивизіи, а потомъ, въ 1813 г., онъ былъ назначенъ командиромъ пограничной резервной арміи. 25 Марта 1813 г. получилъ Владимірскую ленту, 16 Декабря—назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 27 Апрѣля 1814 г. пожалованъ Андреевской звѣздой. 25 Августа 1817 г. Лобановъ былъ назначенъ Министромъ Юстиціи, при чемъ Государь писалъ ему: „Удостоверенъ я въ полной мѣрѣ, что вы оправдаете въ строгомъ смыслѣ названіе, присвоенное пиструкціою генераль-прокурору: око Императорское“. Награжденный въ день коронаціи Николая I алмазными знаками ордена св. Андрея, князь Лобановъ, страдая отъ ранъ и старости, 18 Октября 1827 г., по его прошенію, получилъ увольненіе отъ должности министра.

По свидѣтельству современниковъ, князь Д. П. Лобановъ-Ростовскій былъ вспыльчивъ, горячъ, въ обращеніи рѣзокъ, но добръ. Особенно пестро отзывался о „петербургскомъ, бѣшеномъ“ князѣ Лобановѣ Вигель, удивляясь, что Государь, подъ вліяніемъ Аракчеева, „вручилъ всѣмъ правосудію разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только невпопадъ“. По его словамъ, послѣ Тильзитскаго мира, онъ „досадила всѣмъ и, въ насмѣшку надъ кривлявою заносчивостью своею, получилъ прозваніе „Князя мира“; никогда еще ничтожество не бывало самолюбивѣе и злѣе, какъ въ этомъ сокращенномъ человѣкѣ, въ этомъ сердитомъ карлѣ, у котораго на маленькой калмыцкой харѣ рѣзко было начертано грѣхонаденіе, не знаю, матери или бабки его“.

Князь Д. П. Лобановъ-Ростовскій умеръ холостымъ, на 80-мъ году жизни, 25 Іюля 1858 года и похороненъ на кладбищѣ близъ Фарфорова завода, на берегу Невы, въ 7-и верстахъ отъ Петербурга. У князя Лобанова было четверо „воспитанниковъ“, которые въ 1820 году получили дворянство и фамилію „Дмитревскихъ“.

(Съ акварельнаго портрета изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince DMITRI IVANOWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1758—1858, fils du prince Ivan Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky, lieutenant de la Garde à cheval, et de Catherine Alexandrowna, née princesse Kourakine, naquit le 20 septembre 1758. Enrôlé en 1772, à 14 ans, sergent au régiment Sémenowsky, il y entra en 1779, fit trois grades en trois ans, et en sortit en 1785 lieutenant-colonel à l'Armée. Il prit une part active à la guerre de Turquie et se trouva au siège d'Otchakoff et à la prise d'Ismail, où il fut grièvement blessé, et qui lui valut St-Georges de 4e classe et le grade de colonel. Après la bataille de Matchine (28 juin 1791), il alla en courrier à Pétersbourg annoncer la victoire du prince N. Repnine, son oncle maternel, et y reçut le 15 juillet St-Georges de 3e classe. La prise de Praga, le 24 octobre 1794, lui valut une épée d'or et le grade de brigadier. Le règne de Paul Ier lui apporta toute une série de distinctions, les grades de général major et de général lieutenant, Ste-Anne de 1re classe et, comme commandorat de cet ordre, 400 têtes de paysans dans le gouvernement de Moscou. Pourtant, en 1797, gouverneur militaire d'Arkhangel, après avoir reçu le 14 décembre un rescrit lui témoignant la bienveillance de l'Empereur „pour les mesures de précaution prises à Arkhangel“ (fermeture de la Société Amicale chez le marchand Kolmorgen), il fut destitué le 27 suivant. Ce ne fut qu'à la fin de 1806 qu'il rentra au service, comme commandant de la 17e division, alors en formation à Tver et à laquelle il fit joindre l'armée de Bennigsen à Tilsitt. Ce dernier nom est inséparable du sien dans l'histoire. Alexandre Ier l'avait chargé de négocier avec Napoléon la fin des hostilités. Les pourparlers, d'abord avec Berthier, puis avec l'empereur des Français lui-même, malgré le caractère bien connu, entier et tenace, du prince Lobanoff, aboutirent selon les désirs du Souverain Russe, qui méditait déjà de profiter d'une trêve pour préparer à l'ennemi le coup fatal. Signataire du traité de Tilsitt avec son cousin germain le prince Alexandre Kourakine, Lobanoff, promu général d'infanterie et décoré de l'étoile de St-Alexandre, reçut de Napoléon la Légion d'Honneur et des cadeaux. Nommé gouverneur militaire de Pétersbourg le 1er janvier 1808, il donna sa démission l'année suivante pour raisons de santé. Général gouverneur de Livonie de 1810 à 1812, il fut chargé pendant la Guerre Patriotique de la formation de divisions de réserve, puis, en 1813, nommé commandant de la réserve des frontières. Décoré du cordon de St-Vladimir le 25 mars 1815, membre du Conseil de l'Empire le 16 décembre, et gratifié de l'étoile de St-André le 27 avril 1814, il fut fait ministre de la justice le 25 août 1817, et l'Empereur lui écrivait: „Je suis absolument persuadé que vous justifierez rigoureusement l'appellation donnée par l'instruction au procureur général: l'œil de l'Empereur“. Il reçut, le jour du Couronnement de Nicolas Ier, les insignes en diamant de St-André, et, affaibli par ses blessures et par l'âge, donna le 18 octobre 1827 sa démission de ministre.

Au témoignage des contemporains, le prince Lobanoff-Rostowsky était emporté, violent et de manières rudes, mais bon. Wiegél est particulièrement sévère pour „cet impatient, cet enragé“, et s'étonne que l'Empereur, sous l'influence d'Arakhtchéeff, „ait confié les balances de la justice à ce singe furieux qui ne savait que mordre à tort et à travers“. Selon Wiegél, après la paix de Tilsitt, „tout le monde en eut assez, et, par dérision pour sa mine grimaçante et hautaine, on le surnomma le Prince de la Paix; jamais nullité n'avait encore été unie à tant d'amour-propre et de méchanceté que chez ce bout d'homme, chez ce nain rageur, qui portait gravée sur sa petite trogne de Kalmouck la faute de je ne sais qui, sa mère ou sa grand'mère“.

Le prince Lobanoff-Rostowsky mourut célibataire dans sa 80e année, le 25 juillet 1858, et fut inhumé au cimetière voisin de la Manufacture de Porcelaine, sur les bords de la Néva, à sept verstes de Pétersbourg. Il eut quatre „pupilles“, qui reçurent en 1820 la noblesse et le nom de Dmitrewsky.

(D'après une aquarelle de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь АЛЕКСѢЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ, 1795—1848, сынъ князя Якова Ивановича (р. 1760 г., † 1831 г.), Малороссійскаго генераль-губернатора, члена Государственнаго Совѣта и оберъ-камергера, отъ брака съ Александрой Николаевной Салтыковой (р. 1764 г., † 1829 г.), родился 8 Января 1795 г. и на службу поступилъ въ 1802 г. юнкеромъ въ Московскій архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1805 г. онъ былъ переведенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ служилъ въ Общей канцеляріи Военнаго министерства (въ 1812 г.) и провіантскимъ комиссіонеромъ (въ 1813 г.), а въ 1814 году перешелъ на военную службу въ Александрійскій гусарскій полкъ, съ чиномъ поручика, и принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Назначенный адъютантомъ къ графу М. С. Воронцову, командовавшему оккупационнымъ корпусомъ, который оставался во Франціи до 1818 г., Лобановъ въ томъ же 1814 г. былъ переведенъ въ лб.-гв. Гусарскій полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, а въ 1819 г. назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому, въ 1821 г. пожалованъ во флигель-адъютанты и въ 1823 г. произведенъ въ полковники. Въ 1826 г. онъ командовалъ 2-мъ Своднымъ гвардейскимъ легкимъ кавалерійскимъ полкомъ, сформированнымъ въ Москвѣ; въ 1828 г. принялъ участіе въ Турецкой войнѣ и за отличіе при осадѣ Варны награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и чиномъ генераль-майора, съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Генераль-адъютантъ съ 1835 г., Лобановъ произведенъ въ генераль-лейтенанты въ 1837 г. и въ 1846 г. назначенъ членомъ Комитета 18 Августа 1814 г. (о раненыхъ). Состоя при особѣ Его Величества, онъ, кромѣ инспектированія различныхъ войсковыхъ частей, исполнялъ еще и особылъ, возлагавшіяся на него, порученія: въ 1829 г. осматривалъ чумные госпитали въ дѣйствующей арміи, въ 1835 г. былъ отправленъ въ Виленскую, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи по случаю неурожая, въ 1836 г. былъ командированъ въ Симбирскую губернію для усмиренія оказавшихъ неповиновеніе начальству лашманъ (крестьяне и инородцы, обязанные заготовлять корабельный лѣсъ для флота), въ 1838 г. председательствовалъ въ слѣдственной комиссіи о злоупотребленіяхъ при постройкѣ шоссе въ Смоленской губерніи. Князь Лобановъ неоднократно ѣздилъ за границу съ особыми порученіями Николая I къ иностраннымъ монархамъ: въ 1838 г. въ Копенгагенъ, въ 1840 г. въ Гаагу, въ 1841 г. въ Берлинъ, въ 1842 г. въ Берлинъ и Шверинъ, въ 1844 г. въ Берлинъ и Вѣну. Въ 1842 г. онъ состоялъ при королѣ Прусскомъ во время его пребыванія въ Петербургѣ и затѣмъ сопровождалъ его на Рейнъ, на маневры прусской арміи. Высшими наградами, полученными Лобановымъ, были ордена св. Анны 1-й ст. и Бѣлаго Орла (1846 г.). Находясь постоянно въ сношеніяхъ съ иностранными государями, онъ имѣлъ много иностранныхъ орденовъ.

Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій скончался въ Іюнь 1848 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софіи Петровнѣ Лопухиной (р. 1798 г., † 1825 г.) и имѣлъ 3 сыновей: Петра (р. 1820 г., † 1840 г.), Николая (р. 1823 г.) и Дмитрія (р. 1825 г.).

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince ALEXIS YAKOVLEWITCH LOBANOFF-ROSTOWSKY, 1795—1848, fils du prince Jacques Ivanowitch Lobanoff-Rostowsky (1760—1831), général gouverneur de Petite-Russie, membre du Conseil de l'Empire et grand chambellan, et d'Alexandrine Nikolaewna, née Saltykoff (1764—1829), naquit le 8 janvier 1795. Entré au service en 1802 comme gentilhomme aux Archives des Affaires étrangères à Moscou, il passa en 1805 au Collège des Affaires étrangères, puis servit à la Chancellerie générale du ministère de la guerre (1812) et fut commissaire aux vivres (1815). En 1814, il permuta au service militaire, lieutenant au régiment des hussards Alexandriysky, et fit la campagne. Aide de camp du comte M. Worontzoff, commandant du corps d'occupation qui resta en France jusqu'en 1818, il fut affecté en 1814 au régiment des hussards de la Garde, en conservant les mêmes fonctions; puis, aide de camp en 1819 du prince P. Wolkonsky, il devint aide de camp de Sa Majesté en 1821 et passa colonel en 1825. Il commanda en 1826 le 2e régiment de cavalerie légère de la Garde formé à Moscou. La campagne de Turquie de 1828 lui valut, pour sa bravoure au siège de Varna, St-Georges de 4e classe et le grade de général major avec affectation à la Suite de Sa Majesté. Général aide de camp en 1835, il fut promu général lieutenant en 1837 et nommé en 1846 membre du Comité du 18 août 1814 (pour les blessés). Attaché à la Personne de Sa Majesté, il eut, outre l'inspection de divers corps de troupes, à remplir un certain nombre de missions spéciales: en 1829 visite des baraquements de pestiférés à l'armée d'opérations, en 1833 mission dans les gouvernements de Vilna, Ekaterinoslav et Kherson à l'occasion de la disette, en 1836 mission dans celui de Simbirsk pour réprimer l'insubordination des paysans et allogènes chargés de la mise en œuvre du bois de construction pour la flotte, en 1838 présidence de la commission d'enquête sur les abus commis lors de la construction d'une route dans le gouvernement de Smolensk. Il alla aussi à plusieurs reprises à l'étranger avec mission spéciales de Nicolas Ier près des souverains étrangers, en 1838 à Copenhague, en 1840 à La Haye, en 1841 à Berlin, en 1842 à Berlin et à Schwerin, en 1844 à Berlin et à Vienne. En 1842, il fut attaché au Roi de Prusse lors de son séjour à Pétersbourg, et l'accompagna ensuite sur le Rhin, aux manœuvres de l'armée prussienne. Ses plus hautes distinctions furent Ste-Anne de 1re classe et l'Aigle Blanc (1846). Constamment en rapports avec des souverains étrangers, il avait beaucoup de décorations étrangères.

Le prince Lobanoff-Rostowsky mourut en juin 1848. Il avait épousé la princesse Sophie Pétrowna Lopoukhine (1798—1825), et eut trois fils, Pierre (1820—1840), Nicolas (né 1825) et Dmitri (né 1825).

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ БОЛОТОВЪ, 1758—1835, сын полковника Тимофея Петровича († 26 Сентября 1750 г.) от брака съ Маврой Степановной Бокъевой (р. 1700 г., † 25 Апрѣля 1752 г.), родился въ Тульской губерніи 7 Октября 1758 г.; 10-и лѣтъ былъ зачисленъ кауценармусомъ въ полкъ, которымъ командовалъ его отецъ. Черезъ 2 года Болотовъ потерялъ отца, а еще 2 года спустя умерла и мать; 14-лѣтній мальчикъ, по происхожденію своему изъ дворянъ средней руки и при томъ весьма небогатый, самъ долженъ былъ прокладывать себѣ дорогу. Въ 1755 г. онъ поступилъ сержантомъ въ Архангелогородскій полкъ, 19-лѣтнимъ офицеромъ участвовалъ въ бояхъ Семилѣтней войны. За это время онъ много видѣлъ, многое слышалъ, встрѣчался и даже подружился со многими лицами, которыя потомъ играли видную роль, какъ, напримѣръ, съ Григоріемъ Орловымъ. Прослуживъ съ 1756 г. по 1762 годъ въ войскахъ, Болотовъ однимъ изъ первыхъ воспользовался свободой, предоставленной дворянству Манифестомъ 18 Февраля 1762 года. Добродушный, тихій нравъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ, къ чтенію, письму, рисованію, а также къ сельскому хозяйству, влекли Болотова изъ военной среды. Онъ сѣмилѣтне оставилъ полкъ и позднѣе радовался, что судьба спасла его отъ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II, нисколько не сожалѣя о чинахъ и почестяхъ, которыми готовы были осыпать его друзья, сторонники новой Государыни, если бы онъ принялъ участіе въ ихъ предпріятіяхъ. Выйдя въ отставку, Болотовъ женился 4 Юля 1769 г. на Александрѣ Михайловнѣ Каверниной (р. 1751 г., † 3 Октября 1834 г.); поселившись затѣмъ навсегда въ своемъ родовомъ селѣцѣ Дворянниковѣ, Алексинскаго уѣзда, онъ проводилъ большую часть времени въ литературныхъ занятіяхъ. Среди сосѣдей онъ имѣлъ много знакомыхъ и пользовался всеобщими симпатіями. Жуковскій, на склонѣ своихъ дней, въ 1851 г., вспоминая дорогое прошлое, писалъ: „изъ постороннихъ лицъ этого времени (его дѣтство) самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова; когда онъ посѣщалъ насъ въ Туль, онъ былъ мнѣ самый привлекательный человѣкъ и сильно на меня дѣйствовалъ своей многосторонностью“. Въ своемъ уединеніи Болотовъ не упускалъ ни малѣйшей бытовой черты современной ему жизни, заносилъ въ свою автобіографію все относящееся до тогдашней какъ государственной, такъ и общественной жизни Россіи, что при его сношеніяхъ съ Новиковымъ и другими образованными Москвитичами, а также при его страсти къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ, являлось дѣломъ довольно легкимъ. Здѣсь же, въ деревнѣ, Болотовъ въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1789 по 1816 г.) съ поразительнымъ постоянствомъ писалъ свои воспоминанія — „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“. Громадный трудъ этотъ, безспорно, одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества XVIII столѣтія, изучая которую, нельзя обойтись безъ записокъ Болотова. Долго хранились они въ неизвестности, и только небольшіе отрывки изъ нихъ впервые появились въ „Сынѣ Отечества“ за 1839 г.; позднѣе записки были напечатаны, но съ большими сокращеніями, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1850 и 1851 гг.), и, наконецъ, въ полномъ видѣ въ „Русской Старинѣ“ 1870 года (и отдѣльно).

А. Т. Болотовъ умеръ 3 Октября 1835 г., оставивъ многочисленное семейство дѣтей и внуковъ; у него было 5 сыновъ: Дмитрій (р. 7 Мая 1766 г., † въ Октябрѣ 1766 г.), Степанъ (р. 1768 г., † 1775 г.) и Павелъ (р. 7 Мая 1771 г., † 18 Юля 1850 г.), и 6 дочерей: Елизавета (р. 1767 г., † 182. г.; за П. Г. Шипковымъ), Анастасія (р. 1773 г., † 182. г.; за П. И. Воронцовымъ-Вельяминовымъ), Ольга (р. 1775 г., † 182. г.; за Ф. П. Бородинымъ), Александра (р. 1777 г., † 1778 г.), Екатерина (р. 1778 г.; за А. П. Пестовымъ) и Варвара (р. 1781 г., † 1782 г.).

Болотовъ умѣлъ рисовать и, кромѣ иллюстрированія своей рукописи, къ первой ея тетради приложилъ свой портретъ, который, какъ изображеніемъ лица и обстановки, такъ и манерой рисунка, очень напоминаетъ прилагаемую миниатюру, которая можетъ быть также его собственной работы.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

ANDRÉ TIMOFÉEWITCH BOLOTOFF, 1758—1833, fils du colonel Timothée Pétrowitch Bolotoff († 26 septembre 1750) et de Mavra Stépanowna, née Bokéeff (1700—25 avril 1752), naquit dans le gouvernement de Toula le 7 octobre 1758. Enrôlé à l'âge de 10 ans capitaine d'armes au régiment de son père, qui mourut deux ans après, deux ans encore plus tard il perdit aussi sa mère: avec ses 14 ans et sa petite noblesse, sans fortune aucune, il lui fallait faire son chemin lui-même. Entré en 1755 sergent au régiment Arkhangélogorodsky, il alla à 19 ans à la Guerre de Sept-Ans comme officier. Il y eut l'occasion de voir et d'entendre bien des choses, de se rencontrer et même de se lier avec une foule de personnages destinés à être un jour en vue, comme, par exemple, Grégoire Orloff. Resté aux armées de 1756 à 1762, il fut un des premiers à se hâter de profiter de la liberté accordée à la noblesse par le manifeste du 18 février 1762. Son naturel débonnaire et tranquille, et son amour des travaux intellectuels, lecture, production littéraire, dessin, ainsi que de la vie champêtre, lui firent abandonner la carrière militaire. Il se hâta de quitter le régiment, heureux un jour d'avoir eu la chance de ne pas être mêlé aux événements qui portèrent Catherine II au trône, et ne regrettant nullement les grades et les honneurs dont ses amis partisans de la nouvelle Impératrice étaient prêts à le combler s'il les eût secondés. Sa démission donnée, il épousa le 4 juillet 1769 Alexandrine Mikhailowna Kavérine (1751—3 octobre 1834); puis il se fixa pour toujours dans sa bourgade patrimoniale de Dvorianinoff, district d'Alexine, où il se consacra presque exclusivement aux travaux littéraires. Lié avec beaucoup de ses voisins, il jouissait de la sympathie universelle. Joukowsky, au déclin de ses jours, en 1851, rappelant un passé cher à son cœur, écrivait: „Des contemporains“ (de son enfance) „qui n'étaient pas de la famille, le souvenir le plus vivant et le plus agréable est Bolotoff: les visites qu'il venait nous faire à Toula étaient pour moi du plus grand attrait, et il me frappait vivement par la variété de son esprit“. De sa retraite, Bolotoff ne laissait pas échapper le moindre trait de mœurs de la vie du temps, notant dans son autobiographie tout ce qui concernait la vie politique et sociale de la Russie de l'époque: étant donné ses relations avec Novikoff et autres Moscovites éclairés, ainsi que sa passion des livres, journaux et revues, c'était chose assez facile. Là aussi, à sa campagne, durant trente ans, de 1789 à 1816, il tint avec une étonnante régularité un journal de sa vie, Vie et aventures d'André Bolotoff, décrits par lui-même pour ses descendants, immense travail qui est, à coup sûr, une source des plus importantes et des plus indispensables pour l'étude de l'histoire de la société russe au XVIIIe siècle. Ce journal resta longtemps ignoré, et il n'en parut d'abord que de courts fragments dans le *Syn Otetchestva* en 1839. Il fut ensuite publié, mais avec de fortes coupures, dans les *Otetchestvennyia Zapiski* (1850 et 1851), et enfin complet, dans *Rousskaia Starina* et séparément, en 1870.

Bolotoff mourut le 3 octobre 1833, laissant une nombreuse descendance, enfants et petits-enfants. Il eut trois fils, Dmitri (7 mai 1766—octobre 1766), Stéphane (1768—1773) et Paul (7 mai 1771—18 juillet 1850), et six filles, Elisabeth (1767—182.), mariée à P. Chichkoff, Anastasie (1773—182.), à P. Worontzoff-Véliaminoff, Olga (1775—182.), à Th. Borodine, Alexandrine (1777—1778), Catherine, née en 1778 et mariée à A. Pestoff, et Varvara (1781—1782).

Bolotoff savait dessiner; outre les illustrations de son manuscrit, il en orna le premier cahier d'un portrait rappelant beaucoup, comme tête, comme accessoires, et aussi comme exécution, la présente miniature, qui pourrait bien être également de lui.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhailowitch.)

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ, 1773—1842, сынъ полковника Назарія Александровича Каразина отъ брака съ дочерью сотника Харьковскаго полка Якова Ивановича Ковалевскаго, родился 30 Января 1773 г., въ с. Кручикъ, Слободско-Украинской губерніи. В. П. Каразинъ оспротѣлъ на одиннадцатомъ году жизни и начальное обученіе завершилъ въ частныхъ Кременчугскомъ и Харьковскомъ пансіонахъ; высшее образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ. По военной службѣ, къ которой онъ стремился въ болѣе юныхъ годахъ и на которую былъ зачисленъ въ 1791 г. сержантомъ Семеновскаго полка, онъ не пошелъ: страсть къ наукѣ илп, правильнѣе, къ теоретическому и практическому изученію челоѣка и природы отвлекла его на совершенно иную дорогу. Исканіе поприща и способовъ къ примѣненію своихъ теоретическихъ познаній на практикѣ на пользу родины заставило его предпринять рядъ путешествій по Россіи, а нездоровье и желаніе пожить среди западно-европейской культуры скоро потянули его за границу, куда онъ рѣшилъ бѣжать тайкомъ, послѣ того, какъ его просьба „о позволеніи отлучиться въ чужіе края“ Императоромъ Павломъ не была уважена. Чистосердечное признаніе списало бѣглецу, пойманному на границѣ, не только прощеніе, но и благоволеніе Императора: Каразинъ въ 1800 г. былъ принятъ на службу переводчикомъ въ канцелярію Государственнаго казначейства и главнаго Медицинской коллегіи директора, а за успѣшныя занятія по исторіи медицины въ Россіи и по исторіи финансовъ онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра I, юному монарху попала въ руки анонимная записка, поразившая его бескомъ ума, богатствомъ идей и той задумчивостью, съ которой неизвѣстный авторъ развивалъ передъ царемъ программу либеральнаго царствованія. Авторъ записки, Каразинъ, былъ найденъ и введенъ въ кабинетъ Государя, вскорѣ удостоившаго его безграничнаго довѣрія и привлекавшаго его къ обсужденію и составленію разныхъ проектовъ; многие изъ нихъ были приведены въ исполненіе. Предметомъ особой заботливости Каразина былъ вопросъ о народномъ образованіи, и реальнымъ памятникомъ дѣятельности его въ этомъ направленіи, кромѣ многочисленныхъ проектовъ, было основаніе Харьковскаго университета. Но необыкновенное рвеніе къ созданію послѣдняго въ то же время дало врагамъ Каразина удобный случай пошатнуть положеніе его при Государѣ. Въ Сентябрь 1802 г. Каразинъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Комиссіи училищъ, а уже 15 Августа 1804 г. онъ былъ отставленъ, съ чиномъ статскаго совѣтника, получивъ передъ этимъ выговоръ за „превышеніе власти“. Каразинъ уѣхалъ въ с. Кручикъ. Однако, несокрушимая сила духа и жажда къ участію въ государственныхъ дѣлахъ непрерывно вызвали Каразина на попытки напомнить о себѣ: онъ посылалъ въ Петербургъ рядъ проектовъ и записокъ, и даже указъ „истребовать отъ статскаго совѣтника Каразина подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался беспокоить Его Величество“, не охладилъ его, пока письмо „О странномъ направленіи умовъ въ Россіи“ не навлекло на Каразина сильнаго подозрѣнія, разрѣшившагося заточеніемъ его въ 1820 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость. Черезъ полгода онъ былъ сосланъ въ деревню, выѣздъ изъ которой ему былъ разрѣшенъ лишь въ 1826 году. Деревня обратилась для Каразина въ арену, гдѣ этотъ „умъ, жадный къ познаніямъ“, эта душа, „сжигаемая жаждой дѣятельности“, обращались „отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ наукъ илп общественной дѣятельности“ и вылились въ длинномъ рядѣ статей, проектовъ, записокъ и мѣропріятій, практически осуществленныхъ. Положеніе крестьянъ и сельскаго духовенства, народное образованіе, всѣ статьи сельскаго хозяйства, техники и промышленности (въ особенности: способы отопленія, консервированіе продуктовъ), метеорологія, химія, минералогія, медицина, технологія, исторія, педагогика, торговое дѣло... все возбуждало вниманіе Каразина, на все онъ откликался съ неизмѣннымъ рвеніемъ, буквально до послѣдняго своего дня, наставшаго для него 4 Января 1842 г. въ Николоевѣ.

В. П. Каразинъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (р. 1785 г., † 24 Мая 1861 г.) и, кромѣ дочери, имѣлъ шесть сыновей (Василія, Георгія, Филадельфа, Александра, Николая и Валеріана). На оборотѣ прилагаемаго портрета написано, что онъ подаренъ Филадельфомъ Каразинымъ М. И. Ногодину въ 1870 году.

(Съ портрета 1803 г., находящагося въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

BASILE NAZARIEWITCH KARAZINE, 1775—1842, fils du colonel Nazare Alexandrowitch Karazine et de la fille du centenier du régiment de Kharkoff Jacques Ivanowitch Kowalewsky, naquit le 30 janvier 1775 à Kroutchik, en Ukraine. Orphelin à moins de 11 ans, il acheva son instruction primaire dans des institutions privées à Krémentchoug et à Kharkoff, et fit ses études supérieures au Corps des Mines. Les idées de carrière militaire qu'il avait eues tout jeune, lorsqu'il s'enrôla en 1791 sergent au régiment Sémenowsky, n'eurent pas d'autre suite: la passion de la science, ou mieux, de l'étude théorique et pratique de l'homme et de la nature l'entraîna dans une toute autre direction. La recherche d'une carrière et des moyens de mettre en pratique au service de la patrie ses connaissances théoriques lui fit entreprendre une série de voyages en Russie, puis sa santé et le désir de voir de près la civilisation de l'Occident le poussèrent bientôt à l'étranger, où il se décida à passer secrètement, lorsque „l'autorisation de partir pour les pays étrangers“ lui eut été refusée par l'Empereur Paul. Arrêté à la frontière, le fugitif dut à la franchise de ses aveux non seulement le pardon, mais encore la bienveillance du Souverain: admis au service en 1800 comme traducteur aux chancelleries du Trésor et du directeur général du Collège de Médecine, le succès de ses études sur l'histoire de la médecine en Russie et celle des finances lui valut le rang d'assesseur de collège. Peu après son avènement, Alexandre Ier reçut une note anonyme lui développant un programme libéral de gouvernement, et dont le brio, la richesse d'idées et la désinvolture frappèrent le jeune monarque. Il fit rechercher l'auteur: Karazine, amené dans le cabinet du Souverain, se vit bientôt honoré d'une confiance illimitée et appelé à discuter et établir divers projets, dont quelques-uns furent mis à exécution. Il apporta à la question de l'instruction publique des soins particuliers, dont il est resté, entre autres projets, un souvenir vivant, l'université de Kharkoff. Mais son extrême ardeur à cette occasion fournit en même temps à ses ennemis un moyen propice de l'évincer dans l'esprit de l'Empereur: nommé en septembre 1802 secrétaire de la Commission Scolaire, il fut, dès le 13 août 1804, destitué avec rang de conseiller d'état après avoir reçu un blâme pour „abus de pouvoir“. Il se retira à Kroutchik. Pourtant, sous l'irrésistible impulsion de sa force de caractère et d'un besoin de prendre part aux affaires d'état, il ne resta pas un instant sans donner des marques d'activité; expédiant à Pétersbourg projet sur projet, note sur note, ne se laissant même pas intimider par „une demande de déclaration signée, où le conseiller d'état Karazine s'engageait à ne plus se permettre, sous peine d'un châtement des plus rigoureux, d'importuner Sa Majesté“, jusqu'au jour où sa lettre Sur une étrange tendance d'esprit en Russie le fit tenir en forte suspicion et finalement interner en 1820 à la citadelle de Schlussembourg. Renvoyé au bout de six mois dans ses terres, il ne recouvra la liberté complète qu'en 1826. Il s'était fait de la campagne une arène où son „esprit avide de connaissances“, son „âme dévorée de la soif d'agir“, passaient „de la charrue et du laboratoire de chimie aux questions de science les plus ardues et aux fonctions publiques“, s'épanchant dans une série d'articles, projets, notices et entreprises pratiquement réalisées. La condition des paysans et du clergé de campagne, l'instruction publique, toutes les branches de l'exploitation, de la technique et de l'industrie rurales (en particulier, chauffage et conserves), météorologie, chimie, minéralogie, médecine, technologie, histoire, pédagogie, commerce, tout était l'objet de son attention, tout rencontra chez lui une infatigable ardeur, et cela littéralement jusqu'à son dernier jour, qui fut le 4 janvier 1842 à Nikolaeff.

Karazine avait épousé Alexandrine Vassiliéwna Moukhine (1783—24 mai 1861), dont il eut, outre une fille, six fils, Basile, Georges, Philadelphie, Alexandre, Nicolas et Valérien. On lit au revers du portrait ci-joint qu'il fut donné en 1870 à M. Pogodine par Philadelphie Karazine.

(D'après un original de 1805, Musée Historique, Moscou.)

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБАНЪ, 1742—1795, малороссъ по происхожденію, родился въ нынѣшней Курской губерніи 14 Марта 1742 г., воспитывался въ Кіевской и Московской академіяхъ, Московской Университетской гимназіи и, съ 1759 г., въ Московскомъ университетѣ, гдѣ былъ одновременно съ Фонъ-Визинимъ, М. Д. Чулковымъ, Пш. Ѳ. Богдановичемъ и С. Г. Домашневымъ; въ 1761 г., въ журналъ Хераскова „Полезное Увеселеніе“, появилось первое произведеніе Рубана — переводъ съ латинскаго. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1761 году, онъ служилъ въ Никополѣ, состоялъ переводчикомъ съ турецкаго языка при выдачѣ паспортовъ русскимъ подданнымъ, ѣздившимъ по торговымъ дѣламъ въ Крымъ; переселившись въ 1764 г. въ Петербургъ, онъ сотрудничалъ въ сатирическихъ журналахъ Чулкова и Новикова, печаталъ разныя оды, стихотворенія, переводы (напр., „Омпрору Ватрахомиомахію“), издавалъ не имѣвшій успѣха сатирический журналъ „Шито, ни сіо“ (1769 г.), затѣмъ журналъ „Трудолюбивый Муравей“ (1771 г.), „Старину и Новизну“ (1772—1775) — сборникъ, въ которомъ печатались и историческіе матеріалы. Въ это время онъ служилъ протоколнстомъ въ Межевой экспедиціи Сената, а въ началѣ 1774 г. приглашенъ былъ секретаремъ къ князю Потемкину, при коемъ и состоялъ въ теченіе 18 лѣтъ — до самой его смерти. Живя при Потемкинѣ съ 1775 г. на югѣ Россіи, Рубанъ въ 1777 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника и, оставаясь его секретаремъ, былъ опредѣленъ и. д. директора Новороссійскихъ училищъ, а, съ назначеніемъ Потемкина, въ 1784 г., президентомъ Военной Коллегіи, былъ зачисленъ въ нее завѣдующимъ иностранной перепиской и переводчикомъ съ польскаго языка; въ этой должности онъ оставался и послѣ смерти Потемкина, до конца своей жизни, получивъ въ 1786 г. чинъ коллежскаго совѣтника. Онъ умеръ въ Петербургѣ 24 Сентября 1795 г. и погребенъ на кладбищѣ Большой Охты, но могила его давно затеряна; послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ острой нуждѣ, одиночествѣ и болѣзняхъ, и, когда умеръ, его скромное имущество было продано съ молотка; бумаги Рубана хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Среди современниковъ Рубанъ пользовался репутаціей корыстнаго стихоплѣта-панегириста; количество написанныхъ и напечатанныхъ имъ стиховъ, дѣйствительно, громадно, при чемъ они крайне бездарны; это былъ типичный метроманъ, нерѣдко и частую свою переписку ведшій въ стихотворной формѣ; къ искательству же побуждала его постоянная нужда, въ которой онъ провелъ чуть не весь свой вѣкъ. Зато продолжительная и плодотворная его дѣятельность, какъ издателя литературныхъ памятниконъ и матеріаловъ по исторіи, статистикѣ и географіи, заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ болѣе, что брала у него много времени и трудовъ, не приносявшихъ ему выгоды. Изъ весьма большого количества его изданій этого рода назовемъ, наприкладъ, „Краткія извѣстія о Малой Россіи“ и „Походъ боярина Шенна къ Азову“ (1775 г.), „Краткую лѣтопись Малыя Россіи“ и „Землеописаніе Малыя Россіи“ (1777 г.), „Любопытныя Мѣсяцесловы“ (1775, 1776, 1778 и 1780) — съ цѣнными матеріалами по исторіи, географіи, статистикѣ, „Описаніе Петербурга“ (1779 г., переработка труда А. И. Богданова), „Начертаніе о царствованіи Петра Великаго“ (1778 г.), изданіе „Устава о ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлахъ, касающихся до воинской науки“ (1777—1781), изданіе путешествій Григоровича-Барскаго, Трифона Коробейникова и еще много другихъ.

Изъ всего, написаннаго Рубаномъ не въ прозѣ, сохранила нѣкоторый интересъ лишь его „Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи Императора Петра Великаго“ (1770 г.), доставившая ему извѣстность и долго считавшаяся образцовой:

„Колоссъ Родосскій! свой смири прегордый видъ,
И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы смертныхъ бранными содѣланы руками!
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божию изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины —
И пала подъ стопы Великаго Петра!“

(Съ портрета Алексѣя Клепикова, 1786 г.; находится въ Академіи Наукъ.)

BASILE GRIGORIEWITCH ROUBANE, 1742—1795, petit-russien d'origine, naquit dans le gouvernement actuel de Koursk le 14 mars 1742, fit ses études aux Académies de Kieff et de Moscou, au gymnase de l'Université de Moscou, et entra en 1759 à l'Université de Moscou, où il fut en même temps que von Vizine, M. Tchoulkoff, H. Bogdanowitch et S. Domachneff. En 1761, parut dans la revue de Khéraskoff *La Distraction Utile* sa première production littéraire, une traduction du latin. Sorti de l'Université en 1761, il entra au service à Nicopol comme traducteur de turc pour les passeports des commerçants russes allant pour affaires en Crimée. Il vint en 1764 à Pétersbourg, où il collabora aux revues satiriques de Tchoulkoff et Novikoff, fit paraître diverses odes, poésies, traductions (p. ex., la *Batrachomyomachie* d'Homère), fonda sans succès la revue satirique *Ni ceci ni cela* (1769), puis la revue *La Fourmi Laborieuse* (1771), et un recueil, *Ancien et Nouveau Temps* (1772—1775), qui publia aussi des matériaux historiques. Il était alors rédacteur à l'Expédition d'Arpentage, au Sénat, et, au début de 1774, fut pris comme secrétaire par Potemkine: il le resta dix-huit ans, jusqu'à la mort de celui-ci. Fixé avec lui dans le Midi à partir de 1775 et fait conseiller de cour en 1777, il fut nommé, tout en restant son secrétaire, directeur par intérim des écoles de la Nouvelle-Russie; puis, lorsqu'il devint en 1784 président du Collège Militaire, il l'y suivit comme chef de la correspondance étrangère et traducteur de polonais: Potemkine disparu, il resta à ce poste, qu'il garda jusqu'à sa mort, et où il passa conseiller de collège. Il mourut à Pétersbourg le 24 septembre 1795 et fut inhumé au cimetière de la Grande Okhta, où depuis longtemps il n'y a plus trace de sa sépulture. Il avait passé ses dernières années dans la profonde détresse, l'isolement et les maladies, et, à sa mort, son petit avoir fut vendu aux enchères. Ses papiers sont conservés à la Bibliothèque Impériale Publique.

Les contemporains ont fait à Roubane une réputation de rimeur-panégyriste à gages; la quantité de vers écrits et publiés par lui est effectivement considérable, et la qualité en est d'ailleurs détestable. Vrai maniaque du vers, il lui arrivait assez souvent de faire sa correspondance personnelle en poésie; quant à tendre la main, il y était réduit par la gêne incessante d'où il ne sortit guère de toute sa vie. Il convient par contre de rendre une justice reconnaissante à sa longue et féconde carrière d'éditeur de monuments littéraires et matériaux historiques, statistiques et géographiques, d'autant plus qu'elle lui coûta beaucoup de temps et de travail sans aucun profit pécuniaire. Dans le nombre très considérable de ses publications de cette nature, citons, par exemple, *Courtes Notices sur la Petite-Russie et Campagne du Boyard Schein à Azoff* (1775), *Abrégé de la Chronique de Petite-Russie et Description physique de la Petite-Russie* (1777), *Almanachs curieux* (1775, 1776, 1778 et 1780), contenant de précieux matériaux historiques, géographiques et statistiques, *Description de Pétersbourg* (1779, refonte du travail de A. Bogdanoff), *Esquisse du Règne de Pierre-le-Grand* (1778), une édition du *Règlement d'infanterie, d'artillerie et autres matières d'art militaire* (1777—1781), des éditions des voyages de Grigorowitch-Barsky, de Triphon Korobéïnikoff et beaucoup d'autres encore.

De tout ce que composa Roubane autrement qu'en prose, il n'y a qui ait conservé un certain intérêt que son *Inscription pour la pierre destinée à former le socle de la Statue de l'Empereur Pierre-le-Grand* (1770), qui fit sa notoriété et passa longtemps pour modèle:

„Ne l'enorgueillis plus, ô Colosse de Rhodes,
 „Et vous, blocs monstrueux, Pyramides d'Egypte,
 „Renoncez maintenant à vous nommer Merveilles:
 „Vous êtes le travail de frêles mains humaines!
 „De main d'homme non fait, ce roc de granit russe,
 „Suivant l'ordre de Dieu transmis par Catherine,
 „Sur la Néva conduit à la ville de Pierre,
 „Du Grand Pierre est venu tomber sous les foulées!“

(D'après l'original d'Alexis Klépikoff, 1786, Académie Impériale des Sciences.)

ПВАНЪ ПЕРФИЛЬЕВИЧЪ ЕЛАГИНЪ, 1725—1795, родился 30 Ноября 1725 года; онъ рано потерялъ отца Перфиля Ивановича Елагина и на 15-мъ году былъ опредѣленъ въ Шляхетный корпусъ, откуда въ 1743 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Певскій полкъ. Затѣмъ онъ служилъ въ Лейбъ-компанскомъ корпусѣ, посвящая досугъ изученію языковъ и литературы; къ этому времени относятся и его стихотворные опыты; 17 Марта 1751 г. Елагинъ былъ пожалованъ въ адъютанты къ графу А. Г. Разумовскому и произведенъ въ премьеръ-майоры, а въ 1757 г. въ полковники. Скоро онъ приобрѣлъ значеніе въ придворныхъ кругахъ и довѣренность Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, щедро взыскавшей его, по своему воцареніи, за ссылку въ его Казанское имѣніе, которой онъ подвергся въ 1758 г. по дѣлу канцлера Бестужева-Рюмина; 27 Іюля 1762 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ въ Кабинетъ „при Собственныхъ Ея Величества дѣлахъ, у принятія челобитень, а также членомъ Дворцовой комиссіи и Комиссіи о винѣ и соли“. Въ Декабрѣ 1766 г. состоялось назначеніе его директоромъ Придворнаго театра и музыки. Дѣятельность Елагина на этомъ поприщѣ оставила крупныя слѣды въ исторіи Русскаго театра; отиѣтитъ, что при немъ было основано (по плану В. П. Бибикова) театральное училище, учрежденъ въ Петербургѣ публичный русскій театръ, были введены командировки русскихъ актеровъ за границу для сценическаго усовершенствованія и для приглашенія актеровъ-иностранцевъ; наконецъ, нельзя не упомянуть объ Елагинѣ и какъ о покровителѣ русскихъ драматурговъ, въ частности Фонъ-Визина и Лукина, служившихъ у него секретарями. Безпокойства и постоянныя непріятности по управленію театрами и въ особенности разнузданной театральной „командой“ не разъ побуждали Елагина просить „объ увольненіи“, тѣмъ болѣе, что онъ несъ одновременно и другія обязанности; гофмейстеръ съ 26 Іюня 1773 г., тайный совѣтникъ, онъ былъ Сенаторомъ, депутатомъ въ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія (отъ дворянъ Пусторжевскаго уѣзда) и проч.; однако, указъ объ увольненіи его состоялся лишь 21 Мая 1779 года. Служебная карьера Елагина закончилась въ должности оберъ-гофмейстера (съ 1788 г.). Послѣдніе годы жизни Елагинъ провелъ вдаль отъ Двора, среди запытой литературныхъ и главнымъ образомъ историческихъ. Причиной охлажденія Императрицы къ П. П. Елагину, котораго въ свое время она высоко цѣнила за честность и правдивость и называла не иначе, какъ „хорошимъ безъ пристрастія“, были, безъ сомнѣнія, его масонскія увлеченія, которымъ, какъ извѣстно, Екатерина II не сочувствовала. Между тѣмъ, Елагинъ игралъ въ русскомъ масонствѣ видную роль: достаточно упомянуть, что онъ состоялъ президентомъ „Великой Провинціальной ложи“, извѣстной даже болѣе подъ именемъ „Общества Елагинской системы“; при его же участіи русское масонство было введено въ организацію Шведской масонской системы „строгаго наблюденія“; какъ масонскій писатель, онъ оставилъ много переводовъ о масонствѣ и оригинальную записку. Вообще же, какъ литературнаго дѣятеля, современники высоко цѣнили Елагина, въ особенности какъ стилиста; Россійская Академія избрала его однимъ изъ первыхъ своихъ членовъ. Литературное наслѣдіе Елагина, до сихъ поръ съ точностью не выясненное, составляютъ главнымъ образомъ переводы; изъ нихъ несомнѣнно Елагину принадлежать между прочимъ: „Мизантропъ“ Мольера, „Безбожный“ Браве, романъ Прево „Приключенія маркиза Г*“, передѣлка комедіи Гольберга „Французъ-Русской“ и друг.; говорятъ, что онъ принималъ участіе и въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ Императрицы Екатерины II. Подъ конецъ жизни Елагинъ написалъ „Опытъ повѣствованія о Россіи“ (доведенъ до 1589 г.), въ которомъ обнаружилъ громадную начитанность, но и полное отсутствіе критическаго чутья. Извѣстный „Елагинъ островъ“ принадлежалъ нѣкогда П. П. Елагину; здѣсь у него былъ роскошный домъ съ зимнимъ садомъ и богатѣйшимъ погребомъ рѣдкихъ винъ; вообще, какъ человѣкъ, Елагинъ былъ извѣстенъ любовью жить весело и широко, радушно принималъ и угощалъ гостей, имѣлъ слабость къ женщинамъ и эту страсть, дѣлавшую его нѣрѣдко смѣшнымъ, сохранилъ до конца дней.

П. П. Елагинъ скончался 22 Сентября 1793 года; отъ брака съ Натальей Алексѣевной Ратиковой (бывшая камеръ-юнгфера Императрицы Елисаветы Петровны) онъ имѣлъ двухъ дочерей: Марію († 1774 г., дѣвщцей) и Александру (замужемъ за П. П. Бутурлинымъ).

(Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.)

IVAN PERFILIEWITCH ÉLAGUINE, 1725—1793, naquit le 30 novembre 1725. Il perdit son père tout jeune, et entra dans sa 15e année au Corps des Cadets, d'où il sortit en 1743 porte-enseigne au régiment Newsky. Il servit ensuite à la Compagnie du Corps, consacrant ses loisirs à l'étude des langues et de la littérature: c'est de cette époque que datent ses essais poétiques. Aide de camp du comte A. Razoumowsky et promu premier major le 17 mars 1751, il passa colonel en 1757. Il se fit bientôt une place marquante dans le monde de la Cour et se concilia la confiance de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, qui le dédommagea amplement, à son avènement, d'avoir été relégué en 1758 dans ses terres de Kazan pour l'affaire du chancelier Bestoujeff-Rioumine. Le 27 juillet 1762, il fut promu conseiller d'état actuel et attaché au Cabinet „des affaires particulières de Sa Majesté, au bureau des requêtes, et fait membre de la Commission du Palais et de celle de l'alcool et du sel“. Nommé en décembre 1766 directeur du Théâtre et de la Musique de la Cour, il laissa en cette qualité des traces marquantes dans l'histoire du théâtre russe: notons que ce fut lui qui réalisa le plan conçu par Bibikoff d'une Ecole de Théâtre, qui fonda à Pétersbourg un théâtre russe public, qui inaugura les missions d'acteurs russes à l'étranger pour se perfectionner dans leur art et recruter des acteurs étrangers; il faut également lui savoir gré de la protection qu'il accorda aux dramaturges russes, entre autres von Vizine et Loukine, entrés chez lui comme secrétaires. Les dérangements et les ennuis incessants qu'il éprouva à la direction des théâtres, par le fait surtout de la turbulence de la „troupe“, l'engagèrent plus d'une fois à proposer sa démission, d'autant plus qu'il avait en même temps d'autres fonctions: maître de la Cour le 26 juin 1773, conseiller privé, il fut sénateur, député de la noblesse du district de Poustaïa Rjeva à la Commission de rédaction du projet de nouveau Code, etc.; pourtant sa démission ne fut acceptée que le 21 mai 1779. Le terme de sa carrière fut, depuis 1788, la dignité de grand maître de la Cour. Il passa ses dernières années loin de la Cour, au milieu de ses travaux littéraires et surtout historiques. Si l'Impératrice se refroidit à son égard, après l'avoir en son temps apprécié hautement pour sa loyauté et sa droiture (elle ne l'appelait pas autrement que „bon sans partialité“), ce fut certainement en raison de ses convictions maçonniques, qui n'étaient pas de son goût, comme on sait. Or Elaguine joua dans la maçonnerie russe un rôle marquant: il suffit de rappeler qu'il était président de la Grande Loge Provinciale, plus connue même sous le nom de Société du Système Elaguine; il travailla également à faire adopter pour la franc-maçonnerie russe le rite suédois de „rigoureuse observance“, et, comme écrivain maçon, laissa sur la matière de nombreuses traductions et une note originale. D'une manière générale, son talent de littérateur, de styliste surtout, fut hautement apprécié par les contemporains. L'Académie Russe l'admit un des premiers dans son sein. Son bagage littéraire, encore imparfaitement connu d'une façon précise, est surtout fait de traductions: on peut lui attribuer à coup sûr celles du Misanthrope de Molière, de l'Impie de Bravais, des Aventures du Marquis de G* de Prévost, ainsi qu'un remaniement de la comédie de Holberg Le Français-Russe, etc.; on dit qu'il collabora également à quelques-unes des œuvres dramatiques de l'Impératrice Catherine II. Il fit sur ses vieux jours un Essai de Chronique de Russie (jusqu'en 1389), qui témoigne de lectures considérables, mais aussi d'une absence complète de sens critique. L'île bien connue sous le nom d'Elaguine lui appartenait jadis: il y avait une somptueuse maison avec jardin d'hiver et cave richement montée en vins rares. En général, comme homme, il était connu par son goût pour la vie joyeuse et large, par la cordialité et la richesse de ses réceptions, et aussi par un faible pour le beau sexe, qui le rendait parfois ridicule et lui resta toute sa vie.

Elaguine mourut le 22 septembre 1793; il eut de son mariage avec Natalie Alexéewna Ratikoff, ancienne femme de chambre de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, deux filles, Marie, morte en 1774, non mariée, et Alexandrine, mariée à N. Boutourline.

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

ПЕТРЪ НИКИТИЧЪ КРЕЧЕТНИКОВЪ, 1727—18.., старшій братъ графа Михаила Никитича Кречетникова, не игралъ большой роли и не быстро двигался по службѣ: въ 1764 г. онъ былъ полковникомъ, въ 1767—1769 гг. командовалъ отрядомъ въ Польшѣ и тутъ навлекъ на себя неудовольствіе Императрицы какъ своими неумѣлыми движеніями близъ Турецкой границы, чѣмъ преждевременно раздражилъ турокъ, готовившихся и безъ того къ войнѣ съ Россіей, такъ, и главнымъ образомъ, своимъ корыстолюбіемъ: производя крупныя поборы съ жителей въ мѣстностяхъ, гдѣ проходилъ онъ съ войсками, Кречетниковъ обращалъ все это преимущественно въ свою пользу; отозванный изъ Польши, въ 1771/1772 году онъ назначенъ былъ съ воинской командой въ Ярославль для пріятія мѣръ предосторожности противъ чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ, а во время Пугачевского бунта былъ губернаторомъ въ Астрахани. Екатерина II, недовольная поведеніемъ Кречетникова во время бунта, уволила его въ 1775 г. въ отставку, несмотря на покровительство, которое оказывали ему графы Чернышевы.

П. П. Кречетниковъ былъ женатъ на Аннѣ Яковлевнѣ Сытиной и имѣлъ отъ этого брака сына Ивана, бывшаго въ 1787—1796 гг. предсѣдателемъ Костромской уголовной палаты и оставившаго потомство, и дочь Елизавету, бывшую въ замужствѣ за бригадиромъ П. Д. Шенелевымъ.

Настоящій портретъ П. П. Кречетникова находится въ старинномъ имѣніи Головиныхъ, селѣ Новоспаскомъ-Деденевѣ. Тамъ же имѣется и портретъ младшаго его брата, графа М. П. Кречетникова. Оба портрета получены были племянникомъ Кречетниковыхъ, по своей жени, В. В. Головинымъ и перевезены, по словамъ Казанскаго („Родословная Головиныхъ“), въ село Новоспаское „изъ Тульской Космовской деревни“.

(Съ портрета, принадлежащаго Ф. А. Головину, с. Новоспаское-Деденево, Московской губ.)

PIERRE NIKITITCH KRETCHETNIKOFF, 1727—18... , frère aîné du comte Michel Nikititch Kretchetnikoff, ne tint pas une grande place au service et n'eut pas un avancement rapide: colonel en 1764, il commanda en 1767/1769 un détachement en Pologne, où il encourut le mécontentement de Catherine, d'abord par ses mouvements maladroits le long de la frontière turque qui exaspérèrent à l'avance les Turcs, déjà résolus à la guerre avec la Russie, puis, et surtout, par ses exactions, en imposant à l'habitant, dans les régions traversées par ses troupes, de lourdes charges dont il détournait le produit à son profit personnel. Rappelé de Pologne, il fut envoyé en 1771/1772 à Yaroslavl avec un cordon de protection contre la peste qui sévissait à Moscou. Gouverneur d'Astrakhan, ses actes en présence de l'insurrection de Pougatcheff déplurent à Catherine II, qui le mit à la retraite en 1775 malgré la protection qu'il avait trouvée près des comtes Tchernycheff.

Kretchetnikoff épousa Anne Yakovlewna Sytine, dont il eut un fils, Ivan, qui fut de 1787 à 1796 président de la cour d'assises de Kostroma et laissa des descendants, et une fille, Elisabeth, qui épousa le brigadier I. Chépéleff.

Le présent portrait de P. Kretchetnikoff est conservé à Novospasskoïé-Dédénévo, la vieille propriété des Golovine, ainsi que celui de son frère puîné. Tous deux passèrent à un neveu des Kretchetnikoff par sa femme, B. Golovine, qui les fit porter, au témoignage de P. Kazansky (*Généalogie des Golovine*), „du village de Kosmowskoïé, près Toula“, au bourg de Novospasskoïé.

(D'après un original appartenant à Th. Golovine, Novospasskoïé-Dédénévo, gouv. de Moscou.)

МАРӨА ИВАНОВНА ВОРОЦОВА, 1718—1745, единственная дочь Костромского уроженца, конюшаго Патриаршаго приказа Ивана Михайловича Сурмина, родилась 17 Июня 1718 года; отец ея въ царствованіе Петра Великаго велъ обширныя дѣла по торговлѣ хлѣбомъ и солью въ своей Суздальской деревнѣ, посылаемъ былъ „отъ Патриарша дому“ въ Астрахань къ рыбнымъ промысламъ, ссужалъ деньги на торговля сношенія съ Бухарою, Персією и Архангельскомъ разныхъ промышленниковъ, „торговавшихъ отъ него деньгами“, и самъ управлялъ въ Костромѣ патриаршими вотчинами и монастырями. Своей предприимчивостью и расчетливостью онъ очень увеличилъ свое состояніе, но въ 1715 г., по доносу фискала Семена Меньшова, три года спустя казеннаго „за волшебство“, онъ былъ обвиненъ во взяточничествѣ съ крестьянъ и незаконныхъ поборахъ съ монастырей, и имѣнія его были конфискованы въ казну. Дочь его все-таки оказалась богатой наследницей и въ Ноябрь 1729 г., въ очень ранней молодости, какъ видно изъ сохранившагося ея прошенія въ Спбодѣ, была выдана замужъ за капитана гвардіи князя Юрія Юрьевича Долгорукаго, сосланнаго при Бироуѣ, 23 Декабря 1731 г., въ Сибирь, въ Кузнецкъ, „за непристойныя толкованія о государевыхъ учрежденіяхъ и за оскорбленіе Ея Величества поспешительными словами“. (Въ 1742 г. восстанавливаетъ въ прежнихъ правахъ и въ 1745 г. женился на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Долгорукой; умеръ въ 1746 г.) Юная жена его не пожелала слѣдовать въ ссылку за мужемъ, а, заявивъ свое несогласіе съ его взглядами, воспользовалась своимъ правомъ остаться дома и получила разрѣшеніе вторично, при жизни перваго мужа, выйти замужъ въ 1736 году за Романа Платоновича Воронцова (р. 1707 г., † 1783 г.). Унаследовавъ отъ отца присущія ему качества расчетливости и скопидомства и будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Царевной Елисаветой Петровной, когда та весело жила въ Александровской слободѣ, она, говорятъ, ссужала Великую Княжну деньгами и этимъ содѣйствовала сближенію ея съ фамиліей Воронцовыхъ. Сынь ея, графъ Александръ Романовичъ, упоминаетъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ о томъ, что мать его была въ тѣсной дружбѣ съ Цесаревной, часто посѣщавшей ихъ домъ, что даже вызывало съ ихъ стороны опасенія навлечь на себя подозрѣнія Императрицы Анны.

Отъ брака своего съ будущимъ (съ 1760 г.) графомъ Р. И. Воронцовымъ Марөа Ивановна имѣла двухъ сыновей, Александра и Семена, и трехъ дочерей: Марію, въ замужствѣ за графомъ Бутурлинымъ, Елизавету, извѣстную любимицу Петра III, и Екатерину, знаменитую княгиню Дашкову.

Марөа Ивановна Воронцова скончалась еще совсѣмъ молодою женщиною, отъ тифа, 19 Апрѣля 1745 года и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Незадолго до смерти она возбудила дѣло о возвращеніи ей секвестрованнаго у отца ея въ 1715 г. имущества, и дѣло это, съ неизбѣжными психодомъ, было продолжаемо ея мужемъ.

(Съ портрета, находящагося въ Воронцовскомъ дворцѣ, въ Одессѣ.)

MARTHE IVANOWNA WORONTZOFF, 1718—1745, fille unique d'Ivan Mikhaïlowitch Sourmine, natif de Kostroma, palefrenier au Patriarcat, naquit le 17 juin 1718. Son père, sous le règne de Pierre-le-Grand, avait dans son village de Souzdal un gros commerce de grain et de sel, allait pour le compte de „la maison du Patriarcat“ aux pêcheries d'Astrakhan, était bailleur de fonds, pour le négoce avec Boukhara, la Perse et Arkhangel, de commerçants „qui trafiquaient avec son argent“, et gérait lui-même à Kostroma les domaines et monastères du Patriarcat. Grâce à son esprit d'entreprise et d'économie, il avait considérablement accru sa fortune, quand en 1715, sur la dénonciation du fiscal Siméon Menchoff, exécuté trois ans plus tard „pour sorcellerie“, il fut accusé de vénalité avec les paysans et de perceptions illégales dans les monastères, et ses biens furent confisqués au profit du Trésor. Sa fille n'en fut pas moins une riche héritière, et, en novembre 1729, encore enfant, comme en fait foi sa requête au Synode, qui nous a été conservée, fut mariée au prince Youri Youriewitch Dolgorouky, capitaine de la Garde, déporté sous Biron le 23 décembre 1751 à Kouznetz, en Sibérie, „pour opinions inconvenantes sur les institutions gouvernementales et pour offenses à Sa Majesté par des propos injurieux“ (Réhabilité en 1742, il épousa en 1745 la princesse Hélène Alexéewna Dolgorouky et mourut en 1746). Sa jeune femme ne voulut pas le suivre dans l'exil, et, après avoir déclaré qu'elle répudiait ses opinions, usa de son droit de rester chez elle, puis reçut l'autorisation de se remarier en 1756, du vivant de son premier mari, avec Romain Hilarionowitch Worontzoff (1707—1785). Avec les idées d'économie et de parcimonie qu'elle tenait essentiellement de son père, et à la faveur de son amitié avec la Tzarewna Elisabeth Pétrouna au temps où celle-ci menait joyeuse vie à Alexandrowskoé, elle lui prêta, dit-on, de l'argent, et contribua ainsi au rapprochement de la Grande-Duchesse avec la famille Worontzoff. Son fils Alexandre rappelle dans ses notes autobiographiques comment elle était en étroites relations d'amitié avec la Césarewna, qui venait souvent les voir, et comment ces visites leur faisaient craindre les soupçons de l'Impératrice Anne.

De son mariage avec Worontzoff (comte en 1760), Mme Worontzoff eut deux fils, Alexandre et Siméon, et trois filles, Marie, mariée au comte Boutourline, Elisabeth, la favorite bien connue de Pierre III, et Catherine, la fameuse princesse Dachkoff.

Mme Worontzoff mourut toute jeune encore de la fièvre typhoïde le 19 avril 1745, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Quelque temps avant sa mort, elle avait introduit une instance, reprise plus tard par son mari et dont le résultat n'est pas connu, pour obtenir main-levée du séquestre prononcé en 1715 sur les biens de son père.

(D'après un original du Palais Worontzoff, Odessa.)

Графиня МАРІЯ АРТЕМЬЕВНА ВОРОНЦОВА, 1725—1792, супруга младшаго изъ трехъ братьевъ Воронцовыхъ, возвысившихся въ царствованіе Елисаветы, графа Ивана Иларіоновича (р. 1719 г., † 1786 г.), родилась 19 Марта 1725 года; отецъ ея, Артемій Петровичъ Волинскій, извѣстный кабинетъ-министръ при Антѣ Іоанновѣ, былъ казнень, по просякамъ пѣмецкой придворной партіи, въ 1740 г.; мать ея, Александра Львовна, рожденная Парышкина, родная племянница царицы Наталіи Кирилловны, двоюродная сестра Петра Великаго, умерла еще до паденія мужа.

За казнью Волинскаго послѣдовала конфискація его громаднаго состоянія и ссылка его дѣтей въ Сибирь. Старшая дочь, Анна, была пострижена въ монахини въ Иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ, а младшая, Марія, имѣвшая всего 15 лѣтъ отъ роду,—въ Енисейскомъ Рождественскомъ. По ссылке ихъ продолжалась недолго, и въ 1742 г., по воцареніи Елисаветы Петровны, съ нихъ сняты были монашескій чинъ и онѣ были отпущены на жительство въ Москву, при чемъ имъ была возвращена, впрочемъ только самая незначительная, часть имущества ихъ отца. Анна Артемьевна вскорѣ вышла замужъ за графа Андрея Симоновича Гендрикова, но Марія, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оставалась еще нѣсколько времени монахиней въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей и лишь позднѣе вступила въ супружество съ генералъ-поручикомъ Иваномъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. Не принесъ мужу ничего, кромѣ знатнаго имени и родства съ Царскимъ домомъ, тогда какъ оба брата его женитьбою на богатѣйшихъ невѣстахъ положили начало богатству графовъ Воронцовыхъ, графиня Марія Артемьевна не оставила о себѣ никакихъ слѣдовъ въ историческихъ бытописаніяхъ своего времени, кромѣ печальной повѣсти своей молодости, да и мужъ ея не игралъ видной служебной или общественной роли. Она пережила его всего нѣсколькими годами и скончалась 17 Октября 1792 года; погребена, рядомъ съ прахомъ мужа, въ церкви села Воронова, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

Изъ четырехъ дѣтей ея—старшій сынъ, графъ Артемій Ивановичъ (р. 1748 г., † 1815 г.), былъ женатъ на Прасковѣ Федоровнѣ Квашинной-Самариной, второй, графъ Иларіонъ Ивановичъ (р. 1760 г., † 1790 г.), на Принцѣ Ивановнѣ Измайловой; старшая ея дочь, графиня Анна Ивановна (р. 1750 г., † 1807 г.), была замужемъ за Василиемъ Сергѣевичемъ Парышкинымъ, а младшая, графиня Авдотья Ивановна (р. 1765 г., † 1824 г.), умерла дѣвицею.

(Съ портрета Рокотова; собственность графа П. П. Воронцова-Дашкова, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse MARIE ARTÉMIEWNA WORONTZOFF, 1725—1792, femme du comte Ivan Hilarionowitch Worontzoff (1719—1786), le plus jeune des trois frères dont l'élévation date du règne d'Elisabeth, naquit le 19 mars 1725. Son père, Arthème Pétrowitch Volynsky, connu comme ministre de cabinet sous Anne Ioannowna, victime des menées du parti allemand de la Cour, fut mis à mort en 1740; sa mère, Alexandrine Lvowna, née Narychkine, nièce de la Tzaritza Natalie Kyrillowna et cousine germaine de Pierre-le-Grand, était morte avant la chute de son mari.

Le châtiment de Volynsky fut suivi de la confiscation de son immense fortune et de la déportation de ses enfants en Sibérie. La fille aînée, Anne, prit le voile au monastère de l'Apparition de la Vierge, à Irkoutsk, et la plus jeune, Marie, âgée seulement de 15 ans, à celui de la Nativité, à Enisséïsk. Mais leur exil ne fut pas de longue durée: en 1742, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, elles furent déliées de leurs vœux et envoyées en résidence à Moscou, avec restitution d'une partie, des plus insignifiantes d'ailleurs, du bien paternel. Anne épousa bientôt le comte André Simonowitch Gendrikoff; quant à Marie, ce n'est qu'après quelque temps encore, d'après certaines données, de vie religieuse dans un monastère à Kieff qu'elle épousa le général lieutenant Ivan Hilarionowitch Worontzoff. Sans autre dot qu'un nom et une parenté royale, tandis que ses deux frères, par leurs riches partis, jetaient les bases de la fortune des comtes Worontzoff, la comtesse Marie, à part la triste aventure de sa jeunesse, n'a laissé aucune trace dans les mémoires historiques du temps: aussi bien son mari n'eut rien de marquant, ni au service ni dans la société. Elle ne lui survécut que quelques années; elle mourut le 17 novembre 1792, et fut inhumée à ses côtés dans l'église du bourg de Voronoff, district de Podolsk, gouvernement de Moscou.

Elle eut deux fils, Arthème (1748—1813), marié à Prascovie Féodorowna Kvachnine-Samarine, et Hilarion (1760—1790), à Irène Ivanowna Izmaïloff, et deux filles, Anne (1750—1807), mariée à Basile Serguéewitch Narychkine, et Eudoxie (1765—1824), non mariée.

(D'après un original de Rokotoff, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Petersbourg.)

Митрополитъ **ЕВГЕНІЙ** (Евѣмій Болховитиновъ), 1763 — 1837, сынъ священника Алексѣя Андреевича, родился въ Воронежѣ 18 Декабря 1763 г.; послѣ смерти отца, 9-й дѣтъ, поступилъ въ архіерейскій хоръ и съ 1777 г. обучался въ Воронежской семинаріи, а затѣмъ въ Московской академіи. Въ Москвѣ онъ слушалъ лекціи и въ университетѣ, былъ близокъ съ кружкомъ Новикова и пользовался руководствомъ П. И. Вандыша-Каменскаго. Съ 1789 по 1799 годъ Болховитиновъ служилъ въ Воронежской семинаріи и въ Воронежѣ рукоположенъ въ священники. Послѣ смерти 3-хъ дѣтей и жены, Болховитиновъ, 9 Марта 1800 г. былъ постриженъ въ монашество въ Александро-Невской лаврѣ и 11 Марта возведенъ въ санъ архимандрита, съ назначеніемъ префектомъ Александро-Невской академіи. Переведенный въ 1802 г. въ Сергіеву пустынь, Евгенийъ 17 Января 1804 г. былъ посвященъ во епископа Старорусскаго, викарія Новгородскаго; въ 1808 г. былъ переведенъ въ Вологду, въ 1813 г. — въ Калугу, а 7 Февраля 1816 г. — въ Псковъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. 24 Января 1822 г. онъ получилъ назначеніе на Кіевскую кафедру и 16 Марта былъ возведенъ въ санъ митрополита; въ концѣ 1824 г. онъ былъ вызванъ въ Синодъ и пробылъ въ Петербургѣ до 1827 года. Евгенийъ скончался въ Кіевѣ 23 Февраля 1837 года и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. Какъ всякій архіерей, Евгенийъ совершалъ богослуженія, занимался дѣлами, принималъ визиты, давалъ парадныя обѣды, объѣзжалъ епархію и въ подобающихъ случаяхъ произносилъ свои очень логическія, но сухія и не отягчавшіяся литературнымъ изяществомъ проповѣди. По все это было для Евгения чѣмъ-то побочнымъ, прямо даже мѣшающимъ его излюбленной дѣятельности исключительно научнаго характера. Всѣ эти „должностныя заботы“, „угощенія хлѣбѣмъ праздничнымъ“, „подьяческіе годовые отчеты“ только отдаляли тотъ возжеланный мигъ, когда онъ „посреди книгъ и бумагъ своихъ, подъ руками разложенныхъ, на досугъ, по своей волѣ“ могъ отдаться наукѣ. Книги были стихіей Евгения; онъ съ жадностью покупалъ ихъ, и его можно было видѣть, несмотря на его архіерейскій санъ, „всего въ пылѣ, укладывающаго въ короба свою бібліотеку“. Про Евгения справедливо говорили, что „нѣтъ науки, которая была бы ему чужда“; но настоящимъ хозяиномъ онъ былъ въ области исторіи церковной и гражданской, а также литературы духовной и свѣтской. Его словари духовныхъ и свѣтскихъ писателей имѣютъ значеніе и теперь. Судьба посядательство приводела Евгения въ богатые древностями города: Новгородъ, Вологду, Псковъ и Кіевъ, и вездѣ онъ дѣлательно принимался за разработку мѣстной исторіи: онъ описывалъ древности, монастыри, соборы, разбираалъ церковныя древлехранилища и архивы, и древніе акты и книги возами возили къ археологу-архіерею; при объѣздахъ епархій онъ обыкновенно „наведывался о городищахъ, окопахъ и валахъ“, а въ Кіевѣ произвелъ раскопки, открывшія фундаментъ Десятинной церкви. Кромѣ этого, онъ предпринималъ историческіе труды и общаго характера: онъ составилъ, хотя и не издалъ, „Словенорусскую Церковную Исторію“, и подъ его руководствомъ и при дѣлательномъ участіи была издана епископомъ Амвросіемъ Орнатскимъ многотомная „Исторія Россійской Іерархіи“. Какъ ученый, Евгенийъ былъ скромнѣе, доброжелателенъ къ другимъ, желалъ лишь „работать для общей пользы“ и презиралъ „завистливую“ критику, вполне подчинялся критикѣ „просвѣщенной“. Съ умомъ холоднымъ и логическимъ, „нрава веселаго и насмѣшливаго“ Евгенийъ не былъ склоненъ къ аскетизму. Монашество онъ принялъ исключительно изъ расчета обезпечить себѣ спокойную и безбѣдную ученую дѣятельность: черезъ три дня послѣ постриженія онъ шутилъ надъ тѣмъ, что „монахи, какъ науки, въ утреню опутали его въ черную рясу, мантию и клобукъ“. Какъ ученый, высоко стоявшій надъ толпою и сознававшій свое превосходство, Евгенийъ былъ своего рода аристократомъ: онъ не былъ высокаго мнѣнія объ естественныхъ достоинствахъ человека, этой „растлѣнной отъ Адама твари“; съ отвращеніемъ относился къ „вольномыслию“ французовъ и къ дѣятелямъ революціи, которые „сперва милосердовали о бастильскихъ тюремникахъ, а послѣ сами больше ихъ пасажали“, но Евгенийъ зато искренно любилъ народъ: „вѣсти ваши о волѣ, дай Богъ, чтобы сбылись“, писалъ онъ бібліографу Анастасевичу. Въ то же время онъ былъ чуждъ всякой сентиментальности и при разныхъ реформахъ въ тюрьмахъ и сумасшедшихъ домахъ трезво замѣчалъ, что „многіе ученые пугаются въ пропитаніи больше сумасшедшихъ и тюремныхъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Императорской Академіи Наукъ.)

Le métropolite EUGENE (Euthyme), 1765—1857, fils du prêtre Alexis Andréewitch Bolkhovitinoff, naquit à Voronège le 18 décembre 1765. Il entra à l'âge de 9 ans, à la mort de son père, au chœur de l'archevêché, commença ses études en 1777 au séminaire de Voronège, et les continua à l'Académie de Moscou. A Moscou, il suivit aussi les cours de l'Université, fut un habitué du cercle de Novikoff et reçut les conseils de Bantych-Kamensky. De 1789 à 1799, il servit au séminaire de Voronège et fut ordonné prêtre dans cette ville. Après avoir perdu sa femme et ses trois enfants, il embrassa l'état monastique le 9 mars 1800 au monastère d'Alexandre Newsky, et, le 11 mars, fut élevé à la dignité d'archimandrite et nommé préfet de l'Académie du monastère. Transféré en 1802 au monastère St-Serge, il fut, le 17 janvier 1804, intronisé évêque de Staraja Roussa, vicaire de Novgorod, et passa, en 1808 à Vologda, en 1815 à Kalouga, et le 7 février 1816 à Pskoff avec la dignité d'archevêque. Affecté, le 24 janvier 1822, au diocèse de Kieff, il y fut élevé le 16 mars à la dignité de métropolite, et, appelé au Synode à la fin de 1824, resta à Pétersbourg jusqu'en 1827. Il mourut à Kieff le 25 février 1857, et fut inhumé à la cathédrale Ste-Sophie.

Comme tout archevêque, Eugène officiait, s'occupait de son archevêché, recevait, donnait des dîners de gala, visitait son diocèse, et, le cas échéant, prononçait des sermons fort logiques, mais arides et dénués de mérite littéraire. Tout cela cependant n'était à ses yeux qu'un accessoire, un obstacle, pour tout dire, à ses travaux préférés de caractère purement scientifique. Tous ces „soucis de service“, ces „réceptions de parasites les jours de fête“, la „besogne de scribe du rapport annuel“, ne faisaient que retarder le moment désiré où, „entouré de ses livres et de ses papiers tout prêts sous la main, il pourrait à tête reposée, en toute liberté“, s'adonner à la science. Son élément, c'étaient les livres; il en achetait avec avidité, et on pouvait le voir, oubliant sa dignité d'archevêque, „en pleine poussière, emballer sa bibliothèque dans des caisses“. „Pas de science“, disait-on de lui à bon droit, „qui lui fût étrangère“; mais son vrai domaine était l'histoire et la littérature, religieuses et profanes. Ses dictionnaires des écrivains ecclésiastiques et laïques conservent encore aujourd'hui leur valeur. La destinée le conduisit successivement dans des villes riches en antiquités, Novgorod, Vologda, Pskoff et Kieff, et partout il se mit activement à l'étude de l'histoire locale, relevant les antiquités, monastères, cathédrales, dépouillant les bibliothèques et archives des églises, se faisant apporter des tombeaux d'actes anciens et de livres, „s'informant“ d'ordinaire, dans ses visites de diocèses, „des emplacements de villes, des fossés et remparts“, et faisant à Kieff les fouilles qui amenèrent au jour les fondations de l'église Désiatinnaïa. En outre, il entreprit également des travaux historiques d'ensemble: il composa, sans toutefois la publier, une Histoire ecclésiastique slavonne-russe, et c'est sous sa direction et avec son active collaboration que l'évêque Ambroise Ornatsky publia son Histoire de la Hiérarchie Russe en plusieurs volumes. Comme savant, il était modeste et bienveillant pour les autres, ne demandant qu'à „travailler pour le profit de tous“, et méprisait la critique „envieuse“ pour se rallier complètement à la critique „éclairée“. Esprit rassis et logique, „caractère enjoué et railleur“, il n'avait aucun penchant à l'ascétisme. Il ne se fit moine que par calcul, pour s'assurer une carrière scientifique tranquille et à l'abri du besoin: trois jours après sa prise d'habit, il plaisantait „les moines qui, tels des araignées, l'avaient à matines entortillé de la soutane noire, de la mante et du bonnet“. Comme savant dépassant de beaucoup la foule et conscient de sa supériorité, c'était un aristocrate en son genre: il ne faisait pas grand état des mérites naturels de l'homme, cette „progéniture corrompue d'Adam“; il n'avait que de l'horreur pour le „libre examen“ des Français et pour les hommes de la Révolution, qui „s'attendrissent d'abord sur les victimes de la Bastille, puis en firent eux-mêmes bien davantage“. Mais aussi il aimait sincèrement le peuple: „Vos bruits d'émancipation“, écrivait-il au bibliographe Anastassewitch, „plaise à Dieu qu'ils se réalisent!“ Il était en même temps exempt de tout sentimentalisme: à l'occasion de réformes dans les prisons et asiles d'aliénés, il fit observer judicieusement que „bien des savants auraient besoin d'assistance plus encore que les fous et les détenus“.

(D'après un original de l'Académie Impériale des Sciences.)

Митрополитъ ПЛАТОНЪ (Левшинъ), 1757—1812, сынъ дьячка Егора Дашкова, родился въ с. Чашниковѣ, Московскаго уѣзда, 29 Іюня 1757 года. По окончаніи курса въ Московской академіи, онъ былъ оставленъ при ней учителемъ пѣтики и катихизаторомъ, а въ 1758 г. былъ приглашенъ на кафедру риторики въ Троицкую семинарію. Постриженный 14 Августа 1758 г. въ монашество, Платонъ быстро повышался: въ 1759 г. онъ былъ назначенъ префектомъ, въ 1761 г.—ректоромъ семинаріи, въ 1763 г.—намістникомъ Троицкой лавры. Екатерина II обратила вниманіе на краснорѣчиваго іеромонаха и въ 1765 г. назначила его законоучителемъ Царскосинскаго, въ 1767 г.—членомъ Синода, а 10 Октября 1770 г. Платонъ посвященъ въ архіепископа Тверскаго; 21 Января 1775 г. онъ былъ переведенъ на Московскую кафедру и 15 Ноября назначенъ ректоромъ Московской академіи. Платонъ усиленно заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства и поднятій его умственнаго и нравственнаго уровня; имъ была преобразована Московская академія, были устроены семинаріи въ Введенскомъ и Перервинскомъ монастыряхъ; онъ былъ главнымъ организаторомъ едновѣрія; 29 Іюня 1787 г. Платонъ былъ пожалованъ митрополитомъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ ему ордена св. Андрея и Александра Невскаго и вызвалъ въ Петербургъ, но скоро Платонъ, не успѣвшій во-время собраться въ столицу, навлекъ на себя неудовольствіе Павла. Здоровье Платона ослабло рано; съ 50-го года жизни онъ часто страдалъ „коликами съ камнемъ въ почкахъ“, а 22 Іюля 1806 г. былъ разбитъ параличемъ, отъ котораго осталась слабость въ языкѣ и правой рукѣ; 29 Іюня 1807 г. Платонъ произнесъ въ Чудовомъ монастырѣ прощальную проповѣдь и жилъ послѣ того почти постоянно въ Введенскомъ монастырѣ; 15 Іюня 1811 года онъ былъ уволенъ отъ управленія епархіей. Въ Августѣ 1812 г. Платонъ пріѣзжалъ въ Москву, чтобы благословить и ободрить свою паству, а 11 Ноября скончался въ Введеніи и тамъ погребенъ въ Лазаревской церкви.

Платонъ былъ всероссійскимъ духовнымъ авторитетомъ, какимъ впоследствии были лишь одинъ Московскій митрополитъ Филаретъ. Слава его распространялась далеко за предѣлы Россіи: Вольтеръ превозносилъ его краснорѣчіе; Іосифъ II призналъ его главной достопримѣчательностью Москвы; англійскіе богословы вели съ нимъ ученую переписку. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ преданъ наукѣ; самое монашество онъ принялъ „по особенной любви къ просвѣщенію“, онъ былъ специалистомъ по всемъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Платонъ славился, какъ ораторъ, и обладалъ даромъ импровизаціи: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ“, говорила Екатерина; „хочетъ онъ, чтобы мы плакали—мы плачемъ!“ Платонъ старался преобразовать нравы духовенства, въ массѣ невѣжественнаго, нетрезваго и не отличавшагося по образу жизни отъ простолюдиновъ; онъ требовалъ, чтобы духовные жили „честно, постоянно, сановито, кротко и любовно, и тѣмъ другихъ приводилъ къ почтенію себѣ“, съ этою цѣлью онъ отмѣнилъ всѣ унижительныя наказанія для духовныхъ, въ родѣ публичнаго отбиванія поклоновъ въ храмѣ. Митрополитъ не жалѣлъ средствъ на училища, берегъ учащихся, особенно способныхъ, старался „впечатлѣть въ нихъ благородное честолюбіе“, вслѣдствіи поддерживалъ ихъ нравственно и матеріально. Онъ входилъ въ мельчайшія подробности быта семинаристовъ, посѣщалъ экзамены, участвовалъ въ диспутахъ, обѣдалъ съ бурсаками, бесѣдовалъ запросто, гуляя съ ними, при чемъ ворочилъ сѣно и собиралъ травы. Вообще любовь къ простой и уединенной жизни среди природы была отличительной чертой Платона. Онъ возмущался свѣтскими наградами духовенству: „Желаю умереть архіереемъ, а не кавалеромъ“, говорилъ онъ. Его неоднократные отказы отъ епархій не были притворными. Великолѣпный въ служеніи, онъ любилъ запросто пѣть за дьячка и служить за священника въ своей маленькой Введенской церкви. Не чуждый лести, дошедшей до сравненія Екатерины II съ „Матерью Господа“, онъ безбоязненно защищалъ И. И. Поклова отъ обвиненія въ ереси и нашелъ въ себѣ смѣлость остановить Павла, хотѣвшаго войти при шпагѣ въ царскія врата. Въ послѣдніе годы жизни Платонъ вообще замѣтно ослабѣлъ и представлялъ „себѣ на горѣ уцѣлѣвшую развалину ума, когда-то блестящаго!“

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

Le métropolite PLATON (Levchine), 1737—1812, fils du diacre Egor Daniloff, naquit à Tchachnikovo, district de Moscou, le 29 juin 1737. Ses études terminées à l'Académie de Moscou, il y resta comme maître de poésie et catéchiste, puis, en 1758, fut appelé à la chaire de rhétorique au séminaire Troïtzky. Moine le 14 août 1758, il eut une élévation rapide, en 1759 préfet et en 1761 recteur du séminaire, puis, en 1763 sous-prieur du monastère Troïtzky. Catherine II le remarqua pour son éloquence, et le fit en 1763 aumônier du Césarewitch, et en 1767 membre du synode. Intronisé archevêque de Tver le 10 octobre 1770, il passa le 21 janvier 1775 à la chaire de Moscou et fut nommé le 15 novembre suivant directeur de l'Académie de Moscou. Il mit tout son zèle à améliorer la situation matérielle du clergé et à en relever le niveau intellectuel et moral; ce fut lui qui réforma l'Académie de Moscou, qui fonda des séminaires aux monastères de Béthanie et de Pérervinsk, qui fut le principal organisateur de l'édinovérié. Fait métropolite le 29 juin 1787, décoré de St-André et de St-Alexandre Newsky, il fut appelé à Pétersbourg par l'Empereur Paul, dont il encourut bientôt le mécontentement pour s'être fait attendre. Sa santé faiblit de bonne heure; sujet dès sa 50e année à de fréquentes coliques néphrétiques, il fut frappé de paralysie le 22 juillet 1806 et en garda une faiblesse de la langue et du bras droit. Le 29 juin 1807, il prononça au monastère de Tchoudovo son sermon d'adieu pour se retirer presque à demeure au monastère de Béthanie. Déchargé le 15 juin 1811 des affaires du diocèse, il vint en août 1812 à Moscou bénir et encourager ses ouailles. Il mourut le 11 novembre 1812 à Béthanie, et y fut inhumé à l'église St-Lazare.

Platon fut en matière ecclésiastique une autorité dans le monde russe comme il n'y en eut qu'une après lui, le métropolite de Moscou Philarète. Sa renommée s'étendait bien au-delà des frontières russes: Voltaire exaltait son éloquence; Joseph II le déclarait la principale curiosité de Moscou; les théologiens anglais étaient en correspondance scientifique avec lui. Il s'était adonné à la science dès ses jeunes années, et ne s'était même fait moine que „par un amour particulier de l'étude“; c'était un spécialiste dans toutes les branches de la théologie. Orateur renommé, il possédait le don de l'improvisation. „Le Père Platon fait de nous tout ce qu'il veut“, disait Catherine; „veut-il nous faire pleurer, nous pleurons!“ Il s'efforça de réformer les mœurs du clergé, dans l'ensemble ignorant, intempérant, identique au vulgaire par son régime de vie, et exigea des ecclésiastiques „de l'honorabilité, de la régularité, de la dignité, de l'humilité et de la charité, pour s'attirer le respect d'autrui“; à cet effet, il supprima pour le clergé tous les châtimens avilissans, dans le genre de la pénitence publique à l'église. Il ne ménageait rien pour le budget des écoles, prenant soin des élèves, surtout des bons, s'efforçant de „leur inculquer une noble ambition“ et les soutenant de toute manière moralement et matériellement. Il entra dans les moindres détails de la vie des séminaristes, assistant aux examens, prenant part aux soutenances, dinant avec les boursiers, leur causant familièrement et les accompagnant au grand air pour faner et herboriser. D'une manière générale, l'amour de la vie simple et retirée au sein de la nature était un de ses traits distinctifs. Il s'indignait des récompenses mondaines attribuées au clergé: „Je veux“, disait-il, „mourir archiprêtre et non chevalier“, et lorsqu'il déclina à plusieurs reprises l'offre d'un diocèse, c'était en toute sincérité. Officiant splendide, il aimait chanter sans façon la partie de diacre et officier en simple prêtre dans sa petite église de Béthanie. Un peu porté à la flatterie, allant même jusqu'à comparer Catherine II à la „Mère de Dieu“, il eut le courage de défendre Novikoff de l'accusation d'hérésie et ne craignit pas d'arrêter Paul sur le point de franchir l'épée au côté les portes de l'Iconostase. Sur ses dernières années, il avait sensiblement baissé, et n'était plus, „hélas! que la ruine vivante d'un esprit jadis brillant“.

(D'après un original appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouv. de Vladimir.)

Митрополитъ ГАВРИИЛЪ (Петровъ), 1750—1801, родился 18 Мая 1750 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса въ Московской академіи въ 1755 г., онъ былъ справщикомъ въ Синодальной типографіи, а въ 1758 г. назначенъ учителемъ риторикѣ въ Троицкую семинарію. Здѣсь, 28 Іюля 1758 г., Петровъ постригся въ монашество и былъ назначенъ ректоромъ Лаврской семинаріи и ламіѣстникомъ Троицкой лавры. Получивъ 8 Августа 1761 г. ректорство въ Московской академіи, съ саномъ архимандрита, Гавріилъ, 6 Декабря 1763 г., былъ хиротонисанъ во епископа Тверскаго. Вызванный въ 1766 г. въ Петербургъ, Гавріилъ въ 1768 г. былъ депутатомъ отъ духовенства въ Комиссіи сочиненія новаго Уложенія, а 27 Сентября 1769 г. былъ пожалованъ въ члены Снода; 22 Сентября 1769 г. былъ назначенъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, а 1 Января 1775 г. и Новгородскимъ, съ возведеніемъ 22 Сентября 1783 г. въ санъ митрополита. Гавріилъ много заботился о благоустройствѣ духовныхъ школъ и объ обращеніи раскольниковъ, перестроилъ Певскій монастырь и 30 Августа 1790 г. торжественно освятилъ въ немъ новый соборъ Св. Троицы. Павелъ I показывалъ наружное благоволеніе къ Гавріилу и пожаловалъ ему первое ордена Александра Невскаго и св. Андрея; можно догадываться, что онъ предлагалъ ему и санъ патріарха. По просьбѣ митрополита, Павелъ освободилъ духовенство отъ тѣлесныхъ наказаній, возвелъ Певскій монастырь на степень лавры и Певскую семинарію сдѣлалъ академіей. Но Павлу нужны были новые люди, и старецъ, связанный всѣмъ прошлымъ съ традиціями царствованія Екатерины, мѣшалъ любимицу Императора, архіепископу Амвросію Подобѣдову. Отказъ Гавріила присутствовать на придворномъ спектаклѣ переполнилъ чашу, и на другой день, 16 Октября 1799 г., Гавріилъ былъ удаленъ въ Новгородъ. Послѣдній годъ жизни Гавріилъ провелъ въ болѣзненномъ состояніи — „одышка до обмороку“ и „томная боль“ въ ногахъ мучили опальнаго митрополита. Не получивъ разрѣшенія удалиться въ Симоновъ монастырь, Гавріилъ 19 Декабря 1800 г. былъ уволенъ отъ Новгородской епархіи и скончался 26 Января 1801 г.; погребенъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Гавріилъ былъ добрый и скромный человѣкъ и настоящій аскетъ. Его идеаломъ въ юности было „имѣть маленькій кусокъ хлѣба и быть всегда при церкви“. Мечтавшій лишь о „просфирическомъ мѣстѣ“, Гавріилъ искренно „не хотѣлъ принять бремени епископства“. За столомъ его первое мѣсто занимали кашница съ сухарями и пироги съ горохомъ, особенно возбуждавшіе удивленіе въ роскошныхъ іерархахъ того времени. Онъ постоянно искалъ по разнымъ пустынямъ духовныхъ старцевъ, въ сладость бесѣдовалъ съ ними или велъ черенisku, выбиралъ изъ этихъ „глушцовъ“ настоятелей въ обители, приведенныя въ упадокъ учеными „умниками“, думавшими „о столахъ и о гостяхъ“. Гавріилу удалось поднять Валаамъ и Коневецъ и спасти отъ упраздненія Симоновъ монастырь. Гавріилъ обладалъ разносторонней наукою: онъ былъ и экзегетомъ Св. Писанія и филологомъ, трудившимся надъ Академическимъ словаремъ, и агіологомъ, исправлявшимъ прологи, и специалистомъ по литургіи, редактировавшимъ и составлявшимъ вновь богослужебные чины. При всѣхъ своихъ достоинствахъ Гавріилъ былъ самымъ подходящимъ іерархомъ для Двора Екатерины. Онъ былъ кротокъ и остороженъ: приходилъ въ ужасъ отъ того, что Платонъ рѣшается говорить „самшкомъ открыто“, и жегъ всю свою корреспонденцію, благоразумно разсуждая, что „много бываетъ случаевъ, для которыхъ не должно хранить письма“. Гавріила поддерживали Потемкинъ, Елагинъ, Панинъ и Тепловъ. Сама Екатерина считала его мужемъ „острымъ и резонабельнымъ“, разумія подъ „резонабельными сентиментами“ въ архіерей ничто иное, какъ полное отсутствіе оппозиціоннаго духа. Едва ли какой архіерей получалъ столь лестные знаки монаршаго вниманія, какъ Гавріилъ: то ему посвящался переводъ Мармонтелева „Велпзарія“, какъ человѣку, „мыслимъ, какъ и добродѣтелию съ Велпсаріемъ сходному“, то въ честь его въ церкви устранился его барельефный портретъ съ Державинской надписью, сравнившей митрополита съ Соломономъ; ему жаловались то нагагія изъ собственной звѣзды Екатерины, то саккосъ изъ ея порфиры. При Павлѣ I старецъ, которому уже нечего было терять, сталъ какъ бы нѣсколько снѣдѣ: позволилъ себѣ отказаться отъ Мальтійскаго ордена и уклониться отъ присутствованія на представленіи оперы „Енеа nel Lozio“. Неспособный быть обвинителемъ сильныхъ міра сего, Гавріилъ въ то же время не искалъ земныхъ выгодъ. „Денегъ я не копилъ“, говорилъ онъ, „желаю и ожидаю вѣчнаго блаженства“.

(Съ портрета Уткина; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

Le métropolite **GABRIEL** (Pétroff), (1730—1801), naquit le 18 mai 1730 à Moscou, où son père était prêtre. Sorti de l'Académie de Moscou en 1753, et d'abord correcteur à l'Imprimerie Synodale, il fut nommé en 1758 maître de rhétorique au séminaire Troïtzky; là, le 28 juin 1758, il entra dans la vie monastique, et devint recteur du séminaire et sous-prieur du monastère Troïtzky. Recteur de l'Académie de Moscou le 8 août 1761 avec la dignité d'archimandrite, il fut, le 6 décembre 1763, intronisé évêque de Tver. Appelé en 1766 à Pétersbourg, il fut en 1768 député du clergé à la Commission du Nouveau Code, et membre du Synode le 27 septembre 1769; archevêque, le 22 septembre 1769, du diocèse de Pétersbourg, auquel il joignit, le 1er janvier 1775, celui de Novgorod, il fut élevé le 22 septembre 1783 à la dignité de métropolite. Il mit tous ses soins à la bonne organisation des écoles ecclésiastiques et à la conversion des dissidents, reconstitua le monastère Newsky et y inaugura solennellement le 30 août 1790 la nouvelle cathédrale de la Sainte Trinité. Paul Ier lui donnait des marques de sa faveur, et lui conféra, à lui le premier, les ordres de St-Alexandre Newsky et St-André; on peut bien penser qu'il lui proposa également la dignité de patriarche. Sur sa demande aussi, il supprima les châtimens corporels pour les ecclésiastiques, éleva le monastère Newsky au rang de laure et fit du séminaire Newsky une académie. Mais il fallait à Paul des hommes nouveaux, et le vieux métropolite, lié par tout son passé aux traditions du règne de Catherine, gênait un favori, l'archevêque Ambroise Podobédoff. Le refus d'assister à un spectacle de la Cour fit déborder la coupe, et le lendemain, 16 octobre 1799, Gabriel était renvoyé à Novgorod. La dernière année de sa vie se passa dans les infirmités, „de l'oppression jusqu'à perte de connaissance“ et „une douleur sourde“ dans les jambes, qui tourmentaient le métropolite déchu. Sans avoir pu recevoir l'autorisation de se retirer au monastère Simonoff, il fut, le 19 décembre 1800, destitué de son diocèse; il mourut le 26 janvier 1801, et fut inhumé à Novgorod, dans la cathédrale Ste-Sophie.

Gabriel était un homme bon et modeste, et un vrai ascète. Son idéal de jeunesse était „d'avoir un petit morceau de pain et d'être toujours attaché à l'église“. Rêvant simplement „un emploi d'hostiaire“, il voulait sincèrement „refuser le fardeau de l'épiscopat“. Ses repas étaient le plus souvent de bouillie avec du pain grillé et de gâteaux aux pois qui faisaient surtout l'étonnement des luxueux prélats du temps. Il courait les lieux de retraite perdus, à la recherche d'ermîtes, à la conversation ou à la correspondance desquels il se délectait, recrutant parmi ces „simples“ des supérieurs pour les monastères compromis par les savants et „beaux esprits“ qui ne rêvaient que „bonne chère et société“. Il réussit à relever Valaam et Konévetz et à sauver de la disparition le monastère Simonoff. Possesseur d'une érudition variée, il fit de l'exégèse biblique, de la philologie comme collaborateur du Dictionnaire de l'Académie, de l'hagiologie en revisant les Prologues, et, spécialiste en matière de liturgie, rédigea et refondit le commun des offices. Ses nombreux mérites en faisaient le chapelain le plus qualifié pour la Cour de Catherine. Doux et circonspect, il était épouvanté de voir Platon parler „trop ouvertement“, et brûla toute sa correspondance, car, prétendait-il avec juste raison, „il y a bien des éventualités pour lesquelles il ne faut pas conserver de lettres“. Il était soutenu par Potemkine, Elaguine, Panine et Téploff. Catherine elle-même le trouvait „fin et raisonnable“, et ce qu'elle entendait par „sentiments raisonnables“, c'était l'absence complète d'esprit d'opposition. Il n'est guère de prélat qui eût reçu tant de marques de l'attention Impériale, tantôt la dédicace de la traduction du Bélisaire de Marmontel, comme homme „semblable à Bélisaire par ses pensées comme par ses vertus“, tantôt l'exposition à l'église en son honneur d'un bas-relief le représentant et portant une inscription où Derjavine le comparait à Solomon; l'Impératrice lui conférait soit une panagie faite de sa propre étoile, soit une chape de sa propre pourpre. Sous Paul Ier, le vieux prélat, qui n'avait plus rien à perdre, se décida à s'enhardir tant soit peu: il refusa la croix de Malte, et déclina une invitation à l'opéra Enea nel Lozio. Incapable de démasquer les grands de ce monde, il ne recherchait pas non plus les profits matériels: „Je n'ai rien amassé“, disait-il, „je désire et attends le bonheur éternel“.

(D'après l'original d'Outkine, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Архієпископъ АВГУСТИНЪ (Алексѣй Васильевичъ Виноградскій), 1766—1819, сынъ священника, родился въ Москвѣ 6 Марта 1766 года. Оставшись круглымъ сиротой, онъ воспитывался въ Перервинской семинаріи и въ 1787 г. былъ назначенъ учителемъ латинскаго языка въ той же семинаріи, а въ 1788 г. переведенъ въ Троицкую семинарію учителемъ риторики. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Платона своими изысканными латинскими стихами и сдѣлался любимцемъ митрополита. Назначенный въ 1792 г. префектомъ, онъ 16 Января 1794 г. былъ постриженъ, а въ 1795 г. назначенъ ректоромъ Троицкой семинаріи, съ возведеніемъ въ 1798 г. въ санъ архимандрита, а въ 1802 г. былъ переведенъ на должность ректора Московской Академіи; 7 Февраля 1804 г. онъ былъ хиротонисованъ въ С.-Петербургѣ во епископа Дмитровскаго и оставался помощникомъ Платона до его кончины. „Потерши, и Богъ не забудетъ твоей ко мнѣ любви“, говорилъ Платонъ; 15 Юня 1811 г., за болѣзнью Платона, Августину было поручено управленіе Московской епархіей. Въ 1812 г. онъ обратилъ на себя вниманіе Александра I своимъ краснорѣчіемъ и особенно сочиненной имъ молитвой объ изгнаніи непріятеля и 14 Юля получилъ Александровскую ленту. Только поздно ночью на 2 Сентября, по приказанію графа Ростопчина, выѣхалъ Августинъ въ Муромъ, съ пѣконами Иверской и Владимирской, и лишь 7 Ноября опять поселился въ Москвѣ, въ уцѣлѣвшемъ Срѣтенскомъ монастырѣ. Много трудовъ потребовали отъ Августина возстановленіе церквей и облегченіе участи пострадавшаго отъ непріятеля духовенства. Похоронивъ своего благодѣтеля митрополита Платона († 11 Ноября 1812 г.), Августинъ 28 Декабря 1812 г. получилъ въ полное управленіе Московскую епархію. Слѣдующія событія требовали большого напряженія его силъ: приходилось совершать крестные ходы по городу, оскверненному „богоненавистнымъ пребываніемъ врага нечестиваго“, и частыя освященія церквей, встрѣчать въ Москвѣ Государя; какъ проповѣдникъ, Августинъ долженъ былъ отзываться на событія—въ родѣ возвращенія въ Москву ополченія, закладки храма Христа Спасителя, освященія памятника Минину и Пожарскому. Но, несмотря на „успѣшное приведеніе въ порядокъ духовной части“, Августинъ оставался лишь администраторомъ „впредь до назначенія мѣстнаго архіерея“, хотя 30 Августа 1814 г. и получилъ званіе синодальнаго члена и санъ архієпископа Дмитровскаго. Только 19 Февраля 1818 г., въ день освященія памятника Минину и Пожарскому, Августинъ былъ назначенъ архієпископомъ Московскимъ. Но въ томъ же году у него открылась чахотка, отъ которой онъ и скончался 3 Марта 1819 г.; погребенъ въ Успенскомъ соборѣ Троицкой лавры. Августинъ былъ однимъ изъ лучшихъ латинистовъ, какіе выходили изъ старой духовной школы. Онъ такъ привыкъ мыслить и писать по-латыни, что черновики своихъ проповѣдей писалъ на этомъ языкѣ. Его латинскіе стихи, какъ образцовые, „золотые“ (versus aureos), митрополитъ Платонъ приказывалъ печатать золотыми буквами. Августинъ отличался „великодушнымъ служеніемъ“. „Вашъ Августинъ“, говорилъ Александръ I графу Тормасову, „мастеръ служить! Я Платона видѣлъ, онъ и его перещеголялъ“. Свои впитавшія проповѣди онъ произносилъ съ такимъ одушевленіемъ и чувствомъ, что иногда „дерковъ, полная народа, наполнялась рыданіями, и самъ пастырь-утѣшитель плакалъ такъ, что слезы прерывали слова его“. Августинъ былъ простъ съ окружающими и охотно помогалъ бѣднымъ, помня, что и онъ „былъ сиротой“. Смиреніе и преданность волѣ Божіей показывалъ самый девизъ Августина: „Dei gratia sum, quod sum“. Но Августину сильно вредили особенная живость характера и нервность. Иногда у него вырывались „остроты и двусмысленности, отзывавшіяся временемъ его юности, школою и воспитаніемъ“. Какъ большинство слабыхъ волею нервныхъ людей, Августинъ способенъ былъ „наговорить опрометчиво тѣмъ оскорбительныхъ выраженій“, но быстро остыть и во всемъ уступить своему противнику. Очевидецъ рассказываетъ о его „слишкомъ грубыхъ выходкахъ“ во время богослуженія и „неприничномъ и дерзкомъ обращеніи съ окружающимъ его духовенствомъ“. Непріятельское намѣстие повредило популярности Августина, его винили, что онъ уѣхалъ, бросивъ паству и все, но Августинъ вывезъ бы изъ Москвы всѣ мощи, святыни и наиболѣе цѣнныя вещи, если бы ему не мѣшала Ростопчинъ, опасавшійся „унынія и смятенія въ народѣ“. Вообще Августина въ Москвѣ „не всѣ любили“ и вслѣдствіе этого сдѣлывали про него.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ.)

L'archevêque AUGUSTIN (Alexis Vassiliewitch Vinogradsky), 1766—1819, fils d'un prêtre, naquit à Moscou le 6 mars 1766. Orphelin de père et de mère, il fut élevé au séminaire Pérérvinsky, où il devint en 1787 maître de latin; il passa l'année suivante au séminaire Troïtzky comme maître de rhétorique. Là, ses élégants vers latins le firent remarquer du métropolite Platon, et lui concilièrent ses bonnes grâces. Préfet en 1792, il fut fait moine le 16 janvier 1794 et devint en 1795 recteur du séminaire Troïtzky, puis, archimandrite en 1798, passa en 1802 recteur de l'Académie de Moscou. Le 7 février 1804, il fut intronisé à St-Petersbourg évêque de Dmitroff, et Platon le conserva jusqu'à sa mort comme son coadjuteur. „Aie patience“, lui disait-il, „Dieu n'oubliera pas ton amour pour moi“. Le 13 juin 1811, en raison de la maladie du métropolite, Augustin fut chargé du diocèse de Moscou. En 1812, il se fit remarquer d'Alexandre Ier par son éloquence et surtout par sa prière à l'occasion de la retraite de l'ennemi, et reçut le 14 juillet le cordon de St-Alexandre. Ce fut seulement dans la nuit du 1er au 2 septembre que, sur l'ordre du comte Rostoptchine, il partit pour Mouroum avec les icônes d'Ibérie et de Vladimir: il ne rentra à Moscou que le 7 novembre et se fixa au monastère de la Purification, resté intact. Il eut fort à faire pour relever les églises et soulager le clergé éprouvé par l'invasion. A la mort de son bienfaiteur le métropolite Platon († 11 novembre 1812), il fut chargé le 28 décembre 1812 de toute l'administration du diocèse de Moscou. Les circonstances lui imposèrent de grandes fatigues: processions dans la ville souillée „par le séjour profanateur d'un ennemi impie“, fréquentes inaugurations d'églises, réceptions de l'Empereur à Moscou; et comme prédicateur, il eut à parler sur des événements comme le retour de la milice à Moscou, la pose de la première pierre de l'église du Saint-Sauveur, l'inauguration du monument de Minine et Pojarsky. Mais malgré son „succès dans la reconstitution de la partie ecclésiastique“, il n'était toujours qu'administrateur „en attendant la nomination d'un archevêque de Moscou“, bien qu'il eût reçu le 30 août 1814 la dignité de membre du Synode et celle d'archevêque de Dmitrowsk. Ce fut seulement le 19 février 1818, le jour de l'inauguration du monument de Minine et Pojarsky, qu'il fut fait archevêque de Moscou. Mais, atteint cette année même de phthisie, il mourut le 3 mars 1819, et fut inhumé au cimetière de l'Assomption, au monastère Troïtzky.

Augustin était un des meilleurs latinistes de la vieille école ecclésiastique. Il avait une telle habitude de penser et d'écrire en latin, qu'il faisait dans cette langue les brouillons de ses sermons. Ses vers latins étaient des modèles, „versus aurei“, que le métropolite Platon faisait graver en lettres d'or. Augustin se distinguait par „la magnificence de son service“. „Votre Augustin“, disait Alexandre Ier au comte Tormassoff, „est un maître pour le service! J'ai vu Platon, mais il le surpasse encore“. Ses sermons maniérés étaient dits avec tant d'inspiration et de sentiment, que parfois „l'église, pleine de monde, retentissait de sanglots, et que le pasteur-consolateur lui-même pleurait au point d'être obligé de s'interrompre“. Augustin était simple avec son entourage et aimait secourir les pauvres, se souvenant que lui aussi „avait été orphelin“. Son humilité et sa soumission à la volonté de Dieu étaient attestées par sa devise: „Dei gratia sum, quod sum“. Mais il était desservi par un caractère d'une vivacité et d'une nervosité particulières. Il lui échappait parfois „des pointes et des mots à double entente qui sentaient sa jeunesse, son école et son éducation“. Comme la plupart des volontés faibles et des tempéraments nerveux, il était homme à „lancer inconsidérément une bordée d'expressions injurieuses“, pour refroidir tout de suite et finir par céder sur toute la ligne. Un témoin oculaire rapporte ses „sorties par trop grossières“ pendant le service divin et son „attitude inconvenante et insolente avec ses assistants“. L'invasion fit tort à sa popularité; on l'accusa d'être parti en abandonnant ses ouailles et tout le reste: or il eût bien emporté de Moscou toutes les reliques, objets sacrés et choses les plus précieuses, s'il n'en avait été empêché par Rostoptchine, qui voulait éviter „le désespoir et la confusion dans le peuple“. En général, Augustin ne jouissait pas à Moscou „de l'affection de tous“, et était en butte à des calomnies de toute nature.

(D'après un original du Monastère Tchoudovo, Moscou.)

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА, 1783—1866, „Кавалеристъ-дѣвица“, дочь гусарскаго ротмистра изъ дворянъ Вятской губерніи, а потомъ Сарапульскаго городничаго Андрея Васильевича Дурова (р. 1752 г., † 1826 г.), отъ перваго его брака съ дочерью Полтавскаго помѣщика Надеждой Ивановной Александровичъ († 1807 г.), въ раннемъ дѣтствѣ вела скитальческую жизнь, такъ какъ отецъ постоянно мѣнялъ мѣсто жительства и только въ 1789 г. поселился въ Сарапулъ, получивъ мѣсто городничаго. Мать не любила свою старшую дочь, всецѣло поручивъ заботамъ деищика-гусара. „Слѣдо было моею первой колыбелью, лошадей, оружіе и полковая музыка—первыми дѣтскими игрушками и забавами“, вспоминала впоследствии Дурова. Неудивительно, что при такомъ воспитаніи у нея явились воинственныя наклонности, гусарскіе манеры и вкусы. Мать, несмотря на строгость, не могла шчего подѣлать съ дочерью, а отецъ, наоборотъ, поощрялъ неправившіяся матерп наклонности дѣвочки и подарилъ ей верховую лошадь „Алкида“. Три года прожила затѣмъ Дурова у бабушки въ Пирятинскомъ уѣздѣ и у тетки на Волыни и здѣсь стала болѣе походить на дѣвицу, но, возвратившись въ Сарапулъ, быстро забыла правила, внушенныя бабушкой и теткой. 25 Октября 1801 г. Дурова была выдана замужъ за дворянскаго засѣдателя Сарапульскаго Ижмнго земскаго суда Василія Степановича Чернова и черезъ годъ родила сына Ивана; но ни семейная жизнь вообще, ни самъ мужъ не соотвѣтствовали ея вкусамъ, къ тому же она увлеклась есауломъ стоявшей въ Сарапулѣ казачьей сотни. Уходя изъ Сарапула казачьяго отряда побудилъ ее исполнить свое заветное желаніе поступить въ военную службу; 17 Сентября 1806 г. она скрылась, оставивъ на берегу рѣки свое платье, догнала на своемъ Алкидѣ казаковъ и продолжала путь подъ видомъ деищика есаула. Въ 1807 г. Дурова поступила юнкеромъ въ Конно-польскій уланскій полкъ подъ фамиліей Соколова и участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ (при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ), заслуживъ знакъ военнаго ордена. Изъ полка она написала родителямъ письмо. Отецъ сталъ хлопотать о возвращеніи дочери, и тогда открылось, кто такой былъ „юнкеръ Соколовъ“. Дурова была вызвана въ Петербургъ, представлялась Александру I и получила разрѣшеніе остаться на службѣ. Ей были даны имя и фамилія Александра Андреевича Александрова. Тогда же она была произведена въ корнеты, съ переводомъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Въ 1811 г. Дурова была переведена въ Литовскій уланскій полкъ, затѣмъ участвовала въ Отечественной войнѣ и при Бородинѣ контужена въ ногу. Произведенная послѣ Бородина въ поручики, она была назначена въ ординарцы къ Кутузову, но контузія заставила ее уѣхать къ отцу. Въ 1815 г. Дурова вернулась въ армію и отличилась при Модлинѣ и Гамбургѣ. Въ 1816 г. она вышла въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра, послѣ чего жила то въ Сарапулѣ, то въ Елабугѣ, и часто бывала въ Петербургѣ. Въ 30-хъ годахъ началась литературная дѣятельность Дуровой: въ 1836 г. въ „Современникѣ“ Пушкина появились отрывки изъ ея записокъ. Пушкинъ заинтересовался ея личностью, писалъ о ней восторженные отзывы и поощрялъ къ дальнѣйшей литературной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ появились цѣлкомъ „Записки“ ея, въ которыхъ она рассказываетъ свою жизнь, но умалчиваетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ (напр., о замужествѣ). Записки Дуровой имѣли большой успѣхъ и побудили ее къ писанію романовъ и повѣстей, въ свое время имѣвшихъ успѣхъ и вызывавшихъ одобрителныя отзывы критики (Вълинскій), но теперь совершенно забытыхъ. Дурова отличалась восторженнымъ характеромъ, рѣдкой душевной добротой, благодаря которой постоянно осаждалась разными просителями, и необыкновенной любовью къ животнымъ. Въ ея квартирѣ было особое помѣщеніе для бездомныхъ и больныхъ собакъ и кошекъ, за которыми она сама ухаживала. Дурова ходила всегда въ мужскомъ костюмѣ, о себѣ говорила въ мужскомъ родѣ и не любила, когда къ ней обращались, какъ къ женщинѣ. Она скончалась въ Елабугѣ 25 Марта 1866 года. При погребеніи ей были отданы воинскія почести. Въ 1901 г., на средства 14 драгунскаго Литовскаго полка и пожертвованія гражданъ г. Елабуги былъ сооруженъ на могилѣ Дуровой памятникъ со слѣдующей надписью: „Надежда Андреевна Дурова, по повелѣнію Императора Александра корнетъ Александровъ, кавалеръ Военнаго ордена. Длѣвшая любовью къ родинѣ, поступила въ ряды Литовскаго уланскаго полка. Спасла офицера, награждена Георгіевскимъ крестомъ. Прослуживъ 10 лѣтъ въ полку, произведена въ корнеты и удостоена чина штабсъ-ротмистра. Родилась въ 1783 году, скончалась въ 1866 году. Миръ ея праху! Вѣчная память въ назиданіе потомству ея доблестной душѣ!“

(Съ акварельнаго портрета А. Брюллова; собраніе Великаго Князя Николая Михайловича.)

NADEJDA ANDRÉEWNA DOUROFF, 1783—1866, la Femme-Cavalier, fille du capitaine de hussards, puis bourgmestre de Sarapoul André Vassiliewitch Douroff (1752—1826), d'une famille noble du gouvernement de Viatka, et de sa première femme, fille d'un propriétaire de Poltava, Nadejda Ivanowna Alexandrowitch († 1807), eut dans sa première enfance une vie errante, en raison des fréquents changements de résidence de son père, qui ne se fixa qu'en 1789 à Sarapoul comme bourgmestre. Peu aimée de sa mère, elle resta livrée exclusivement aux soins du hussard ordonnance de son père. „J'eus une selle pour premier berceau“, rappelait-elle plus tard, „un cheval, des armes et de la musique militaire pour premiers joujoux et amusements“. Rien d'étonnant, avec une semblable éducation, à ce qu'il lui vint des penchants guerriers, des manières et des goûts à la hussarde. Toute la sévérité de la mère n'y put rien; quant au père, il encourageait au contraire ces penchants qui déplaçaient à sa femme, et fit cadeau à l'enfant d'un cheval de selle nommé Alcide. Trois ans chez la grand-mère dans le district de Piriatine et chez une tante en Volhynie ramenèrent un peu la jeune fille à son sexe, mais, de retour à Sarapoul, elle oublia bientôt les principes de chez sa grand-mère et sa tante. Mariée le 25 octobre 1801 à un membre noble du tribunal de Sarapoul, Basile Stépanowitch Tchernoff, elle eut un an après un fils Ivan; mais ni la vie de famille en général, ni en particulier son mari, ne répondaient à ses goûts, et de plus elle s'éprit du porte-enseigne d'une sotnia de Cosaques cantonnée à Sarapoul et dont le départ la détermina à réaliser son vœu le plus cher, celui d'entrer au service militaire; le 17 septembre 1806, elle se cacha, laissa ses vêtements sur le bord de la rivière, rejoignit les Cosaques sur son Alcide, et fit les étapes comme ordonnance du porte-enseigne. Entrée l'année suivante sous-officier au régiment des uhlands de Pologne sous le nom de Sokoloff, elle fit la campagne de 1807, fut à Gutstadt, Heilsberg, Friedland, et gagna les insignes du Mérite Militaire. Du régiment elle écrivit à ses parents: son père fit des démarches pour la faire rentrer, et c'est ainsi qu'on découvrit qui était le sous-officier Sokoloff. Appelée à Pétersbourg et présentée à Alexandre Ier, elle reçut l'autorisation de rester au service, sous le nom d'Alexandre Andréewitch Alexandroff. Elle fut en même temps promue cornette et passa au régiment des hussards de Marioupol. Affectée en 1811 aux uhlands de Lithuanie, elle fit la Guerre Patriotique et reçut à Borodino une contusion à la jambe, qui lui valut le grade de lieutenant avec les fonctions d'ordonnance de Koutouzoïff, mais la contraignit ensuite à retourner chez son père. Rentrée à l'armée en 1815, elle se distingua à Modlin et à Hambourg. Sortie du service en 1816 avec grade de capitaine de cavalerie en second, elle vécut tantôt à Sarapoul, tantôt à Elabouga, venant souvent à Pétersbourg.

Dès années 30 date le début de sa carrière littéraire: en 1836, le Contemporain de Pouchkine publia des fragments de ses Mémoires. Le poète lui-même s'intéressa à sa personnalité, lui consacra des articles enthousiastes et encouragea ses essais littéraires. Peu après parurent en entier ses Mémoires, où elle raconte sa vie, mais en passant sous silence certains événements (son mariage, par exemple), et dont le succès considérable l'engagea à écrire des romans et nouvelles, bien accueillis alors du public et favorablement appréciés par la critique (Bélinzky), mais aujourd'hui complètement oubliés.

Caractère enthousiaste, elle était d'une rare bonté d'âme, qui la faisait incessamment assiéger de solliciteurs, et d'une tendresse extraordinaire pour les animaux: elle avait chez elle une pièce spéciale pour les bêtes perdues ou malades, chiens et chats, et les soignait elle-même. Toujours habillée en homme, elle parlait d'elle au masculin et n'aimait pas être traitée comme une femme. Elle mourut à Elabouga le 23 mars 1866, et fut inhumée avec les honneurs militaires. En 1901, aux frais du 14e dragons de Lithuanie et par souscription parmi les habitants d'Elabouga, fut élevé sur sa tombe un monument portant l'inscription suivante: „Nadejda Andréewna Douroff, par ordre de l'Empereur Alexandre cornette Alexandroff, chevalier du Mérite Militaire. Mue par son amour pour la Patrie, entra dans les rangs du régiment des uhlands de Lithuanie. Sauva un officier et fut décorée de la croix de St-Georges. Après 10 ans de service au régiment, promue cornette; parvint au grade de capitaine en second. Née en 1783, décédée en 1866. Paix à sa cendre! Souvenir éternel, pour l'édification de la postérité, à son âme valeureuse!“

(D'après une aquarelle de A. Brulloff, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МАРІЯ АЛЕКСѢВНА БУТУРЛИЦА, 176. — 1803, дочь князя Алексѣя Михайловича Шаховскаго отъ брака съ Натальей Ѳедотовной Елагиной, была замужемъ за гвардіи капитаномъ Петромъ Михайловичемъ Бутурлинымъ (р. 1763 г., † 1828 г.) и имѣла 5 сыновей и 4 дочерей (см. № 77).

М. А. Бутурлина скончалась 22 Апрѣля 1803 года.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

MARIE ALEXÉEWNA BOUTOURLINE, 176.—1803, fille du prince Alexis Mikhaïlowitch Chakhowskoï et de Natalie Fédotowna, née Elaguine, épousa le capitaine de la Garde Pierre Mikhaïlowitch Boutourline (1763—1828), et eut cinq fils et quatre filles (v. № 77).

Mme Boutourline mourut le 22 avril 1803.

(D'après une aquarelle appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ, 1763—1828, сынъ Михаила Дмитріевича отъ брака съ графиней Елизаветой Францевной Сантъ (+ 12 Октября 1810 г.), родился 21 Іюня 1763 г., служилъ въ гвардіи до чина капитана, скончался 2 Февраля 1828 г. и погребенъ въ Московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ.

Отъ брака съ княжной Марьей Алексѣевной Шаховской (+ 1803 г.) имѣлъ 5 сыновей и 4 дочерей: 1) Михаила (р. 13 Мая 1786 г., + 26 Іюня 1860 г.), генераль-лейтенантъ; 2) Дмитрія (р. 1790 г., + 1849 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, директоръ Публичной библіотекъ; 3) Петра (р. 10 Октября 1800 г., + 14 Іюня 1876 г.), дѣйствительный тайный совѣтникъ; 4) Алексѣя (р. 1802 г., + 1863 г.), генераль-лейтенантъ, сенаторъ; 5) Сергѣя (р. 1 Марта 1803 г., + 1 Апрѣля 1873 г.), генераль-отъ-инфантерій, членъ Военнаго совѣта; 6) Анну, за Григоріемъ Петровичемъ Высоцкимъ; 7) Наталю, за Иваномъ Сергѣевичемъ Дохтуровымъ; 8) Елизавету, за Василиемъ Васильевичемъ Зыбнымъ, и 9) Александрю, за Александромъ Михайловичемъ Майлевскимъ.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго С. С. Бутурлину, въ Москвѣ.)

PIERRE MIKHAÏLOWITCH BOUTOURLINE, 1765—1828, fils de Michel Dmitriewitch Boutourline et d'Elisabeth Frantzewna, née comtesse Santi († 12 octobre 1810), naquit le 21 juin 1763 et servit dans la Garde jusqu'au grade de capitaine. Il mourut le 2 février 1828, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou.

Il eut de son mariage avec la princesse Marie Alexéewna Chakhowskoï († 1803) cinq fils et quatre filles: Michel (13 mai 1786—26 juin 1860), général lieutenant; Dmitri (1790—1849), conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, directeur de la Bibliothèque Publique; Pierre (10 octobre 1800—14 juin 1876), conseiller privé actuel; Alexis (1802—1865), général lieutenant, sénateur; Serge (1er mars 1803—1er avril 1873), général d'infanterie, membre du Conseil Militaire; Anne, mariée à Grégoire Pétrowitch Wysocki; Natalie, à Ivan Serguéewitch Dokhtouroff; Elisabeth, à Basile Vassiliewitch Zybine; Alexandrine, à Alexandre Mikhaïlowitch Maïlewsky.

(D'après une aquarelle appartenant à S. Boutourline, Moscou.)

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧЪ КУТУБУИЦКІЙ. 1775—1849, былъ сынъ мелкаго канцелярскаго чиновника, служившаго при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ, а позднѣе жившаго въ своемъ маленькомъ хуторѣ въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Кутубицкій воспитывался въ Артиллерійскомъ корпусѣ, откуда, вмѣстѣ съ Канцевичемъ, поступилъ на службу въ Гатчинскія войска Цесаревича Павла Петровича первымъ офицеромъ во вновь сформированную для него артиллерійскую батарею, которой командовалъ Аракчеевъ. Цесаревичъ скоро полюбилъ адъютанта своей артиллеріи, приблизилъ его къ себѣ и сталъ называть „Николкой“; зная, что Кутубицкій былъ опредѣленъ въ корпусъ фельдмаршаломъ Румянцевымъ, Великій Князь смотрѣлъ на Кутубицкаго, какъ на живую связь, соединявшую его съ Задунайскимъ, вѣрилъ въ его преданность и усердіе и однажды, пользуясь поѣздкой Кутубицкаго на родину, въ Малороссію, довѣрилъ ему тайное, весьма важное письмо къ Румянцеву. Вѣрность Кутубицкаго была щедро вознаграждена Павломъ Петровичемъ по восшествіи его на престолъ: уже 7 Ноября 1796 г. новый Императоръ пожаловалъ Кутубицкаго, въ чинѣ майора, своимъ флигель-адъютантомъ, а 1 Января 1797 г. Павелъ назначилъ его, 22 лѣтъ отъ роду, генералъ-адъютантомъ; 5 Апрѣля, въ день коронаціи, онъ получилъ Аннинскую ленту и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное имѣніе въ Нижегородской губерніи. Для Императора Кутубицкій оставался, однако, вѣчно „Николкой“: развитію дѣятельности Кутубицкаго помѣшали его неадаптность и неумѣніе угождать причудливому нраву Государя, хотя въ началѣ 1797 г. молодой генералъ-адъютантъ и назначенъ былъ инспектировать войска въ южной Россіи. Князь Лопухинъ считалъ Кутубицкаго „человѣкомъ ума, весьма ограниченнаго“, но зато всѣ современники отдають полную справедливость нравственнымъ качествамъ Кутубицкаго: его неподкупной честности и добротѣ. Онъ неоднократно смягчалъ гнѣвъ Императора, который самъ говорилъ, что чрезъ Кутубицкаго никто не сдѣлался несчастнымъ: для того суроваго времени и это было великой заслугой. Въ 1798 г. Кутубицкій, 23 лѣтъ, произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, а послѣ сооруженія новой Императорской резиденціи, Михайловскаго замка, назначенъ былъ его комендантомъ. Но комендантъ этотъ былъ внезапно арестованъ графомъ Паленомъ вечеромъ 11 Марта, за нѣсколько часовъ до кончины Императора Павла. Въ началѣ царствованія Императора Александра Кутубицкій состоялъ нѣкоторое время шефомъ 16.-гв. Артиллерійскаго баталіона, но въ 1802 г. вышелъ въ отставку и всю остальную жизнь провелъ въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ Нижегородскомъ имѣніи, с. Петропавловскомъ. Кутубицкій любилъ вспоминать прошлыя времена и все имъ пережитое въ короткое, но богатое перемянами царствованіе Павла I; „Разсказы о временахъ Императора Павла“, записанные съ его словъ, были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1866 г. и даютъ вѣрную характеристику чреватаго событіями времени, когда ему суждено было играть такую видную роль.

Послѣдніе годы жизни Кутубицкій, передавъ Петропавловское сыну, провелъ вмѣстѣ съ незамужней дочерью на хуторѣ своей сестры Никольскомъ, въ 6 верстахъ отъ города Городни, Черниговской губерніи. Здѣсь, въ скромной обстановкѣ, окруженный заботами любимой семьи, „добрый и радужный“ старикъ любилъ повторять свои разсказы, сидя въ своей маленькой комнатѣ, украшенной бюстомъ и портретомъ его благодѣтеля, провѣя котораго украшала любимый его перстень, а на подаренной ему табакеркѣ съ портретомъ Павла онъ вырѣзалъ надпись: „По Богѣ онъ единъ, я имъ и существую“.

Здѣсь П. О. Кутубицкій и скончался 15 Юня 1849 г.; кто была его жена, которую Императоръ Павелъ „называлъ колибри, по причинѣ малаго роста“, равно количество и имена его дѣтей—намъ неизвѣстны.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

NICOLAS OSSIPOWITCH KOUTLOUBITZKY, 1775—1849, fils d'un modeste employé de chancellerie du feld-maréchal comte P. Roumiantzeff-Zadounaïsky qui se retira ensuite dans sa petite métairie du district de Prilouki, fit ses études au Corps d'Artillerie, d'où il sortit en même temps que Kaptzewitch dans les Gatchiniens du Césarewitch Paul Pétrowitch premier officier à la brigade d'artillerie formée exprès pour lui et commandée par Araktchéeff. Le Césarewitch prit bientôt en affection l'aide de camp de son artillerie, l'approcha de lui et se mit à l'appeler Nikolka; le sachant au Corps grâce à Roumiantzeff, il le considérait comme un lien vivant qui l'unissait au feld-maréchal, avait confiance en son dévouement et son zèle, et une fois, profitant d'un voyage qu'il allait faire dans son pays, en Petite-Russie, le chargea d'une lettre confidentielle et très importante pour Roumiantzeff. Cette fidélité fut généreusement récompensée par Paul Pétrowitch à son avènement au trône: dès le 7 novembre 1796, Koutloubitzky, alors major, était fait aide de camp de Sa Majesté, et, le 1er janvier 1797, à l'âge de 22 ans, promu général aide de camp; enfin le 5 avril suivant, jour du couronnement, il recevait le cordon de Ste-Anne en même temps qu'un domaine considérable dans le gouvernement de Nijni-Novgorod. Pour l'Empereur, cependant, il restait toujours Nikolka; ce qui fit obstacle aux progrès de sa carrière, ce fut son esprit borné et sa maladresse à complaire à l'humeur fantasque du Souverain: pourtant, au commencement de 1797, le jeune général aide de camp fut bien appelé à l'inspection des troupes de la Russie Méridionale. Le prince Lopoukhine lui trouvait „un esprit très borné“; mais aussi, tous les contemporains rendent justice à ses qualités morales, incorruptible loyauté et bonté. Il modéra dans maintes occasions le courroux de l'Empereur, qui disait souvent que son intercession avait prévenu bien des infortunes: par ces temps de rigueurs, c'était déjà là un grand mérite! En 1798, alors âgé de 23 ans, Koutloubitzky passa général lieutenant, et, quand fut prête la nouvelle résidence Impériale du Château Michel, il en fut fait commandant. Mais ce commandant fut inopinément arrêté par le comte Pahlen le soir même du 11 mars, quelques heures avant la fin de l'Empereur Paul. Au début du règne de l'Empereur Alexandre, il fut quelque temps chef du bataillon d'artillerie de la Garde, mais quitta le service en 1802, pour passer tout le reste de sa vie dans ses propriétés du gouvernement de Nijni-Novgorod, don de Paul Ier, à Pétropavlovskoïé. Il aimait rappeler le passé et tout ce qu'il avait vu sous ce règne court, mais fertile en changements; les Récits des temps de l'Empereur Paul, rédigés d'après ses paroles et publiés en 1866 dans l'Archive Russe, sont un tableau fidèle de l'époque grosse d'événements où il lui avait été donné de jouer un rôle si marquant.

Dans ses dernières années, Koutloubitzky céda Pétropavlovskoïé à son fils, et se retira avec sa fille non mariée dans la métairie de sa sœur, Nikolskoïé, à six verstes de la ville de Gorodnia, gouvernement de Tchernigoff. Là, dans une modeste installation, entouré de la sollicitude d'une famille aimée, le „bon et cordial“ vieillard aimait répéter ses récits, dans sa petite chambre ornée du buste et du portrait de son bienfaiteur, dont le profil se dessinait sur sa bague préférée; sur une tabatière à portrait que lui avait donnée Paul Ier, il fit graver la devise: „Le premier après Dieu, c'est lui qui me fait vivre“.

Là est mort Koutloubitzky le 15 juin 1849; qui était sa femme, surnommée par l'Empereur Paul „Colibri, à cause de sa petite taille“, quels furent le nombre et les noms de ses enfants, nous ne savons.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

БОРИСЪ БОРИСОВИЧЪ ЛЕЦЦАНО, 1740—1827, по происхожденію итальянецъ (братъ его, Аптопій, остался въ Италіи и былъ католическимъ епископомъ), началъ службу при дворѣ „рейтѣ-нажомъ“ 1 Января 1753 г.; черезъ 2 года, 25 Апрѣля 1755 г., выпущенъ въ армію прапорщикомъ, 1 Января 1759 г. произведенъ въ подпоручики, 1 Января 1763 г.—въ поручики, въ 1767 г., 1 Января—въ капитаны, въ 1770 г.—въ секундъ-майоры, а на слѣдующій годъ, 22 Октября 1771 г.—въ премьеръ-майоры; пробывъ въ этомъ чинѣ 6 лѣтъ, Леццано 30 Января 1777 г. произведенъ въ подполковники, 21 Апрѣля 1785 г.—въ полковники и ровно чрезъ 4 года, въ 1789 г.,—въ бригадиры. За это время онъ участвовалъ въ походахъ: въ 1760 и 1761 г. былъ въ Помераніи при взятіи Кольберга, съ 1770 по 1774 г. и въ 1788 г. сражался въ Польшѣ съ конфедератами, наконецъ, участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, при чемъ былъ во многихъ дѣлахъ съ турками, въ томъ числѣ на штурмѣ Измаила и въ знаменитомъ сраженіи при Мачинѣ. Въ 1784 г., 26 Мая, онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., а 28 Іюня 1792 г. пожалованъ былъ Георгіемъ 3-й степени. Командуя, въ чинѣ бригадира, Витебскимъ мушкетерскимъ полкомъ, Леццано 1 Января 1793 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры.

Павелъ I, особенно благоволившій къ Леццано, произвелъ его 8 Февраля 1798 г. въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ Архангельскимъ военнымъ губернаторомъ, затѣмъ, 23 Мая 1799 г., пожаловалъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, назначивъ въ то же время Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ. Будучи въ Архангельскѣ, Леццано, въ Апрѣль 1798 г., отобралъ привезенную бумагу со знакомъ „пагубныхъ французскихъ вольностей“, которую Государь приказалъ сжечь. За время службы въ Иркутскѣ онъ представилъ проектъ устройства земель въ Забайкальѣ, положивъ начало заселенію области, установилъ надзоръ за Китайской границей, заботился объ устройствѣ Кругобайкальской дороги, учредилъ въ 1801 г. Камчатскій ландмилиціи полкъ. Иркутскимъ губернаторомъ Леццано оставался до 1802 г., когда указомъ 26 Марта 1802 г. былъ „отставленъ отъ службы“, при чемъ предварительно, 25 Января того же года, ему было „дано на замѣчаніе, что постройка домовъ для поселенцевъ въ Забайкальѣ цдѣтъ не поспѣшно“, а его преемнику указывалось на „несчастный опытъ, при бывшемъ губернаторѣ Леццано сдѣланный, который показалъ, сколь пагубныя послѣдствія имѣютъ распоряженія, на стѣсненіи основанныя“.

Императоръ Павелъ пожаловалъ Леццано имѣніе въ Новгородской губерніи, гдѣ онъ построилъ себѣ усадьбу „Ватагино“, которую и до сего времени владѣютъ его потомки. Семейное преданіе передаетъ, что Леццано „авился къ Государю въ неформенной шпагѣ; на гнѣвное замѣчаніе Павла I, Леццано отвѣтилъ, что „эта шпага была ему пожалована родителемъ Государя, Петромъ III, почему онъ ее и носитъ“. Отвѣтъ этотъ переложилъ царскій гнѣвъ на милость: Императоръ тутъ же пожаловалъ ему свою форменную шпагу и велѣлъ ее носить“.

Б. Б. Леццано „оставилъ по себѣ память честнѣйшаго, строгаго и взыскательнаго служака, вспыльчиваго и до самой смерти своей—бодраго старика“. Еще за недѣлю до смерти онъ самъ распоряжался похоронами на Фарфоровомъ кладбищѣ, близъ Петербурга, тѣла дочери своей Екатерины Борисовны Дивовой († 26 Іюня 1827 г.).

Кромѣ брата Антонія, Леццано имѣлъ незамужнюю сестру Софію Борисовну († 10 Апрѣля 1798 г.); онъ былъ женатъ на Н. Н. Таунусъ, разведенной послѣ перваго брака; позднѣе она развелась и съ Леццано и вышла въ 3-й разъ замужъ за барона Раутенфельда. У Б. Б. Леццано было 2 сына, умершихъ холостыми (N. N., † 10 Сентября 1804 г., и Антонъ, † 12 Октября 1823 г.), и 2 дочери: Екатерина († 26 Іюня 1827 г.; съ 19 Апрѣля 1794 г. за Петромъ Гавриловичемъ Дивовымъ, р. 8 Января 1765 г., † 185. г.) и Елизавета-Аделаида († въ Выборгѣ 29 Января 1858 г.; съ 23 Сентября 1796 г. за барономъ Шуальцемъ).

Б. Б. Леццано скончался 3 Іюля 1827 г. и похороненъ на кладбищѣ Фарфороваго завода, на Певѣ, близъ С.-Петербурга; могилы какъ его, такъ и его дочери Дивовой не сохранились.

Прилагаемый портретъ рисованъ въ 1822 г. внучкой Леццано, Наталіей Петровной Дивовой (р. 1 Мая 1796 г., † 1 Октября 1832 г., незамужней; похоронена на Фарфоровомъ кладбищѣ).

(Съ портрета, рисованнаго П. П. Дивовой, 1822 г.; собственность П. А. Храповицкаго, с. Ватагино, Новгородской губ.)

BORIS BORISSOWITCH LEZZANO, 1740—1827, d'origine italienne (son frère Antoine resta en Italie et y fut évêque catholique), débuta au service le 1er janvier 1753 comme page à la Cour. Sorti deux ans après, le 25 avril 1755, porte-enseigne à l'Armée, promu le 1er janvier 1759 sous-lieutenant, le 1er janvier 1763 lieutenant, le 1er janvier 1767 capitaine, en 1770 second major, et l'année suivante, le 22 octobre 1771, premier major, il devint, après six années de ce dernier grade, lieutenant-colonel le 30 janvier 1777, colonel le 21 avril 1785, et brigadier juste quatre ans plus tard, en 1789. Comme campagnes dans ce laps de temps, il passa 1760 et 1761 en Poméranie et fut à la prise de Kohlberg, combattit de 1770 à 1774, puis en 1788, les Confédérés de Pologne, et fit enfin la seconde guerre de Turquie, où il fut de nombreuses affaires contre les Turcs, entre autres l'assaut d'Ismail et la célèbre bataille de Matchine. Il reçut, le 26 novembre 1784, St-Georges de 4e classe, et, le 28 juin 1792, St-Georges de 3e classe. Commandant comme brigadier le régiment des mousquetaires de Vitebsk, il fut promu général major le 1er janvier 1793.

Paul Ier, particulièrement bien disposé en faveur de Lezzano, le fit le 8 février 1798 général lieutenant et gouverneur militaire d'Arkhangel, puis, le 23 novembre 1799, général d'infanterie et gouverneur militaire d'Irkoutsk. A Arkhangel, il saisit en avril 1798 un papier venu du dehors et marqué des „pernicieuses licences françaises“, que l'Empereur fit brûler. A Irkoutsk, il élaborait pour la Transbaïkalie un plan d'organisation agraire, jetant ainsi les bases de la colonisation du pays, établit une surveillance à la frontière chinoise, étudia le percement d'une route circumbaïkalienne, et créa en 1801 le régiment de milice du Kamtchatka. Il était toujours gouverneur d'Irkoutsk en 1802, lorsqu'il fut, par oukaze du 26 mars, „révoqué du service“, non sans avoir reçu le 23 janvier „l'observation que la construction des maisons pour les colons de Transbaïkalie n'avance pas vite“, et l'attention de son successeur fut appelée sur „la malheureuse expérience faite du temps de l'ex-gouverneur Lezzano, et qui montre les funestes conséquences des mesures de nature vexatoire“.

L'Empereur Paul gratifia Lezzano d'une terre dans le gouvernement de Novgorod : il s'y fit bâtir son Vataguino, resté jusqu'à présent dans la famille. Il se serait un jour, rapporte une tradition de famille, „présenté à l'Empereur en épée de fantaisie ; sur une observation courroucée de Paul Ier, il expliqua que „cette épée lui avait été décernée par le père du Souverain, Pierre III, et que c'était pourquoi il la portait“. Le courroux impérial fit alors place à la bienveillance : l'Empereur lui fit don à l'instant de son épée d'ordonnance, avec ordre de la porter“.

Lezzano „a laissé la mémoire d'un serviteur des plus loyaux, sévère et exigeant, d'un caractère emporté, et, jusqu'à la fin, d'une verte vieillesse“. Une semaine encore avant de mourir, il s'occupait lui-même des funérailles, au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, près Pétersbourg, de sa fille Catherine Divoff, décédée le 26 juin 1827.

Outre son frère Antoine, il avait encore une sœur non mariée, Sophie († 10 avril 1798). Il épousa Mme N. Taunus, divorcée d'un premier mari ; elle divorça également avec lui, et épousa en troisièmes noces le baron Rautenfeld. Lezzano eut deux fils, morts célibataires, N. († 10 septembre 1804) et Antoine († 12 octobre 1823), et deux filles, Catherine († 26 juin 1827), mariée le 19 avril 1794 à Pierre Gavrilowitch Divoff (8 janvier 1765—185.), et Elisabeth-Adélaïde, mariée le 23 septembre 1796 au baron Schultz et morte à Wiborg le 29 janvier 1858.

Lezzano mourut le 3 juillet 1827, et fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine, sur les bords de la Néva, près de St-Pétersbourg. Son monument et celui de sa fille Catherine ont également disparu.

Le portrait ci-joint a été fait en 1822 par sa petite-fille Natalie Pétrowna Divoff (1er novembre 1796—1er octobre 1852 ; non mariée, inhumée au cimetière de la Manufacture de Porcelaine).

(D'après un dessin de Mlle N. Divoff, 1822, appartenant à P. Khrapovitzky, Vataguino, gouv. de Novgorod.)

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ, 1780—1841, сынъ поручика Андрея Андреевича отъ брака съ Елизаветой Андреевной Ветлицкой, младшій братъ знаменитаго временщика, графа А. А. Аракчеева, родился 17 Августа 1780 года; выпущенный изъ Артиллерійскаго корпуса, началъ службу 15 Ноября 1796 г. подпоручикомъ въ лб.-гв. Артиллерійскомъ баталіонѣ, гдѣ въ 1797 г. былъ произведенъ въ поручики, 23 Октября 1805 г.—въ штабсъ-капитаны и 25 Мая 1806 г.—въ капитаны. Въ томъ же году, 14 Декабря, вышелъ въ отставку; но черезъ годъ, 11 Февраля 1808 г., вновь поступилъ на службу, съ назначеніемъ состоять при Военномъ министерствѣ и съ зачисленіемъ въ тотъ же Артиллерійскій баталіонъ; 30 Августа (1808 г.) онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, съ чиномъ полковника. Въ 1812 г., во время пребыванія Александра I въ арміи, состоялъ при Государѣ, затѣмъ былъ командированъ (во 2-ю армію) къ князю Багратиону; во время Бородинскаго боя исполнялъ обязанности дежурнаго генерала 2-й арміи и получилъ за храбрость св. Владиміра 3-й ст.; 29 Декабря 1812 г. Аракчеевъ былъ назначенъ Кіевскимъ комендантомъ и здѣсь, 11 Сентября 1816 г., былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Въ Кіевѣ, по словамъ Вигеля, онъ былъ уже „хворымъ“ и, послѣ 6-мѣсячнаго отпуска въ 1827/28 гг., 17 Марта 1829 г. былъ уволенъ отъ службы, „за болѣзнью, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада“ (4800 руб. асс.).

П. А. Аракчеевъ былъ женатъ на дочери жившаго въ Москвѣ тайнаго совѣтника князя Ивана Андреевича Девлетъ-Князьдѣва, Паталіи Ивановнѣ, но дѣтей не имѣлъ. За женой Аракчеевъ получилъ 500 душъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, да столько же унаследовалъ (въ Бѣжецкомъ и Вышневолоцкомъ уѣздахъ), въ нераздѣльномъ владѣніи съ графомъ, послѣ своей матери († 17 Юня 1820 г.; см. о ней т. I, № 170; также „Древн. и Нов. Россія“, 1875 г., I). Изъ этого имѣнія П. А. Аракчееву особенно хотѣлось получить въ свою собственность родовое село Гарусово, и онъ писалъ брату: „Глѣди на комнаты, гдѣ мы родились, ходя по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы рѣзвились, нельзя, чтобы чувства не воссламенились. Проживя съ полсотни лѣтъ, желалъ бы, гдѣ узрѣлъ я первый свѣтъ, чтобы тамъ сокрытъ былъ оный и навѣкъ. Расположеніе сердца моего вотъ каково! Проводить съ весны до зимы въ любезномъ Гарусовѣ, а зиму въ Москвѣ у милыхъ родныхъ. Ради самого Бога, доставьте родному единственному брату провести послѣдніе дни жизни своей спокойно. Продайте одну часть мнѣ, а мнѣ по смерти доставить совершенное спокойствіе, да и то ненадолго, по моему слабому здоровью“... Аракчеевъ былъ вообще не чуждъ поэзіи въ жизни: любилъ по мечтать или вставить въ письмо какія-либо нескладныя вирши своего издѣлія: „Начну, вмѣсто поздравленія, своими стихами, которые мнѣ сейчасъ родился въ разсудкѣ“, писалъ онъ разъ графу, „не съ Новымъ годомъ должны мы поздравлять; но за старый должны Всевышняго благословлять и милостиваго просить его покровѣ!“ Несмотря на свои лѣта и болѣзни, онъ имѣлъ пристрастіе къ духамъ и помадѣ и, бывая въ гостяхъ въ Грузинѣ, опустошалъ запасы розовой воды въ тамошней госпитальной аптекѣ. Зиму онъ проводилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Малой Пикитской, близъ церкви св. Георгія, и здѣсь развлекался Московскими новостями, свадьбами и обѣдами, о чемъ часто сообщалъ брату. Въ Кіевѣ Аракчеевъ заказала на фарфоровой фабрикѣ князя Юсупова сервизъ для графа съ рисунками видовъ и рѣдкостей Грузина: тутъ были изображены и висячіе мостики, и пруды съ храмомъ Мелиссино, и руина князя Меншикова, яхта на Волховѣ, статуя Андрея Первозваннаго и т. п. (снимки съ литографированныхъ видовъ Грузина, изданныхъ графомъ Аракчеевымъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, для его знакомыхъ).

Однако, больной Петръ Андреевичъ пережилъ графа А. А. Аракчеева († 1834 г.). Говорятъ, что завѣщаніе Грузина въ казну „сильно на него подействовало и разстроило его разсудокъ; послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ печальномъ положеніи“.

П. А. Аракчеевъ умеръ 6 Декабря 1841 г. и похороненъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, подъ Тихвинской церковью. Тамъ же погребена и его жена Паталія Ивановна (р. 24 Августа 1784 г., † 23 Октября 1849 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго П. Д. Юматову, въ С.-Петербургѣ.)

PIERRE ANDRÉEWITCH ARAKTCHÉEFF, 1780—1841, fils du lieutenant André Andréewitch Araktchéeff et d'Elisabeth Andréwna, née Veltitzky, et frère cadet du comte A. Araktchéeff, le célèbre favori, naquit le 17 août 1780. Sorti du Corps d'Artillerie, il entra au service le 15 novembre 1796 sous-lieutenant au bataillon d'artillerie de la Garde, où il passa lieutenant en 1797, capitaine en second le 23 octobre 1803, et capitaine en premier le 25 mai 1806. Mis à la retraite le 14 décembre suivant, il reprit du service le 11 février 1808, comme attaché au ministère de la guerre et affecté au même bataillon d'artillerie, et, le 30 août suivant, il était aide de camp de Sa Majesté avec grade de colonel. En 1812, Alexandre Ier étant à l'armée, il fut attaché à sa personne, puis délégué à la seconde armée près du prince Bagration; à Borodino, il y fit fonctions de général de service, et gagna par sa valeur St-Vladimir de 3e classe. Nommé commandant de Kieff le 29 décembre 1812, il y fut promu général major le 11 septembre 1816. A Kieff, au témoignage de Wiegel, il était déjà „souffrant“, et, après six mois de congé en 1827—1828, il fut mis à la retraite le 17 mars 1829 „pour raisons de santé, avec uniforme et solde entière“ (4800 roubles-assignats).

Araktchéeff épousa la fille Natalie du prince Ivan Andréewitch Devlet-Kildéeff, conseiller privé, résidant à Moscou, et n'eut pas d'enfants. Il reçut dans la dot de sa femme 500 têtes de paysans au district de Béjetzk, et en hérita autant de sa mère († 17 juin 1820; v. T. I, № 170 et *La Russie ancienne et moderne*, 1875, I) indivisément avec le comte son frère dans les districts de Béjetzk et de Vychni-Volotchok. De ces biens, il tenait surtout à avoir à lui son bourg natal de Garoussovo, et écrivait à son frère: „En voyant les pièces où l'on est né, en parcourant les lieux où l'on a grandi, on ne peut empêcher les sentiments de s'enflammer. Après un demi-siècle d'existence, je voudrais, là où j'ai ouvert les yeux à la lumière, les y fermer aussi pour toujours. Voici quelle est la disposition de mon cœur! Rester du printemps à l'hiver dans ce charmant Garoussovo, et passer l'hiver à Moscou avec ma chère famille. Au nom du Ciel, faites que votre frère unique puisse passer tranquillement les derniers jours de sa vie. Vendez-moi l'autre moitié: ce sera pour moi la tranquillité complète jusqu'à ma mort, pour peu de temps, car j'ai une santé chancelante“... Araktchéeff, en général, n'était pas ennemi d'un peu de poésie dans la vie: il aimait rêvasser, mettre dans une lettre quelques vers boiteux de sa façon: „Je commencerai, en guise de félicitation, par des vers qui viennent de m'éclorre à l'esprit“, écrit-il un jour au comte; „ce qu'on devrait faire, ce n'est pas de féliciter à l'occasion du Nouvel An, mais de bénir le Très-Haut pour l'année écoulée et lui demander sa gracieuse protection“. En dépit de l'âge et de la maladie, il avait la manie des parfums et de la pommade, et, lors de ses séjours à Grouzino, épuisait les provisions d'eau de rose de la pharmacie de l'hôpital. Il passait l'hiver à Moscou dans sa maison de la Petite Nikitskaïa, près de l'église St-Georges, s'amusant aux nouvelles, noces et dîners de la ville, dont il rendait souvent compte à son frère. A Kieff, il commanda pour le comte à la manufacture de porcelaine du prince Youssoupoïff un service orné de vues et de reproductions d'objets rares de Grouzino, les ponts suspendus, les étangs avec le temple de Melissino, la ruine du prince Menchikoff, le yacht du Volkhoff, la statue de St-André, etc. (d'après les lithographies de Grouzino publiées par le comte Araktchéeff à un petit nombre d'exemplaires, pour ses amis).

Araktchéeff, tout malade qu'il était, survécut cependant à son frère aîné († 1834). La cession de Grouzino à l'Etat lui fit, dit-on, une impression violente, au point de troubler sa raison; il passa ses dernières années dans un état lamentable. Il mourut le 6 décembre 1841, et fut inhumé au monastère Simonoff, à Moscou, sous l'église de Tikhvine. Là repose aussi sa femme (24 août 1784—23 octobre 1849).

(D'après une aquarelle appartenant à N. Youmatoff, St-Petersbourg.)

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧЪ КОЛОГРИВОВЪ, 1774—1825, происходилъ изъ старинной дворянской фамилии; 10 Декабря 1785 г. записанъ рейт-пажемъ къ Павлу Петровичу, неизмѣнной милостью котораго пользовался до самой его смерти. Въ 1789 г. былъ произведенъ арміи въ поручики и назначенъ въ штатъ главной конюшни наслѣдника, въ 1791 г. назначенъ ротмистромъ въ Кирасирскій наслѣдника полкъ. Принадлежа къ числу „гатчинцевъ“, участвовалъ въ чинѣ секундъ-майора при формированіи гусарскаго эскадрона и вскорѣ (11 Февраля 1796 г.) назначенъ командиромъ всей Гатчинской кавалеріи, а въ Маѣ—комендантомъ въ Павловскѣ. Быстро подвигаясь въ чинахъ, онъ 27 Ноября 1796 г. былъ уже генералъ-майоромъ и шефомъ аб.-гв. Гусарскаго и Казачьяго полковъ; въ 1797 г.—инспекторомъ по кавалеріи Литовской инспекціи и кавалеромъ ордена св. Анны 1-го кл.; въ 1798 г. пожалованъ въ генераль-лейтенанты, получивъ въ теченіе царствованія Павла 15.000 десятинъ земли и 1500 душъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи. Въ эпоху Мартовскаго переворота главари заговора озабочились устраненіемъ этого предавшаго слуги Императора, и въ роковую ночь съ 11-го на 12-е Марта 1801 г. Кологривовъ былъ арестованъ въ своемъ собственномъ домѣ и вышущенъ лишь на другой день. Императоръ Александръ сохранилъ ему благоволеніе, которымъ онъ пользовался при покойномъ Государѣ, а въ 1805 г., 24 Сентября, наградиъ Кологривова Александровскою звѣздой. Командуя затѣмъ гвардейской кавалеріей, а впоследствии и гвардейскимъ корпусомъ, подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича Павловича, Кологривовъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1807 гг., при чемъ участвовалъ въ бояхъ при Аустерлицѣ, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, а за Фридляндское сраженіе, гдѣ командовалъ правымъ флангомъ арміи, награжденъ 30 Августа 1807 г. орденомъ св. Георгія 3 ст. и Прусскими орденами Чернаго и Краснаго орла. Находясь съ 22 Октября 1807 г. въ отставкѣ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, онъ снова вступилъ на службу 20 Октября 1812 г. и назначенъ командиромъ кавалерійскихъ резервовъ для усиленія дѣйствующей арміи въ 1813 и 1814 гг., за что 20 Мая 1814 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-го класса.

А. С. Кологривовъ извѣстенъ, какъ лихой кавалерійскій генералъ; человекъ недалекій и ограниченный, невѣжественный даже въ то время, онъ отличался добрымъ, хотя и вспыльчивымъ характеромъ, былъ большой хлѣбосоль и велъ въ Петербургѣ широкую, открытую жизнь. О хлѣбосольствѣ его говорить его современникъ С. П. Жихаревъ и приводитъ ходившую въ то время (1808 г.) поговорку: „Кто у Мамютина (Измайловскаго) пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умретъ, тотъ два вѣка проживетъ“. Баронъ Гейкинъ, очень расположенный къ врагу Кологривова—П. А. Палену, говорить о его „наглости“ и „хвастливости“, благодаря которымъ и „смѣлой осанкѣ“ онъ прослылъ храбрецомъ, каковымъ считалъ его и Павелъ I: „когда находили на послѣднего припадки страха, онъ приказывалъ Кологривову спать у себя въ комнатѣ“. Къ чести Кологривова, всѣ эти рассказы только доказываютъ, насколько послѣдній былъ преданъ своему Государю, и какъ опасался его Паленъ.

Кологривовъ женатъ былъ на дочери генералъ-лейтенанта Екатерины Александровны Челнщевой (р. 27 Іюня 1778 г., † 14 Декабря 1857 г.), отъ которой имѣлъ сыновей: Михаила (р. 1812 г.), Семена (р. 1815 г.), Николая (р. 21 Октября 1816 г., † 20 Февраля 1833 г.) и Александра (р. 29 Декабря 1819 г., † 29 Мая 1839 г.), и дочерей: Анну (р. 1802 г.; въ замужствѣ Хлопова), Марію (р. 1804 г.), Екатерину (р. 1806 г.), Александру (р. 1807 г.) и Надежду († 1889 г.; въ 1-мъ бракѣ за графомъ Г. П. Копыинымъ, во 2-мъ—за княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ).

А. С. Кологривовъ скончался въ Декабрѣ 1825 г. и похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ; на могилѣ его поставленъ великолѣпный гранитный памятникъ съ мраморнымъ барельефомъ, представляющимъ около мужского бюста группу изъ плачущей вдовы съ двумя дѣтьми и 4 взрослыми дѣвушками.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

ANDRÉ SÉMENOWITCH KOLOGRIVOFF, 1774—1825, d'une vieille famille noble, fut attaché le 10 décembre 1785 comme page au Grand-Duc Paul Pétrowitch, qui lui témoigna jusqu'à sa mort une faveur constante. Promu en 1789 lieutenant à l'Armée et affecté à l'écurie générale du Grand-Duc Héritier, il fut nommé en 1791 capitaine de cavalerie au régiment des Cuirassiers du Césarewitch. Gatchinien, il collabora comme second major à la formation de l'escadron de hussards, et devint bientôt, le 11 février 1796, commandant de toute la cavalerie de Gatchina, puis, en mai, commandant de Pavlowsk. Il eut un avancement rapide: déjà général major le 27 novembre 1796 et chef des régiments de Hussards et de Cosaques de la Garde, il fut en 1797 nommé inspecteur de la cavalerie de la circonscription de Lithuanie et décoré de Ste-Anne de 1re classe, et promu en 1798 général lieutenant; il reçut sous Paul Ier 15.000 hectares de terre et 1500 têtes de paysans dans le gouvernement de Tamboff. Lors de la révolution de Mars, les chefs de la conspiration s'assurèrent de la personne de ce serviteur dévoué de l'Empereur: dans la nuit fatale du 11 au 12, il fut arrêté dans sa propre maison, et relâché le lendemain seulement. L'Empereur Alexandre lui conserva la faveur dont il jouissait près du feu Souverain, et en 1803, le 24 septembre, lui conféra l'étoile de St-Alexandre. A la tête de la cavalerie de la Garde, puis du corps de la Garde, sous le commandement général du Césarewitch Constantin Pavlowitch, il fit les campagnes de 1805, 1806 et 1807, et combattit à Austerlitz, Guttstadt et Heilsberg; Friedland, où il commandait le flanc droit de l'armée, lui valut, le 30 août 1807, St-Georges de 3e classe et les ordres prussiens de l'Aigle Noir et de l'Aigle Rouge. Mis à la retraite le 22 octobre suivant comme général de cavalerie, il reprit du service le 20 octobre 1812, et fut nommé commandant des réserves de cavalerie destinées à renforcer l'armée d'opérations en 1813 et 1814, ce qui lui valut, le 20 mai 1814, St-Vladimir de 1re classe.

Kologrivoff est connu pour sa valeur comme général de cavalerie. Homme insignifiant et borné, ignorant même pour son temps, il avait le caractère bon, quoique un peu vif. Il donnait de grandes réceptions à Pétersbourg, vivant largement et tenant table ouverte: un contemporain, S. Jikhareff, cite à ce propos le dicton qui avait cours alors, vers 1808: „Diner chez Malioutine (Izmailowsky) et souper chez Kologrivoff sans trépasser dans la nuit, c'est avoir deux âges d'homme assurés“. Le baron Heiking, très lié avec Pahlen, qui était au plus mal avec Kologrivoff, parle de l'„effronterie“ et de la „vantardise“ auxquelles celui-ci aurait dû, ainsi qu'à sa „hautaine attitude“, de passer pour un brave, aux yeux même de Paul Ier, qui, „dans ses accès de terreur, le faisait coucher dans sa chambre“. La chose est tout à l'honneur de Kologrivoff, et ne fait qu'attester son dévouement à son Souverain et la crainte qu'il inspirait à Pahlen.

Kologrivoff épousa la fille Catherine (27 juin 1778—14 décembre 1857) du général lieutenant Alexandre Tchélitchcheff, et eut plusieurs fils, Michel (né 1812), Siméon (né 1815), Nicolas (21 octobre 1816—20 février 1853) et Alexandre (29 décembre 1819—29 mai 1859), et plusieurs filles, Anne, née en 1802 et mariée à Khlopoff, Marie (née 1804), Catherine (née 1806), Alexandrine (née 1807) et Nadejda († 1889), mariée en premières noces au comte G. Konovnitzyne et en secondes noces au prince A. Dondoukoff-Korsakoff.

Kologrivoff mourut en décembre 1825, et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff; sa sépulture est ornée d'un magnifique monument de granit avec bas-relief en marbre représentant un buste d'homme entouré d'une veuve éplorée avec deux enfants et de quatre grandes jeunes filles.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КАПЦЕВИЧЪ, 1772—1840, сынъ коллежскаго ассессора Михаила Семёновича, происходилъ изъ незначительнаго малороссійскаго рода; получивъ образованіе въ Артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ, 6 Декабря 1792 г. выпущенъ поручикомъ въ Гатчинскую артиллерію. Попадъ въ офицеры сравнительно поздно, Капцевичъ зато быстро сдѣлалъ карьеру при Павлѣ I, благодаря службѣ въ Гатчинскихъ войскахъ, въ особенности же способствовало его успѣхамъ покровительство Аракчеева. Въ Гатчинѣ онъ дошелъ до чина майора, по востествіи же на престолъ Павла I переведенъ 9 Января 1796 г., съ чиномъ подполковника, въ гвардейскій баталіонъ и назначенъ С.-Петербургскимъ плацъ-майоромъ. Въ 1797 г. Капцевичъ былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году, 25-и лѣтъ отъ роду,—въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ Артиллерійскаго баталіона его имени. Въ 1799 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и принималъ участіе въ походѣ въ Голландію, гдѣ заслужилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Въ 1804 г. Капцевичъ назначенъ шефомъ 3 Артиллерійскаго полка и инспекторомъ по артиллеріи Кавказской инспекціи. Въ 1807 г. онъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ чеченцевъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1808—1810 гг. Капцевичъ былъ дежурнымъ генераломъ при военномъ министрѣ, а затѣмъ получалъ 7-ю пѣхотную дивизію. Дѣятельное участіе принялъ онъ въ войнахъ 1812—1814 гг., при чемъ командовалъ 8-мъ и 10-мъ корпусами, и при Лейпцигѣ былъ контуженъ. За военные отличія Капцевичъ получилъ нѣсколько наградъ: ордена св. Владиміра 2-й ст. (Смоленскъ), Георгія 3-й и 2-й ст. (Бородино и Лейпцигъ), Александра Невскаго (Кацбахъ) и золотую шагу съ алмазами (Малоярославецъ). По окончаніи войны онъ вернулся къ командованію дивизіей, стоявшей въ Кіевѣ, а въ 1819 г. назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Въ 1822 г., по раздѣленіи Сибири на 2 части, Капцевичъ назначенъ былъ Тобольскимъ и Томскимъ генералъ-губернаторомъ. Произведенный въ 1823 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, въ 1826 г. онъ отправился въ Москву на коронацію Николая I и болѣе въ Сибирь не возвращался, обиженный назначеніемъ сенаторской ревизіи, которая между прочимъ должна была разслѣдовать разные доносы на Капцевича. „Не мнѣ писать законы, но и не мнѣ учиться служить вѣрно царю“, писалъ онъ Тобольскому губернатору Д. Н. Бантишу-Каменскому. „Ежели я не соблюлъ формы, то сознаюсь передъ вами и хвалюсь сею виною; зато, сохранивъ до сего край, мнѣ вѣрный, и безмолвныхъ крестьянъ отъ притязаній, а Казенную Тобольскую палату отъ безпорядка въ ея запутанностяхъ, остаюсь въ совѣсти спокойнымъ“. Сенаторская ревизія не набросила тѣни на Капцевича и не имѣла дурныхъ для него послѣдствій. Пробывъ нѣкоторое время за границей для лѣченія, онъ поселился въ Черниговѣ съ тещей, воспитывавшей его дѣтей послѣ смерти его жены. Бездѣйствіе его продолжалось недолго, и въ 1828 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Дѣятельность Капцевича на новомъ посту вызывала неоднократно благодарности Николаю I и награды: въ 1834 г. онъ получилъ Владиміра 1-й ст., въ 1836 г. алмазы къ Александру Невскому; въ 1835 г. онъ былъ переименованъ въ генералы-отъ-артиллеріи.

Капцевичъ скончался на 69 году, 3 Іюля 1840 г., въ имѣніи генерала Тимашева, близъ Оренбурга, и погребенъ въ с. Никольскомъ, въ 50 верстахъ отъ Оренбурга; онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Прозоровской, рано умершей, и имѣлъ сына Николая (р. 1818 г., † 1862 г.) и дочь, за генераломъ Эссенемъ.

Извѣстный поэтъ князь И. М. Долгорукій, познакомившійся съ Капцевичемъ въ Кіевѣ въ 1817 г., оставилъ такую его характеристику: „Генералъ Капцевичъ очень скромный и вѣжливый человѣкъ, хорошій хлѣбосоль, привѣтливый хозяинъ... Онъ не говоритъ безпрестанно о своихъ побѣдахъ и подвигахъ, хотя 3 звѣзды на груди и добрый гарштуръ разноцвѣтныхъ отличій даютъ ему на то полное право. Онъ умѣетъ продолжать общій разговоръ, вести рѣчь со всякимъ по его занятіямъ и вкусу, свѣдушъ въ своемъ дѣлѣ безъ педантизма и неспособнаго чванства, не заносчивъ, когда встрѣчаетъ возраженія, не вспыхивъ, когда съ нимъ не соглашаются; въ обществѣ всегда охотно съ ними сѣдусъ и готовъ раздѣлить время въ Москвѣ самой, какъ и въ Кіевѣ“.

(Съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ дворцѣ.)

PIERRE MIKHAILOWITCH KAPTZEWITCH, 1772—1840, fils de l'assesseur de collège Michel Sémenowitch Kaptzewitch, d'une modeste famille petite-russienne, fit ses études au Corps de l'Artillerie et du Génie, d'où il sortit le 6 décembre 1792 lieutenant à l'artillerie de Gatchina. Officier relativement tard, il eut par contre une carrière rapide sous Paul Ier, grâce à son service dans les troupes de Gatchina, grâce surtout à la protection d'Arakhtchéeff. Il arriva à Gatchina au grade de major; puis, à l'avènement de Paul Ier, il passa, le 9 novembre 1796, lieutenant-colonel au bataillon de la Garde, et fut nommé commandant de place à St-Petersbourg. Promu en 1797 colonel, et, la même année, à l'âge de 25 ans, général major, il devint chef du bataillon d'artillerie qui porte son nom. Général lieutenant en 1799, il fit la campagne de Hollande et gagna Ste-Anne de 1re classe. En 1804, il fut fait chef du 3e régiment d'artillerie et inspecteur de l'artillerie de la circonscription du Caucase. En 1807, les affaires avec les Tchetchengés lui valurent St-Vladimir de 3e classe. En 1808/1810, il fut général de service du ministre de la guerre, puis reçut la 7e division d'infanterie. A la tête des 8e et 10e corps, il prit une part active aux campagnes de 1812/1814, et fut contusionné à Leipzig: ses exploits lui valurent St-Vladimir de 2e classe (Smolensk), St-Georges de 3e et de 2e classes (Borodino et Leipzig), St-Alexandre Newsky (Katzbach) et une épée d'or enrichie de diamants (Malo-Yaroslavetz). A la paix, il reprit le commandement de sa division, cantonnée à Kieff, et fut fait en 1819 commandant du corps spécial de Sibérie. En 1822, après la division de la Sibérie en deux sections, il fut nommé général gouverneur de Tobolsk et de Tomsk. Général d'infanterie en 1825, il alla en 1826 à Moscou au couronnement de Nicolas Ier, et ne revint plus en Sibérie, mécontent de la nomination d'une revision sénatoriale, qui avait, entre autres choses, à examiner diverses plaintes portées contre lui: „Ce n'est pas à moi à faire les lois, mais ce n'est pas non plus à moi à recevoir des leçons sur la manière de servir loyalement l'Empereur“, écrivait-il au gouverneur de Tobolsk, D. Bantych-Kamensky. „Si je n'ai pas observé les formes, je reconnais ma faute et je m'en vante: mais aussi, comme, jusque-là j'ai mis à l'abri des réclamations le pays qui m'est confié et ses paysans sans défense, comme j'ai préservé d'embarras financiers le fisc de Tobolsk, je garde la conscience tranquille“. La revision en question le laissa indemne et n'eut aucune suite fâcheuse pour lui. Après quelque temps passé à l'étranger pour sa santé, il se fixa à Tchernigoff avec sa belle-mère, qui s'était chargée des enfants à la mort de la mère. Il ne resta que peu de temps sans emploi, et fut nommé en 1828 commandant du Corps Spécial de la garde territoriale; ces nouvelles fonctions lui valurent à plusieurs reprises des témoignages de reconnaissance de Nicolas Ier et des récompenses: en 1834 St-Vladimir de 1re classe et en 1836 les diamants de St-Alexandre Newsky. En 1835, il permuta général d'artillerie.

Kaptzewitch mourut dans sa 69e année, le 5 juillet 1840, dans la propriété du général Timacheff, près d'Orenbourg, et fut inhumé au bourg de Nikolskoïé, à 50 verstes de cette ville. Il avait épousé la princesse Marie Pétrowna Prozorowsky, morte jeune, et eut un fils Nicolas (1818—1862) et une fille, mariée au général Essen.

Le prince I. Dolgorouky, le poète connu, fit à Kieff en 1817 la connaissance de Kaptzewitch, dont il laisse le portrait suivant: „Le général Kaptzewitch est d'une modestie et d'une courtoisie parfaites, affable avec ses invités et les traitant bien... Il n'est pas constamment à parler de ses victoires et de ses exploits, et pourtant il a sur la poitrine trois plaques et une brochette bien panachée qui lui en donneraient entièrement le droit. Il sait soutenir la conversation générale, entretenir chacun selon ses occupations et ses goûts; il connaît son affaire sans pédantisme ni insupportable ostentation, accueille l'objection sans hauteur, la contradiction sans emportement. J'aurai toujours plaisir à frayer avec lui dans la société, et je suis prêt à le fréquenter à Moscou même, aussi bien qu'à Kieff“.

(D'après un original du Palais de Gatchina.)

МАРИЯ СЕМЕНОВНА РИМСКАЯ-КОРСАКОВА, 1751—1796, дочь генераль-аншефа князя Семена Федоровича Волконскаго (р. 10 Мая 1703 г., † 4 Мая 1768 г.), женатаго на княжѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской (р. 13 Сентября 1707 г., † 7 Апрѣля 1777 г.), сестра члена Государственнаго Совѣта, Оренбургскаго военнаго губернатора князя Григорія Семеновича Волконскаго, женатаго на послѣдней княжнѣ Реншиной, родилась 23 Августа 1751 года. Въ началѣ 1750-хъ годовъ вышла замужъ за Александра Васильевича Римскаго-Корсакова, съ которымъ вмѣстѣ жила въ Шлиссельбургскомъ форштадтѣ во время бунта Мировича, когда ея мужъ командовалъ тамъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Позднѣе она рассказывала объ этомъ событіи своей племянницѣ, Е. П. Янковой, и о томъ, что въ Шлиссельбургѣ обыскивали всѣ дома, въ томъ числѣ и ея квартиру, такъ какъ тогда были пущены слухи, что Іоаннъ Антоновичъ не убитъ, а бѣжалъ. Овдовѣвъ 16 Мая 1781 г., М. С. Корсакова пережила на 15 лѣтъ мужа, отъ котораго имѣла троихъ сыновей и двухъ дочерей (младшая была калѣка, ходила на костылѣ, такъ какъ на одной ногѣ не имѣла половины ступни, да и та была повернута назадъ). По смерти А. В. Римскаго-Корсакова она продолжала жить въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, близъ теперешняго Храма Спасителя.

Бабушка Д. Благово, Е. П. Янкова, которую М. С. Римская-Корсакова сватала за Д. А. Янкова и на свадьбѣ которой была посаженой матерью, рассказывала о ея странностяхъ, которыя были тогда хорошо извѣстны всей Москвѣ: „Тетушка имѣла очень хорошее состояніе, будучи и сама не бѣдна, и богата по своему мужу, но была очень расчетлива. Она еще имѣла ту странность, что не любила дома обѣдать, что въ то время было очень рѣдко: она каждый день кушала въ гостяхъ, кромѣ субботы. Она съ вечера призоветъ, бывало, своего выездного лакея и велитъ на утро сходить въ 3-4 дома ея знакомыхъ и узнать, кто кушаетъ дома сегодня и завтра, и ежели кушаютъ, то узнать отъ нея о здоровьѣ и сказать, что она собирается пріѣхать откусать. Вотъ и отправится съ обѣими дочерьми. Тогда баяда выставлялись всѣ на столъ. Когда ей понравится какое-нибудь блюдо, холодное которое-нибудь, или одинъ изъ соусовъ, или жаркое, она и скажетъ хозяйкѣ: „Какъ, должно-быть, это блюдо вкусно, позвольте мнѣ его взять“, и, обращаясь къ своему лакею, стоявшему за ея стуломъ, говорить: „Возьми такое-то блюдо и отнеси его въ нашу карету“. Всѣ знали, что она имѣетъ эту странность, и такъ какъ она была почтенная и знатная старушка, то многіе сами ей предлагали выбрать какое угодно блюдо. Такъ она собираетъ цѣлую недѣлю, а въ субботу зоветъ обѣдать къ себѣ и потчуетъ васъ вашимъ же блюдомъ. Многіе, впрочемъ, и смѣялись надъ ней, и кто-то и пересказалъ намъ, что Корсакова увезла откуда-то поросенка. Вотъ вскорѣ пожаловала тетушка къ намъ кушать, я и говорю меньшей ея дочери: „Скажи, пожалуйста, сестра Елизавета, гдѣ это на дняхъ вы, сказываютъ, обѣдали и стянули жаренаго поросенка?“ А она мнѣ отвѣчаетъ: — „Вотъ какіе бываютъ злые языки! Никогда мы поросенка нигде не возили, а привезли на дняхъ жареную пндюшку. Вотъ видишь ли, такъ не поросенка же!“

Марія Семеновна Корсакова скончалась въ Москвѣ 29 Ноября 1796 г. и похоронена въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ также похоронены ея сыны Николай, извѣстный въ свое время въ Москвѣ гастрономъ и большой скупецъ, и младшая дочь Елизавета Александровна Ржевская.

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

MARIE SÉMENOWNA RIMSKY-KORSAKOFF, 1751—1796, fille du prince Siméon Féodorowitch Wolkonsky (10 mai 1703—4 mai 1768), général en chef, et de Sophie Serguéewna, née princesse Mechtchersky (13 septembre 1707—7 avril 1777), sœur du prince Grégoire Féodorowitch Wolkonsky, membre du Conseil de l'Empire, gouverneur militaire d'Orenbourg, qui épousa la dernière princesse Repnine, naquit le 23 août 1751. Elle épousa au commencement des années 50 Alexandre Vassiliewitch Rimsky-Korsakoff, avec lequel elle se trouva, lors de l'insurrection de Mirowitch, dans un faubourg de Schlüsselbourg, où il commandait le régiment d'infanterie de Smolensk. Elle raconta dans la suite cet événement à sa nièce Mme C. Yankoff: on fouilla, dit-elle, toutes les maisons de la ville, y compris la sienne, pour voir si, comme le prétendaient certains bruits, Ivan Antonowitch n'aurait pas été tué, mais se serait sauvé. Devenue veuve le 16 mai 1781, Mme Korsakoff survécut quinze ans à son mari; elle avait eu trois fils et deux filles, dont la dernière, affligée d'un pied bot tourné en arrière, marchait à béquilles. A la mort de Rimsky-Korsakoff, elle continua d'habiter sa maison de l'Ostojenka, près de l'endroit où est aujourd'hui l'église du Saint-Sauveur.

La grand'mère de D. Blagovo, Mme C. Yankoff, que Mme Rimsky-Korsakoff fiança à D. Yankoff, et à laquelle elle tint lieu de mère au mariage, rapporte ses bizarreries, bien connues alors dans tout Moscou: „Ma tante avait une fort belle fortune, tant par elle-même que du côté de son mari, mais elle était très intéressée. Elle avait encore la manie de ne pas vouloir dîner chez elle, chose fort rare à l'époque: tous les jours, sauf le samedi, elle dînait en ville. La veille, par exemple, elle disait à son valet de pied d'aller dans la matinée faire le tour de trois ou quatre maisons amies pour en trouver une où on dînerait chez soi le jour et le lendemain, et alors, de demander des nouvelles de sa part et de dire qu'elle viendrait. La voilà partie avec ses deux filles. Dans ce temps-là, on mettait tous les plats à la fois sur la table. Quand elle voyait quelque chose de son goût, mets froid, ragoût ou rôti, elle disait à la maîtresse de maison: „Comme ce plat doit être bon! Permettez-moi de le prendre“, puis, se tournant vers son laquais debout derrière elle: „Prends ce plat-là et porte-le dans la voiture“. Tout le monde lui connaissait cette manie, et, comme c'était une personne d'âge, d'importance et de qualité, dans beaucoup de maisons, on lui proposait de choisir un plat sans attendre qu'elle le demandât. Elle fait ainsi ses provisions toute la semaine, puis, le samedi, elle reçoit, et traite ses invités avec leur propre cuisine. Il y en avait bien aussi qui se moquaient d'elle. Ainsi on nous raconte un jour que Mme Korsakoff a pris quelque part un cochon de lait. Ma tante vient bientôt dîner chez nous, et je dis à sa cadette: „Dis donc, petite sœur, où donc est-ce que vous avez diné ces jours-ci, à ce qu'on raconte, et escamoté un cochon de lait?“—„Ah! comme les gens sont mauvaises langues! Jamais nous n'avons pris nulle part de cochon de lait: nous avons rapporté ces jours-ci une dinde rôtie. Tu vois bien, ce n'est pas un cochon de lait, tout de même!“

Mme Korsakoff mourut à Moscou le 29 novembre 1796, et fut inhumée au monastère Donskoï, où reposent également son fils Nicolas, connu dans son temps à Moscou comme gourmet et grand avare, et sa fille cadette Elisabeth Alexandrowna Rjewsky.

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallowo, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, 1729—1781, сынъ капитана Нарвскаго полка (1731 г.) Василя Андреевича отъ брака съ дочерью штаалмейстера Евдокіей Родіоновной Кошелевой, родился 30 Апрѣля 1729 года; послѣ матерн, умершей всего 21 года отъ роду 25 Сентября 1733 г. (погребена въ Москвѣ, въ семейномъ склепѣ подѣ Корсаковской церковью во имя Милостиваго Спаса, въ Зачатіевскомъ монастырѣ), 4-лѣтній Александръ остался старшимъ среди еще 3 братьевъ и сестры Анны (позднѣ въ замужствѣ за генераль-майоромъ Василемъ Клементьевичемъ Кротовымъ, ловчимъ Императрицы Елисаветы). Служилъ А. В. Римскій-Корсаковъ, какъ и всѣ въ то время, въ военной службѣ и въ 1764 г. командовалъ, въ чинѣ полковника, Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ, стоявшимъ тогда въ Шанселебургѣ и державшимъ караулы въ крѣпости; въ этомъ полку служилъ подпоручикомъ Василій Мировичъ, который устроилъ извѣстное возмущеніе, съ цѣлью освобожденія узника Іоанна Антоновича. Когда, во время бунта караула, прѣхалъ, вызванный комендантомъ крѣпости, Римскій-Корсаковъ, арестованный Мировичъ сказалъ своему полковнику, что, „можетъ, онъ не видывалъ живаго Пвана Антоновича, такъ нынѣ мертваго увидить, который де теперь не тѣломъ, а духомъ кланяется ему! Но полковникъ, не останавливаясь ни мало и не учиня на то никакого отвѣта, прошелъ прямо къ коменданту“.

Умеръ А. В. Римскій-Корсаковъ въ чинѣ генераль-поручика; Екатерина II не могла забыть Шанселебургскаго „дѣйства“ и всегда холодно относилась къ Корсакову: ему такъ и не удалось получить чина генераль-аншефа, чего сильно желала его честолюбивая жена, несмотря на всѣ старанія многочисленной и вліятельной родни; послѣдніе годы онъ жилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, перешедшемъ потомъ къ его сыну; тутъ онъ и скончался, 52 лѣтъ и 15 дней, 16 Мая 1781 года; погребенъ былъ самымъ знаменитымъ Платономъ (Левшинимъ), въ то время еще архіепископомъ Московскимъ, въ Донскомъ монастырѣ, въ церкви Пресвятой Богородицы.

Отъ брака съ княжной Маріей Семеновной Волконской (р. 23 Августа 1731 г., † 29 Полября 1796 г.) имѣлъ 3 сыновей: Александра, Николая (р. 18 Февраля 1762 г., † 16 Марта 1833 г.; генераль-майоръ, оберъ-кригсъ-комиссаръ, холостой) и Петра, и 2 дочерей: Екатерину (въ замужствѣ за П. П. Архаровымъ) и Елизавету (р. 23 Апрѣля 1766 г., † 22 Юля 1841 г.; въ замужствѣ за камергеромъ Александромъ Пльичемъ Ржевскимъ, р. 13 Августа 1726 г., † 11 Сентября 1809 г.).

(Съ миниатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH RIMSKY-KORSAKOFF, 1729—1781, fils de Basile Andréewitch Rimsky-Korsakoff, capitaine au régiment de Narva (1731), et de la fille Eudoxie de l'écuyer Rodion Kochéleff, naquit le 30 avril 1729. Orphelin de sa mère, mort à 21 ans seulement le 25 septembre 1733 (inhumée à Moscou dans un caveau de famille à l'église Korsakoff du Gracieux Sauveur, au monastère de la Conception), l'enfant resta, à l'âge de 4 ans, l'aîné de trois autres frères et d'une sœur, Anne (mariée plus tard au général major Basile Klémentiewitch Krétoff, veneur de l'Impératrice Elisabeth). Entré, comme alors tout le monde, au service militaire, Korsakoff commandait comme colonel en 1764 le régiment d'infanterie de Smolensk, alors cantonné à Schlussembourg et de garde à la forteresse, dont un sous-lieutenant, Basile Mirowitch, organisa la sédition destinée à faire échapper le détenu Ivan Antonowitch. Quand, appelé par le commandant de la forteresse, Rimsky-Korsakoff arriva, en pleine révolte du piquet de garde, Mirowitch arrêté dit à son colonel que, „s'il n'avait jamais vu Ivan Antonowitch vivant, il allait le voir mort, et qui le saluait, non de corps, mais d'esprit! Mais le colonel, sans s'arrêter un instant ni faire la moindre réponse, alla droit chez le commandant“.

Rimsky-Korsakoff mourut général lieutenant; Catherine II ne put oublier l'affaire de Schlussembourg et lui en voulut toujours: il dut renoncer, au grand désespoir de son ambitieuse femme, au titre de général en chef, en dépit de toutes les démarches d'une nombreuse et influente parenté. Il vécut ses dernières années à Moscou, dans sa maison de l'Ostojenka, qui passa plus tard à son fils; c'est là qu'il mourut, âgé de 52 ans et 15 jours, le 16 mai 1781. Il fut inhumé, par le célèbre Platon (Levchine) en personne, alors encore archevêque de Moscou, au monastère Donskoï, à l'église de la Sainte-Vierge.

De son mariage avec la princesse Marie Sémenowna Wolkonsky (25 août 1751—29 novembre 1796), il eut trois fils, Alexandre, Nicolas (18 février 1762—16 mars 1833), général major, commissaire général à la guerre, célibataire, et Pierre, et deux filles, Catherine, mariée à I. Arkharoff, et Elisabeth (23 avril 1766—22 juillet 1841), mariée au chambellan Alexandre Ilyitch Rjewsky (13 août 1726—11 septembre 1809).

(D'après une miniature appartenant à Mme Vassiltchikoff, Korollovo, gouv. de Moscou.)

Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ, 1758—1817, бригадиръ, сынъ секундъ-майора князя Александра Алексѣевича († 1770 г.) отъ брака съ княжной Марею Петровною Черкасскою, родился 21 Декабря 1758 г.; скончался 5 Юня 1817 г. и погребенъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Съ 5 Юля 1787 г. князь М. А. Шаховской былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Головиной (р. 1769 г., † 1831 г.) и имѣлъ 2 сыновей и 8 дочерей: 1) Александра (р. 1791 г., † 1795 г.); 2) Валентина (р. 1801 г., † 1850 г.); 3) Прасковью (р. 1788 г., † 29 Января 1835 г.), за Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ; 4) Марію (р. 1790 г., † 1849 г.), за Михаиломъ Казиміровичемъ Гольцкимъ; 5) Екатерину († 1848 г.); 6) Варвару († 24 Сентября 1836 г., въ Симферополѣ); 7) Елизавету (р. 2 Августа 1797 г., † 9 Декабря 1877 г.); 8) Марю (р. 1799 г., † 1886 г.), за Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, мужемъ старшей ея сестры Прасковіи, послѣ ея смерти; 9) Александру (р. 21 Полября 1806 г., † 29 Января 1864 г.), за генераль-лейтенантомъ Николаемъ Евгеніевичемъ Лукашемъ (р. 1796 г., † 1868 г.), и 10) Клеопатру (р. 16 Октября 1809 г., † 30 Полября 1883 г., дѣвица).

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховского; село Бѣлая Коль, Московской губ.)

Le prince MICHEL ALEXANDROWITCH SCHAKHOWSKOÏ, 1758—1817, brigadier, fils du prince Alexandre Alexéewitch Schakhowskoï († 1770), second major, et de Marthe Pétrowna, née princesse Tcherkassky, naquit le 21 décembre 1758. Il mourut le 3 juin 1817, et fut inhumé au monastère Simonoff.

Il épousa le 5 juillet 1787 la comtesse Elisabeth Serguéwna Golovine (1769—1831), dont il eut deux fils, Alexandre (1791—1795) et Valentin (1801—1850), et huit filles, Prascovie (1788—29 janvier 1835), mariée à Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, Marie (1790—1849), à Michel Kazimirowitch Golynsky, Catherine († 1848), Varvara († 24 septembre 1836, à Simféropol), Elisabeth (2 août 1797—9 décembre 1877), Marthe (1799—1886), mariée à Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, veuf de sa sœur aînée Prascovie, Alexandrine (21 novembre 1806—29 janvier 1864), au général lieutenant Nicolas Evguéniewitch Loukach (1796—1868), et Cléopâtre (16 octobre 1809—30 novembre 1883), non mariée.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Княгиня ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА ШАХОВСКАЯ, 1748 — 1825, дочь генераль-поручика барона Александра Григорьевича Строганова (р. 1698 г., † 1754 г.) отъ 3-го брака его съ вдовой Маріей Артемьевной Псленевой, рожденной Загряжской, родилась 2 Декабря 1748 года; по словамъ близкаго ея родственника, князя Н. М. Долгорукаго, сохранившаго въ „Книжцѣ моего сердца“ благодарное воспоминаніе о богатой и щедрой теткѣ, она была чрезвычайно добрая женщина, „одаренная превосходными качествами сердца, умѣвшая добро творить прямо по Евангельскому слову, безъ чванства, укоризны и провозглашенія“. Выйдя замужъ за генераль-лейтенанта князя Бориса Григорьевича Шаховскаго († 1815 г.), она имѣла отъ него единственную дочь Елизавету и, проживая долго за границей, выдала ее въ Парижѣ, 4 Февраля 1792 года, замужъ за князя д'Аренберга, принадлежавшаго къ знатной Бельгійской фамиліи и бывшаго однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ Нидерландской революціи. Какъ видно изъ разсказа графа Е. О. Комаровскаго, Австрійскій посолъ при Русскомъ Дворѣ графъ Кобенцель, доведъ объ этомъ бракѣ до свѣдѣній Императрицы Екатерины II, которая въ первую минуту своего гнѣва издала указъ, чтобы „княгиня Шаховская возвратилась немедленно въ Россію, въ противномъ случаѣ лишена будетъ своего имѣнія, и дѣти, отъ ея дочери рожденныя, не могутъ быть ея наследниками, ибо имѣніе княгини состоитъ въ желѣзныхъ рудникахъ и соляныхъ варницахъ, а по закону Петра Великаго имѣнія такого рода могутъ принадлежать лишь русскіймъ подданнымъ“. Извѣстіе объ этомъ такъ сильно поразило княгиню Шаховскую, что съ ней сдѣлался параличъ, отъ котораго у нея отнялась нога; но она уже была съ дочерью на пути въ Россію и только остановилась на нѣсколько дней въ Карлсруэ, для свиданія съ супругою наследнаго принца, которая ее очень любила; встрѣтивъ тамъ графа Н. П. Румянцова, княгиня умоляла его донести Императрицѣ о ея болѣзненномъ состояніи и хотѣла сама написать къ Ея Величеству, „но не имѣла никого, кто бы могъ это сдѣлать“. Затѣмъ княгиня Шаховская продолжала съ дочерью путь въ Россію, но не добилась успѣха; бракъ ея дочери съ д'Аренбергомъ былъ расторгнутъ, и послѣдняя вскорѣ вышла во второй разъ замужъ за своего родственника князя П. Ф. Шаховскаго.

Въ началѣ XIX столѣтія княгиня В. А. Шаховская поселилась въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Малой Никитской, и принадлежавшая ей значительная часть Строгановскаго состоянія, около 10/т. душъ крестьянъ, кромѣ заводовъ въ Пермской губерніи, избѣжала, благодаря внимательству Екатерины II, перехода въ руки иностранной фамиліи. Княгиня В. А. Шаховская скончалась въ царствованіе Императора Александра I, 29 Октября 1825 года.

(Съ миниатюры, принадлежащей князю С. М. Голицыну, с. Кузьминки, Московской губ.)

La princesse VARVARA ALEXANDROWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1748—1823, fille du baron Alexandre Grigoriéwitch Stroganoff (1698—1754), général lieutenant, et de sa troisième femme Marie Artémiewna, veuve Islénieff, née Zagriajsky, naquit le 2 décembre 1748. Au témoignage de son proche parent le prince I. Dolgorouky, qui conserva dans son Sanctuaire de mon Cœur le souvenir reconnaissant de sa riche et généreuse tante, c'était une personne d'une extrême bonté, „douée de supérieures qualités de cœur, sachant faire le bien à la lettre de la parole de l'Evangile, sans affectation, orgueil ni ostentation“. Mariée au prince Boris Grigoriéwitch Schakhowskoï († 1815), général lieutenant, elle eut de lui une fille unique Elisabeth, et, dans un long séjour qu'elle fit à l'étranger, la maria à Paris, le 4 février 1792, au prince d'Arenberg, qui appartenait à une famille noble de Belgique et avait joué un rôle marquant dans la Révolution des Pays-Bas. Au témoignage du comte E. Komarowsky, général aide de camp, le comte Cobenzel, ambassadeur d'Autriche près la Cour de Russie, parla de ce mariage à l'Impératrice Catherine II, qui, dans son premier mouvement de colère, ordonna par oukaze „à la princesse Schakhowskoï de rentrer immédiatement en Russie, sous peine d'être elle-même dépossédée de ses biens, et les enfants issus de sa fille déchus du droit d'héritiers, ces biens consistant en mines de fer et salines, et toute propriété de cette nature ne pouvant, en vertu d'une loi de Pierre-le-Grand, appartenir qu'à des sujets russes“. Cette nouvelle porta un tel coup à la princesse qu'elle eut une attaque de paralysie qui lui enleva l'usage d'une jambe. Mais elle était déjà avec sa fille en route pour la Russie et ne s'arrêta que quelques jours à Carlsruhe, pour voir l'épouse du prince héritier, qui l'aimait beaucoup; elle y rencontra le comte N. Roumiantzeff, qu'elle supplia de parler de son triste état à l'Impératrice: elle-même voulait bien écrire à Sa Majesté, „mais n'avait personne à qui s'adresser pour cela“. Elle continua ensuite son voyage avec sa fille, mais n'obtint pas satisfaction: le mariage avec d'Arenberg fut cassé, et la jeune princesse épousa peu après un parent, le prince P. Schakhowskoï.

Dans les premières années du XIXe siècle, la princesse V. Schakhowskoï se fixa à Moscou, dans sa maison de la Petite Nikitskaïa, et sa part considérable de la fortune des Stroganoff, environ 10.000 têtes de paysans, sans compter des usines dans le gouvernement de Perm, évita, grâce à l'intervention de Catherine II, de passer aux mains d'une famille étrangère. Elle mourut sous le règne de l'Empereur Alexandre Ier, le 29 octobre 1823.

(D'après une miniature appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЬЕВНА ШАХОВСКАЯ, 1769—1831, дочь графа Сергѣя Федоровича Головина (р. 1738 г., † 1786 г.) и графини Клеопатры Платоновны Мусиной-Пушкиной (р. 1739 г., † 1785 г.), родилась 11 Мая 1769 года; до замужества жила у дяди своего, по матери, фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, державшаго въ Петербургѣ открытый и богатый домъ. По словамъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго, занесшаго ея имя на страницы своего словаря „Капище моего сердца“, она была „умна, скромна и хорошо воспитана, но далеко не красива. Въ молодость свою славилась танцевальнымъ искусствомъ, въ которомъ превосходила всѣхъ своихъ сверстницъ, и при лицѣ самомъ непрігожемъ имѣла много привлекательнаго во взорѣ, ухваткахъ, во всей наружной поступи своей“. „Она мнѣ очень нравилась“, пишетъ князь дальше: „я готовъ въ нее влюбиться, но, примѣтя, что успѣха не получу, удерживалъ свою склонность и разсѣивалъ ее частыми волокитствами. Мы съ ней играли комедіи въ домѣ Пушкина. Однажды, въ лѣтнемъ катаньи (въ Екатерингофѣ), мнѣ довелось быть ея кавалеромъ въ колясочкѣ; надобно было править лошадьми самому; я былъ этого дѣла не мастеръ, навезъ фаэтонъ на кочку и чуть-чуть не опрокинулъ своей дамы и, вмѣстѣ съ ней, не убился до смерти. Этотъ смѣшной случай донынѣ мнѣ памятенъ!“ Въ 1787 г., 5 Іюля, графиня Елизавета Сергѣевна Головина вышла замужъ за бригадпра князя Михаила Александровича Шаховскаго и переѣхала въ Москву, гдѣ мужу ея принадлежалъ домъ на Малой Никитской, сгорѣвшій во время пожара 1812 года; позднѣе она жила на Пречистенкѣ (нынѣ домъ Пушкина).

Княгиня Е. С. Шаховская скончалась 4 Ноября 1831 года и похоронена въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ; у ней было многочисленное семейство, состоявшее изъ двухъ сыновей, Александра и Валентина, крестника фельдмаршала графа Мусина-Пушкина, и восьми дочерей.

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховскаго, с. Бѣлая Коль, Московской губ.)

La princesse ÉLISABETH SERGUÉEWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1769—1831, fille du comte Serge Féodorowitch Golovine (1738—1786) et de Cléopâtre Platonowna, née comtesse Moussine-Pouchkine (1739—1785), naquit le 11 mai 1769, et resta jusqu'à son mariage chez un oncle maternel, le feld-maréchal comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, qui menait grand train dans sa riche maison de Pétersbourg. Au témoignage du prince Ivan Dolgorouky, qui lui fit une place dans son Sanctuaire de mon Cœur, elle avait „de l'esprit, de la modestie et de l'éducation, mais sans beauté aucune. Dans sa jeunesse, elle était réputée à la danse, où elle surpassait toutes ses rivales, et, avec un visage des plus ingrats, avait beaucoup d'attrait dans le regard, dans l'allure, dans tout son extérieur“... „Elle me plaisait beaucoup“, continue le prince: „j'étais sur le point d'en tomber amoureux, mais, voyant bien que ce serait sans succès, je me retins et me bornai à la distraire par de fréquentes assiduités. Nous jouions la comédie ensemble chez Pouchkine. Un jour, à la promenade d'été (à Ekaterinhof), j'eus le bonheur d'être son cavalier en voiture; il fallait conduire soi-même: n'étant pas maître en cet art, je dirigeai le phaéton sur un obstacle, au risque de verser ma dame et nous tuer tous deux. Cette aventure ridicule m'est restée en mémoire!“ La comtesse Golovine épousa le 5 juillet 1787 le prince Michel Alexandrowitch Schakhowskoï, brigadier, et se fixa à Moscou, où son mari avait dans la Petite Nikitskaïa une maison, qui brûla en 1812; elle habita ensuite une maison (aujourd'hui à Chtchoukine) de la Prétchistenka.

La princesse Schakhowskoï mourut le 4 novembre 1831, et fut inhumée à Moscou, au monastère Simonoff. Elle eut une nombreuse famille, composée de deux fils, Alexandre, et Valentin, filleul du feld-maréchal comte Moussine-Pouchkine, et de huit filles.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА ШАХОВСКАЯ, 1775—1796, единственная дочь генерал-лейтенанта князя Бориса Григорьевича Шаховского († 1813 г.) от брака с баронессой Варварой Александровной Строгановой, родилась 29 Ноября 1775 года. Долго проживая с матерью за границей, она была выдана ею замуж в Париж 4 Февраля 1792 года за знатного бельгийца, вдовца, принца д'Аренберга (р. 20 Февраля 1757 г., † 2 Апреля 1795 г., в Риме), принимавшего деятельное участие в Нидерландской революции. Узнавъ об этом из „иностранный почты“, Екатерина II отнеслась к этому браку с безпощадной строгостью. По свидетельству дневника Храповицкого, Императрица сказала: „Je veux agir avec vigueur dans un pareil cas“ и приказала Храповицкому „переписать“ такую записку в „Совѣтъ“, „чтобы Аренберга в Россію не впускать, какъ участника в двухъ бунтахъ, французскомъ и брабантскомъ; но обѣ княгини (находившіяся уже на пути в Россію) вернуться могутъ“. В дневникъ своемъ подъ 29 Марта 1792 г. А. В. Храповицкій передает и смыслъ этой записки, составленной, вѣроятно, самой Екатериной: „Здравая политика запрещаетъ, чтобы иновѣрцы владѣли крестьянами, господствующую вѣру исповѣдующими. При бракѣ дворянскихъ дочерей съ иностранцами, надлежитъ наблюдать, дабы, по закону, при Петрѣ I изданному, дѣти крещены были в нашу вѣру, а иначе родится со временемъ разномысліе между владѣтелей и подданныхъ. Принцу Аренбергу не владѣть никогда крестьянами княгини Шаховской; ихъ до 15.000 душъ в Пермь; по его развратности, отъ чего Боже сохрани, можетъ выйти бѣда“.

Бракъ княжны Елизаветы Борисовны съ принцемъ д'Аренбергомъ, отъ котораго она имѣла уже дочь Екатерину (р. 1 Декабря 1792 г., † 1794 г.), былъ расторгнутъ Синодомъ (указъ Императрицы архіепископу Гавріилу 25 Декабря 1794 г.). Послѣ возвращенія в Россію, в 1795 г. она влюбилась в однофамильца своего, камеръ-юнкера, позднѣе дѣйствительнаго камергера, князя Петра Федоровича Шаховскаго (р. 17 Марта 1775 г., † 21 Декабря 1841 г.) и, противъ воли матери, уѣхала съ нимъ въ его Вяземскую деревню и тамъ обвѣнчалась. „На долго ли сіе, не знаю“, пишетъ Бантышъ-Каменскій князю А. Б. Куракину, „новобрачный сильно кашляетъ, знаки давно примѣчены—у него чахотка. Какъ быть? Хоть на часъ, да вскачь!“ Князь Петръ Федоровичъ прожилъ, однако, еще почти полстолѣтіе, молодая же княгиня Е. В. Шаховская скончалась в слѣдующемъ году, 2 Октября 1796 года, всего 23 лѣтъ отъ роду. Графъ Е. О. Комаровскій, прожившій какъ разъ предшествующее лѣто на Строгановской дачѣ княгини В. А. Шаховской, гдѣ была также и ея дочь, въ своихъ запискахъ говоритъ: „Я не стану описывать причину плачевнаго конца жизни княгини Елизаветы Борисовны, а скажу только то, что извѣстно было всѣмъ, что она отравила себя ядомъ; сіе происшествіе, особливо въ лучшемъ обществѣ столь необыкновенное, произвело много шума и различныхъ толковъ“, которые прекратились только тогда, когда случилось такое крупное событіе, какъ кончина Екатерины II.

Княгиня Елизавета Борисовна Шаховская оставила лишь одну дочь Варвару, бывшую в первомъ бракѣ за графомъ П. А. Шуваловымъ, во второмъ—за графомъ А. А. Поле, швейцарскимъ уроженцемъ, и въ третьемъ за Пеаполитанскимъ посланникомъ в Петербургъ Вильямомъ княземъ Бутера и Радали. По странной пропѣ судьбы наслѣдница огромнаго Строгановскаго состоянія, перехода коего къ иновѣрцамъ такъ опасалась Екатерина II, была послѣдовательно замужемъ за двумя иностранцами.

(Съ миниатюры Стрелькы; собственность графини Е. В. Шуваловой, в С.-Петербургѣ.)

La princesse ÉLISABETH BORISSOWNA SCHAKHOWSKOÏ, 1773—1796, fille unique du prince Boris Grigoriewitch Schakhowskoï († 1813), général lieutenant, et de Varvara Alexandrowna, née baronne Stroganoff, naquit le 29 novembre 1775. Dans un long séjour qu'elle fit à l'étranger avec sa mère, celle-ci la maria à Paris le 4 février 1792 à un noble belge, veuf, le prince d'Arenberg (né 20 février 1757, mort à Rome 2 avril 1795), qui avait joué un rôle actif dans la Révolution des Pays-Bas. A cette nouvelle, reçue par la „poste de l'étranger“, Catherine II s'éleva contre le mariage avec la dernière rigueur. Au témoignage du Journal de Khrapovitzky, „Je veux“, dit-elle, „agir avec vigueur dans un pareil cas“, et elle prescrivit à Khrapovitzky de donner au Conseil l'ordre suivant: „Interdire l'entrée de la Russie à Arenberg, comme complice de deux insurrections, celle de France et celle de Brabant; mais laisser revenir les deux princesses“ (alors en route pour la Russie). Le Journal de Khrapovitzky explique encore, à la date du 29 mars 1792, l'esprit de cette résolution, probablement rédigée par Catherine elle-même: „La saine politique ne permet pas que des dissidents possèdent des paysans professant la foi dominante. Lors du mariage de filles de nobles avec des étrangers, il convient de veiller à ce que, conformément à la loi promulguée sous Pierre Ier, les enfants soient baptisés dans notre foi, sans quoi il naîtrait avec le temps une divergence de croyances entre possesseurs et vassaux. Le prince d'Arenberg n'aura jamais les paysans de la princesse Schakhowskoï; il y en a 15.000 à Perm: corrompu comme il l'est, Dieu nous préserve! les choses pourraient mal tourner“.

Le mariage de la jeune princesse avec le duc d'Arenberg, dont elle avait déjà une fille Catherine (1er décembre 1792—1794), fut cassé par le Synode (oukaze de l'Impératrice à l'archevêque Gabriel, en date du 25 décembre 1794). De retour en Russie, elle s'éprit en 1795 d'un gentilhomme de la chambre, plus tard chambellan actuel, qui portait le même nom qu'elle, le prince Pierre Féodorowitch Schakhowskoï (17 mars 1773—21 décembre 1841), le suivit, malgré la volonté maternelle, dans ses propriétés de Viazma, et là l'épousa. „Est-ce pour longtemps, je ne sais“, écrit Bantych-Kamensky au prince A. Kourakine, „le nouveau marié tousse bien; il a des symptômes depuis longtemps: il est poitrinaire. Comment faire? Ne penser qu'à l'heure présente, et en avant!“ Le prince avait pourtant près d'un demi-siècle encore à vivre, et la jeune princesse mourait l'année suivante, le 2 octobre 1796, âgée de 23 ans seulement. Le comte E. Komarowsky, qui venait précisément de passer l'été précédent à la villa Stroganoff, chez la princesse V. Schakhowskoï, qui y avait sa fille avec elle, dit dans ses Mémoires: „Je ne vais point exposer la cause de la fin lamentable de la princesse Elisabeth, je dirai seulement que chacun savait qu'elle s'était empoisonnée; cet événement inaccoutumé, surtout dans la bonne société, engendra beaucoup de bruit et de rumeurs diverses qui ne cessèrent que lors d'un événement autrement considérable, la mort de Catherine II“.

La princesse Elisabeth Schakhowskoï ne laissa qu'une fille, Varvara, qui épousa en premières noces le comte P. Schouvaloff, en secondes noces le comte A. Polier, sujet suisse, et en troisièmes noces l'envoyé de Naples à Pétersbourg, Wilding, prince de Butera et di Radali. Par une étrange ironie du sort, l'héritière de cette immense fortune des Stroganoff que Catherine II craignait tant de voir passer en des mains non orthodoxes se trouva épouser successivement deux étrangers.

(D'après une miniature de Stracy, appartenant à la comtesse E. Schouvaloff, St.-Pétersbourg.)

Графъ ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1777—1823, сынъ графа Андрея Петровича (р. 1744 г., † 1789 г.), сотрудника Екатерины II въ ея литературной дѣятельности, писавшаго стихи на французскомъ языкѣ, отъ брака съ графиней Екатериной Петровной Салтыковой (р. 1743 г., † 1817 г.), родился 21 Мая 1777 г. и получилъ воспитаніе совершенно на французскій ладъ. На службу онъ былъ записанъ въ 1786 г. корнетомъ въ Конную гвардію, а въ 1793 г. произведенъ въ подпоручики и назначенъ камеръ-юнкеромъ къ Великому Князю Александру Павловичу. Въ 1794 г. Шуваловъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ полковъ и за отличіе при штурмѣ Праги получилъ Георгія 4-й ст.; въ 1799 г., уже въ чинѣ полковника, онъ былъ участникомъ Суворовскаго похода въ Италію, отличился при Нови и былъ „жестоко“ раненъ при переходѣ черезъ Сень-Готардъ. Орденъ св. Анны 2-го кл. и командорство св. Іоанна Іерусалимскаго были наградою за этотъ походъ, но въ томъ же году онъ былъ отставленъ отъ службы и вновь определенъ уже при Александрѣ I, въ 1801 г., съ производствомъ въ генераль-майоры. Въ 1803 г. Шуваловъ былъ назначенъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка. Въ 1807 г. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ и за дѣла подъ Трошинымъ и Пултускомъ получилъ ордена св. Владимира 3-й ст. и Анны 1-й ст.; въ 1808 г. Шуваловъ пожалованъ въ генераль-адъютанты, а въ слѣдующемъ году принялъ видное участіе въ Шведской войнѣ. Съ порученнымъ ему съвернымъ отрядомъ онъ 11 Марта занялъ Торнео, а 13-го стоявшій противъ него непріятельскій отрядъ Игельстрема былъ имъ обойденъ и положилъ оружіе; 3 Мая Шуваловъ одержалъ побѣду при Шелефтѣ и взялъ въ плѣнъ авангардъ, а 20 Мая занялъ Умео. Шведскія войска были частью опрокинуты, частью поспѣшно отступили. Шведскій генераль Дёбельнъ просилъ Шувалова, въ виду близкаго заключенія мира, прекратить кровопролитіе и предложилъ уступить всю Вестрботнію. Шуваловъ согласился заключить конвенцію, но главнокомандующій Барклай-де-Толли ея не одобрилъ; Шувалову предписано было возобновить военныя дѣйствія, но вскорѣ онъ былъ замѣненъ графомъ Каменскимъ. Наградой Шувалову были чинъ генераль-лейтенанта и орденъ св. Владимира 2-й ст.; 8 Декабря 1809 г. онъ былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ къ императору Австрійскому Францу и оставался при немъ до 11 Мая 1811 года. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ войнѣ 1813 и 1814 гг., отличился при Лейпцигѣ, за что получилъ орденъ св. Александра Невскаго, и нѣсколько разъ исполнялъ дипломатическія порученія: послѣ Люценскаго сраженія ему были поручены переговоры о перемиріи; онъ же велъ переговоры послѣ Бріеннской битвы и былъ отправленъ къ Наполеону послѣ взятія Париза. Въ томъ же 1814 г. ему было поручено сопровождать Императрицу Марію-Луизу изъ Блуа въ Рамбулье и самого Наполеона отъ Фонтенбло до гавани на Средиземномъ морѣ, откуда изложенный императоръ отправился на Эльбу.

Графъ П. А. Шуваловъ скончался 1 Декабря 1823 года; онъ былъ женатъ на княжнѣ Барбарѣ Петровнѣ Шаховской и имѣлъ 2 сыновей: Андрея (р. 1817 г., † 1876 г.) и Петра (р. 1819 г., † 1900 г.).

По поводу его смерти К. Я. Булгаковъ писалъ брату: „Въ субботу Шуваловъ немножко занемогъ, велѣлъ приготовить себѣ ванну и только-что поднялъ ногу, чтобы влѣзть въ нее, повалился и отдалъ Богу душу. Говорятъ, что у него были полипы въ сердцѣ, но конецъ все-таки сдѣлалъ ему ударъ... Его вскрыли и нашли *quelques artères ossifiées*... Онъ былъ добръ, счастливъ, богатъ до чрезвычайности; смерть его всѣхъ поразила и всѣхъ огорчила, особливо бѣдныхъ, коимъ продолжилъ онъ пенсіи Шаховской (бабушка его жены, умершая 29 Октября 1823 г.), многія увеличилъ... Хоронить будутъ въ субботу ровно 6 недѣль послѣ смерти Шаховской. Онъ, бывши у нея на похоропахъ, купилъ себѣ мѣсто“. Виттель оставилъ слѣдующую характеристику Шувалова: „Онъ былъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора и долженъ бы былъ быстрѣ пагаты на военномъ поприщѣ, если бы смолоду не имѣлъ несчастной, совсѣмъ не аристократической привычки придерживаться хмѣльнаго“.

(Съ миниатюры, принадлежащей графинѣ С. П. Бенкендорфъ, въ Лондонѣ.)

Le comte PAUL ANDRÉEWITCH SCHOUVALOFF, 1777—1825, fils du comte André Pétrowitch Schouvaloff (1744—1789), collaborateur littéraire de Catherine II et auteur de vers français, et de Catherine Pétrowna, née comtesse Saltykoff (1743—1817), naquit le 21 mai 1777 et reçut une éducation toute française. Enrôlé au service en 1786 cornette à la Garde à cheval, il passa sous-lieutenant en 1793 et fut nommé gentilhomme de la chambre du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. En 1794, il prit part aux opérations contre les Polonais, et sa bravoure à l'assaut de Praga lui valut St-Georges de 4e classe. En 1799, déjà colonel, il fit avec Souvoroff la campagne d'Italie, se signala à Novi, et reçut une blessure „cruelle“ au passage du St-Gothard: il fut en récompense décoré de Ste-Anne de 2e classe et fait commandeur de Saint-Jean-de-Jérusalem. Mis cependant à la retraite la même année, il ne fut réintégré que sous Alexandre Ier, en 1801, et promu général major. Chef en 1803 du régiment de cuirassiers de Gloukhoff, il fit en 1807 la campagne contre Napoléon, où Troschin et Pultusk lui valurent St-Vladimir de 3e classe et Ste-Anne de 1re classe. Général aide de camp en 1808, il prit l'année suivante une part marquante à la campagne de Suède, entra à Tornéo le 11 mars à la tête du détachement du nord, puis, le 15, enveloppa et contraignit à se rendre les troupes d'Igelström; le 3 mai suivant, vainqueur à Skellefteå, il fit toute l'avant-garde prisonnière, et occupa Uméo le 20. Les Suédois étaient en partie culbutés, en partie réduits à une retraite précipitée. Le général suédois von Döbeln le pria, en raison de la conclusion prochaine de la paix, de mettre fin à l'effusion du sang, et lui proposa la cession de toute la Vestro-Botnie. La convention fut acceptée, mais le commandant en chef Barclay de Tolly ne la ratifia pas: Schouvaloff reçut l'ordre de renouveler les opérations militaires, mais fut bientôt remplacé par le comte Kamensky. La campagne de Suède lui valut le grade de général lieutenant et St-Vladimir de 2e classe. Chargé le 8 décembre 1809 d'une mission spéciale près de l'Empereur François d'Autriche, il resta avec lui jusqu'au 11 mai 1811. Il fit ensuite les guerres de 1813/1814, et se signala à Leipzig, qui lui valut St-Alexandre Newsky. Il accomplit plusieurs missions diplomatiques: chargé après Lutzen de négocier un armistice, ce fut encore lui qui mena les négociations après Brienne et fut envoyé à Napoléon lors de la prise de Paris. Cette même année 1814, il accompagna l'Impératrice Marie-Louise de Blois à Rambouillet et Napoléon lui-même de Fontainebleau à son port d'embarquement pour l'île d'Elbe.

Le comte Schouvaloff mourut le 1er décembre 1825. Il avait épousé la princesse Varvara Pétrowna Schakhowskoï, et eut deux fils, André (1817—1876) et Pierre (1819—1900).

Constantin Boulgakoff écrit à son frère, à l'occasion de sa mort: „Samedi, se sentant indisposé, il s'est fait préparer un bain, et avait à peine levé la jambe pour y entrer, qu'il s'est affaissé et a rendu l'âme à Dieu. On dit qu'il avait un polype au cœur, mais il a tout de même fini par une attaque... A l'autopsie, on a trouvé quelques artères ossifiées... Il était bon, heureux et riche à l'extrême; sa mort a surpris tout le monde, et désolé tout le monde, surtout les pauvres auxquels il continuait les pensions de Mme Schakhowskoï“ (la grand'mère de sa femme, morte le 29 octobre 1823), „dont il avait augmenté quelques-unes... On l'enterre samedi, juste six semaines après la mort de Mme Schakhowskoï, aux funérailles de laquelle il s'était acheté une place“. Et Wiegand dit: „Bon garçon, noble et valeureux, un des favoris de l'Empereur, il aurait fait une carrière militaire plus rapide, sans son malheureux faible, fort peu aristocratique, pour la boisson“.

(D'après une miniature appartenant à la comtesse S. Benkendorf, Londres.)

Графиня **ВАРВАРА ПЕТРОВНА ШУВАЛОВА**, 1796—1870, дочь действительнаго статскаго совѣтника князя Петра Федоровича Шаховскаго (р. 1773 г., † 1841 г.) отъ перваго брака его съ своей родственницей, княгиней д'Аренбергъ, рожденной княжною Елизаветою Борисовною Шаховскою, родилась 1 Февраля 1796 года; первымъ бракомъ она вышла замужъ въ 1816 году за генералъ-лейтенанта графа Павла Андреевича Шувалова (р. 21 Мая 1777 г., † 1823 г.), отъ котораго имѣла двухъ сыновей, графовъ Андрея (р. 12 Марта 1817 г.) и Петра (р. 14 Сентября 1819 г.). Овдовѣвъ въ Декабрѣ 1823 г., она нѣсколько лѣтъ провела за границей, преимущественно въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера, между Женевой и Лозанной, въ своей виллѣ, которая служила центромъ многочисленной тогда русской колоніи въ Швейцаріи. „Милая эта женщина“, говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербѣевъ, „чрезвычайно робкая и застѣнчивая, вмѣняла себѣ въ общественную обязанность быть для всѣхъ гостепріимной, хотя и видимо тяготилась пріемами у себя два раза въ недѣлю, на обѣдъ и вечеръ, всего русскаго общества, а иногда и французовъ“. Въ это время, т.-е. въ 1826 году, она была уже невѣстою швейцарца изъ Лозанны, Адольфа Полье, получившаго графство отъ французскаго короля, затѣмъ вступившаго въ русское подданство съ именемъ графа Адольфа Александровича Полье и пожалованнаго въ придворную должность церемоніймейстера. По и второй бракъ ея былъ непродолжителенъ; она снова овдовѣла 10 Марта 1830 г., а въ 1836 г. вышла третьимъ бракомъ за Неаполитанскаго посланника въ Петербургъ Георгія Вильдинга князя Бутера и ди-Радали, съ которымъ также прожила недолго (онъ умеръ въ 1841 году).

Княгиня Варвара Петровна скончалась 24 Декабря 1870 года.

Приходясь, по матери, внучкою княгини Варвары Александровны Шаховской, рожденной баронессы Строгановой, княгиня Бутера унаслѣдовала значительную часть Строгановскихъ богатствъ и обладала огромнымъ состояніемъ, которое за границею казалось неисчерпаемымъ. Однихъ своихъ собственныхъ у нея было 65.000 десятинъ земли, да въ общемъ владѣніи съ княземъ С. М. Голицынымъ 269.000 десятинъ, а въ общемъ владѣніи съ другими наслѣдниками Строгановыхъ еще 867.000 десятинъ.

Всѣми уважаемая и любимая за ея доброту, широкое гостепріимство и радушіе, княгиня В. П. Бутера охотно помогала тѣмъ, кто обращался къ ней съ просьбою о вспоможеніи. Протоіерей Базаровъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ 1854 г., во время пребыванія ея въ Стутгардѣ, къ ней обращались даже молодые офицеры съ просьбами о пособіи на первоначальное обзаведеніе, и она не отказывала никому, давая имъ по 500 и по 1000 гульденовъ.

(Съ миниатюры Россіи, 1826 г., принадлежащей графинѣ Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse VARVARA PÉTROVNA SCHOUVALOFF, 1796—1870, fille du prince Pierre Féodorowitch Schakhowskoï (1773—1841), conseiller d'état actuel, et de sa première femme, une parente, la princesse d'Arenberg, née princesse Elisabeth Borissowna Schakhowskoï, naquit le 1er février 1796. Elle épousa en premières noces en 1816 le comte Paul Andréewitch Schouvaloff (21 mai 1777—1823), général lieutenant, dont elle eut deux fils, André (né 12 mars 1817) et Pierre (né 14 septembre 1819). Veuve en décembre 1823, elle passa quelques années à l'étranger, en particulier en Suisse, sur les bords du Lac de Genève, entre Genève et Lausanne, où sa villa était le centre de la colonie russe, alors nombreuse en Suisse. „Cette femme charmante“, dit D. Sverbéeff dans ses souvenirs, „d'une réserve, d'une timidité extrêmes, s'était imposé l'obligation mondaine d'être accueillante pour tous; or elle était visiblement excédée de ces diners et soirées où elle recevait deux fois par semaine toute la société russe, et parfois des français“. Elle était à cette époque, vers 1826, déjà fiancée à un suisse de Lausanne, Adolphe Polier, fait comte par le Roi de France, puis naturalisé russe sous le nom d'Adolphe Alexandrowitch Polier et nommé maître des cérémonies à la Cour. Mais ce second mariage ne fut pas non plus de longue durée: veuve une seconde fois le 10 mars 1830, elle épousa en troisièmes noces en 1836 l'envoyé de Naples à St-Petersbourg, Georges Wilding, prince de Butera et di Radali († 1841), dont elle devait bientôt être encore veuve. Elle mourut le 24 décembre 1870.

Petite-fille par sa mère de la princesse Varvara Alexandrowna Schakhowskoï, née baronne Stroganoff, la princesse Butera fut héritière d'une partie considérable du bien des Stroganoff. Elle possédait une fortune colossale, qui, à l'étranger, paraissait inépuisable: en toute propriété, elle n'avait pas à elle moins de 65.000 hectares de terre, puis indivisément avec le prince S. Golitzyne 269.000 hectares, et avec d'autres Stroganoff encore 867.000 hectares.

Estimée de tous et aimée pour sa bonté, sa large et cordiale hospitalité, elle prêtait volontiers son appui à qui le lui demandait. L'archiprêtre Bazaroff raconte dans ses souvenirs qu'en 1854, comme elle était à Stuttgart, elle fut même sollicitée par deux jeunes officiers gênés pour leurs frais de premier équipement, et qu'elle ne les éconduisit pas, mais leur donna, à l'un 500 et à l'autre 1000 florins.

(D'après une miniature de Rossi, 1826, appartenant à la comtesse E. Schouvaloff, St-Petersbourg.)

Князь ВАЛЕНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ШАХОВСКОЙ 1801—1850, сынъ бригадира князя Михаила Александровича (р. 1758 г., † 1817 г.) отъ брака съ графиней Елизаветой Сергѣевной Головиной (р. 1769 г., † 1831 г.), крестникъ фельдмаршала графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, родился 9 Сентября 1801 года; учился въ школъ колонновожатыхъ и въ молодости служилъ въ 16.-гв. Конно-егерскомъ полку, затѣмъ состоялъ адъютантомъ при Поворосійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ М. С. Воронцовѣ, позднѣе былъ директоромъ Коммерческаго банка и нѣсколько трехлѣтій Волоколамскимъ предводителемъ дворянства; дослужился до чина статскаго совѣтника. По выходѣ въ отставку изъ военной службы, князь Шаховской поселился со своею молодою женою, сестрами и племянницами въ своемъ прекрасномъ родовомъ имѣніи Волоколамскаго уѣзда, селѣ Бѣлая Колпь, которое сдѣлалось, по свидѣтельству князя А. В. Мещерскаго, „центромъ вѣчнаго движенія, разнообразныхъ удовольствій и неистощимой веселости молодежи“. Въ Бѣлой Колпи имѣется акварель, изображающая лѣсную долину—„Бурое“, на которой стоитъ рядъ палатокъ, шалашей и кибитка. Вся семья князя В. М. Шаховскаго, „во время спяноса, отправлялась на нѣсколько дней на это мѣсто, въ окрестностяхъ Колпи, куда отовсюду скикали косцовъ; здѣсь проживали они недѣлями, принимая даже прїѣзжихъ гостей въ этой походной обстановкѣ. Сюда прїѣзжали повара, здѣсь раскладывались костры, по вечерамъ водились хороводы, распѣвались пѣсни; гости съѣзжались парочно для того, чтобы принять участіе въ этомъ продолжительномъ и своеобразномъ полеваниѣ“. Старинные помѣщики этой мѣстности, Шаховскіе пользовались расположеніемъ населенія и сосѣдей. „Въ Колпи всѣ стѣны пропитаны любовью“, говорили хозяева. Бѣлая Колпь—древняя вотчина Шаховскихъ; домъ съ запущеннымъ паркомъ полонъ воспоминаній о старинѣ и сохранился въ совершенной неприкосновенности: тамъ цѣлый архивъ, богатая библіотека, старинная типичная мебель. Одно лицо, еще недавно посѣтившее Бѣлую Колпь, такъ, между прочимъ, говоритъ объ этой усадьбѣ: „Виталъ лѣтница стариннаго образца вѣдетъ въ прїемную нижняго этажа; тотчасъ при входѣ васъ поражаетъ большой масляный портретъ Муравьева, время его ссылки. Онъ уже въ статскомъ одѣяніи и изображенъ переходящимъ библію. Здѣсь же портреты трехъ императрицъ: Екатерины I, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны; первые два интересны своимъ самостоятельнымъ типомъ. Въ одномъ изъ шкаповъ рядъ большихъ книгъ въ красныхъ переплетахъ, съ вензелями Ягужинскихъ, перешедшихъ сюда отъ послѣдняго графа Ягужинскаго, свойственника Шаховскихъ. На стѣнѣ рядъ портретовъ, среди которыхъ бросается въ глаза прекрасной кисти изображеніе Николая Николаевича Муравьева (П. Аргунова, см. Русскіе портреты, т. II, № 144), основателя училища колонновожатыхъ. Онъ окруженъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ масляныхъ портретовъ, все воспитанниковъ его, колонновожатыхъ; это рѣдчайшее собраніе, должно-быть, единственное; любопытенъ старый видъ села Осташева“ (тамъ была „Школа колонновожатыхъ“). „Особенно поразилъ меня бережно сохранявшійся портретъ Андрея Николаевича Муравьева, въ черкесскомъ бешметѣ. Это акварель работы М. Ю. Лермонтова. Врядъ ли кому извѣстно объ этомъ произведеніи поэта!“

Вигель, знавшій Шаховскаго по Одессѣ, оставилъ въ своихъ Запискахъ слѣдующую его характеристику: „Добрѣйшій, благороднѣйшій малый, весьма красивый собой; жаль, что остальное тому не отвѣчало. Разсудокъ не допустилъ бы его до тѣсныхъ связей съ людьми, коихъ мнѣній, кажется, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ. А впоследствии если сіе не погубило его, то много повредило его службѣ“.

Князь В. М. Шаховской скончался въ Берлинѣ 12 Іюня 1850 г. и погребенъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ дважды: на Екатеринѣ Александровнѣ Мухомовой (р. 8 Января 1803 г., † 25 Октября 1836 г.), и съ 9 Января 1839 г. на графинѣ Софіи Гавриловнѣ Реймондъ-де-Моденъ (р. 30 Марта 1804 г., † 15 Апрѣля 1884 г.). Отъ перваго брака у него были: дочь Паталія и 2 сына: Александръ (р. 1831 г., † 7 Іюля 1906 г.), гофмейстеръ, и Михаилъ (р. 1836 г., † 1892 г.), генераль-лейтенантъ, почетный опекунъ, по браку съ Е. О. Бревернъ, наслѣдницей Глѣбовыхъ-Стрешневыхъ, получившій фамилію князя Шаховскаго-Глѣбова-Стрешнева; отъ втораго брака онъ имѣлъ одного сына Гавріила (р. 28 Апрѣля 1842 г., † 29 Августа 1864 г.). Князь В. М. Шаховской погребенъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и братьями.

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховскаго, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le prince VALENTIN MIKHAILOWITCH SCHAKHOWSKOÏ, 1801—1850, fils du prince Michel Alexandrowitch Schakhowskoï (1758—1817), brigadier, et d'Elisabeth Serguéwna, née comtesse Golovine (1769—1831), et filleul du feld-maréchal comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, naquit le 9 septembre 1801. Il fut élève de l'Ecole des Guides, et servit dans sa jeunesse au régiment des chasseurs à cheval de la Garde, puis fut aide de camp du comte M. Worontzoff, général gouverneur de la Nouvelle-Russie, devint directeur de la Banque de Commerce et resta plusieurs triennats maréchal de la Noblesse de Volokolamsk; il parvint au rang de conseiller d'état. En quittant le service militaire, il se fixa avec sa jeune femme, ses sœurs et ses nièces dans son magnifique domaine familial du district de Volokolamsk, Bélaïa Kolp, qui devint, dit le prince A. Mechtchersky, „le centre d'un mouvement continu, de plaisirs variés et d'une perpétuelle animation de jeunesse“. On y conserve une aquarelle représentant la clairière Bouroïé, avec une série de tentes et de huttes et une charrette. Toute la famille „venait, aux foins, passer quelques jours là, aux environs de Bélaïa Kolp, et on appelait de partout les faucheurs; on y passait des semaines, recevant même dans ce campement. On faisait venir des cuisiniers, on allumait des feux de bois, et le soir, c'étaient des rondes et des chants. Il venait même des invités exprès pour faire un séjour dans cette originale et champêtre installation“. Les Schakhowskoï, de longue date seigneurs de l'endroit, jouissaient de la sympathie des paysans et des voisins: „A Kolp“, disaient-ils, „les murailles sont imprégnées d'amour“. Bélaïa Kolp est le vieux domaine patrimonial des Schakhowskoï; la maison, avec son parc à l'abandon, remplie de souvenirs du vieux temps, s'est conservée absolument intacte: toute une archive, une riche bibliothèque, d'antiques meubles à caractère. Un visiteur qui y passa tout dernièrement décrit ainsi ce manoir: „Un escalier en colimaçon à la vieille mode mène à la salle d'attente du premier: dès l'entrée, on est frappé par un grand portrait à l'huile de Mouraviéff, du temps de son exil: en civil, il travaille à une traduction de la Bible. Il y a aussi là les portraits de trois impératrices, Catherine Ire, Anne Ioannowna et Elisabeth Pétrowna, les deux premiers particuliers comme type. Dans une vitrine, une rangée de gros volumes reliés en rouge, avec le chiffre des Yagoujinsky, venus là par le dernier comte du nom, parent des Schakhowskoï. Au mur, une galerie de portraits, où l'œil s'arrête sur la facture magnifique d'un Nicolas Nikolaewitch Mouraviéff (par N. Argounoff, v. Portraits Russes, T. II, N° 144), le fondateur de l'Ecole des Guides; il est entouré de toute une série de petits portraits à l'huile de ses élèves les Guides: rarissime collection, peut-être unique. Curieuse aussi, une vieille vue du bourg d'Ostachevo“ (où était l'Ecole des Guides). „J'ai été particulièrement frappé d'un portrait bien conservé d'André Mouraviéff en camisole tcherkesse: c'est une aquarelle de Lermontoff. Personne ne se doute guère de cette œuvre du poète!“

Wiegel, qui connut Schakhowskoï à Odessa, donne de lui la caractéristique suivante: „Excellent garçon et noble cœur, fort bien de sa personne! C'est dommage, mais le reste n'était pas à l'avenant: sinon, il aurait eu le bon sens de ne pas se lier intimement avec des gens dont les opinions n'étaient pas du tout les siennes: or, dans la suite, si sa carrière n'en fut pas compromise, elle s'en trouva fort mal“.

Le prince Schakhowskoï mourut à Berlin le 12 juin 1850, et fut inhumé à Moscou, au monastère Simonoff, près de son père, de sa mère et de ses frères. Il fut marié deux fois, à Catherine Alexandrowna Moukhanoff (8 janvier 1803—23 octobre 1836), et, le 9 janvier 1839, à la comtesse Sophie Gavrilowna Raimond de Modène (30 mars 1804—15 avril 1884). Il eut de son premier mariage une fille, Natalie, et deux fils, Alexandre (1831—7 juillet 1906), maître de la Cour, et Michel (1836—1892), général lieutenant, curateur honoraire, devenu par son mariage avec Mlle C. Brevern, héritière des Gléboff-Strechneff, prince Schakhowskoï-Gléboff-Strechneff, et de son second mariage un fils, Gabriel (28 avril 1842—29 août 1864.)

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Графъ ГАВРИЛЪ КАРЛОВИЧЪ (Карль-Людвигъ-Францискъ) МОДЕНЬ (de Raimond-Mormoiron, comte de Modène), 1774—1853, потомокъ древняго французскаго рода, восходящаго до 1090 г., сынъ Франциска-Карла де-Реймондъ, графа де-Модень, французскаго посланника въ Нижне-Саксонскомъ округѣ и въ Швеціи, камергера графа Прованскаго и управляющаго Люксембургскимъ дворцомъ въ Парижѣ, родился 17 Октября 1774 г.; поступивъ на русскую военную службу въ 1793 г., онъ состоялъ при графѣ Валерианѣ Зубовѣ и участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, въ 1798 г. былъ адъютантомъ графа П. П. Салтыкова и въ этомъ году, въ чинѣ майора, получилъ отъ Императора Павла русское дворянское достоинство.

Служба графа Модена протекла главнымъ образомъ при дворѣ. Въ коронацію Александра I былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а съ 1817 г. былъ гофмейстеромъ при дворѣ Великаго Князя Николая Павловича. Онъ достигъ званія оберъ-егермейстера (22 Августа 1826 г.), состоялъ при Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, заведывалъ Анничковымъ дворцомъ и Собственной Его Величества конторой и пользовался особеннымъ расположеніемъ Николая I и всей Царской семьи. Скончался Модень 11 Мая 1853 года. Подробности о его смерти находимъ въ письмѣ А. Я. Булгакова къ дочери: „Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: Si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'aie mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme sur le point de comparaître devant Dieu. Il dit à l'Empereur: Après ma mort, veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre. On suppose que cela regarde André Pachkoff (зять Модена). Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daigna prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poêles qui se jeta aux pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu“. Въ письмѣ къ брату тотъ же Булгаковъ по поводу смерти Модена дѣлаетъ такую его характеристику: „Итакъ, бѣдный Модень кончилъ свои страданія. Былъ очень привыченъ и способенъ къ своему мѣсту. Трудно будетъ его замѣнить. Славныя имѣлъ formes и истинный courtisan. Здѣсь всѣ о немъ сожалѣютъ и говорятъ, что честолюбіе укоротило жизнь его“.

Графъ Модень былъ женатъ на Елизаветѣ Николаевнѣ Салтыковой (р. 1773 г., † 8 Марта 1852 г.) и имѣлъ 4 дочерей: Аделанду (р. 1803 г., † 1844 г.), за егермейстеромъ Андреемъ Ивановичемъ Пашковымъ (р. 1792 г., † 1850 г.); Софію (р. 1804 г., † 1884 г.), за княземъ В. М. Шаховскимъ; Александрю (р. 1807 г., † 1839 г.), за графомъ П. Д. Зубовымъ (р. 1801 г., † 1871 г.), и Марію, за генералъ-майоромъ Иосифомъ Францевичемъ Дайнезе.

(Съ миниатюры изъ собранія князя А. В. Шаховскаго; с. Бѣлая Колы, Московской губ.)

Le comte Charles-Louis-François de RAIMOND-MORMOIRON, comte de MODÈNE, 1774—1833, descendant d'une vieille famille française remontant à 1090, fils de François-Charles de Raimond, comte de Modène, ministre de France en Basse-Saxe et en Suède, chambellan du comte de Provence et intendant du Palais du Luxembourg, à Paris, naquit le 17 octobre 1774. Entré au service militaire en Russie en 1793, il fut attaché au comte Valérien Zouboff et fit la campagne de Perse, fut en 1798 aide de camp du comte I. Saltykoff, et la même année, ayant le grade de major, reçut de Paul Ier la noblesse russe.

Sa carrière s'écoula presque toute à la Cour. Fait gentilhomme de la chambre au couronnement d'Alexandre Ier, il devint en 1817 maître de la Cour du Grand-Duc Nicolas Pavlowitch. Il parvint à la dignité de grand veneur (22 août 1826), fut attaché à l'Impératrice Alexandra Féodorowna, et, intendant du Palais Anitchkoff et du Bureau Personnel de Sa Majesté, jouit de la bienveillance particulière de Nicolas Ier et de toute la famille impériale. Il mourut le 11 mai 1833. On lit dans une lettre d'Alexandre Boulgakoff à sa fille: „Les détails de la mort de Modène sont touchants. Il est mort avec fermeté, en chrétien. Il a dit: „Si j'ai eu le malheur d'avoir des ennemis, soit que je l'aie mérité ou non, je leur pardonne et leur demande pardon aussi“. Toute la famille impériale a été lui dire adieu, même l'Héritier, auquel il a donné de bons avis, usant des droits de tout homme qui va comparaître devant Dieu. Il a dit à l'Empereur: „Après ma mort, veuillez, Sire, recevoir une lettre que ma fille est chargée de vous remettre“. On suppose que cela regarde André Pachkoff“ (gendre de Modène). „Quand l'Empereur vint la dernière fois, Modène était mourant, ses yeux se fixaient tour à tour sur l'Empereur et Pachkoff avec un mouvement de tête, mais il ne pouvait plus parler. Cet ange de Nicolas comprit ce que cela voulait dire; il daigna prendre la main de Pachkoff et la secoua plusieurs fois devant le mourant. Modène a fait venir tout le monde, même le chauffeur des poêles qui se jeta aux pieds de son lit, lui baisant la main et lui disant adieu“. Dans une lettre à son frère, le même Boulgakoff, à propos de la mort de Modène, fait de lui la caractéristique suivante: „Ainsi ce pauvre Modène a terminé ses souffrances. Il était fort bien et fort entendu à sa place. Il sera difficile à remplacer. Il avait des formes exquises, un vrai courtisan. Ici chacun le regrette et dit que c'est l'ambition qui a abrégé sa vie“.

Le comte de Modène avait épousé Elisabeth Nikolaewna Saltykoff (1773—8 mars 1852) et eut quatre filles, Adélaïde (1803—1844), mariée au grand veneur André Ivanowitch Pachkoff (1792—1850), Sophie (1804—1884) au prince B. Schakhowskoï, Alexandrine (1807—1839) au comte N. Zouboff (1801—1871), et Marie au général major Joseph Frantzewitch Dainese.

(D'après une miniature de la collection du prince A. Schakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Графиня АННА ПАВЛОВНА КАМЕНСКАЯ, 1749—1826, дочь подполковника князя Павла Николаевича Щербатова, женатаго на княжнѣ Маріи Федоровнѣ Голицыной, родилась 26 Сентября 1749 года. Въ замужство съ Михаиломъ Федотовичемъ Каменскимъ (р. 1758 г., † 1809 г.), впоследствии графомъ, вступила 5 Апрѣля 1771 года. По свидѣтельству знавшихъ ее, „она была одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ“. Въ замужствѣ она была несчастлива и очень страдала отъ крутого, деспотичнаго характера мужа, не скрывавшаго отъ нея своей связи съ совершенно простой женщиной, ради которой онъ постоянно ее покидалъ. Будучи глубоко религіозна и крайне строгой нравственности, она терпѣливо переносила свою судьбу до смерти мужа, убитаго за жестокое обращеніе съ крѣпостными крестьянами. Послѣ смерти его она проживала то въ Орлѣ, у своего старшаго сына Сергѣя, то въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, противъ Петровскаго монастыря, представившемъ изъ себя типъ Московскаго барскаго дома старыхъ временъ, переполненнаго всякаго рода приживалками, камычками, пѣльными турчанками, карлицами и шутихами (позднѣе она жила на Смоленскомъ бульварѣ, гдѣ теперь Земледѣльческое училище, рядомъ съ домикомъ Блудовой, съ которой была очень дружна). Имѣла одну дочь, Марію, бывшую въ замужствѣ за Г. П. Ржевскимъ, и двухъ сыновей, она всю силу своей привязанности сосредоточила на старшемъ изъ нихъ, графѣ Сергѣѣ Михайловичѣ. Блестящую карьеру своего младшаго сына, графа Николая Михайловича, скончавшагося въ званіи главнокомандующаго Дунайскою арміею, 35-и лѣтъ отъ роду, въ 1811 г., она считала несправедливостью судьбы къ своему любимцу и уговорила даже главнокомандующаго дать случай отличиться и старшему брату. Этотъ случай и былъ данъ ему при осадѣ Рущука, съ весьма плачевнымъ, однако, результатомъ.

Пожалованная на коронацію Павла I, при возведеніи ея мужа въ графское достоинство, одновременно стать-дамскимъ портретомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, графиня Каменская пользовалась большимъ уваженіемъ при Дворѣ. Послѣ смерти ея младшаго сына, Императоръ Александръ I посѣтилъ ее, чтобы выразить ей свое соболѣзнованіе. „Государь“, сказала она ему, „у Васъ остался старшій его братъ“. Не любившій графа С. М. Каменскаго, Императоръ подилялся и ухажалъ, не протестуясь. При мягкомъ своемъ характерѣ, графиня Каменская умѣла соблюдать чувство собственного достоинства, примѣромъ чему служить происшедшій съ нею случай въ Костромѣ, куда она уѣхала отъ французовъ въ 1812 г.; „приѣхавъ въ праздничный день въ соборъ къ обѣднѣ, Каменская встала невзначай на мѣсто, обыкновенно занимаемое губернаторшей, и когда послѣдняя заявила свои права на него, графиня раскрыла свою шаль и, показавъ прикрѣпленный къ груди ея стать-дамскій портретъ, спокойно отвѣтила: „Не беспокойте меня, а мужа Вашего спросите, какъ онъ смѣлъ ко мнѣ не явиться“. Но въ самомъ концѣ жизни графиню Каменскую постигла опала при Дворѣ. Она подверглась гнѣву Императора Николая Павловича за то, что крестьяне ея взбунтовались, выведенные изъ себя строгостью управляющаго. Она была обойдена полученіемъ на коронацію Императора въ Августѣ 1826 г. ордена св. Екатерины I кл., и, какъ говорили, ей былъ воспрещенъ вѣздъ ко Двору. Это такъ сильно на нее подѣйствовало, что 16 Ноября 1826 года она скончалась скоропостижно отъ удара, 77-и лѣтъ отъ роду; погребена въ Московскомъ Поводѣвичьемъ монастырѣ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse ANNE PAVLOWNA KAMENSKY, 1749—1826, fille du prince Paul Nikolaewitch Chtcherbatoff, lieutenant-colonel, et de la princesse Marie Féodorowna, née Golitzyne, naquit le 26 septembre 1749, et épousa le 5 avril 1771 Michel Fédotowitch Kamensky (1758—1809), dans la suite comte. Les contemporains qui la connaissaient la représentent comme „une des plus jolies femmes du temps, âme noble, cœur bon, caractère doux“. Elle fut très malheureuse en ménage: victime d'un mari brutal et despotique, qui ne lui cachait pas sa liaison avec une femme de basse condition, pour laquelle il la quittait constamment, mais aussi profondément religieuse et d'une extrême rigueur de principes, elle supporta tout avec résignation jusqu'à la mort de ce mari, tué par ses serfs révoltés de ses cruautés. Elle vécut dès lors, tantôt à Orel, chez son fils aîné Serge, tantôt à Moscou, dans sa maison située vis-à-vis du monastère Pétrowsky et type de la maison seigneuriale moscovite du temps jadis, encombrée de toute espèce de parasites, de Kalmouckes, de prisonnières turques, de naines et de bouffonnes: elle habita ensuite, Boulevard de la Passion, sur l'emplacement actuel de l'Ecole d'Agriculture, une maison contiguë à celle de Mme Bloudoff, avec qui elle était très liée. Elle avait une fille Marie, mariée à G. Rjewsky, et deux fils, à l'aîné desquels, Serge, elle réserva toute sa tendresse. La brillante carrière du cadet, Nicolas, mort commandant en chef de l'armée du Danube en 1811, à l'âge de 35 ans, lui paraissait une injustice du sort à l'égard de son préféré, auquel elle persuada même le commandant en chef de fournir aussi l'occasion de se distinguer: cette occasion lui fut donnée au siège de Rouchtchouk, mais le résultat fut lamentable.

Faite au couronnement de Paul Ier, en même temps que son mari était élevé à la dignité de comte, à la fois dame d'honneur et dame de Ste-Catherine, la comtesse Kamensky était en grande estime à la Cour. A la mort de son fils cadet, l'Empereur Alexandre Ier vint lui faire une visite de condoléances: „Sire“, lui dit-elle, „Vous gardez l'aîné!“ L'Empereur, qui n'aimait pas le comte Serge Kamensky, se leva et partit sans prendre congé. Malgré sa douceur de caractère, elle savait faire valoir le sentiment de sa dignité personnelle, comme en témoigne l'incident de Kostroma, où elle s'était, en 1812, mise à l'abri de l'invasion: un jour de fête, à la messe, comme elle avait pris par mégarde à la cathédrale la place de la femme du gouverneur, et que celle-ci venait la réclamer, elle ouvrit son châle, et, montrant le portrait de dame d'honneur fixé sur sa poitrine, répondit tranquillement: „Ne me dérangez pas, et allez demander à votre mari comment il s'est permis de ne pas me rendre visite“. Mais au déclin même de ses jours, elle tomba en disgrâce à la Cour: elle avait encouru le courroux de l'Empereur Nicolas à la suite d'une révolte de ses paysans, exaspérés par la rigueur de son intendant. Au couronnement, en août 1826, elle n'eut pas Ste-Catherine de 1re classe, et on prétend qu'elle reçut l'ordre de ne plus venir à la Cour. Elle en fut affectée à tel point qu'elle mourut d'une attaque d'apoplexie le 16 novembre 1826, à l'âge de 77 ans; elle fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ МИХАИЛЪ ѲЕДОТОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1758—1809, сынъ генераль-майора Ѳедота Михайловича (р. 1696 г., † 1755 г.) отъ брака съ Анной Алексѣевной Зыбиной, родился 8 Мая 1758 г.; учился въ Кадетскомъ корпусѣ и въ 1756 г. выпущенъ поручикомъ въ Канцелярію Строений, откуда переведенъ въ артиллерію. Съ 1757 по 1759 г. онъ служилъ волонтеромъ во Французской арміи, а по возвращеніи въ Россію назначенъ въ Московскую артиллерійскую команду; въ 1761 г. участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и въ 1762 г. переведенъ въ пѣхоту. Въ 1765 г. Каменскій былъ посланъ въ Бреславль для ознакомленія съ системой обученія Прусскихъ войскъ и былъ замѣченъ Фридрихомъ II. Онъ составилъ и поднесъ Цесаревичу описаніе Прусскаго лагеря и обнаружилъ здѣсь безусловное преклоненіе передъ Прусской военной системой. Уже въ чинѣ генераль-майора Каменскій показалъ свои военные дарованія во время Первой Турецкой войны и былъ награжденъ орденами св. Анны, Георгія 2 и 3 кл. и Александра Невского, и чиномъ генераль-поручика. Въ 1779 г., во время войны за Баварское наслѣдство, состоялъ при Прусской арміи. Съ 1783 по 1785 г. управлялъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествомъ, въ 1788 г. участвовалъ во Второй Турецкой войнѣ и награжденъ орденомъ св. Владимира 1 ст., но, не получивъ, вслѣдствіе нерасположенія Потемкина, никакого назначенія, оставилъ армію. Впрочемъ, и Екатерина II находила, что Каменскій ни къ чему не годенъ, и называла его „un personnage le plus ennuyant du monde“. Наконецъ, Потемкинъ въ 1791 г. взялъ его опять къ себѣ, „дабы не говорили, что вытѣсняетъ репутацію имѣющаго“. По смерти Потемкина Каменскій, какъ старшій генераль-аншефъ, принялъ командованіе арміей, но въ то же время Каховскій предъявилъ свои права на основаніи записки Потемкина. Армія получила двоихъ командующихъ, отдававшихъ противорѣчивыя приказы. Каменскій возбудилъ слѣдствіе негодованіе Екатерины II, былъ отозванъ и послѣдніе годы ея царствованія провелъ въ отставкѣ. Павелъ I назначилъ Каменскаго начальникомъ Финляндской дивизіи и пожаловалъ ему Андреевскую ленту, чинъ фельдмаршала и титулъ графа, но послѣдніе годы его царствованія Каменскій опять былъ въ опалѣ. Александръ I назначилъ его главнокомандующимъ въ Петербургѣ, но въ 1802 г. онъ былъ уволенъ за дикія проявленія своего дерзкаго, жестокаго и необузданнаго характера. Каменскій прожилъ въ деревнѣ до 1806 г., когда былъ поставленъ во главѣ арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона: общій голосъ высказался за него, какъ въ 1812 г. за Кутузова. Державши привѣтствовалъ его одой, въ которой называлъ его „оставшимъ мечомъ Екатерины, булатомъ, обдержаннымъ въ бояхъ“. Каменскій не оправдалъ надеждъ; по выраженію Вигеля, „послѣдній мечъ Екатерины слишкомъ долго лежалъ въ помяхъ и отъ того позаржавѣлъ“. Большой старикъ самъ чувствовалъ свою неспособность, но не имѣлъ мужества отказаться рѣшительно. Увидѣвъ печальное состояніе арміи, онъ совсѣмъ растерялся, отдалъ приказъ объ отступленіи и, давъ командованіе старшему, бѣжалъ отъ арміи черезъ нѣсколько дней по прѣздѣ. Послѣдніе годы Каменскій прожилъ въ своемъ Орловскомъ имѣніи с. Сабуровѣ, гдѣ 12 Августа 1809 г. былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ мальчикомъ-казачкомъ, братомъ его любовницы. Погребенъ онъ въ церкви того же села.

„Остроумный живчикъ невысокаго роста“, по выраженію Вигеля, Каменскій отличался храбростью, энергіей, рѣшительностью и самообладаніемъ, считался хорошимъ тактикомъ, но онъ могъ быть только прекраснымъ исполнителемъ, а не самостоятельнымъ начальникомъ. Среди русскихъ генераловъ онъ выдавался своимъ образованіемъ и обширными познаніями, въ особенности по математикѣ, любилъ литературу (имѣлъ издава „Душенька“ Богдановича) и самъ писалъ стихи. Характеръ Каменскаго былъ необузданный. Его горячность и злоба доходили до крайнихъ предѣловъ, съ крестьянами и дворовыми онъ обращался жестоко и подвергалъ тѣлесному наказанію даже взрослого сына-офицера. Съ женой онъ жилъ и обращался дурно, имѣя на ея глазахъ любовницъ. Московскій его домъ на Смоленскомъ бульварѣ (теперь Земледѣльческая школа) поражалъ соединеніемъ азіатской роскоши съ европейской утонченностью и русской распущенностью. Отъ брака съ княжной Анной Павловной Щербатовой Каменскій имѣлъ дочь Марію и сыновей Сергія и Николая; „воспитанникъ“ его, Петръ Михайловичъ „Менкаскій“, за заслуги фельдмаршала получилъ потомъ фамилію Каменскаго.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Le comte MICHEL FÉDOTOWITCH KAMENSKY, 1758—1809, fils du général major Fédote Mikhaïlowitch Kamensky (1696—1755) et d'Anne Alexéewna, née Zybine, naquit le 8 mai 1758. Il fit ses études au Corps des Cadets, et en sortit en 1756 lieutenant à la Chancellerie des Bâtiments, d'où il permuta dans l'artillerie. Volontaire de 1757 à 1759 dans l'armée française, il fut, à son retour en Russie, affecté à l'artillerie de Moscou. Il fit en 1761 la Guerre de Sept-Ans, et passa l'année suivante dans l'infanterie. Envoyé en 1765 à Breslau pour étudier le système d'instruction des troupes prussiennes, il s'y fit remarquer de Frédéric II, et en rapporta une description du camp prussien qu'il présenta au Césarewitch, et où il se prononçait nettement en faveur du système prussien. Il n'était que général major quand il déploya ses talents militaires à la première guerre de Turquie, où il gagna Ste-Anne, St-Georges de 2e et de 3e classes, St-Alexandre Newsky et le grade de général lieutenant. En 1779, lors de la guerre de la succession de Bavière, il fut attaché à l'armée prussienne, puis, de 1783 à 1785, administra les lieutenances de Riazan et de Tamboff. Il fit ensuite en 1788 la seconde campagne de Turquie, qui lui valut St-Vladimir de 1re classe, mais, n'ayant obtenu, en raison de la malveillance de Potemkine, aucune nomination, il quitta l'armée; d'ailleurs Catherine II, elle aussi, trouvait qu'il n'était bon à rien et l'appelait „un personnage le plus ennuyant du monde“. Il finit pourtant, en 1791, par rentrer en grâce près de Potemkine, qui „ne voulait pas être accusé d'évincer une réputation acquise“, et à la mort duquel il prit le commandement en sa qualité de plus ancien général en chef: mais Kakhowsky faisait en même temps valoir des droits fondés sur une note de Potemkine, et l'armée se trouva avoir deux commandants, dont les ordres se contrariaient. Catherine II, furieuse contre Kamensky, le rappela, et il passa dans la retraite les dernières années du règne. Paul Ier lui donna le commandement de la division de Finlande et le cordon de St-André, le titre de feld-maréchal et la dignité de comte, mais il retomba dans la disgrâce vers la fin du règne. Nommé par Alexandre Ier commandant en chef à St-Petersbourg, il se fit destituer en 1802 par son caractère violent, cruel et intraitable. Il se retira dans ses terres, d'où il ne sortit qu'en 1806 pour prendre le commandement de l'armée envoyée contre Napoléon: il avait pour lui l'opinion publique, comme Koutouzoff l'eut en 1812; Derjavine lui dédia une ode où il l'appelait „Dernier glaive de Catherine, Acier trempé dans les combats“. Mais les espérances se trouvèrent déçues: „Le dernier glaive de Catherine“, dit Wiegel, „resté trop longtemps au fourreau, était quelque peu rouillé“. Vieux et malade, sentant lui-même son impuissance, il n'eut pas le courage de refuser net, mais, en présence du lamentable état de l'armée, il perdit complètement la tête, donna le signal de la retraite, remit le commandement au plus ancien, et, quelques jours après son arrivée, quitta précipitamment l'armée. Il passa ses dernières années dans sa propriété des environs d'Orel, au bourg de Sabouroff, où il fut tué le 12 août 1809 par un petit serf cosaque, frère de sa maîtresse; il fut inhumé dans l'église du bourg.

„Spirituel et exubérant petit homme“, comme dit Wiegel, brave, énergique, résolu et maître de lui-même, Kamensky passait pour un bon tacticien, mais ne put se signaler que comme sous-ordre, sans initiative générale. Il brillait entre tous les généraux russes par son instruction et l'étendue de ses connaissances, surtout en mathématiques; amateur de littérature (ce fut lui qui publia la *Douchenka* de Bogdanowitch), il composa lui-même des vers. Il avait un caractère intraitable: d'une méchanceté et d'un emportement inouis, il traitait ses paysans et ses gens avec cruauté, et infligea même un châtiment corporel à un de ses fils adulte et officier. Sans égards ni respect pour sa femme, il avait des maîtresses sous ses yeux. Sa maison du Boulevard de Smolensk à Moscou (aujourd'hui l'Ecole d'Agriculture) était un étonnant composé de luxe asiatique, de raffinement européen et de laisser-aller russe.

Le comte Kamensky eut de son mariage avec la princesse Anne Pavlowna Chtcherbatoff une fille Marie et deux fils, Serge et Nicolas; ses services valurent plus tard à son „pupille“, Pierre Mikhaïlowitch „Menkasky“, le nom de Kamensky.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ СЕРГІЙ МІХАЙЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1772—1834, старшій сынъ графа Михаила Ѳедотовича отъ брака съ кнжною Анной Павловной Щербатовой, родился 3 Іюня 1772 г.; 2-хъ лѣтъ онъ уже числился корнетомъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, въ 1777 г. былъ прапорщикомъ гвардіи, въ 1787 г.—подпоручикомъ, а 1 Января 1789 г. произведенъ уже въ поручики Преображенскаго полка, послѣ чего, не имѣя еще полныхъ 17 лѣтъ, 5 Марта 1789 г., былъ выпущенъ въ Екатеринбургскій гренадерскій полкъ подполковникомъ, откуда чрезъ мѣсяцъ перешелъ въ Московскій гренадерскій, а въ 1794 г. назначенъ командиромъ 3 батальона Екатеринбургскаго егерскаго корпуса; черезъ два года, 27 Декабря 1796 г., переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, а 1 Января 1797 г. произведенъ въ полковники.

За это время Каменскій неоднократно уже бывалъ въ разныхъ походахъ: въ 1789 г. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, въ слѣдующемъ году—въ Шведской, въ 1791 г.—въ знаменитомъ сраженіи при Мачинѣ; годы 1792—1795 С. Каменскій провелъ въ Польшѣ и, кромѣ участія въ плѣненіи Костюшки при Маціовицахъ и во многихъ мелкихъ дѣлахъ, былъ раненъ на штурмѣ Праги. Въ 1798 г., 14 Марта, графъ Каменскій былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ шефомъ сначала Полоцкаго мунхатерскаго, а затѣмъ (съ 19 Августа 1801 г.) Фанагорійскаго гренадерскаго полка. Въ 1805 г. участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ и въ походѣ въ Галицію, при чемъ 15 Іюня 1806 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты. Съ Ноября этого же года и до конца 1810 г. находился въ Молдавской арміи, при чемъ подъ конецъ состоялъ подъ командой младшаго своего брата, даровитаго графа П. М. Каменскаго, съ которымъ всегда былъ въ дурныхъ отношеніяхъ. Тутъ онъ участвовалъ во взятіи штурмомъ Базарджика и прославился неудачей при штурмѣ Руцука; 14 Іюня 1810 г. С. М. Каменскій былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и въ 1812 г. командовалъ корпусомъ въ 3-й Западной арміи, при чемъ участвовалъ во взятіи Кобрина и въ сраженіи при Городечнѣ. Съ 19 Октября 1812 г. получалъ безсрочный отпускъ „для излѣченія болѣзни“, а 6 Марта 1822 г. былъ уволенъ отъ службы. Кромѣ Александровской звѣзды и Анны 1-й ст., Каменскій имѣлъ орденъ св. Георгія 2 кл. (21 Ноября 1810 г.) и 4 кл. (1 Января 1795 г.), а также 2 золотые креста: за штурмъ Праги и взятіе Базарджика.

Любимецъ матери, послѣ убійства отца и преждевременной кончины младшаго брата, онъ наследовалъ большое состояніе (въ 1816 г. за нимъ числилось въ Орловской, Нижегородской, Владимірской и Курской губерніяхъ 6000 душъ), которое все прожилъ и къ концу жизни нуждался, такъ что въ 1828 г., по случаю „стѣсненныхъ“ дѣлъ, просилъ себя, „калѣкъ, инвалиду, безъ ногъ почти, драбанту на ратномъ полѣ“, чрезъ А. П. Чернышева пенсію, но послѣдній 22 Ноября 1822 г. отвѣтилъ Каменскому, что онъ не рѣшается представить его просьбу Государю, такъ какъ „пенсіоны испрашиваются при самомъ увольненіи отъ службы, Ваше же Сіятельство о назначеніи Вамъ пенсіона просить тогда не позволяли“.

Графъ С. М. Каменскій умеръ 8 Декабря 1834 г. и похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ матерью. Онъ былъ женатъ 2 раза; первымъ бракомъ—на Маріи Івановнѣ Ячимо-вичъ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей: Прасковію (фрейлина; р. 9 Августа 1803 г., † 24 Февраля 1829 г.) и Анну (р. 1805 г.), умершихъ дѣвцами; во второй разъ онъ былъ женатъ на вдовѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Куриловой, рожденной Левшиной, отъ которой имѣлъ 5 сыновей, графовъ Михаила, Николая, Андрея, Сергѣя и Федора, и 5 дочерей.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ древностей, въ Ростовѣ-Ярославскомъ.)

Le comte SERGE MIKHAÏLOWITCH KAMENSKY, 1772—1834, fils aîné du comte Michel Fédotowitch Kamensky et d'Anne Pavlowna, née princesse Chicherbatoff, naquit le 3 juin 1772. Enrôlé à l'âge de 2 ans cornette au régiment des dragons de Nijni-Novgorod, porte-enseigne dans la Garde en 1777, sous-lieutenant en 1787 et lieutenant dès le 1er janvier 1789 au régiment Préobragensky, il fut promu colonel le 5 mars suivant, à 17 ans à peine, aux grenadiers d'Ekatérinoslav, d'où il passa, un mois après, à ceux de Moscou. Commandant en 1794 du 3e bataillon du corps des chasseurs d'Ekatérinoslav, il permuta deux ans plus tard, le 27 décembre 1796, au régiment d'infanterie de Riazan, et passa colonel le 1er janvier 1797.

Il n'avait pas cessé de faire campagne, en 1789 en Turquie, l'année suivante en Suède, en 1791 à la célèbre bataille de Matchine, de 1792 à 1795 en Pologne, où il contribua à la capture de Kosciuszko à Maciejowice, prit part à de nombreux combats et fut blessé à l'assaut de Praga. Promu le 14 mars 1798 général major et nommé chef d'abord du régiment des mousquetaires de Polotzk, puis, le 19 août 1801, de celui des grenadiers Fanagoriysky, il combattit en 1805 à Austerlitz et fit la campagne de Galicie, où il passa le 15 juin 1806 général lieutenant. A l'armée de Moldavie, où il resta de novembre 1806 à la fin de 1810, il finit par se trouver sous les ordres de son frère cadet, le comte Nicolas Kamensky, officier de valeur, avec lequel il fut toujours en froid; il y prit part à l'enlèvement de Bazardjik, et se rendit fameux par son assaut manqué de Rouchtchouk. Général d'infanterie le 14 juin 1810, il commanda en 1812 un corps de la 3e armée de l'Ouest, et fut à la prise de Kobrin et à la bataille de Gorodetchna. En congé illimité depuis le 19 octobre 1812 „pour raisons de santé“, il fut mis à la retraite le 6 mars 1822. Outre l'étoile de St-Alexandre et Ste-Anne de 1re classe, il avait St-Georges de 2e classe (21 novembre 1810) et de 4e classe (1er janvier 1795), ainsi que deux croix d'or pour l'assaut de Praga et la prise de Bazardjik.

Favori de sa mère, après le meurtre du père et la fin prématurée de son frère cadet, il hérita d'une grosse fortune (il possédait en 1816 dans les gouvernements d'Orel, Nijni-Novgorod, Vladimir et Koursk 6000 têtes de paysans), et la dissipa tout entière: le besoin où il se trouva sur ses vieux jours le réduisit en 1828, en raison de sa situation „géné“, à se faire demander, „infirmes, invalide, presque sans jambes, preux vieilli dans les combats“, une pension par Tchernycheff, qui lui fit savoir le 22 novembre 1822 qu'il ne se décidait pas à transmettre sa requête à l'Empereur, car „les pensions se demandent en quittant le service, et Votre Excellence n'en a pas sollicité alors“.

Le comte Kamensky mourut le 8 décembre 1834, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou, près de sa mère. Il fut marié deux fois: en premières noces, à Marie Ivanowna Yafimowitch, dont il eut deux filles, Prascovie (9 août 1803—24 février 1829), demoiselle d'honneur, et Anne (née 1805), non mariées, et, en secondes noces, à Catherine Féodorowna, veuve Kouriloff, née Levchine, dont il eut cinq fils, Michel, Nicolas, André, Serge et Théodore, et cinq filles.

(D'après un original du Musée des Antiques de Rostoff-Yaroslawsky.)

Графъ СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ, 1772 — 1834, сынъ графа Михаила Ѳедотовича, фельдмаршала, и его жены Анны Павловны, рожденной княжны Щербатовой, любимецъ матерн, унаслѣдовалъ отъ отца всѣ его многочисленныя дурныя свойства: его необузданный нравъ, его чуждачества, жестокость, нравственную распущенность, но не получилъ ни одного изъ его достоинствъ или талантовъ младшаго своего брата Николая. Извѣстный своими неудачными распоряженіями и гибельными дѣйствіями при осадѣ Рущука, графъ С. М. Каменскій, при недостаткѣ военныхъ способностей, не отличался и лично храбростію. Главнокомандующій подъ Рущукомъ поручилъ князю Волконскому передать старшему брату такое приказаніе, „чтобъ графъ употребилъ все войско, въ распоряженіи его находящееся, за исключеніемъ 2 батальоновъ для прикрытія своей особы, и непременно бы овладѣлъ незапатымъ редутомъ!“ Получивъ въ 1812 г. безсрочный отпускъ, а въ 1822 г. отставку, Каменскій постоянно жилъ въ с. Сабуровѣ, Орловской губ., и въ г. Орлѣ. Своими странностями онъ выдавался изъ числа обыкновенныхъ людей. Страстью его былъ театр, помѣщавшійся въ деревянномъ домѣ на Соборной улицѣ г. Орла. Труппа была крѣпостная, при чемъ Каменскому очень хотѣлось купить знаменитаго Щепкина, но, къ счастью, это не удалось. Графъ самъ зорко слѣдилъ за игрой артистовъ и записывалъ всѣ замѣченныя ошибки, тѣмъ болѣе, что требовалось только твердое знаніе и бойкое чтеніе роли, а сцѣлера не было. На сценѣ нѣсколько платокъ, и послѣ каждаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ расчеты съ провинившимися актерами, крики которыхъ долетали до слуха зрителей. Въ театрѣ былъ партеръ, 2 яруса ложъ и раекъ. Иногда графъ, вмѣсто ложъ, садился въ первомъ ряду, за нимъ, во 2-мъ, сидѣла его мать, а позади ея, въ 3-мъ ряду, любовница графа, съ большимъ его портретомъ на груди. (Когда она чѣмъ-нибудь прогнѣвалась Каменскаго, ей надѣвали другой такой же портретъ, на которомъ были изображены только затылокъ и спина графа; кромѣ того, въ такихъ же случаяхъ нѣсколько дворовыхъ людей каждыя четверть часа обязаны были входить къ ней въ комнату и въ одинъ голосъ говорить: „Грѣшно, Акулина Васильевна, разсердили батюшку-графа, молитесь!“ и она должна была немедленно кланяться поклонны, даже ночью.)

Билеты для входа въ театръ Каменскій раздавалъ и продавалъ самъ, сѣдя въ кассѣ, при чемъ многіе, шутя, нарочно платили ему мѣдными деньгами или фальшивыми ассигнаціями, которыхъ графъ, въ свою очередь, старался вручить офицеру военного наряда, назначавшагося къ театру. Постановка пьесъ была роскошная: такъ, „Калифъ Багдадскій“ стоилъ болѣе 30 т. рублей; прислуга при театрѣ была въ ливреяхъ съ красными, синими и бѣлыми воротничками, по степени старшинства. Театръ графа былъ всегда полонъ, но публика была мелкая; люди, болѣе видные по положенію, пріѣзжали „ради смѣха“, такъ какъ игра артистовъ была ниже всякой критики. Въ антрактахъ публику угощали пастилой, мочеными яблоками и медомъ. Въ роскошномъ домѣ графа царилъ хаосъ, безпорядокъ и грязь; многочисленная прислуга, оборванная, ссорившаяся и ругавшаяся между собой, ничего не дѣлала; въ прихожей около двухъ десятковъ лакеевъ сидѣли и визали чулки, ожидалъ приказанія графа подать ему платокъ или трубку. Каменскій приглашалъ часто къ обѣду, въ 2 часа дня, гостей, но сервировка стола была безпорядочная и грязная. Графъ за обѣдомъ охотно рассказывалъ о театрѣ, но очень не любилъ, когда ему напоминали его боевую жизнь или его брата, впрочемъ, военные трофеи и регалии послѣдняго и отца, фельдмаршала, берегъ подъ стеклышками холпаками. Достопримѣчательностью дома были особые часы, купленные у Медокса, которые въ 2 ч. 11 м. дня играли „Со святыми упокой“ (время убійства отца), а въ 4 ч. дня — „Слався, слався, храбрый Россѣ!“... (моментъ рожденія на свѣтъ самого графа). Каменскій вставалъ очень рано и съ 5 до 7 ч. дѣлалъ визиты, затѣмъ до 2 ч. проводилъ время на репетиціяхъ и за продажей билетовъ; послѣ обѣда опять отправлялся въ театръ, гдѣ спектакль начинался въ 6½ часовъ; вечеромъ ежедневно отдавался приказъ о всѣхъ событіяхъ дня, о замѣченныхъ безпорядкахъ и о производствѣ лакеевъ изъ одной ливреи въ другую.

Когда графъ Каменскій умеръ, 8 Декабря 1834 г., въ Москвѣ, отъ огромнаго состоянія его ничего не осталось, все оно ушло на театръ.

Портреты графа С. М. Каменскаго рѣдки; одинъ, находящійся въ Ростовскомъ музеѣ, въ Ростовѣ-Великомъ, идетъ изъ семьи Булатовыхъ (черезъ А. А. Титова), другой (миниатюра) находится въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte SERGE MIKHAILOWITCH KAMENSKY, 1772—1854, fils du comte Michel Fédotowitch Kamensky, feld-maréchal, et d'Anne Pavlowna, née princesse Chtcherbatoff, préféré de sa mère, avait hérité de toutes les mauvaises qualités de son père, humeur intraitable, bizarrerie, cruauté, perversité, sans avoir aucun des mérites ni des talents de son jeune frère Nicolas. Fameux par ses dispositions maladroites et ses opérations malheureuses au siège de Rouchtchouk, il était insignifiant comme homme de guerre, et ne brillait pas non plus par la valeur personnelle: son frère le commandant en chef lui fit transmettre, par le prince S. Wolkonsky, au témoignage de celui-ci, l'ordre „de prendre toutes les troupes dont il disposait, sauf deux bataillons affectés à sa garde personnelle, et de s'emparer sans faute d'une redoute encore inoccupée!“ Mis en 1812 en congé illimité, puis, en 1822, à la retraite, il se fixa au bourg de Sabouroff, gouvernement d'Orel, et dans la ville d'Orel. Il avait des bizarreries qui le faisaient sortir du commun. Sa passion était le théâtre qu'il avait organisé à Orel, dans une maison de bois de la Rue de la Cathédrale, avec une troupe de serfs: il aurait même bien voulu acheter le célèbre Chtchepkine, mais heureusement il n'y réussit pas. Il surveillait de près l'exécution, notant lui-même toutes les fautes qu'il remarquait, d'autant plus que les acteurs n'étaient tenus que de savoir parfaitement leur rôle et de le débiter avec assurance, et qu'il n'y avait pas de souffleur. Il faisait apporter sur la scène une provision de fouets, et passait dans les coulisses à chaque entr'acte régler leur compte aux maladroits, qu'on entendait crier de la salle. Le théâtre comportait un parterre, deux galeries de loges et un paradis. Quelquefois le comte, au lieu de prendre une loge, se mettait au premier rang; derrière lui, au second, sa mère, et derrière, au troisième, sa maîtresse, qui portait sur la poitrine un grand portrait de lui. (Quand il avait quelque grief contre cette maîtresse, elle en portait un autre où il était représenté de dos, et alors, tous les quarts d'heure, une troupe de gens de service venaient lui dire en chœur: „C'est péché, Akoulina Vassiliowna, d'avoir fâché notre bon comte: faites votre prière!“ et elle devait immédiatement faire des génuflexions, fût-ce même la nuit.) Installé à la caisse, il distribuait et vendait les billets lui-même: souvent, par plaisanterie, on le payait en billon ou en faux assignats, qu'il essayait à son tour de passer à l'officier du piquet de service à la représentation. La mise en scène était somptueuse: celle du Calife de Bagdad coûta plus de 50.000 roubles; les domestiques étaient en livrées à collet rouge, bleu ou blanc, selon l'ancienneté. La salle était toujours comble, mais peu brillante: la société un peu relevée ne venait que „pour s'amuser“, le jeu des acteurs étant au-dessous de toute critique. Aux entr'actes, il y avait distribution de confiserie, de pommes confites et d'hydromel. La luxueuse maison du comte n'était que chaos, désordre et saleté: une nuée de domestiques en loques passaient leur temps à se disputer et à s'injurier sans jamais rien faire; dans l'antichambre, une vingtaine de laquais faisaient du tricot en attendant que le maître demandât son mouchoir ou sa pipe. Il y avait souvent dîner à deux heures, mais le service était décousu et malpropre; à table, le comte aimait causer théâtre, mais détestait entendre parler de ses souvenirs militaires ou de son frère, dont il conservait pourtant sous verre les trophées et les insignes avec ceux de son père le feld-maréchal. Comme curiosité de la maison, une horloge spéciale, de chez Médox, jouait le *De Profundis* à 2 h. 11 de l'après-midi (heure du meurtre du feld-maréchal) et une marche triomphale russe à 4 heures (moment de la naissance du comte lui-même). Kamensky se levait de très bonne heure, faisait des visites de cinq à sept, puis restait jusqu'à 2 heures à la répétition et à la caisse, et, après dîner, retournait au théâtre, où le spectacle commençait à six heures et demie. Tous les soirs, paraissait un ordre du jour sur les événements de la journée, les observations de service et les promotions de domestiques d'une livrée à l'autre.

Le comte Kamensky mourut à Moscou le 8 décembre 1854, sans rien laisser de son immense fortune, engloutie tout entière par le théâtre.

Les portraits du comte Kamensky sont rares. Il y en a un au Musée de Rostoff-la-Grande, venu par A. Titoff de la famille Boulatoff, et un autre, une miniature, dans la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня АПША ПЕТРОВНА КУТАЙСОВА, 176.—1848, дочь именитого гражданина г. С.-Петербурга, Петра Терентьевича Резвого (р. 1729 г., † 1779 г.) отъ брака съ Анной Дмитріевной Кукиной († 1801 г.), была замужемъ за графомъ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ (см. т. I, № 118) и имѣла двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Старшій сынъ, графъ Павелъ Ивановичъ (см. т. III, № 57), достигъ на гражданской службѣ званія члена Государственного Совѣта; второй, графъ Александръ Ивановичъ (р. 1784 г.; см. т. III, № 55), особенно любимый и цѣнимый всѣми его знавшими, въ чинѣ артиллеріи генераль-майора погибъ геройской смертью подъ Бородинымъ 26 Августа 1812 года. Дочери—старшая Марія была замужемъ за графомъ Владиміромъ Федоровичемъ Васильевымъ и имѣла одного сына Алексѣя и трехъ дочерей: Софію, Анну и Елизавету; вторая дочь—Надежда была замужемъ за княземъ Александромъ Федоровичемъ Голицынымъ и имѣла сына Евгенія и дочь Александру.

(Съ миниатюры, принадлежащей Д. М. Резвому, въ С.-Петербурѣ.)

La comtesse ANNE PÉTROWNA KOUTAÏSSOFF, 176.—1848, fille du citoyen notable de St-Pétersbourg Pierre Térentiewitch Rezvoï (1729—1779) et d'Anne Dmitriewna, née Koukine († 1801), épousa le comte Ivan Pavlowitch Koutaïssoff (v. T. I, № 118), dont elle eut deux fils et deux filles.

L'aîné, Paul (v. T. III, № 57), parvint dans le service civil à la dignité de membre du Conseil de l'Empire; le second, Alexandre (né en 1784; v. T. III, № 55), particulièrement aimé et estimé de tous ceux qui le connurent, périt d'une mort héroïque à Borodino le 26 août 1812. Les filles épousèrent, l'aînée, Marie, le comte Vladimir Féodorowitch Vassilieff, dont elle eut un fils Alexis et trois filles, Sophie, Anne et Elisabeth, l'autre, Nadejda, le prince Alexandre Féodorowitch Golitzyne, dont elle eut un fils Eugène et une fille Alexandrine.

(D'après une miniature appartenant à D. Rezvoï, St-Pétersbourg.)

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ УВАРОВЪ, 1769 — 1824, любимый генералъ-адъютантъ Александра I, былъ человекъ мало образованный, съ неблестящими умственными способностями, безъ особыхъ дарованій, съ не очень строгими нравственными правилами, но честный, добрый, старавшійся не дѣлать никому зла и прекрасно постигшій „искусство вести себя при дворѣ“. Онъ достигъ высокаго положенія и до конца жизни пользовался расположеніемъ Александра I въ то время, какъ всѣ остальные участники событія 11 Марта были удалены отъ двора. Милостивое отношеніе Императора къ человекъ, который долженъ бы служить постояннымъ напоминаніемъ о печальномъ событіи, объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Уварова заставляла примкнуть къ заговору исключительно преданность къ Александру I, которую Государь и оценилъ. Уваровъ былъ въ полномъ смыслѣ слова баловень счастья. По выраженію А. М. Тургенева, Уваровъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не достоинствамъ своимъ, но своему широкоплечью и крѣпкимъ мышцамъ (намекъ на то, что причиной его блестящей карьеры были близкія отношенія къ княгинѣ Е. Н. Лопухиной, мачехѣ фаворитки Павла I). Уваровъ не имѣлъ талантовъ полководца, онъ отличался только качествами хорошаго кавалерійскаго офицера и въ войнахъ, въ которыхъ принималъ участіе, никогда не игралъ видной, самостоятельной роли. Однако, онъ не былъ рутинеромъ и плацпараднымъ генераломъ и въ эпоху апогея шайсттики, насколько то было въ его власти, относился къ ней отрицательно. Къ своимъ подчиненнымъ онъ относился гуманно. Человекъ общительный и веселый, Уваровъ любилъ устраивать у себя приемы. Образование онъ получилъ самое поверхностное, но любилъ похвастаться своими познаніями, въ особенности знаніемъ французскаго языка. „Уваровъ“, говоритъ князь Вяземскій, „иногда удачно поражалъ французовъ на полѣ сраженія, но еще удачнѣе и убійственнѣе поражалъ французскій языкъ въ разговорѣ. Охота была смертная, а участь горькая. Извѣстенъ отвѣтъ его Наполеону, когда тотъ спросилъ его, кто командовалъ русскою конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи: „Je, Sire“. Отвѣтъ этотъ доставилъ Уварову прозвище „генерала Je“ и былъ распространенъ въ обществѣ въ разнообразныхъ версіяхъ. Однажды Уваровъ и Милорадовичъ, тоже извѣстный плохимъ знаніемъ французскаго языка, о чемъ-то горло разговаривали. Александръ I спросилъ Ланжерона, о чемъ они бесѣдуютъ. „Извините, Государь“, отвѣтилъ Ланжеронъ, „я ихъ не понимаю, они говорятъ по-французски“.

Уваровъ не игралъ видной политической роли, но, какъ близкій къ Александру I человекъ, пользовался своимъ положеніемъ и разрѣшеніемъ, даннымъ ему Государемъ, откровенно высказывать ему свои мысли и указывать, чего требуетъ польза Россіи, какъ онъ ее понималъ. Ему пришлось принять участіе въ борьбѣ, которую вели съ министрамъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ княземъ А. Н. Голицынымъ архимандритъ Фотій, митрополитъ Серафимъ и Аракчеевъ, вообще отпослѣвшійся къ Уварову подружелью и называвшій его согладатемъ и паушникомъ. Враги Голицына воспользовались близостью Уварова къ Александру I, чтобы черезъ него открыть Государю глаза на опасность, угрожавшую Православной церкви со стороны князя А. Н. Голицына и мистиковъ.

(Съ миниатюры Зацѣпина; собственность А. В. Гурьевой, въ С.-Петербургѣ.)

THÉODORE PÉTROWITCH OUVAROFF, 1769—1824, général aide de camp favori d'Alexandre Ier, était insignifiant comme instruction et comme intelligence, sans rien de saillant comme facultés ni de rigoureux comme principes, mais loyal et bon: il tenait à ne faire de tort à personne et possédait à merveille „l'art de se conduire à la Cour“. Tandis que les autres complices du 11 mars étaient éloignés de la Cour, il parvint à une situation élevée et conserva jusqu'à son dernier jour la faveur d'Alexandre Ier: une telle bienveillance pour un homme qui aurait dû rappeler incessamment un cruel souvenir tient sans doute à ce que, si Ouvaroff trempa dans la conjuration, ce ne fut que par un dévouement dont Alexandre lui sut gré. Véritable enfant gâté de la fortune, il dut moins son élévation à ses mérites qu'à sa largeur d'épaules et à la solidité de ses muscles, comme dit A. Tourguéneff en faisant allusion à son intimité avec la princesse Lopoukhine, belle-mère de la favorite de Paul Ier. Homme de guerre insignifiant, il n'était que bon officier de cavalerie, et fit la guerre sans jamais rien de marquant ni de personnel, mais sans être non plus simple routinier ni général de parade: au plus fort de l'engouement pour la marche cadencée, il n'en fit jamais grand cas, autant qu'il était en son pouvoir. Pour ses subordonnés, il n'avait que de l'humanité. Sociable et gai, il aimait recevoir. Avec une instruction des plus superficielles, il faisait volontiers étalage de science, et surtout de sa connaissance du français. „Ouvaroff“, dit le prince Viazemsky, „infligeait quelquefois de rudes échecs aux Français sur le champ de bataille, mais il en infligeait de plus rudes et de plus meurtriers à la langue française dans la conversation. Il y allait de bon cœur et ne ratait pas son coup. On connaît sa réponse à Napoléon, qui lui demandait le nom du chef de la cavalerie russe à la brillante attaque de je ne sais quelle bataille: „Je, Sire!“ Le mot lui valut le surnom de Général Je, et fut répandu dans la société sous diverses versions. Il était un jour en conversation animée avec Miloradowitch, également connu pour son mauvais français; Alexandre Ier demanda à Langeron de quoi ils parlaient: „Pardon, Sire“, répondit Langeron, „je ne les comprends pas: ils parlent français!“

Ouvaroff n'eut pas un rôle politique marquant, mais, comme intime d'Alexandre Ier, il profita de sa situation et de la permission que lui avait donnée l'Empereur pour lui dire franchement ce qu'il pensait et ce que réclamaient les intérêts de la Russie, comme il les comprenait. Il se trouva mêlé à la lutte que soutinrent contre le prince A. Golitzyne, ministre de l'instruction publique et du culte, l'archimandrite Photius, le métropolite Séraphin et Araktchéeff, mal disposé en général pour Ouvaroff, qu'il traitait de mouchard et d'espion. Les ennemis de Golitzyne se servirent de son influence pour ouvrir les yeux de l'Empereur sur le danger que faisaient courir à l'église orthodoxe le prince Golitzyne et les mystiques.

(D'après une miniature de Zatzépine, appartenant à Mme A. Gourieff, St-Petersbourg.)

ДИМИТРИЙ ПЕТРОВИЧЪ РЕЗВОЙ, 1762—1825, былъ сынъ именитаго гражданина города С.-Петербурга Петра Терентіевича, владѣльца рыбныхъ промысловъ и обширныхъ участковъ земли по берегамъ р. Невы и на ея островахъ; Петръ Терентіевичъ (р. 1729 г., † 1779 г.) былъ женатъ на уроженкѣ С.-Петербурга Аннѣ Дмитріевнѣ Кукиной († 1801 г.; похоронена съ мужемъ на кладбищѣ при соборѣ въ г. Шансельбургѣ). Д. П. Резвой въ службу вступилъ въ 1785 г. сержантомъ во 2-й Артиллерійскій капопирскій полкъ; въ 1786 г. произведенъ въ прапорщики и назначенъ переводчикомъ въ штатъ генералъ-аншефа Миллера. Вся тридцатилѣтняя служба Д. П. Резвого протекала въ войнахъ и походахъ. Начавъ свое боевое поприще съ Турецкой войны 1788 года, подъ начальствомъ Суворова, онъ былъ въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ и при штурмѣ Очакова, а въ 1789 г.—при занятіи Аккермана и Бендеръ; въ 1791 г.—при взятіи Мачина, а затѣмъ, въ Польскую кампанію 1794 г. участвовалъ въ бояхъ: при Круничѣ, Брестѣ, Кобылкѣ и взятіи Праги; 1799 г. Резвой провелъ въ походѣ въ Швейцарію, участвуя въ сраженіяхъ при Цюрихѣ и Шлихѣ; въ 1807 г., во вторую войну противъ Наполеона—въ бояхъ при Икковѣ, Лансбергѣ и командовалъ всею артиллеріей арміи въ бою подъ Прейсшъ-Эйлау, гдѣ былъ раненъ; затѣмъ—въ послѣдующихъ бояхъ: при Вольфсдорфѣ, Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ; до начала Отечественной войны участвовалъ въ войнѣ съ Турціей съ 1808 по 1812 годъ и тутъ былъ вторично раненъ; затѣмъ—во всѣхъ бояхъ и походахъ при изгнаніи изъ Россіи французовъ и въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Въ отставку Д. П. Резвой уволенъ по болѣзни въ 1815 году въ чинѣ генералъ-майора. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ человѣкъ рѣдко образованный и просвѣщенный, при томъ одаренный разнообразнѣйшими способностями. Періодъ времени отъ 1805 года, когда стало уже извѣстно намѣреніе Наполеона вступить въ борьбу съ Россіей и до осуществленія этого намѣренія вторженіемъ въ предѣлы нашего Отечества въ 1812 году, слѣдуетъ считать временемъ кореннаго преобразованія нашей полевой артиллеріи. Въ перевооруженіи ея, введеніи новыхъ формъ строя и дѣйствій въ бою Д. П. Резвой проявилъ самую активную дѣятельность, награжденную Высочайшимъ рескриптомъ при орденѣ св. Анны 2 кл. съ алмазами. Въ бою подъ Прейсшъ-Эйлау, при общемъ начальствованіи артиллеріей арміи, генераломъ Резвымъ было впервые применено, и въ безпримѣрныхъ размѣрахъ, массированіе артиллеріи, и такому новому тактическому приему армія во многомъ обязана крупнымъ успѣхомъ въ этомъ кровопролитнѣйшемъ сраженіи съ Наполеономъ. Наградами, полученными Д. П. Резвымъ за боевые подвиги, были: орд. св. Георгія 4 ст. за взятіе Праги; тотъ же орденъ 5 ст. за подвиги въ сраженіи съ Турками подъ Татарицей 10 Октября 1809 года; рескриптъ Павла I, 4 Декабря 1800 г., съ пожалованіемъ его въ почетные командиры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, за подвиги въ Суворовскомъ походѣ 1799 г. въ Швейцарію; алмазами украшенная золотая шпaga за бои подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ; кромѣ того, Резвой имѣлъ орденъ св. Владимира 2 и 3 ст. и Аннинскую звѣзду (за Прейсшъ-Эйлау).

Относительно слабый служебный успѣхъ Д. П. Резвого объясняется нерасположеніемъ къ нему всецѣлпаго графа Аракчеева. О причинѣ этого нерасположенія сохранилось такое семейное преданіе: однажды у Д. П. Резвого собралось за столомъ нѣсколько офицеровъ сослуживцевъ. Говорили о томъ, что Аракчеевъ недавно сказала кому-то изъ артиллерійскихъ офицеровъ: „Уйди ты въ отставку—да я тебѣ пенсію въ тысячу рублей назначу!“—На это будто бы хозяинъ сказалъ: „Тысячу! да я ему самому дамъ три отъ себя, только бы ушелъ“.—Слова эти были кѣмъ-то переданы Аракчееву, результатомъ чего и явился постоянный обходъ Д. П. Резвого при назначеніяхъ, повышеніяхъ и наградахъ съ 1810 года. Главкомадующимъ графомъ Беннигсеномъ 5 Юля 1814 г. было отдано въ приказѣ по арміи Высочайшее повелѣніе о пожалованіи генералъ-майору Резвому чина генералъ-лейтенанта. По приказу этотъ не былъ утвержденъ въ С.-Петербургѣ Аракчеевымъ, и Д. П. Резвой, признанный генералъ-лейтенантомъ въ продолженіе года, вынужденъ былъ принять прежній чинъ. Даже при увольненіи въ отставку, 17 Декабря 1815 г., Резвой, прослужившій въ чинѣ генералъ-майора поныне 15 лѣтъ (съ 15 Октября 1799 г.) непрестанной боевой службой, уволенъ безъ производства въ генералъ-лейтенанты.

Д. П. Резвой умеръ 19 Января 1825 г. и похороненъ на кладбищѣ Фарфороваго завода.

(Съ миниатюры Карла Верне, 1803 г.; собственность Д. М. Резвого, въ С.-Петербургѣ.)

DIMITRI PÉTROWITCH REZVOÏ, 1762—1823, était fils du notable citoyen de St-Petersbourg et propriétaire de pêcheries et de terrains considérables sur les bords et aux îles de la Néva, Pierre Téréntiewitch Rezvoï (1729—1779) et d'Anne Dmitriewna, née Koukine, originaire de St-Petersbourg († 1801, inhumée avec son mari au cimetière de la cathédrale de Schlüsselbourg). Il débuta au service en 1785 sergent au 2e régiment de canonniers d'artillerie, puis, en 1786, passa porte-enseigne et fut nommé traducteur à l'état-major du général en chef Miller. Ses trente années de service passèrent en guerres et en campagnes. Il fit ses premières armes en Turquie: en 1788, sous le commandement de Souvoroff, il prit part à l'affaire de Kinburn et à l'assaut d'Otchakoff, l'année suivante, à l'enlèvement d'Akkermann et de Bender, et en 1791 à la prise de Matchine. Il fit ensuite en 1794 la campagne de Pologne, où il combattit à Krontchitza, Brest, Kobylka et à la prise de Praga, et, en 1799, celle de Suisse, où il fut à Zurich et à la Schlich. En 1807, dans la seconde guerre de Napoléon, il se trouva à Yankovo, Lansberg, Preussisch Eylau, où il commandait toute l'artillerie de l'armée et fut blessé, puis Wolfsdorf, Gutstadt, Heilsberg et Friedland. Il fit encore, avant la Guerre Patriotique, la campagne de Turquie de 1808 à 1812, où il reçut une nouvelle blessure, puis celles contre les Français pour la libération du territoire russe, et enfin, celles de 1813 et 1814, après quoi il fut mis à la retraite avec grade de général major en 1815, pour raisons de santé. Esprit peu commun, au témoignage des contemporains, comme instruction et comme lumières, il possédait en outre les aptitudes les plus variées. La période qui s'écoula de 1805 à 1812, entre le moment où s'était révélée l'intention de Napoléon d'entrer en lutte avec la Russie et celui où il la réalisa par son invasion, vit s'accomplir une réforme radicale de notre artillerie de campagne: Rezvoï en transforma les armements et inaugura de nouvelles formations et de nouvelles opérations de combat, déployant une activité des plus énergiques, qui lui valut un rescrit de Sa Majesté et Ste-Anne de 2e classe en diamants. A Preussisch Eylau, où il avait toute l'artillerie de l'armée sous ses ordres, il mit pour la première fois en pratique, et sur une échelle inconnue jusqu'alors, sa tactique de formations en masse, à laquelle est due en grande partie le brillant résultat de cette bataille des plus sanglantes avec Napoléon. Ses exploits guerriers lui valurent: la prise de Praga St-Georges de 4e classe, la bataille de Tataritza avec les Turcs le 10 octobre 1809 St-Georges de 3e classe, la campagne de Suisse en 1799 sous les ordres de Souvoroff le commandorat honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem avec rescrit de Paul Ier en date du 4 décembre 1800, Heilsberg et Friedland une épée d'or enrichie de diamants. Il avait en outre St-Vladimir de 2e et de 3e classes et Ste-Anne (Preussisch Eylau).

Si Rezvoï ne fit comme service qu'une carrière relativement insignifiante, la raison en est dans l'animosité du tout-puissant Araktchéeff, à laquelle une tradition de famille donne l'origine suivante. Un jour que Rezvoï traitait quelques officiers de ses camarades, la conversation tomba sur Araktchéeff, qui aurait dit peu auparavant à un officier d'artillerie: „Prends ta retraite: je te ferai donner une pension de mille roubles!“— „Mille roubles“, aurait interrompu le maître de la maison, „mais je lui en donnerais bien à lui trois mille de ma poche, pour qu'il s'en aille lui-même!“ Ce propos serait parvenu aux oreilles d'Araktchéeff, et Rezvoï fut, depuis 1810, systématiquement laissé de côté à toutes les nominations, promotions et décorations. Le commandant en chef Bennigsen avait fait porter à l'ordre du jour de l'armée le 5 juillet 1814 l'ordre de Sa Majesté nommant le général major Rezvoï général lieutenant; mais, à St-Petersbourg, Araktchéeff refusa sa ratification à cet ordre du jour, et, après avoir été un an général lieutenant en fait, Rezvoï dut reprendre son ancien grade. Même à sa retraite, le 17 décembre 1815, après quinze années entières de grade de général major (depuis le 15 octobre 1799), passées en campagnes continues, il n'obtint pas non plus son avancement.

Rezvoï mourut le 19 janvier 1823, et fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine.

(D'après une miniature de Charles Vernet, 1803, appartenant à D. Rezvoï, St-Petersbourg.)

ПАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА РЕЗВАЯ, 1780—1845, дочь майора Василя Осиповича Налетова, была въ первомъ бракѣ за артиллерійскимъ полковникомъ Павломъ Бастіономъ, отъ котораго имѣла одного сына Александра, родившагося въ 1800 г., служившаго въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, а впоследствии, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управлявшаго Красносельской удѣльной конторой; умеръ А. П. Бастіонъ въ 1866 г. въ своемъ имѣніи сельцѣ Гавриловскомъ, Рязанской губерніи, гдѣ и погребенъ.

Овдовѣвъ, П. В. Бастіонъ вышла въ 1805 г. замужъ за генераль-майора Дмитрія Петровича Резвого и отъ этого брака имѣла двоихъ дѣтей: сына Модеста (р. 22 Октября 1805 г., † 7 Сентября 1853 г.; полковникъ, военный инженеръ, извѣстный своей ученостію и талантами въ живописи и музыкѣ; умеръ, будучи вице-директоромъ Морского Строительнаго департамента; погребенъ на кладбищѣ Фарфороваго завода) и дочь Вѣру (р. 1809 г., † 1847 г.; въ замужствѣ за первымъ ротнымъ командиромъ Кондукторской роты Инженернаго училища, позднѣе дѣйствительный статскій совѣтникъ, академикъ и наблюдатель за преподаваніемъ черченія и рисованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; и мужъ и жена погребены на Волковомъ кладбищѣ).

П. В. Резвая скончалась въ 1845 г. и похоронена на кладбищѣ при церкви Фарфороваго завода, на берегу Невы.

(Съ миниатюры Карла Верне, 1803 г.; собственность Д. М. Резвого, въ С.-Петербургѣ.)

NADEJDA VASSILIEWNA REZVOÏ, 1780—1845, fille du major Basile Ossipowitch Nalétoff, épousa en premières noces le colonel d'artillerie Paul Bastion, dont elle eut en 1800 un fils Alexandre, qui servit d'abord au régiment de la Garde de Moscou, puis, avec rang de conseiller d'état actuel, géra l'administration des Domaines à Krasnoé Sélo, et mourut en 1866 dans ses propriétés de Gavrilowskoïé, gouvernement de Riazan, où il fut inhumé.

Sa mère, devenue veuve, se remaria en 1803 au général major Dmitri Pétrowitch Rezvoï, dont elle eut un fils et une fille. Le fils, Modeste (22 octobre 1805—7 septembre 1855), connu pour son érudition et pour ses talents de peintre et de musicien, fut colonel, ingénieur militaire, et mourut sous-directeur du département des Bâtiments de Moscou; il fut inhumé au cimetière de la Manufacture de Porcelaine. La fille, Véra (1809—1847), épousa un premier commandant de la compagnie de conducteurs de l'Ecole des Ingénieurs, qui devint conseiller d'état actuel, académicien et inspecteur de l'enseignement du dessin et du dessin graphique dans les établissements d'instruction militaires; le mari et la femme sont inhumés au cimetière Volkoff.

Mme Rezvoï mourut en 1845, et fut inhumée au cimetière de l'église de la Manufacture de Porcelaine, sur le bord de la Néva.

(D'après une miniature de Charles Vernet, 1803, appartenant à D. Rezvoï, St-Petersbourg.)

Графиня ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА РУМЯНЦЕВА, 1724—1779, дочь фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына (р. 1675 г., † 1750 г.) от второго его брака с княжной Татьяной Борисовной Куракиной (р. 1695 г., † 1757 г.), родилась 25 Сентября 1724 г.; в 1748 г. она вступила в брак с графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским (р. 1725 г., † 1796 г.), но, по прошествии 6-и лет, между супругами произошло отчуждение, продолжавшееся до конца их жизни. Боевая жизнь графа Румянцева отдалила его от жены и, по окончании Семилетней войны и по возвращении его в Петербург, она принуждена была поселиться отдельно от мужа в Москвѣ. Зная о многочисленных невѣрностях его, графиня Румянцева всѣми силами искала, несмотря на это, сближенія с мужем, напоминая ему о дѣтях и умоляя его возвратиться къ ней и позволить „жить такъ, какъ жила прежде, а не титулярною женой“, угрожалъ въ противномъ случаѣ оставить дѣтей и уѣхать въ деревню. „Что угодно, я безъ васъ ихъ при себѣ держать не буду“, писала она ему въ 1762 г., „потому, что мнѣ ихъ заключить въ деревню жить, какое-о имъ могу тамъ дать воспитаніе, уже и учить ихъ лѣты тѣ приходять“. По назначеніи Румянцева председателемъ Малороссійской коллегіи и переѣздѣ его въ Глуховъ, онъ дозволялъ женѣ и дѣтямъ переѣхать туда къ нему, но они прожили у него недолго, и въ концѣ 1766 г. онъ ихъ опять отослалъ въ Москву. Графиня Екатерина Михайловна снова пыталась убѣдить мужа вернуться къ совмѣстной жизни, указывая на неудобства жить раздѣльно и вызываемые этимъ лишніе расходы. „Домъ нашъ“, говорила она, „это свѣча съ двухъ концовъ горитъ, на два дома живемъ, вездѣ расходъ“. По просьбѣ и увѣщанію ея оставались тщетны, и рѣдкія встрѣчи супруговъ вели лишь къ еще большому разладу и раздраженію; фельдмаршалъ почти совершенно отстранилъ отъ себя заботы о дѣтяхъ и ихъ воспитаніе, даже содержаніе вступившихъ на военную службу сыновей лежало всецѣло на графинѣ Румянцевой, что, при отсутствіи опытности и надлежащаго руководства, доставляло ей немало заботъ и огорченій, особенно въ виду сопряженныхъ съ этимъ расходовъ. Обширная переписка ея съ мужемъ за періодъ времени съ 1762 по 1779 г. свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нелегко было графинѣ Румянцевой справляться съ дѣтьми, хозяйствомъ и дѣлами безъ содѣйствія мужа. Образцовое исполненіе ею материнскихъ обязанностей, терпѣніе и достоинство, съ которыми она переносила пренебрежительное отношеніе мужа, стяжали ей всеобщее уваженіе и репутацію примѣрной матери и жены, и эти свойства ея обратили на нее вниманіе Екатерины II, пожаловавшей ее 15 Августа 1775 года въ статсъ-дамы, съ назначеніемъ гофмейстериною Великой Княгини Натальи Алексѣевны. Переѣхавъ по этому случаю въ Петербургъ, графиня Румянцева сдѣлала новую неудачную попытку сближенія съ мужемъ и, покинувъ на время свой постъ, поѣхала его навѣстить, но при этомъ „такъ была пренебрежена и худо трактowana отъ него“, что это ее даже „въ гнѣвъ привело“. Оставаясь при Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ до ея смерти, графиня Румянцева присутствовала неотлучно при ея продолжительныхъ и мучительныхъ родахъ и не отходила отъ нея до ея послѣдняго вздоха, чѣмъ даже стѣснила Императрицу Екатерину.

Въ 1776 г. Румянцева отправлена была со свитою навстрѣчу второй супругѣ Цесаревича Павла Петровича принцессы Виртембергской, при чемъ Императрица собственноручно надѣла на нее (12 Юля) ленту ордена св. Екатерины, а вскорѣ послѣ бракосочетанія ихъ графиня была отпущена на всегдашнее пребываніе въ Москву, гдѣ и скончалась 22 Августа 1779 г.; погребена она въ Донскомъ монастырѣ. Е. М. Румянцева имѣла трехъ сыновей: графовъ Михаила, Николая и Сергія.

На прилагаемомъ портретѣ графиня Румянцева изображена въ преклонныхъ годахъ, не раньше 1776 г.; такіе же портреты имѣются еще: первый въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (именуемой ошибочно по каталогу графиней Е. Р. Воронцовой), и второй, лучшаго письма, приложенъ къ изданной графомъ Д. А. Толстымъ книгѣ „Письма графини Румянцевой“, съ оригинала изъ имѣнія князей Голицыныхъ, села Троицкаго-Кайнарджіи.

(Съ портрета, принадлежащаго князю С. М. Голицыну, с. Кузьминки, Московской губерніи.)

La comtesse CATHERINE MIKHAILLOWNA ROUMIANTZEFF, 1724—1779, fille du feld-maréchal prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne (1675—1750) et de sa seconde femme, la princesse Tatiana Borissowna Kourakine (1695—1757), naquit le 25 septembre 1724. Elle épousa en 1748 le comte Pierre Alexandrowitch Roumiantzef-Zadounaïsky (1725—1796), mais, au bout de six ans de mariage, les époux se séparèrent pour toute leur vie. La vie guerrière avait détourné le comte de sa femme, et, lorsqu'il rentra à Pétersbourg après la Guerre de Sept-Ans, elle dut aller vivre à part à Moscou. Malgré ses nombreuses infidélités, qu'elle connaissait parfaitement, elle faisait tout pour le ramener, au nom des enfants, le suppliant de venir „vivre comme autrefois, au lieu de ne lui laisser d'épouse que le titre“, sinon elle les abandonnerait et s'en irait à la campagne: „Que voulez-vous“, lui écrivait-elle en 1762, „je ne vais pas les garder sans vous pour les enfermer à la campagne: quelle éducation leur donner, là-bas? Les voilà en âge!“ Nommé président du Collège de Petite-Russie, il alla se fixer à Gloukhoff, et prit alors avec lui sa femme et ses enfants; mais ce ne fut pas pour longtemps: à la fin de 1766, il les renvoyait à Moscou. La comtesse fit de nouvelles tentatives pour le ramener à la vie de famille, en raison des inconvénients de la séparation et de l'augmentation de dépenses qu'elle entraînait: „Chez nous“, disait-elle, „la chandelle brûle par les deux bouts; double train de maison, partout des dépenses!“ Mais prières et raisons restèrent sans effet, et les rares entrevues ne faisaient qu'accroître la discorde et l'exaspération. Le feld-maréchal s'était presque absolument désintéressé des enfants et de leur éducation; l'entretien même des fils entrés au service militaire, laissé tout entier à la charge de la mère, lui causait, faute d'expérience et de la direction convenable, bien du souci et du chagrin, surtout quant à la question d'argent: sa volumineuse correspondance avec son mari de 1762 à 1779 témoigne de la difficulté qu'elle eut à se passer de lui pour les enfants, l'intérieur et les affaires. La manière exemplaire dont elle remplissait sans lui ses devoirs de mère, la patience et la dignité qu'elle opposa à son dédain, lui valurent l'estime générale, lui firent une réputation de mère et d'épouse modèle, et appelèrent l'attention de Catherine II, qui la fit, le 15 août 1773, dame d'honneur et maîtresse de la Cour de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna. Fixée dès lors à Pétersbourg, elle fit une nouvelle et infructueuse tentative près de son mari, et quitta un moment son poste pour aller le voir: „le mépris et le mauvais accueil“ qu'elle reçut allèrent jusqu'à la „mettre en colère“. Attachée à Natalie Alexéewna jusqu'à la mort de la Grande-Duchesse, elle l'assista régulièrement à ses laborieuses et douloureuses couches et ne la quitta qu'à son dernier soupir, au risque même de gêner l'Impératrice Catherine.

Envoyée en 1776 avec une suite au-devant de la princesse de Wurtemberg, seconde femme du Césarewitch Paul Pétrowitch, elle fut revêtue le 12 juillet, des propres mains de l'Impératrice, du cordon de Ste-Catherine. Puis, peu après le mariage, elle reçut l'autorisation de se fixer définitivement à Moscou, où elle mourut le 22 août 1779; elle fut inhumée au monastère Donskoï. Elle eut trois fils, Michel, Nicolas et Serge.

Le portrait ci-joint représente la comtesse Roumiantzef à un âge avancé, en 1776 au plus tôt; on en connaît encore deux du même genre, l'un aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou, désigné par erreur au catalogue comme étant celui de la comtesse E. Worontzoff, l'autre, plus soigné, joint aux Lettres de la Comtesse Roumiantzef publiées par le comte D. Tolstoï, reproduction d'un original de la propriété des princes Golitzyne, au bourg de Troïtskoïé-Kaïnardji.

(D'après un original appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

Графъ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ, 1725—1796, родился въ 1725 году отъ брака денщика Петра I Александра Пявловича Румянцева съ графиней Марьей Андреевной Матвѣевой. Петръ I, устроившій свадьбу Румянцева съ своей легкомысленной и измѣлившей ему любовницей, Матвѣевой, выказывалъ и послѣ этого брака большое расположеніе къ молодой Румянцевой (о ней см. т. I, № 9). П. А. Румянцевъ, по преданію, сынъ Великаго преобразователя Россіи, увидѣлъ свѣтъ въ Молдавскомъ селѣ Строевцахъ въ то время, когда мать его ѣхала навстрѣчу мужу, долгое время бывшему въ отсутствіи, въ Константинополь; Екатерина I была его крестной матерью. Записанный въ 1731 г. въ полкъ, Румянцевъ въ 1740 г. былъ отправленъ въ качествѣ дворянина при посольствѣ въ Берлинъ „для пріобрѣтенія навыка по дипломатической части“; но молодой человѣкъ настаивалъ, что „у него къ гражданскому чину и обученію оному весьма склонности нѣтъ“, и отпался такими „готовствомъ, лѣнностью и забѣлчествомъ“, что посланникъ Бракель поспѣшилъ отъ него отдѣлаться. Помѣщенный въ 1740 г. въ Шляхетный корпусъ, Румянцевъ и тамъ не ужился и поступилъ на дѣйствительную военную службу, въ которой уже черезъ 4 года достигъ чина полковника. Въ Семилѣтней войнѣ онъ участвовалъ въ чинѣ генераль-майора (съ 25 Декабря 1755 г.), командуя отдѣльнымъ корпусомъ, и при Гросс-Эгерсдорфѣ рѣшилъ побѣду въ пользу русскихъ и взялъ Кольтбергъ. Получивъ отъ Елисаветы чинъ генераль-поручика (5 Января 1758 г.) и орденъ Александра Невскаго (18 Августа 1759 г.), Румянцевъ сдѣлался любимцемъ ея преемника, который пожаловалъ его въ генераль-аншефы и кавалеры орденовъ св. Анны 1 ст. и Андрея Первозваннаго и предполагалъ сдѣлать главнокомандующимъ въ задуманной имъ войнѣ противъ Дачин. Екатерина II, желая воспользоваться талантами Румянцева, поспѣшила разубѣдить его въ томъ, что „бывшій его фаворъ ему въ порокъ служить будетъ“. Въ 1764 г. Румянцевъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Малороссіи и въ теченіе 30 лѣтъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Екатерины въ проведеніи реформъ, имѣвшихъ цѣлю искоренить украинскій сепаратизмъ, эту „сокровенную ненависть тамошняго народа противъ дѣйствія (великороссійскаго)“.

Въ началѣ Турецкой войны Румянцевъ былъ назначенъ начальникомъ второй арміи, служившей для оборонительныхъ цѣлей. Недовольная медлительностью князя Голицына, Екатерина, въ Августѣ 1769 г. назначила главнокомандующимъ Румянцева. Перейдя въ Маѣ 1770 года Днѣстръ, Румянцевъ долженъ былъ вести кампанію въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, съ силами въ нѣсколько разъ меньшими непріятельскихъ, въ мало изученной странѣ, при недостаткѣ въ провіантѣ и при свирѣпствовавшей чумѣ. „Стараюсь“, писалъ Румянцевъ Екатеринѣ, „въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатки оныхъ видомъ наступательныхъ дѣйствій“. Эта тактика доставила Румянцеву двѣ знаменитыя побѣды при Ларгѣ (7 Іюля) и при Кагулѣ (21 Іюля), за которыя онъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ и ленту св. Георгія 1-й ст.; при Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирѣ Румянцевъ получилъ титулъ „Задунайскаго“ и алмазами украшенные фельдмаршальскій жезлъ, шпагу, лавровый вѣнокъ, масличную вѣтвь и брилліантовые знаки ордена св. Андрея; въ честь его была выбита медаль съ его изображеніемъ; „для увеселенія его“ ему были пожалованы 5000 душъ, 100/т. рублей, серебряный сервизъ и картины. По возвращеніи въ Малороссію, фельдмаршалъ продолжалъ пользоваться милостями Императрицы: въ 1782 г. получилъ орденъ Владиміра 1-й ст., въ 1784 г. былъ пожалованъ въ подполковники Конной гвардіи; во вторую Турецкую войну Румянцева не рѣшались прямо обойти, по поручали ему только помпально руководительство арміями. Екатерина, называя его въ глаза „обожаемымъ Велизаріемъ“, за глаза выражала желаніе его сбить, находя „пробываніе его въ арміи вреднымъ ея дѣламъ“.

Румянцевъ пережилъ Екатерину однимъ мѣсяцемъ: 4 Декабря 1796 г. онъ былъ пораженъ ударомъ, отъ котораго скончался 8 Декабря въ своемъ Малороссійскомъ имѣніи Тамани; погребенъ въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго П. П. Симанскому, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH ROUMIANTZEFF-ZADOUNAÏSKY, 1725 — 1796, naquit en 1725 du mariage de l'ordonnance de Pierre-le-Grand Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff avec la comtesse Marie Andréwna Matvéeff. Pierre était l'auteur de ce mariage, qui ne diminua nullement son inclination pour celle qui avait été sa frivole et infidèle maîtresse (v. T. I, N° 9). Roumiantzeff, dont une tradition fait le fils du grand réformateur de la Russie, vit le jour au village moldave de Stroentzy, dans un voyage de sa mère pour aller rejoindre son mari, longtemps fixé à Constantinople; Catherine Ire fut sa marraine. Enrôlé en 1731 au service militaire, il fut attaché en 1740 à l'ambassade de Berlin, „pour y acquérir l'habitude des affaires diplomatiques“; mais il n'avait pas, comme il le répétait souvent, „le moindre goût pour le service civil et les études préparatoires“, et fit preuve „d'une dissipation, d'une paresse et d'une turbulence“ telles, que le ministre Wrackel se hâta de s'en débarrasser. Mis en 1740 au Corps des Cadets, il n'y resta pas non plus, et entra au service militaire actif, où il était quatre ans plus tard colonel. Général major le 25 décembre 1755, il fit la Guerre de Sept-Ans à la tête d'un corps détaché, décida la victoire en faveur des Russes à Gross-Jägersdorf et prit Kohlberg. Promu général lieutenant (5 janvier 1758) et décoré de St-Alexandre Newsky (18 août 1759) par Elisabeth, il devint le favori de son successeur, qui le fit général en chef et chevalier des ordres de Ste-Anne de 1re classe et de St-André, et pensait lui donner le commandement en chef dans la guerre qu'il projetait contre le Danemark. Catherine II, qui tenait à profiter de ses talents, se hâta de lui faire passer l'idée que „sa faveur passée pouvait lui faire du tort“. Nommé en 1764 général gouverneur de la Petite-Russie, il fut trente ans l'auxiliaire actif de l'Impératrice dans la réalisation des réformes destinées à extirper le séparatisme ukrainien, cette „haine latente du peuple de la-bas contre celui d'ici“ (grand-russe).

Nommé au début de la guerre de Turquie chef de la seconde armée, celle dont le rôle était défensif, Roumiantzeff fut fait en août 1769 commandant en chef par Catherine, mécontente de la lenteur du prince Golitzyne. Il passa le Dnièper au mois de mai suivant, et eut alors à opérer dans des conditions des plus défavorables, contre des forces bien des fois supérieures, au milieu d'un pays mal reconnu, avec des vivres insuffisants et aux prises avec la peste. „Je m'efforce“, écrivait-il à Catherine, „de tromper l'ennemi sur mes forces véritables, et d'en dissimuler l'insuffisance sous des opérations offensives“. La tactique réussit: les deux célèbres victoires de la Larga (7 juillet) et du Kagoul (21 juillet) lui valurent le bâton de feld-maréchal et St-Georges de 1re classe. A la paix de Koutchouk-Kaïnardji, il reçut le titre de Zadounaïsky, un bâton de feld-maréchal, une épée, une couronne de laurier et un rameau d'olivier enrichis de diamants, et les insignes de St-André en brillants; une médaille à son effigie fut frappée en son honneur, et on lui donna, „pour son plaisir“, 5000 têtes de paysans, 100.000 roubles, un service en argent et des tableaux. De retour en Petite-Russie, il fut encore comblé de faveurs par l'Impératrice: décoré de St-Vladimir de 1re classe en 1782, il fut fait en 1784 lieutenant-colonel de la Garde à cheval. Lors de la seconde guerre de Turquie, sans oser le laisser simplement de côté, on ne lui donna que le commandement nominal des armées: Catherine, tout en l'appelant en face son „Bélisaire adoré“, disait derrière lui son désir de s'en débarrasser, trouvant „sa présence nuisible aux affaires“.

Roumiantzeff survécut d'un mois à Catherine: le 4 décembre 1796, il fut frappé d'une attaque d'apoplexie, dont il mourut le 8 dans sa propriété de Tamane en Petite-Russie; il fut inhumé dans la Grande Eglise du monastère Petchersk, à Kieff.

(D'après un original appartenant à P. Simansky, St-Pétersbourg.)

Князь НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1699—1767, сынъ князя Юрія Юрьевича отъ брака съ княжной Еленой Григорьевной Черкасской, родился 26 Мая 1699 г.; послѣ обученія за границей, Трубецкой, въ 1719 г., былъ принятъ ко Двору „воунтформъ“, т.-е. взятъ въ число денщиковъ Петра I. Получивъ въ 1727 г. чинъ прапорщика, князь Трубецкой 10 Марта 1730 г. былъ пожалованъ въ генераль-майоры и подпоручики Кавалергардскаго корпуса, а 8 Юня 1731 г. пожалованъ въ майоры Преображенскаго полка. Трубецкой участвовалъ въ Польской и Турецкой кампаніяхъ, но къ боевой дѣятельности не былъ склоненъ и, благодаря протекціи Миниха, который питалъ большое расположеніе къ его второй женѣ, княгинѣ Аннѣ Даниловнѣ, получилъ въ зафѣдываніе комиссаріатскую часть. Произведенный въ 1737 г. въ генераль-лейтенанты, Трубецкой 13 Января 1737 г. былъ назначенъ генераль-кригсъ-комиссаромъ, а 3 Марта 1740 г.—въ Сибирь губернаторомъ и 30 Марта получилъ Александровскую звѣзду. Благодаря ходатайству Миниха, это назначеніе 28 Апрѣля было замѣнено другимъ, болѣе виднымъ, именно назначеніемъ на постъ генераль-прокурора, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Князь Трубецкой исполнялъ обязанности верховнаго маршала при коронаціи Елисаветы и получилъ орденъ св. Андрея. Въ началѣ царствованія Елисаветы онъ пользовался большимъ вліяніемъ при Дворѣ; хотя придворное значеніе князя Трубецкаго ослабло въ концѣ 40-хъ годовъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться однимъ изъ ближайшихъ къ Государынѣ сановниковъ: 14 Марта 1756 г. онъ былъ назначенъ членомъ Конференціи, а 5 Сентября того же года былъ пожалованъ въ генераль-фельдмаршалы, не имѣя никакихъ боевыхъ заслугъ; 16 Августа 1760 г. Трубецкой, въ званіи сенатора, былъ назначенъ президентомъ Военной Коллегіи. Позднѣе онъ попалъ въ число „возлюбленныхъ придворныхъ персонъ“ Петра III, который назначилъ его членомъ Особаго Собранія при Императорѣ, а 9 Юля удостоилъ его недоступной до того времени чести быть полковникомъ Преображенскаго полка. Князь Трубецкой не много потерялъ съ воцареніемъ Екатерины, которая, хотя и побудила его отказаться отъ командованія Преображенскимъ полкомъ, но назначила верховнымъ маршаломъ при своей коронаціи, а 9 Юня 1763 г. „по изнуренію его здоровья“ уволила въ отставку, съ сохраненіемъ полнаго жалованія.

Князь Трубецкой умеръ 16 Октября 1767 г. и погребенъ въ Архангельской церкви Чудова монастыря; онъ былъ женатъ дважды: 1) на дочери канцлера графа Головкина, Анастасѣ Гавриловнѣ († 1735 г.), и 2) съ 1736 г. на Аннѣ Даниловнѣ Херасковой, рожденной княжнѣ Друцкой. Отъ перваго брака онъ имѣлъ сыновей: Петра, Ивана и Сергѣя и еще двухъ, умершихъ въ младенчествѣ, отъ второго, кромѣ трехъ сыновей и двухъ дочерей, умершихъ въ младенчествѣ,—пять сыновей и трехъ дочерей.

Отъ природы не глупый, трудолюбивый и получившій образованіе въ „пѣтецкой землѣ“, князь Трубецкой принадлежалъ къ числу наиболее развитыхъ людей своего времени. Онъ былъ членомъ „ученой дружины“ Феофана Прокоповича и „истиннымъ и древнимъ другомъ“ Кантемира; покровительствовалъ труппѣ Волкова и, по отзыву знатоковъ дѣла, „самъ не худые стихи составлялъ“. Въ то же время князь Трубецкой былъ въ полномъ смыслѣ слова „куртизаномъ“, т.-е. человекомъ, для котораго цѣлью жизни являлся „дворскій фаворъ“ и соединенныя съ нимъ власть и богатство. Для Трубецкаго были дозволены всѣ пути, ведшіе къ этой цѣли. Онъ не гнушался самымъ низкимъ и лицемернымъ подлаживаніемъ подъ вкусы монарховъ: для забавы веселаго Петра I онъ ревѣлъ на его шпрахъ теленкомъ; съ богомольною Елисаветою рыдалъ во время церковныхъ церемоній; при войполубивомъ Петрѣ III онъ, несмотря на старость и болѣзнь, „заяннутый въ полный мундиръ, перевязанный галунами, подобно барабану, хорошо поподымалъ ножки и мѣсилъ грязь“ во главѣ своего взвода. Кромѣ личнаго благоволенія монарховъ, князь Трубецкой стремился приобрести и „высоко-патронную склонную милость“ временщиковъ. Онъ заискивалъ у Монса, поступался самыми священными своими правами въ пользу князя Ивана Долгорукаго и Миниха, унижался предъ Бирономъ... Съ помощью лести, интриги и счастливо завязанныхъ родственныхъ связей, князь Трубецкой благополучно пережилъ всѣ дворцовые перевороты и умѣлъ усильно служить восьми государямъ, но зато заслужилъ неблагопріятные отзывы почти всѣхъ современниковъ.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le prince NIKITA YOURIEWITCH TROUBETZKOÏ, 1699—1767, fils du prince Youri Youriewitch Troubetzkoï et de la princesse Hélène Grigoriowna, née Tcherkassky, naquit le 26 mai 1699. Il fit ses études à l'étranger, puis fut admis à la Cour en 1719 comme volontaire, c'est-à-dire ordonnance de Pierre-le-Grand. Porte-enseigne en 1727, il fut fait le 10 mars 1730 général major et sous-lieutenant au corps des Chevaliers-Gardes, et, le 8 juin 1731, major au régiment Préobragensky. Il fit les campagnes de Pologne et de Turquie, mais il n'avait aucun goût pour la carrière des armes, et, Minnich, qui éprouvait une grande inclination pour sa seconde femme, lui fit obtenir la direction du Service de l'intendance. Général lieutenant en 1737, il fut nommé le 13 janvier de la même année commissaire général à la guerre, puis, le 3 mars 1740, gouverneur de la Sibérie, et obtint le 30 mars suivant l'étoile de St-Alexandre; toujours par l'entremise de Minnich, il reçut le 28 avril un autre poste, beaucoup plus en vue, celui de procureur général, avec rang de conseiller privé actuel. Au couronnement d'Elisabeth, il remplit les fonctions de maréchal suprême, et fut décoré de St-André. La grande influence qu'il eut à la Cour au début du règne était bien tombée à la fin des années 40, ce qui ne l'empêcha pas de rester un des dignitaires les plus intimes de l'Impératrice: membre de la Conférence le 14 mars 1756, il fut fait le 5 septembre suivant général feld-maréchal, sans avoir rien fait comme militaire, et, le 16 août 1760, nommé, ayant le titre de sénateur, président du Collège Militaire. Dans la suite, il se trouva du nombre des personnages „bien en cour“ près de Pierre III, qui l'appela au Conseil Spécial attaché à l'Empereur, et, le 9 juillet, lui conféra l'honneur, jusque-là inaccessible, d'être colonel au régiment Préobragensky. Il ne perdit pas grand' chose à l'avènement de Catherine, qui, tout en le faisant renoncer à ce commandement, le nomma maréchal suprême à son couronnement, puis, le 9 juin 1763, „en raison de l'épuisement de sa santé“, le mit à la retraite avec solde entière.

Le prince Troubetzkoï mourut le 16 octobre 1767, et fut inhumé dans l'église Arkhangelsky, au monastère Tchoudovo. Il fut marié deux fois, en premières noces, à la fille Anastasie († 1755) du chancelier comte Gabriel Golovkine, puis, en 1756, à Anne Danilowna Khéraskoff, née princesse Droutzkoï. Il eut de son premier mariage cinq fils, Pierre, Ivan, Serge et deux autres morts en bas âge, et du second, outre trois fils et deux filles morts en bas âge, cinq fils et trois filles.

Son bon sens naturel, son amour du travail et l'instruction qu'il avait reçue „en terre allemande“ faisaient du prince Troubetzkoï un des hommes les plus développés du temps. Membre de la Légion savante de Théophane Prokopowitch, „vieux et fidèle ami“ de Kantémir, il protégea la troupe Wolkoff, et, au témoignage des connaisseurs, „fit lui-même des vers assez bien tournés“. C'était en même temps, dans toute l'acception du mot, un „courtisan“, c'est-à-dire un homme qui n'avait d'autre but dans la vie que „la faveur à la Cour“, avec le pouvoir et la fortune qu'elle comporte. Pour y parvenir, tous les moyens lui étaient bons. Il ne reculait point devant la flagornerie la plus basse et la plus hypocrite pour complaire aux monarques: avec l'humeur gaie de Pierre-le-Grand, il imitait à ses festins le meuglement du veau; avec la dévotion d'Elisabeth, il sanglotait aux cérémonies religieuses; avec les goûts belliqueux de Pierre III, la vieillesse et la maladie ne l'empêchaient pas, „sanglé dans son grand uniforme, bardé de galons comme une grosse caisse, de marquer le pas consciencieusement en piétinant dans la boue“ à la tête de son peloton. Il recherchait d'ailleurs non seulement la faveur personnelle du Souverain, mais encore „le haut patronage et la bienveillante protection“ des favoris. Il mendia les bonnes grâces de Mons, abandonna les plus sacrés de ses droits au prince Ivan Dolgorouky et à Minnich, s'avilit devant Biron... La flatterie, l'intrigue et d'heureux liens de parenté lui permirent de traverser sans encombre toutes les révolutions de palais et de servir avec succès huit souverains, mais aussi lui valurent la réprobation de presque tous les contemporains.

КНЯГИНЯ АННА ДАНИЛОВНА ТРУБЕЦКАЯ, 171.—177., дочь князя Даниила Андреевича Друцкого, въ первомъ бракѣ была за Валахскимъ выходцемъ майоромъ Матвѣемъ Андреевичемъ Херасковымъ (Хереско), умершимъ въ 1734 году въ должности коменданта города Переяславля, и имѣла отъ него трехъ сыновей, Александра, Петра и Михаила, изъ которыхъ послѣдній впоследствии прославился, какъ авторъ „Россіады“, и назывался Россійскимъ „Омпротъ“; 10 Ноября 1735 года молодая вдова вступила въ бракъ съ вдовцомъ княземъ Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ. На выборъ князя Трубецкого имѣла рѣшающее вліяніе та благосклонность, которую оказывала молодой майоршѣ фельдмаршалъ Минихъ. Анна Даниловна была интересной и бойкой дамой: она всюду ѣздилъ за арміей; въ извѣстномъ положеніи отправилась подъ Очаковъ и разрѣшилась отъ бремени въ лагерной обстановкѣ „на Коломенскомъ островѣ, близъ Днѣпровскихъ пороговъ“. Минихъ, „toujours amoureux de la belle princesse Troubetzkoï“, тянулъ вверхъ ея мужа и, закрывая глаза на его неспособность и упущенія по службѣ, довелъ его до высокаго поста генералъ-прокурора. Княгиня Анна Даниловна раздѣляла почетное придворное положеніе своего мужа. Въ числѣ прочихъ „возлюбленныхъ придворныхъ персонъ“ Петра III она, покинутая мужемъ, присягнувшимъ въ то время Екатеринѣ, 28 Юня 1762 года принимала участіе въ злополучной поѣздкѣ изложеннаго Императора въ Кронштадтъ.

Отъ брака съ княземъ Трубецкимъ она имѣла, кромѣ 3 сыновей и 2 дочерей, умершихъ въ младенствѣ, 5 сыновей: Юрія, Алексѣя, Николая, Александра и Василия, и 3 дочерей: Анну (за А. П. Нарышкинымъ), Елену (за княземъ А. А. Вяземскимъ) и Екатерину (монахиня).

Сумароковъ, умершій въ 1779 году, написалъ наполненную общими мѣстами эпитафію: „Къ надгробію Ея Сіятельства княгини Анны Даниловны Трубецкой“:

„Княгини Трубецкой зарыто тѣло въ землю,
Пришли минуты къ ней послѣдняго часа,
Уже летитъ ея душа подъ небеса,
Домъ стонетъ, и, стѣня, участіе пріемлю.
Гласятъ ея друзья: Разстались мы съ тобой;
По всѣмъ сіи пути предписаны судьбой;
Предписаны они, но всѣмъ они ужасны;
Однако, токи слезъ о мертвыхъ намъ напрасны;
Напрасны, но душа неволей токъ ліетъ.
Весь домъ умершій, тоскуя, вопіетъ:
О обща наша мать! ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ.
Чтожь дѣлать? вѣтъ, никто пути сего не минетъ,
Родится, поживетъ и свѣтъ онъ сей покинетъ.
Чтожь дѣлать, коль нельзя сего перемѣнить?
А, если не дерзнемъ мы Бога сямъ винить,
Такъ онъ надеждой намъ слезъ токъ велитъ отерти;
А мы надѣмся имѣть животъ по смерти.
По какъ? о Боже мой! уходить то отъ думъ;
Душа надѣется, но весь мятется умъ.
Безмѣрно видъ такой ко представленью труденъ.
По Богъ и всемогущъ, и щедръ, и правосуденъ;
И можемъ ли о Немъ мы это говорить?
Богъ создалъ насъ во прахъ созданье претворить?
Нѣтъ, мы сотворены Творца благодарить“.

(Съ портрета, находящагося въ Музеѣ Императора Александра III.)

La princesse ANNE DANILOWNA TROUBETZKOÏ, 171.—177., fille du prince Daniel Andréewitch Droutzkoï, épousa en premières noces un émigré valaque, le major Mathieu Andréewitch Khéraskoff (Heresco), mort en 1754 commandant de la ville de Péréyaslaw, et eut trois fils, Alexandre, Pierre et Michel, dont le dernier se fit par sa *Rossïade* une célébrité d'Homère russe. Veuve de bonne heure, elle se remaria le 10 novembre 1755 au prince Nikita Youriewitch Troubetzkoï, également veuf, décidé surtout par la bienveillance dont elle était l'objet de la part du feld-maréchal Minnich. Piquante et délurée, elle suivit l'armée partout: elle partit pour Otchakoff dans une position intéressante, et accoucha dans la vie des camps, „à l'île de Kolomna, près des rapides du Dniester“. Minnich, „toujours amoureux de la belle princesse Troubetzkoï“, hissait le mari de grade en grade, et, fermant les yeux sur son incapacité et sa négligence dans le service, le fit parvenir au poste élevé de procureur général. La princesse avait sa part de la brillante situation de son mari à la Cour; mais, tandis qu'il abandonnait sa femme pour prêter serment à Catherine, elle était du nombre des personnes „bien en cour“ près de Pierre III qui suivaient l'Empereur déchu, le 28 juin 1762, dans sa fuite malheureuse à Cronstadt.

La princesse Troubetzkoï eut de son second mariage, outre trois fils et deux filles morts en bas âge, cinq fils, Youri, Alexis, Nicolas, Alexandre et Basile, et trois filles, Anne, mariée à A. Narychkine, Hélène, au prince A. Viazemsky, et Catherine, entrée en religion.

Soumarokoff († 1779) a composé, en vers bourrés de lieux communs, une Epitaphe pour Son Altesse la Princesse Anne Danilowna Troubetzkoï:

„Princesse Troubetzkoï, descendue au tombeau!
 „De son heure dernière ont sonné les instants,
 „Et vers le Ciel déjà son âme est envolée.
 „Chacun gémit, et moi, tout ému, je gémis!
 „De toi, disent les siens, nous voilà séparés!
 „Or, c'est là le destin à chacun réservé:
 „Il est écrit, mais tous le trouvent effrayant.
 „De larmes sur nos morts tous les torrents sont vains,
 „Mais notre âme ne peut retenir ces torrents.
 „Chacun de la défunte exhale ses regrets:
 „O notre mère à tous, tu n'es plus, tu n'es plus!
 „Mais, hélas! A ce sort nul ne peut échapper;
 „On naît, on fait son temps, puis on quitte ce monde:
 „Cet ordre, hélas! est tel, qu'on n'y peut rien changer!
 „Mais si nous n'osons pas contre Dieu murmurer,
 „Il nous donne l'espoir pour essuyer nos larmes,
 „Et nous espérons vivre au-delà de la mort.
 „Mais comment? O mon Dieu! Ce comment nous échappe;
 „L'âme espère, et l'esprit est tout déconcerté:
 „Notre immortalité lui semble impénétrable.
 „Mais Dieu, le tout-puissant, est juste et généreux:
 „Pouvons-nous donc de lui concevoir cette idée,
 „Qu'il nous aurait créés pour nous réduire en poudre?
 „Non! Pour lui rendre hommage il nous donna la vie!“

(D'après un original du Musée Alexandre III.)

ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЛЕВИЦКІЙ, 1735—1822, самый выдающийся изъ русскихъ портретистовъ XVIII вѣка, родился въ Кіевѣ или въ Малѣхѣ; отецъ его, Григорій Кирilloвичъ, былъ извѣстный граверъ и происходилъ изъ стариннаго казацкаго рода Посовъ, фамилію же Левницкаго принялъ за женою. Хотя и Григорій Кирilloвичъ, и его отецъ были священниками, но это не давало права причислять ихъ къ духовному сословію, такъ какъ до начала XIX вѣка на Украинѣ собственно духовнаго сословія не было,—все казацкія дѣти учились въ бурсѣ и потомъ шли, смотря по призванію, кто въ Сѣчь, а кто въ священники, и ничего похожего на великорусское кастовое духовенство въ Малороссіи не существовало.

Д. Г. Левницкій также окончилъ курсъ сначала въ семинаріи, а затѣмъ въ Духовной академіи. Уже въ академіи онъ много рисовалъ и помогалъ отцу въ составленіи рисунковъ для его гравюръ.

Когда, въ 1752 г., въ Кіевъ пріѣхалъ А. П. Антроповъ, которому поручена была роспись построеннаго въ то время храма Андрея Первозваннаго, то Левницкіе, отецъ и сынъ, работали у него въ качествѣ помощниковъ. Антроповъ оцѣнилъ ихъ; отцу онъ выхлопоталъ мѣсто ревизора церковной живописи, сына же взялъ подъ свое руководство. Вернувшись въ Петербургъ, Антроповъ основалъ свою школу и выписалъ къ себѣ Д. Г. Левницкаго. Обойденный при учрежденіи Академіи Художествъ, Антроповъ не допустилъ своего любимаго ученика поступить туда, и онъ первое время работалъ подъ руководствомъ только одного Антропова. Вскорѣ ученикъ усвоилъ себѣ все, что только могъ передать ему учитель, и уже въ 1763 г. Левницкій имѣлъ въ Петербургѣ репутацію хорошаго портретиста. Однако, собственная взыскательность молодого художника не дала ему успокоиться на достигнутыхъ результатахъ, и онъ сталъ брать частные уроки у двухъ профессоровъ новой Академіи—у Лагрене и у Валеріани.

Поразительная способность быстро улавливать не только сходство, но и самый нравственный обликъ изображаемаго имъ лица, при замѣчательномъ искусствѣ въ передачѣ всякихъ аксессуаровъ, доставила Левницкому заслуженный успѣхъ. Несмотря на присутствіе въ то время въ Петербургѣ многихъ иностранныхъ портретистовъ, сама Императрица перѣдко отдавала ему предпочтеніе передъ знаменитыми иностранцами, а ея примѣру слѣдовала и вся русская знать. Благодаря этому, Левницкій увѣковѣчилъ своею кистью и сохранилъ для потомства образы почти всѣхъ своихъ выдающихся современниковъ. Даже знаменитый Дидро, пріѣзжавшій ненадолго въ Петербургъ, былъ изображенъ имъ лучше, чѣмъ это удалось прославленнымъ французскимъ живописцамъ. Такого мнѣнія о немъ былъ и самъ Дидро.

Академія Художествъ признала его въ 1770 г. академикомъ, въ 1776 г. избрала въ совѣтники Академіи, а черезъ четыре года—въ члены Совѣта. Съ 1771 г. онъ состоялъ тамъ преподавателемъ портретной живописи, до 1788 г., когда, по слабости здоровья и зрѣнія, вышелъ въ отставку и только въ 1807 г. снова принятъ въ члены Совѣта, каковымъ и оставался до самой смерти. Умеръ онъ въ 1822 г., но гдѣ именно, въ Петербургѣ или въ Кіевѣ—неизвѣстно.

Нравственный обликъ Левницкаго какъ художника и человѣка является крайне симпатичнымъ. Онъ чуждъ былъ всякой *jalousie de métier*. Когда ему сообщили рѣзкій отзывъ Дидро о своемъ портретѣ, написанномъ Лагрене, Левницкій горячо возсталъ противъ него за его рѣзкость, хотя отзывъ этотъ былъ въ пользу его собственной работы. Къ своимъ ученикамъ онъ относился вполне по-отечески; а за работы свои бралъ самыя умеренныя цѣны, и только не упускалъ случая, пользуясь высокими положеніемъ своихъ заказчиковъ, выхлопотать какую-нибудь помощь кому-либо изъ своихъ земляковъ.

О женѣ его, Анастасіи Яковлевнѣ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, дочь же его, Агафья Дмитріевна, была замужемъ за Александромъ Андреевымъ; отъ нея были у него внуки и внучки; мужского же поколѣнія у Левницкаго, по прямой линіи, не осталось.

Въ изданіи „Русскіе Портреты“, въ первыхъ трехъ томахъ, уже помѣщено около 20 портретовъ кисти Левницкаго (въ томъ числѣ и портретъ Дидро). Настоящій портретъ самого художника, въ старости, писанъ Яковлевымъ, когда Д. Г. Левницкому было уже 77 лѣтъ; существуетъ еще другой его портретъ работы Боровиковскаго, относящійся къ 1795 году, и принадлежащій Н. С. Горковенко.

(Съ портрета П. Яковлева, 1812 г.; находится въ Императорской Академіи Художествъ.)

DMITRI GRIGORIEWITCH LÉVITZKY, 1755—1822, le plus éminent des portraitistes russes du XVIIIe siècle, naquit à Kieff ou à Maïatchek, d'un père connu comme graveur et descendant de la vieille famille cosaque des Nossoff; le nom de Lévitzy était celui de sa mère. Son père était prêtre, son grand-père paternel l'avait été, et cependant on ne peut dire qu'ils fussent de condition ecclésiastique, car, avant le XIXe siècle, en Ukraine le clergé ne constituait pas ce qu'on appelle une classe: les enfants de cosaques étaient tous mis à la boursa (pensionnat ecclésiastique spécial), et en sortaient pour aller, suivant leur vocation, soit à la Setch (milice volontaire cosaque), soit être prêtres; mais il n'y avait rien en Petite-Russie d'analogue au clergé de caste grand-russe.

Lévitzy fit aussi ses études d'abord au séminaire, puis à l'Académie ecclésiastique. Dès l'Académie, il dessinait beaucoup, et aidait son père à exécuter des dessins pour ses gravures.

Lorsqu'en 1752, Antropoff vint à Kieff pour la décoration de l'église St-André, nouvellement achevée, le père et le fils lui prêtèrent leur concours et se firent apprécier: il fit obtenir au père une place d'inspecteur de la peinture religieuse, et, quant au fils, il le prit sous sa protection, puis, de retour à Pétersbourg, fonda son école et l'y fit venir de Kieff. Evincé lors de la fondation de l'Académie des Beaux-Arts, il n'y laissa pas entrer son élève préféré, qui travailla d'abord uniquement sous sa direction. L'élève eut vite acquis tout ce que pouvait lui donner le maître, et, dès 1763, Lévitzy avait à Pétersbourg une réputation de bon portraitiste. Cependant, d'une exigence pour lui-même qui ne lui permettait pas de s'en tenir au résultat obtenu, le jeune artiste prit des leçons particulières avec deux professeurs de la nouvelle Académie, Lagrenée et Valeriani.

Un talent surprenant pour saisir rapidement non seulement la ressemblance, mais encore l'expression morale du modèle, joint à un art remarquable dans l'exécution des accessoires, valut à Lévitzy un succès mérité. Bien qu'il y eut alors à Pétersbourg plusieurs portraitistes étrangers, l'Impératrice elle-même lui donna fréquemment la préférence sur des célébrités étrangères, et entraîna par son exemple tout le grand monde russe. C'est ainsi que le pinceau de Lévitzy immortalisa et conserva à la postérité les traits de presque tous les contemporains marquants: il n'est pas jusqu'à l'illustre Diderot, de passage à Pétersbourg, qu'il n'eût mieux réussi que les artistes français en renom, et de l'aveu de Diderot même.

Membre en 1770, conseiller en 1776, et, quatre ans plus tard, membre du Conseil de l'Académie des Beaux-Arts, il y enseigna le portrait à partir de 1771, et jusqu'à ce qu'en 1788, sa santé et sa vue le contraignissent à la retraite: en 1807 seulement, il redevint membre du Conseil, pour le rester jusqu'à sa mort. Il mourut en 1822, mais où, à Pétersbourg ou à Kieff, on ne sait.

Dans Lévitzy, moralement, l'artiste et l'homme sont infiniment sympathiques. Il était exempt de toute jalousie de métier: le ton acrimonieux du jugement de Diderot sur son portrait par Lagrenée, tout favorable cependant au travail de Lévitzy, provoqua de sa part de chaleureuses protestations. Pour ses élèves, il fut toujours un père, et, s'il demandait pour les commandes la rétribution la plus modique, il ne manquait jamais de profiter de l'influence de ceux qui les lui faisaient pour faire obtenir quelque faveur à un compatriote.

De sa femme Anastasie Yakovlewna, on ne sait rien; sa fille, Agathe, épousa Alexandre Andréeff et lui donna des petits-fils et des petites-filles, mais il ne laissa pas de descendance mâle en ligne directe.

Les Portraits Russes ont déjà donné dans leurs trois premiers volumes une vingtaine de figures dues au pinceau de Lévitzy, entre autres Diderot. Voici maintenant l'artiste lui-même, vieillard de 77 ans, par Yakovleff; il existe un autre portrait de lui, par Borovikowsky, daté de 1795 et appartenant à N. Gorkovenko.

(D'après l'original de I. Yakovleff, 1812, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

КАРЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЛЕБЕРЕХТЪ, 1749—1827, медальеръ и граверъ на твердыхъ камняхъ, родился въ Мейнингенѣ (по другимъ извѣстіямъ въ 1755 г.); пріѣхавъ въ Россію въ качествѣ рѣзчика, онъ быстро нашелъ себѣ покровителей среди петербургской аристократіи, для которыхъ рѣзалъ гербовыя печати, и въ 1779 г. поступилъ на службу въ С.-Петербургскій Монетный дворъ. Но, повидному, вскорѣ и покровители его увидали, что, кромѣ хорошей техники, онъ не обладалъ ничѣмъ; по отзыву графа Ф. П. Толстого, „онъ не только не умѣлъ рисовать, но не зналъ, какъ надо начертить простой профильный глазоукъ“. Полнымъ же невѣждою онъ былъ и во всемъ, „что касается до научныхъ познаній и свѣдѣній, какъ и въ изящныхъ искусствахъ“. Надѣясь, вѣроятно, поправить эти пробѣлы, его отправили въ 1783 г. на два года за границу, для усовершенствованія въ медальерномъ искусствѣ. Но и эта поѣздка принесла ему мало пользы. Хотя онъ и получилъ въ 1794 г. отъ Петербургской Академіи Художествъ званіе академика, а по приѣздѣ имъ въ 1799 г. русскаго подданства назначенъ главнымъ медальеромъ С.-Петербургскаго Монетнаго двора, но тѣмъ не менше онъ продолжалъ рѣзать штемпели для медалей лишь по рисункамъ, доставляемымъ заказчиками. Однако, свойственная Леберехту искательность сослужила ему и тутъ не малую услугу: онъ получилъ мѣсто преподавателя Императрицы Маріи Феодоровны, а съ открытіемъ въ 1800 г. медальернаго класса при Академіи опредѣленъ и тамъ преподавателемъ. Неудивительно, что всѣ эти его должности доставили ему не только званіе почетнаго вольнаго общника Академіи, но даже званіе почетнаго члена академій Берлинской и Стокгольмской. Умеръ онъ въ 1827 г. въ Петербургѣ.

Чтобы оцѣнить по достоинству его талантъ, достаточно вспомнить вырѣзанную имъ въ 1782 г. медаль съ изображеніемъ Екатерины II, въ которой, по удачному замѣчанію Д. А. Ровинскаго, онъ изобразилъ, „вмѣсто Екатерины, нѣчто вроде Юлія Кесаря, да при томъ толстѣйшаго и самаго безобразнаго“.

Кромѣ этой медали, извѣстны еще медали его работы: на раздѣлъ Польши, на столѣтіе Петербурга, на открытіе Петербургской биржи, на столѣтіе присоединенія Риги къ Россіи, на открытіе Полтавскаго памятника, на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа, а также—въ честь: П. И. Бецкаго, Петра Вирона, С. К. Грейга, Суворова, П. Г. Демидова, графа А. С. Строганова и другихъ. Немало также вырѣзано имъ на крѣпкихъ камняхъ аллегорическихъ и историческихъ сюжетовъ.

Впрочемъ, интересенъ не самъ Карлъ Леберехтъ, а его портретъ, писанный В. А. Тропиннымъ, за который нашъ знаменитый портретистъ получилъ званіе академика.

(Съ портрета Тропинина, 1824 г.; Императорская Академія Художествъ.)

CHARLES ALEXANDROWITCH LEBERECHE, 1749—1827, médailliste et graveur sur pierres dures, naquit à Meiningen en 1749 (d'autres disent en 1755); venu en Russie comme graveur, il se trouva bientôt des protecteurs dans l'aristocratie pétersbourgeoise, pour laquelle il gravait des cachets héraldiques, et entra en 1779 à la Monnaie de Pétersbourg. Mais ses protecteurs mêmes ne tardèrent sans doute guère à s'apercevoir qu'à part sa bonne technique, il n'avait rien pour lui: au témoignage du comte Th. Tolstoï, „non seulement il ne savait pas dessiner, mais encore il était incapable de faire un simple œil de profil“. Même ignorance „en matière de science et d'instruction générale qu'en art!“ Dans l'espoir, sans doute, de combler ces lacunes, on l'envoya en 1783 passer deux ans à l'étranger pour se perfectionner dans l'art du médailliste, mais sans aucun résultat. Membre de l'Académie des Beaux-Arts de St-Pétersbourg en 1794, naturalisé russe en 1799, puis nommé médailliste principal de la Monnaie de St-Pétersbourg, il n'en continua pas moins à ne graver que d'après le dessin qui lui était remis. Il avait un caractère insinuant qui ne fut pas sans lui rendre ici grand service: il fut d'abord maître de gravure de l'Impératrice Marie Féodorowna, puis, à l'ouverture de la classe de médailles de l'Académie, en 1800, s'en fit nommer maître. Rien d'étonnant si toutes ces fonctions lui valurent non seulement le titre d'associé libre honoraire de l'Académie, mais même ceux de membre honoraire des Académies de Berlin et de Stockholm. Il mourut en 1827 à Pétersbourg.

On ne saurait donner une plus juste idée de son talent qu'en rappelant la médaille qu'il exécuta en 1782 à l'effigie de Catherine II: c'était, selon l'heureuse expression de Rovinsky, „non pas Catherine, mais une espèce de Jules César, bouffi et des plus affreux“.

Outre cette médaille, on connaît encore celles qu'il fit à l'occasion du partage de la Pologne, du centenaire de Pétersbourg, de l'inauguration de la Bourse de Pétersbourg, du centenaire de la réunion de Riga à la Russie, de l'inauguration du monument de Poltava, du retour de Paris de l'Empereur Alexandre Ier, ainsi qu'en l'honneur de Betzkoï, de Pierre Biron, de Greigh, de Souvoroff, de P. Démidoff, du comte A. Stroganoff et d'autres. Il est également l'auteur de nombreuses allégories et scènes historiques sur pierre dure.

D'ailleurs, l'intéressant n'est pas Leberecht, c'est son portrait par Tropinine, qui valut à notre célèbre portraitiste le titre d'académicien.

(D'après l'original de Tropinine, 1824, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

Графиня ПРИНА ИВАНОВНА ВОРОНЦОВА, 1768—1848, старшая из двух дочерей действительного тайного советника Ивана Михайловича Измайлова, исключенного из службы в день воцарения Екатерины II за приверженность свою к Петру III, отъ брака его с княжной Александрой Борисовной Юсуповой, родилась 16 Августа 1768 года. Лишившись родителей в молодости, она, какъ и сестра ея Евдокія, внослѣдствіи княгини Голицына („Princesse Minuit“ или „Nosturne“), получила воспитаніе въ домѣ бездѣтнаго дяди, Московскаго главнокомандующаго Михаила Михайловича Измайлова, давашаго племянницамъ очень разностороннее образованіе.

Выйдя замужъ за графа Пларіона Ивановича Воронцова (р. 1760 г., † 1790 г.), она прожила съ нимъ очень недолго, такъ какъ мужъ ея скончался всего 30-и лѣтъ отъ роду, въ годъ рожденія ихъ единственнаго сына, графа Ивана Пларіоновича. Послѣ смерти мужа, графиня Прина Ивановна Воронцова провела нѣсколько лѣтъ за границею изъ-за здоровья сына, бывшаго слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, и много путешествовала по Италіи вмѣстѣ съ сестрою своею, княгиней Е. П. Голицыной. Въ отличіе отъ послѣдней, спокойная, практичная и уравновѣшенная, она пользовалась репутаціею очень милой и любезной женщины, крайне пріятной въ обращеніи, и во время пребыванія своего въ Неаполѣ привлекла къ себѣ особенныя симпатіи итальянскихъ дамъ, такъ какъ она первая изъ знатныхъ русскихъ путешественницъ, которыя вообще избѣгали знаться съ иностранцами, завела знакомства и сношенія съ итальянскимъ обществомъ. Вернувшись въ Россію, графиня П. П. Воронцова много занималась устройствомъ имущественныхъ дѣлъ своего сына и, благодаря умѣлому управленію хозяйствомъ и имѣніями, способствовала увеличенію его состоянія. Она пользовалась особеннымъ расположеніемъ своей тетки по мужу, извѣстной княгини Екатерины Романовны Дашковой, и когда та, поссорившись со своею дочерью Щербининой, возманилась лишить ее послѣдства, выборъ ея остановился на сынѣ графини Прины Ивановны Воронцовой. Послѣдняя приняла это предложеніе за несовершеннолѣтняго еще сына, къ которому и перешло имя Дашкова, вмѣстѣ съ большей частью населенныхъ имѣній княгини Дашковой.

Подъ старость графиня Прина Ивановна Воронцова проживала у своего сына, женатаго уже на Александрѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, въ нижнемъ этажѣ его дома на Дворцовой набережной. Совершенно оглохшая, она нигуда не выходила изъ своихъ покоевъ и принимала лишь близкихъ и то только по утрамъ. Скончалась она 10 Октября 1848 года и похоронена въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Виже-Лебрень, 1797 г.; собственность графа П. П. Воронцова-Дашкова, С.-Петербургъ.)

La comtesse IRÈNE IVANOWNA WORONTZOFF, 1768—1848, l'aînée des deux filles du conseiller privé actuel Ivan Mikhaïlowitch Izmaïloff, exclu du service à l'avènement de Catherine II pour sa fidélité à Pierre III, et d'Alexandrine Borissowna, née princesse Youssoupoff, naquit le 16 août 1768. Orpheline de bonne heure, elle fut élevée, ainsi que sa sœur Eudoxie, dans la suite princesse Golitzyne (Princesse Minuit ou Princesse Nocturne), chez un oncle sans enfants, le commandant en chef de Moscou Michel Mikhaïlowitch Izmaïloff, qui fit donner à ses nièces une instruction des plus complètes.

Mariée au comte Hilarion Ivanowitch Worontzoff (1760—1790), elle devint bientôt veuve: il mourut à 30 ans seulement, le jour de la naissance d'un fils unique, Ivan. Elle passa ensuite quelques années à l'étranger pour la santé de l'enfant, débile et maladif, et voyagea beaucoup en Italie avec sa sœur la princesse Golitzyne, tout au contraire de laquelle son calme, son sens pratique et sa pondération lui firent une réputation de charmante personne, aimable et d'un commerce extrêmement agréable: à Naples, elle se concilia la sympathie toute particulière des Italiennes, pour s'être fait des relations et des amitiés dans la société italienne, au lieu d'éviter les étrangers, comme le faisaient avant elle toutes les grandes dames russes. De retour en Russie, elle s'occupa beaucoup des affaires matérielles de son fils, dont elle accrut la fortune grâce à l'habileté avec laquelle elle organisa son intérieur et géra ses propriétés. Elle jouissait de la bienveillance particulière de sa tante par alliance, la fameuse princesse Catherine Romanowna Dachkoff, qui, brouillée avec sa fille Mme Chtcherbinine, la déshérita au profit du jeune comte Worontzoff: la mère accepta pour son fils encore mineur, auquel passa le nom de Dachkoff, ainsi que la plupart des propriétés en exploitation de la princesse.

La comtesse Worontzoff passa la fin de sa vie chez son fils, alors marié à Alexandrine Kirillowna Narychkine; elle habitait le rez-de-chaussée de sa maison du Quai du Palais. Complètement sourde, elle ne quittait jamais ses appartements, ne recevant que des intimes, et seulement dans la matinée. Elle mourut le 10 octobre 1848, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, 1797, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Pétersbourg.)

Княгиня ЕВДОКІЯ ПИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1780—1850 (біографическія свѣдѣнія о пей см. т. II, № 49), жила съ мужемъ въ разводѣ и дѣтей не имѣла; ей не выпало на долю создать семейнаго гнѣзда, и она обратила свой домъ въ роскошный салонъ, двери котораго—по прихоти-ли или, какъ утверждаютъ нѣкоторые современники, по предубѣжденію этой эксцентричной красавицы—открывались только ночью. Зимой она жила въ Петербургѣ, на Большой Милліонной ул. (по набережной р. Мойки), въ домѣ подъ № 6, лѣтомъ—въ собственной дачѣ на р. Цевѣ. Въ эту, по выраженію князя Вяземскаго, „храмину“, „артистически украшенную кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ“, стекалось разнообразное общество, преимущественно мужичье (княгиня не любила женскаго общества). Здѣсь были представители высшей аристократіи, поэты, не исключая Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, художники, а иногда и люди науки. Княгиня была надѣлена красотой, которая долго не поддавалась вліянію времени. „Не знаю“, писалъ о пей князь П. А. Вяземскій, „какова она была въ первой молодости, но и вторая и третья молодость ея имѣли какую-то свѣжесть и цѣломудріе дѣвственности“. „Трудно кому-нибудь превзойти васъ“, писалъ Батюшковъ А. И. Тургеневу, „въ добротѣ, точно такъ, какъ княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну, въ красотѣ и пріятности; вы оба никогда не состарѣетесь: вы—душою, она—лицомъ. Это не я говорю,—Жуковскій“... Красота княгини списала ей много поклонниковъ, но были и строгіе судьи, которыхъ она не могла увлечь. Пушкинъ, посвятившій княгинѣ прекрасный мадригалъ („Краевѣ чуждѣхъ неопытныи любитель“...), одно время „смертельно“ въ нее влюбленный, смотрѣлъ на нее, какъ на женщину, „не съ мертвой красотой, но съ огненной, плѣнительной, живой“. Другими чертами надѣлила красавицу княгиню князь Вяземскій, оставившій довольно подробно описанный ея портретъ. „Вообще“, заключаетъ онъ, „красота ея отзывается чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе... въ ней было „что-то ясное, спокойное, скорѣе лишнее, безстрастное“... Еще болѣе холоднымъ вышло изображеніе красавицы изъ-подъ пера Карамзина: „Признаюсь“, писалъ онъ, „я не влюбился бы въ Пнѣю: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ“. За княгиней Голицыной довольно прочно утвердилось, на ряду съ прозвищами „princesse Nocturne“, „princesse Minuit“, и прозвище „Пнѣя“. Княгиня образованная и не безъ покушеній на ученость, весьма любившая „просвѣщенный разговоръ“, она казалась многимъ—и въ томъ числѣ кн. Вяземскому—„не обыкновенной свѣтской барыней, а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія“, самый „разговоръ“ которой „дѣйствовалъ на душу, какъ Россиніева музыка“. Впрочемъ, не на всѣхъ Голицына въ роли Пнѣи производила одинаковое впечатлѣніе: „Она благородна“, признавалъ А. И. Тургеневъ, „и—когда не на треножникѣ, а просто на стулѣ—умная женщина“. Какъ бы то ни было, по домѣ княгини былъ однимъ изъ замѣчательныхъ Петербургскихъ салоновъ, гдѣ бывали наши лучшія литературныя силы, гдѣ далеко за полночь лгася, по свидѣтельству Пушкина, „разговоръ непринужденный, плѣнительный, веселый, просвѣщенный“ и главнымъ образомъ на литературныя, а еще болѣе на политическія темы. Княгиня любила заниматься политическими вопросами, и они волновали ее до послѣднихъ ея дней. Своимъ политическимъ взглядамъ она не измѣняла, но упорство въ нихъ получило подѣ конецъ рѣзкую окраску. Быть-можетъ, къ пей шелъ кокошникъ, оплетенный лаврами, и русскій сарафанъ, которыми эта горячая патріотка такъ поразила всѣхъ на балу въ Москвѣ въ 1814 году; она и въ 1823 г. была для Пушкина „adorable comme la liberté“, „небесной“ княгиней, хотя была и „антипольской“ княгиней, „constitutionnelle ou anticonstitutionnelle“ (конечно, вѣрнѣе послѣднее), по односторонне понятымъ патріотизмъ дѣлалъ ее въслѣдствіи подчасъ и смѣшной, какъ смѣшенъ былъ поднятый ею въ 1840-хъ годахъ походъ противъ разведенія въ Россіи картофеля, въ чемъ она видѣла посягательство на русскую національность. Но этого мало: страсть княгини къ политикѣ вызывала въ ея прежнихъ друзьяхъ и грустныя чувства; такъ, А. И. Тургеневъ, посѣтившій ее въ Парижѣ, гдѣ Голицына составляла какія-то „Посланія къ перамъ“, сомнѣвался въ нормальности ея умственныхъ способностей, къ тому же время сдѣлало свое дѣло: оно не пощадилъ и ея красоты, превративъ „небесную“ княгиню въ „страшную“ старуху.

Княгиня Е. П. Голицына родилась въ Москвѣ 4 Августа 1780 г., умерла въ С.-Петербургѣ 18 Января 1850 г. и похоронена въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской лаврѣ.

(Съ портрета Реберна; собственность графа И. П. Воронцова-Дашкова, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse EUDOXIE IVANOWNA GOLITZYNE, 1780—1850 (v. la notice biographique, T. II, N° 49), vécut séparée de son mari et n'eut pas d'enfants; ne pouvant se créer un intérieur familial, elle fit de sa maison un luxueux salon dont les portes, soit par l'effet d'un caprice, soit, comme le prétendent quelques contemporains, par suite d'une idée préconçue de cette fantasque beauté, ne s'ouvraient que de nuit. Elle habitait, l'hiver à Pétersbourg, Grande Millionnaïa (Quai de la Moïka), maison 6, et l'été, sa villa des bords de la Néva. „Artistement orné de chefs-d'œuvre des meilleurs peintres et sculpteurs russes contemporains“, ce petit „temple“, comme l'appelait le prince Viazemsky, était le rendez-vous d'une société variée, d'hommes surtout (la princesse n'aimait pas la société féminine), représentants de la haute aristocratie, poètes, y compris Pouchkine, Joukowsky et le prince Viazemsky, artistes et parfois aussi hommes de science. La princesse était d'une beauté qui résista longtemps aux efforts du temps. „Je ne sais pas“, écrivait le prince Viazemsky, „comment elle était dans sa première jeunesse, mais sa seconde et sa troisième jeunesse avaient un charme de fraîcheur et de candeur virginales“. „Il est aussi difficile“, écrivait Batiouchkoff à A. Tourguéneff, „de vous surpasser en bonté, que la princesse Golitzyne en beauté et en agrément; vous ne vieillirez jamais ni l'un ni l'autre, vous moralement, elle physiquement. Ceci est de Joukowsky, non de moi“... La beauté de la princesse lui fit de nombreux adorateurs, mais il y eut aussi des juges sévères, qu'elle ne put séduire. Pouchkine, qui lui dédia un charmant madrigal („De pays lointains novice amateur“...) et en fut un moment amoureux „à mort“, la trouvait une beauté „De feu, captivante, vivante, Et non de ces beautés sans vie“. On la voit sous un autre jour dans le portrait assez détaillé qu'en laissa le prince Viazemsky: „En résumé“, conclut-il, „il y a dans sa beauté quelque chose de plastique qui rappelle les antiques grecques... quelque chose de serein, de calme, plutôt indolent, apathique“... Plus froid encore est l'avis de Karamzine: „J'avoue que je ne tomberais pas amoureux de la Pythie; son trident dégage non pas du feu, mais de la glace“. Outre ses surnoms de Princesse Nocturne et Princesse Minuit, elle était assez connue sous celui de la Pythie. Instruite et quelque peu femme savante, grand amateur de conversation sérieuse, elle faisait souvent l'effet, au prince Viazemsky, par exemple, „non d'une mondaine ordinaire, mais de la prêtresse de quelque culte idéal et sublime“, dont la parole seule „était pénétrante comme la musique de Rossini“. D'ailleurs son rôle de Pythie ne produisait pas la même impression sur tout le monde: „C'est une belle âme“, reconnaissait A. Tourguéneff, „et, ailleurs que sur son trépied, sur une simple chaise, une femme d'esprit“. Quoi qu'il en soit, son salon était un des plus remarquables de Pétersbourg, fréquenté par nos meilleurs littérateurs et animé longtemps après minuit d'une conversation, dit Pouchkine, „franche, captivante, gaie, sérieuse“ et portant généralement sur des sujets littéraires et surtout politiques. La princesse aimait la politique et en fut passionnée jusqu'à la fin de ses jours: ses opinions ne varièrent pas, mais l'opiniâtreté qu'elle y apportait prit dans les derniers temps une nuance bien tranchée. Sans doute ils allaient bien à cette ardente patriote, le kokochnik couronné de laurier et le sarafane russe qui firent une telle sensation au bal de Moscou en 1814; Pouchkine la trouvait encore en 1825 „adorable comme la liberté“ et „céleste“, toute „antipolonaise“ qu'elle était et „constitutionnelle ou anticonstitutionnelle“ (le dernier plutôt, assurément), mais son étroite conception du patriotisme la rendait parfois ridicule: témoin sa campagne des années 40 contre la culture de la pomme de terre en Russie, qui lui semblait porter atteinte au nationalisme russe. Bien plus, sa manie de politique éveilla chez ses anciens amis de douloureux soupçons: c'est ainsi que A. Tourguéneff, qui la vit à Paris en 1844 rédiger des Epîtres aux Pairs, en vint à douter de l'équilibre de ses facultés. Aussi bien, le temps avait fait son œuvre: la beauté était disparue, et la „céleste“ princesse transformée en une „affreuse“ vieille.

Née à Moscou le 4 août 1780, la princesse Golitzyne mourut à St-Petersbourg le 18 janvier 1850, et fut inhumée dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Reburn, appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Petersbourg.)

Принцесса ЕЛИЗАВЕТА ТАРАКАНОВА (?), 1752—1775, неизвестная женщина, унесшая в могилу тайну своего происхождения, если только сама ее знала, в 1775 г. говорила, что ей 23 года, но люди, ее видевшие, давали ей от 25 до 30 летъ. Она появилась на Западъ въ началъ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія и при этомъ такъ же часто мѣняла свои имена, какъ мѣстопробываніе и свои привязанности: она называла себя султаншей Салимой и Алп-Эмене, принцессой Владимірской Елизаветой, г-жей Франкъ, Шелль, Трейнполь и т. п., въ Венеціи она жила подъ именемъ графини Пиннебергъ, въ Пизѣ она называлась графиней Силинской, у насъ ее звали и зовутъ, неизвестно почему, принцессой Таракановой. Она интересовала современниковъ. Англійскій посолъ въ Петербургѣ утверждалъ, что она дочь трактирщика въ Прагѣ, Англійскій консулъ въ Ливорно считалъ ее дочерью Пюренбергскаго булочника; въ Лондонѣ и Парижѣ она вращалась въ обществѣ различныхъ искателей приключеній, находилась одно время въ связи съ Польскимъ посланникомъ въ Парижѣ Огнискимъ, а затѣмъ съ княземъ Лимбургскимъ, который былъ въ нее влюбленъ и намѣревался на ней жениться; одни считали ее полькой, другіе итѣмкой или итальянкой; во всякомъ случаѣ она имѣла какіхъ-то связи съ поляками: кромѣ Огнискаго, въ Италію ее сопровождалъ безпутный князь Радзивиллъ „пане кохалку“, въ Римѣ она имѣла сношенія съ іезуитами и кардиналомъ Альбани и получала отъ папскаго двора нѣкоторыя суммы; тамъ же покровительствовала ей Польскій посланникъ маркизъ Античи. Екатерина II видѣла тутъ дѣло польскихъ конфедератовъ и имъ приписывала внушеніе неизвестной авантюристкѣ мысли заявить права на Русскій престолъ подъ видомъ дочери Елисаветы Петровны. Сама она призналась, что ее „держали въ неизвестности о томъ, кто ея родители“. По отзыву современниковъ, она отличалась быстрымъ умомъ, знала языки, играла на арфѣ, умѣла рисовать и обладала кокетствомъ, легко побѣждавшимъ сердца мужчинъ... Однако, сама, очень чувствительная и страстная, въ свою очередь легко побѣждалась ими и легко вступала въ многочисленныя и непрочныя связи... Кромѣ того, она была доверчива и легкомысленна. Когда графу А. Г. Орлову Екатерина II поручила добыть самозванку, даже силой, герой Чесмы предпочелъ дѣйствовать на ея слабости... и, увидя ея „благосклонность“ къ себѣ, „старался казаться передъ нею быть очень страстенъ“. Ему, 35-лѣтнему богатырю, не трудно было побѣдить страстную красавицу; съ перваго свиданія она была очарована, въ первый же день отдала себя всецѣло въ его власть, не подозревая гнуснаго предательства и не думая, что эта связь продлится ровно недѣлю... Послѣ этого Орлову ничего не стоило заманить „принцессу“ въ Ливорно, на корабль, и тутъ арестовать. Въ Петербургѣ „Тараканова“ была заключена въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости; слѣдствіе ничего не обнаружило, а у узницы открылась чахотка; боязнь усилалась послѣ того, какъ она родила въ Ноябрь сына, отцомъ котораго былъ Орловъ (его часто смѣшиваютъ съ сыномъ Орлова, А. А. Чесменскимъ, родившимся въ 1762 г.). По преданію, его крестилъ генераль-прокуроръ Вяземскій и жена коменданта Чернышева. Мать умерла 4 Декабря 1775 г.; судьба ея ребенка неизвестна. Орловъ даетъ такой ея портретъ: „Она женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, а глаза имѣть большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе и косые, брови темнорусыя, а на лицѣ есть и веснушки“... Князь А. М. Голицынъ писалъ о ней: „Росту она средняго, сухоощава, статна, волосы имѣть черныя, глаза каріе и нѣсколько коса, носъ продолговатый съ горбомъ, почему и походить лицомъ на итальянку“. По словамъ Античи, „она высокая, красивая, стройная женщина, кожа ея очень бѣлая, цвѣтъ лица прекрасенъ, но она немного коситъ на лѣвый глазъ, чрезвычайно умна и образована“... Какіхъ бы то ни было изображеній „Таракановой“ не существуетъ. Ничто, по противорѣчій возможности видѣть въ этомъ старомъ мраморномъ барельефѣ ея профиль; надпись на оборотѣ скорѣе удостовѣряетъ его достовѣрность: „Головка „Княжны Таракановой“, привезена изъ Италіи, досталась теперешнему владѣльцу отъ бабушки его Анны Θεодоровны Орловой, дочери графа Θεодора Григорьевича Орлова и племянницы графа Алексѣя Орлова-Чесменскаго, отъ котораго она головку и получила. А. Θ. Орлова вышла замужъ за моего родного дѣда, дѣйств. тайн. совѣтника, сенатора Александра Николаевича Безобразова, прямой внукъ котораго я самъ, Николай Θεодоровичъ Безобразовъ. Справиться можно: Волоколамскъ, имѣніе Николаевское, Московской губ., у П. Θ. Безобразова“.

(Съ барельефа, находящагося въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse ÉLISABETH TARAKANOFF (?), 1752—1775, personnalité énigmatique qui emporta au tombeau le secret de son origine, si toutefois elle le connut jamais elle-même, prétendait avoir 25 ans en 1775, mais ceux qui la connaissaient de vue lui en donnaient 25 ou 30. Elle fait son apparition en Europe peu après 1770, et change de nom aussi souvent que de résidence et de liaison: on la voit successivement sultane Sélime et Ali-Emné, princesse Elisabeth de Vladimir, demoiselle Frank, puis Schell, Treynull, etc.; à Venise elle se fait appeler comtesse Pinneberg, à Pise comtesse Silinsky, en Russie elle est connue, sans qu'on sache pourquoi, sous le nom de princesse Tarakanoff. Elle intrigua les contemporains: l'ambassadeur d'Angleterre à Pétersbourg la disait fille d'un cabaretier de Prague, le consul d'Angleterre à Livourne, d'un boulanger de Nuremberg; à Londres et à Paris, elle fréquenta divers aventuriers, et fut un moment en relations avec le ministre de Pologne à Paris, Oginsky, puis avec le prince de Limbourg, qui était amoureux d'elle et voulait l'épouser. Les uns la disaient polonaise, d'autres allemande ou italienne: elle avait en tout cas des attaches avec les Polonais, sans parler d'Oginsky: elle se fit accompagner en Italie par le prince Radziwill, le débauché; à Rome, où elle était en relations avec des Jésuites et avec le cardinal Albani, elle émargeait au budget du pape et jouissait de la protection du ministre polonais le marquis Antici. Catherine II vit là une intrigue des confédérés polonais, auxquels elle attribuait l'idée qu'eut la mystérieuse aventurière de faire valoir des droits au trône de Russie comme fille d'Elisabeth Pétrowna: or, elle-même convint qu'on lui avait „fait un secret de sa naissance“. Au témoignage des contemporains, elle avait l'esprit vif, connaissait les langues, jouait de la harpe, savait dessiner, et déployait une coquetterie qui lui valait des conquêtes faciles... Mais aussi, sensuelle et passionnée, elle devenait à son tour une proie facile pour ses victimes, et noua sans peine de nombreuses et passagères liaisons... Elle était en outre crédule et frivole. Chargé par Catherine II de s'assurer de l'usurpatrice, au besoin par la force, le comte Alexis Orloff préféra la prendre par son faible: il profita du „penchant“ qu'elle lui témoignait pour „faire le passionné auprès d'elle“, et, avec la prestance de ses 35 ans, eut facilement raison de la belle exaltée. Conquise dès la première entrevue, elle se livra tout de suite entièrement à lui, sans soupçonner l'odieuse trahison ni se douter que la liaison durerait juste huit jours...; dès lors, il n'eut pas de peine à l'attirer à son bord, en rade de Livourne, et à l'y faire prisonnière. À Pétersbourg, la Princesse Tarakanoff fut internée à la Citadelle Pierre-et-Paul, au ravelin Alexis; l'enquête demeura infructueuse, et la jeune femme fut atteinte d'une phthisie qui ne fit qu'empirer après la naissance, en novembre, d'un enfant, dont le père était Orloff, mais qu'on confond souvent avec son fils A. Tchesmensky né en 1762, et qui aurait eu pour parrain et marraine le procureur général Viazemsky et la femme du commandant Tchernycheff. La mère mourut le 4 décembre 1775; quant à l'enfant, on ne sait ce qu'il devint.

La princesse Tarakanoff était, au témoignage d'Orloff, „une petite femme toute sèche, ni blanche ni noire de peau, aux grands yeux bruns un peu louches, aux sourcils châtains foncé, avec des taches de rousseur“... „De taille moyenne“, dit le prince A. Golitzyne, „sèche, bien faite, elle a les cheveux noirs, les yeux bruns et un peu louches, un long nez busqué qui la fait ressembler à une italienne“... D'après Antici: „Grande, belle et élégante, elle a la peau très blanche, un teint magnifique, mais elle louche un peu de l'œil gauche; c'est une personne très intelligente et instruite“... On ne connaît aucun portrait d'elle, mais rien n'empêche d'en voir un dans le profil reproduit ici d'après un bas-relief en marbre portant au revers l'inscription suivante, qui en confirme plutôt l'authenticité: „Tête de la Princesse Tarakanoff, rapportée d'Italie et transmise au propriétaire actuel par sa grand'mère Anne Féodorowna Orloff, fille du comte Théodore Grigoriewitch Orloff et nièce du comte Alexis Orloff-Tchesmensky, duquel elle l'a reçue. Anne Féodorowna Orloff était la femme de mon grand-père, le conseiller privé actuel et sénateur Alexandre Nikolaewitch Bezobrazoff, dont je suis moi-même le petit-fils en ligne directe, Nicolas Féodorowitch Bezobrazoff. Pour les renseignements s'adresser: Volokolamsk, domaine de Nikolaewskoïé, gouvernement de Moscou, N. Bezobrazoff“.

(D'après un bas-relief de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МОНАХИНЯ ДОСПӨЕЯ, 1746—1810, лицо таинственное, совершенно неизвестное; по преданию, въ 1785 г. въ Московскій женскій Ивановскій монастырь прислана была, по секретному предписанію Екатерины II, еще нестарая женщина, здѣсь пострижена и содержалась тутъ подъ строгимъ надзоромъ. Вотъ все, что собственно фактически о ней извѣстно. Извѣстно, впрочемъ, еще, что она жила въ пижмемъ этажѣ, въ особомъ небольшомъ зданіи и занимала всего три комнаты (келліи) съ окнами, обращенными во дворъ. Въ настоящее время отъ стараго Ивановскаго монастыря, историческаго, не осталось и слѣда, все разрушено, и на мѣстѣ древняго монастыря и храма конца XVI в. возведены на купеческія деньги новыя, граціозныя постройки, свидѣтельствующія о нашемъ невѣжественномъ отношеніи къ старинѣ и объ отсутствіи художественнаго вкуса. Профессоръ П. М. Снегиревъ видѣлъ, однако, еще келлію Доспөей, бесѣдовала съ знавшимъ ее старымъ причетникомъ, видѣлъ ея погребеніе, поэтому здѣсь приводится то, что говоритъ Снегиревъ о Доспөей. Это тѣмъ болѣе необходимо, что все, что писано позднѣе, носитъ характеръ „житія“ святой, гдѣ среди обычной „житійной“ риторики и цвѣтовъ краснорѣчія затериваются и тѣ немногія данныя, которыя имѣютъ историческое значеніе. Благодаря тихой и благочестивой жизни, преданіе окружило таинственную личность Доспөей ореоломъ святости. Снегиревъ пишетъ, что привезенная въ Ивановскій монастырь женщина была, „повидимому, знатнаго происхожденія“. Никто ея не видалъ, кромѣ игуменніи, духовника, причетника, умершаго въ глубокой старости, да Московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, отъ котораго Снегиревъ также заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой таинственной монахинѣ. По словамъ этихъ современниковъ, Доспөей „была уже пожилая, средняго роста, худощава тѣломъ и стройна станомъ; несмотря на свои лѣта и долговременное заключеніе, еще сохраняла въ лицѣ нѣкоторыя черты прежней красоты; ея приемы и обращеніе обнаруживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то знатныхъ особъ, допущенныхъ игуменіею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. На содержаніе ея отпускалась особая сумма изъ казначейства“. Столь она имѣла хорошій, иногда получала откуда-то крупныя суммы, раздавала ихъ бѣднымъ и на церковь, куда ходила рѣдко, и тогда никого туда не пускали; любопытныхъ отъ ея оконъ, всегда завѣшенныхъ, отгоняли. Занималась она также рукодѣліемъ и чтеніемъ книгъ; послѣдніе годы жизни „провела въ безмолвіи“. Въ царствованіе Александра I она содержалась болѣе свободно и „оставалась въ забвеніи“. Отпѣвалъ ее епископъ Дмитровскій Августинъ, присутствовалъ на погребеніи самъ графъ П. В. Гудовичъ, главнокомандующій Москвы, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Погребена Доспөей въ Новоспасскомъ монастырѣ, направо отъ колокольни, у стѣны; на дикомъ камнѣ, положенномъ на ея могилѣ, надпись: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ монахини Доспөей, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Иисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончавшейся Февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было 64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ“.

Портретовъ Доспөей намъ извѣстно два одинаковыхъ: одинъ, попорченный, находится у Ф. А. Головина, въ его родовомъ помѣстіи с. Новоспасскомъ-Дедечевѣ; онъ былъ подаренъ самой Доспөей воспитывавшейся въ Ивановскомъ монастырѣ киянѣ Аннѣ Гавриловнѣ Гагариной, впоследствии Головиной, особѣ благочестивой, которую Доспөей очень любила; второй — находится въ Новоспасскомъ монастырѣ, и на оборотѣ его написано, что это—Доспөей, въ мірѣ принцесса Августа Тараканова.

Отсюда дѣлается заключеніе, что Доспөей—дочь Императрицы Елисаветы отъ тайнаго брака ея съ А. Г. Разумовскимъ. Но ни офіціальныя документы, ни частная переписка, ни мемуары и записки русскихъ людей и иностранцевъ, ни донесенія дипломатовъ не заключаютъ въ себѣ даже намека на существованіе какой бы то ни было принцессы Августы Таракановой! Скорѣе всего нужно согласиться съ Васильчиковымъ, авторомъ исторіи семьи Разумовскихъ, что дѣтей у Елисаветы Петровны совсѣмъ не было. По преданію, Доспөей рассказывала Головиной что-то о похищеніи ея въ Италію, о привозѣ на кораблѣ въ Россію... по все это туманно, сбивчиво!... Снегиревъ объ этомъ также ничего не пишетъ. Не дѣлая никакихъ выводовъ, предоставимъ времени приходить эту завѣсу, если угодно будетъ судьбѣ.

(Съ портрета, находящагося въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.)

La Religieuse DOSITHÉE, 1746—1810, personnalité énigmatique, complètement inconnue; s'il faut en croire la tradition, en 1785 le monastère de femmes Ivanowsky, à Moscou, reçut, en vertu d'un ordre secret de Catherine II, une novice encore jeune, qui y prit le voile et y fut tenue sous une étroite surveillance. Là se borne ce qu'on peut vraiment en dire de positif. On sait pourtant aussi qu'elle occupait, au rez-de-chaussée d'un petit pavillon isolé, trois cellules donnant sur la cour. Des bâtiments historiques du Vieux Monastère Ivanowsky, il ne reste plus trace aujourd'hui: l'ancien cloître et l'église de la fin du XVIe siècle ont fait place à de splendides bâtiments neufs élevés aux frais de marchands et qui témoignent de notre indifférence grossière pour nos antiquités et de notre absence de goût artistique. Le professeur I. Snéguireff a cependant pu voir encore la cellule de Dosithée, causer avec le vieux religieux qui la servait et assister à son enterrement; aussi mettons-nous ici à contribution sa description du monastère Ivanowsky, d'autant plus que tous les renseignements postérieurs ont une allure de Vie des Saints, et que le peu de données ayant quelque valeur historique, noyées dans l'emphase habituelle du genre, disparaissent sous les fleurs de rhétorique. L'existence calme et pieuse de Dosithée lui a fait, la tradition aidant, une auréole de sainteté. Au témoignage de Snéguireff, la novice amenée au monastère „paraissait de haute extraction“. Personne ne la vit, que la supérieure, son confesseur, le serviteur mort dans une profonde vieillesse, et aussi le marchand de Moscou Philippe Nikiforowitch Chépéleff, qui avait un magasin de thé et de sucre dans la Varvarka, et fournit également à Snéguireff quelques renseignements sur la religieuse mystérieuse. D'après ces contemporains, elle „était déjà d'un certain âge, de taille moyenne, mince et élégante; l'âge et sa longue retraite lui avaient laissé des traces de son ancienne beauté; son genre et ses manières révélaient la noblesse de son extraction et sa culture. Le vieux serviteur avait vu des personnes de qualité lui faire une courte visite avec l'autorisation de la supérieure et lui parler dans une langue étrangère. Son entretien était couvert par des fonds spéciaux prélevés sur le Trésor“. Elle avait une bonne table, recevait de temps en temps de grosses sommes, et les dépensait en aumônes ou pour les besoins de l'église, où elle allait rarement et où personne n'était admis quand elle y était; on ne laissait pas les curieux s'arrêter près de ses fenêtres, toujours garnies de rideaux. Elle faisait aussi des travaux d'aiguille et de la lecture; ses dernières années „se passèrent dans le silence“. Sous Alexandre Ier, elle fut gardée moins étroitement et „demeura oubliée“. Ses obsèques furent célébrées par l'évêque de Dmitroff Augustin, en présence du comte I. Goudowitch en personne, le commandant en chef de Moscou, et d'autres seigneurs du temps de Catherine. Elle fut inhumée au monastère Novospassky, à droite du clocher; on lit sur la pierre brute qui recouvre sa sépulture: „Sous cette pierre repose en Dieu le corps de la religieuse Dosithée, du monastère Ivanowsky, décédée, après 25 années d'exploits en religion pour Jésus-Christ, le 4 février 1810 à l'âge de 64 ans. Seigneur, Reçois-la dans Tes demeures éternelles!“

Il existe, à notre connaissance, deux portraits de Dosithée: l'un, fortement endommagé, chez Th. Golovine, dans son domaine patrimonial de Novospasskoïé-Dédénévo, fut donné par Dosithée elle-même à une élève du monastère Ivanowsky, la princesse Anne Gavrilowna Gagarine, plus tard Golovine, personne fort pieuse et qu'elle aimait beaucoup; l'autre, au monastère Novospassky, porte au revers l'indication: „Dosithée, dans le monde princesse Augusta Tarakanoff“.

On en a conclu que Dosithée était une fille qu'aurait eue l'Impératrice Elisabeth de son mariage secret avec A. Razoumowsky. Mais ni les documents officiels, ni la correspondance privée, ni les mémoires et souvenirs de russes et d'étrangers, ni les rapports des diplomates ne renferment la moindre allusion à l'existence d'une princesse Augusta Tarakanoff! Le mieux est sans doute de croire avec Vassiltchikoff, l'auteur de l'histoire de la famille Razoumowsky, qu'Elisabeth Pétrowna n'eut pas d'enfants du tout. Une tradition prétend que Dosithée aurait raconté à Mme Golovine avoir été enlevée en Italie, puis amenée par mer en Russie..., mais tout cela est vague et confus... et Snéguireff n'en dit rien non plus. Sans risquer de conclusion, laissons au temps le soin de déchirer le voile, s'il plaît à la destinée.

(D'après un original du monastère Novospassky, Moscou.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ, 1735 — 1807, родился 25 Сентября 1735 года (биогр. свѣдѣнія см. т. I, № 192); онъ отличался „богатырскимъ сложеніемъ и геркулесовской силой“; изъ всѣхъ Орловыхъ онъ одинъ былъ „въ истинномъ смыслѣ народный человѣкъ“ по его вкусамъ и даже страстямъ, но зато изъ всѣхъ Орловыхъ въ немъ однимъ иностранные дипломаты признавали всѣ качества государственнаго мужа: „большое спокойствіе, ясность и широту взгляда, упорство въ достиженіи цѣли: только полная увѣренность въ успѣхъ можетъ побудить его предпринять что-либо рискованное“; эта осторожность могла иногда казаться перѣшительностью, и Екатерина II, сравнивая его съ отчаяннымъ и взбалмошнымъ Григоріемъ, говорила: „Этотъ другого сорта, онъ всегда останавливается препятствіями“. По братья лучше знали своего „Алехана“, и среди нихъ онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ. Поражавшій современниковъ восточной пышностью, Орловъ въ сущности былъ очень расчетливый человѣкъ и разумный помѣщикъ, любимый своими крестьянами и особенно дворовыми. Но въ Москвѣ роскошь Орлова нужна была ему изъ честолюбія, онъ былъ въ концѣ XVIII и въ началѣ слѣдующаго вѣка первый тамъ вельможа; хотя и опальный, онъ былъ первый среди знати и самый популярный человѣкъ среди народа, который онъ подкупалъ своей удачей. Впрочемъ, Орловъ дѣлалъ много добра, и явно, и тайно, и любилъ оказывать людямъ покровительство. Онъ „поставилъ себѣ первымъ правиломъ не казаться, а быть добрымъ“, и, дѣйствительно, эта доброта не столько была проявленіемъ мягкаго сердца, сколько расчетомъ сильнаго ума. Скрытый и неоткровенный „графъ былъ мастеръ скрывать свои чувства“, такъ говорила близкая къ Орлову М. С. Бахметева... Екатерина II это чувствовала и, несмотря на всю тонкость своего ума, ей не всегда удавалось скрыть едва замѣтныя черточки нѣкоторой боязни и недоувѣрія въ отношеніи этой колоссальной фигуры одного изъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ... А между тѣмъ заслуги Орлова, оказанныя Екатеринѣ, были велики! Екатерина II никогда не могла забыть какихъ-то особенныхъ услугъ А. Орлова „24 и 26 Іюня“... 28 Іюня 1762 г. тотъ же Орловъ привезъ ее изъ Петергофа въ Петербургъ; 6 Іюля Екатерина получила неожиданное, но желанное въ душѣ, конечно, письмо Орлова, что Петра III не стало: онъ взялъ на себя весь грѣхъ, каялся, признавалъ себя „достойнымъ казни“. Письмо это оправдало Екатерину передъ потомствомъ и навѣки избавило отъ нареканій; въ ночь съ 25 на 26 Іюля 1770 г. Орловъ съжегъ турецкій флотъ въ Чесменской гавани, одержалъ побѣду, „совершеніе которой быть не можетъ“: многое простилось Орлову за Чесму, и слава, добытая имъ въ Чесменскихъ водахъ, записала его имя на страницахъ исторіи; Екатерина хорошо сознавала значеніе этой побѣды. Прошло немного времени, и въ Италіи Орловъ „ознаменовалъ себя такимъ подвигомъ“ для Екатерины, который запятналъ его доброе имя; этотъ подвигъ—„понимка“ самозванки, называвшей себя дочерью Императрицы Елисаветы. Екатерина, обезпокоенная смутами Пугачевщины, страстно желала получить въ свои руки самозванку, едва ли не основательно предполагая тутъ козни польскихъ конфедератовъ, и поручила Орлову добыть ее. Желаніе услужить Екатеринѣ у Орлова зашло слишкомъ далеко: онъ постарался получить довѣріе, заслужить любовь, вступить въ связь, сдѣлаться отцомъ ребенка несчастной женщины, чтобы ее предать... Какъ Государыня, Екатерина радовалась, какъ женщина, надо отдать ей справедливость, она по достоинству оцѣнила поступокъ и холодно писала, что „довольна ревностью и его многотрудной службой“; надо сказать, что безпутный „пане коханку“ князь Радзивиллъ, таскавшійся долго всюдуза самозванкой, наотрѣзъ отказался предать свою любовницу, даже въ виду обѣщанія возратить ему конфискованныя его, имѣнія... Затѣмъ слѣдуютъ годы отставки, удаленія, едва не опалы. Въ слѣдующія два царствованія Орловъ не игралъ уже никакой роли, но пережилъ во дни Павла много тяжелыхъ и опасныхъ минуты, какъ участникъ убійства отца Государя.

Графъ А. Г. Орловъ умеръ въ Москвѣ 24 Декабря 1807 г. и погребенъ былъ въ с. Отрадѣ, Московской губ.; въ 1831 г., по желанію дочери, прахъ его былъ перенесенъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, а въ 1896 г., стараніями графа А. В. Орлова-Давыдова, возвращенъ въ Отраду.

На прилагаемомъ портретѣ, чрезвычайно рѣдкомъ, можно сказать, единственномъ, графъ Орловъ изображенъ еще въ сравнительно молодыхъ годахъ, въ мундирѣ подполковника Преображенскаго полка (полковникомъ была сама Императрица), каковымъ онъ былъ пожалованъ въ 1767 году.

(Съ миниатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михайловичу.)

Le comte ALEXIS GRIGORIEWITCH ORLOFF-TCHESMENSKY, 1735—1807, naquit le 25 septembre 1735 (v. sa biographie T. I, N° 192). „Taillé en athlète et d'une force herculéenne“, il était le seul Orloff qui fût „vraiment bien du peuple“ par ses goûts et même ses passions, mais aussi le seul auquel les diplomates étrangers reconnussent toutes les qualités de l'homme d'état, „calme parfait, netteté et largeur de vues, persévérance à la poursuite du but; seule une entière confiance dans le succès peut lui faire entreprendre quelque chose de risqué“; une telle circonspection pouvait sembler quelquefois de l'indécision, et Catherine II, le comparant avec ce risque-tout, cet écervelé de Grégoire, disait: „Celui-là est d'autre espèce: il est toujours arrêté par les obstacles“. Mais ses frères connaissaient mieux leur Alexis, et il jouissait près d'eux d'une autorité considérable. Tout en faisant l'étonnement des contemporains par sa magnificence orientale, il était au fond très regardant, entendu à ses affaires et fort aimé de ses paysans et surtout de ses gens de maison. Mais, à Moscou, le luxe était pour lui une nécessité d'ambition: à la fin du XVIIIe et au commencement du XIXe siècle, il y était le premier grand seigneur; dans sa disgrâce, il restait le premier de la société de marque et l'homme le plus populaire dans le peuple, séduit par sa ténacité. Il faisait d'ailleurs beaucoup de bien, ouvertement ou non: toujours prêt à accorder sa protection, „il s'était fait avant tout une règle d'être bon, et non de le paraître“, et effectivement, sa bonté était moins un effet de son bon cœur qu'un calcul de sa forte tête. Réservé et dissimulé, „le comte était maître dans l'art de cacher ses sentiments“, comme disait une intime, Mme M. Bakhmétéff... Catherine II le sentait, et, malgré toute sa finesse, ne réussissait pas toujours à masquer des traces à peine perceptibles de crainte et de défiance à l'égard de cette colossale figure d'un de ses plus proches collaborateurs... Aussi bien les services qu'il lui avait rendus étaient grands! Elle ne put jamais oublier ses bons offices tout particuliers des „24 et 26 juin“... Le 28 juin 1762, il la ramenait de Péterhof à Pétersbourg; le 6 juillet, elle recevait de lui la nouvelle non attendue, mais certainement désirée au fond, de la mort de Pierre III: sa lettre, où il prenait tout sur lui, se repentant et se reconnaissant „digne du dernier supplice“, justifiait Catherine devant la postérité, et la mettait à l'abri de tout reproche. Dans la nuit du 25 au 26 juin 1770, Orloff brûlait la flotte turque dans le port de Tchesmé, remportant une victoire „qui ne pouvait être plus complète“, et qui lui fit pardonner beaucoup: la gloire qu'il y avait conquise assurait à son nom une place dans les annales de l'histoire, et Catherine en concevait toute la portée. En Italie, quelque temps après, il se signalait, toujours pour elle, par un exploit qui ternit son bon renom, „l'enlèvement“ de l'usurpatrice qui se disait fille de l'Impératrice Elisabeth. Encore sous le coup de l'équipée de Pougatcheff, Catherine tenait absolument à avoir cette femme entre les mains; elle soupçonnait là, non sans quelque raison, une machination des confédérés polonais, et chargea Orloff de s'assurer de sa personne. Son empressement le conduisit cette fois trop loin: il se donna la peine de gagner la confiance de la malheureuse, de s'en faire aimer, d'obtenir ses faveurs, de se faire le père de son enfant, et cela pour la livrer... Comme Impératrice, Catherine fut contente; comme femme, il faut lui rendre justice, elle apprécia l'acte d'Orloff à sa juste valeur, et lui écrivit froidement qu'elle était „satisfaite de son zèle et de son service assidu“. Ajoutons que le prince Radziwill, ce dévergondé qui longtemps se traîna partout après la jeune femme, avait carrément refusé de la livrer, malgré la perspective de rentrer en possession de ses biens confisqués... Viennent ensuite pour Orloff les années de retraite, d'éloignement, de disgrâce presque: sous les deux règnes suivants, il ne joue plus aucun rôle; complice du meurtre du père de l'Empereur, il traverse sous Paul Ier de rudes et dangereux moments.

Le comte Orloff mourut à Moscou le 24 décembre 1807, et fut inhumé au bourg d'Otrada, gouvernement de Moscou; en 1831, sur le désir de sa fille, sa dépouille fut transférée au monastère St-Georges, à Novgorod, mais en 1896, elle fut ramenée à Otrada par les soins du comte A. Orloff-Davydoff.

Le portrait ci-joint, extrêmement rare, on peut dire unique, représente le comte Orloff relativement jeune, en uniforme de lieutenant-colonel du régiment Préobragensky (le colonel était l'Impératrice elle-même), grade auquel il fut promu en 1767.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня ЕВДОКІЯ НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, 1761—1786, дочь Николая Александровича Лопухина отъ брака съ Анной Алексѣевной Жеребцовой, родилась 17 Декабря 1761 года; ей шель всего только 21-й годъ, когда ея тетка, Екатерина Алексѣевна Демидова, жена тайнаго совѣтника П. Г. Демидова, рожденная Жеребцова (р. 1740 г., † 1810 г.), сосватала ее за 48-лѣтняго графа Орлова-Чесменскаго, съ которымъ Демидову связывали давнія черезчуръ близкія узы. Когда Орловъ въ 70-хъ годахъ, во время Архипелажской экспедиціи, проводилъ зимы въ Италіи, Демидова жила въ Пизѣ, и „тамъ издавна ее считали близкой особой къ графу“.

Екатерина II изъявила согласіе на этотъ бракъ и прислала пожеланія „всякаго счастья и благополучія“; 6 Мая 1782 г. состоялась свадьба. По преданію, молодая графиня Орлова была тихой и скромной женщиной; при красивой и пріятной наружности, она отличалась добротой и пажобностью, не любила парадовъ и никогда не надѣвала драгоцѣнныхъ украшеній. Существуетъ портретъ (см. „Душевскій“ альбомъ и „Архивъ с. Михайловскаго“ графа С. Д. Шереметева), гдѣ она изображена за работой, за пальцами (если только это не портретъ, какъ думаютъ иные, позднѣйшей привязанности графа А. Г. Орлова—М. С. Бахметевой, рожденной княжны Львовой).

Въ 1785 г., 2 Мая, родилась у Орловой дочь Анна (будущая почитательница Фотія), и по этому поводу Екатерина II писала: „Я свидѣлась въ Москвѣ съ героемъ Чесмы, славнымъ графомъ Орловымъ. Онъ ухаживалъ за своей молодой женой, лежавшей въ родахъ первымъ ребенкомъ; къ несчастью, у него родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поэтому желала ему сына, которому онъ могъ бы служить примѣромъ“.

Желаніе Императрицы исполнилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ прервалась и кратковременная семейная жизнь А. Г. Орлова: 20 Августа 1786 г. 25-лѣтняя графиня родила сына Ивана и въ тотъ же день скончалась. Погребена она въ соборѣ Московскаго Андроніева монастыря (надгробную надпись см. въ т. I, № 191, также „Московскій Некрополь“, т. II).

Сынъ, котораго Екатерина II тотчасъ пожаловала „въ капитаны Преображенскіе“, за что Орловъ 30 Юня 1787 г., пріѣхавъ въ с. Коломенское, около Москвы, „кланялся въ ноги“, прожилъ всего 4 года и умеръ въ 1790 году; погребенъ онъ рядомъ съ матерью. Послѣ этого герой Чесмы перенесъ всѣ свои заботы, всю свою привязанность на пятилѣтнюю дочь свою „Пинюшку“, посвятивъ себя всецѣло ея воспитанію.

(Съ миниатюры, принадлежащей Е. А. Евреиновой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse EUDOXIE NIKOLAEWNA ORLOFF-TCHESMENSKY, 1761—1786, fille de Nicolas Alexandrowitch Lopoukhine et d'Anne Alexéewna, née Jérebzoff, naquit le 17 décembre 1761. Elle avait 21 ans à peine, quand sa tante Catherine Alexéewna Démidoff, née Jérebzoff (1740—1810), femme du conseiller privé P. Démidoff, la fiança au comte Orloff-Tcheshmensky, alors âgé de 48 ans: vieille amie du comte, Mme Démidoff habitait Pise lorsqu'il venait passer l'hiver en Italie dans les années 70, à l'époque de l'expédition de l'Archipel, et „on les y considérait depuis longtemps comme intimes“.

Catherine II donna son consentement en envoyant tous ses vœux „de bonheur et de prospérité“, et le mariage fut célébré le 6 mai 1782. La tradition présente la jeune comtesse Orloff comme une personne douce et modeste, d'un physique avantageux et agréable, remplie de bonté et de pitié, n'aimant pas la parure et ne portant jamais de bijoux. Il existe un portrait (v. l'Album Loucheff et l'Archive du bourg de Mikhaïlowskoïé du comte S. Chéréméteff), qui la représente installée à son métier à broder (si toutefois ce n'est pas, comme le pensent quelques-uns, une liaison postérieure du comte Orloff, Mme M. Bakhméteff, née princesse Lvoff).

Le 2 mai 1785, la comtesse eut une fille Anne, la future admiratrice de Photius, et Catherine écrivait à cette occasion: „J'ai vu à Moscou le héros de Tcheshmé, le glorieux comte Orloff. Il soignait sa jeune femme, en couches de son premier enfant; malheureusement c'est une fille qu'elle a eue: je ne le crois guère en mesure d'élever des filles, et c'est pourquoi je lui souhaitais un fils, auquel il pût servir d'exemple“.

Le souhait de l'Impératrice s'accomplit, mais ce fut aussi la fin de la courte vie de famille du comte Orloff: le 20 août 1786, la comtesse mourait à l'âge de 25 ans en donnant le jour à un fils Ivan. Elle fut inhumée dans la cathédrale du monastère Andronieff, à Moscou (v. son épitaphe T. I, № 191; v. aussi Nécropole de Moscou, T. II). Ce fils fut, dès sa naissance, fait par Catherine capitaine au régiment Préobragensky, et le père vint, en signe de reconnaissance, le 30 juin 1787, à Kolomenskoïé, près Moscou, „se prosterner aux pieds“ de l'Impératrice. L'enfant ne vécut que quatre ans: il mourut en 1790, et fut inhumé près de sa mère. Le comte reporta alors toute sa sollicitude, toute son affection sur sa petite Ninouchka, âgée de 5 ans, et se consacra tout entier à son éducation.

(D'après une miniature appartenant à Mlle C. Evréinoff, St-Pétersbourg.)

ЛЕВЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, 1764—1859, сынъ президента Юстиціи-коллегіи Алексѣя Александровича (р. 1726 г., † 1781 г.), женатаго на княжнѣ Паталин Борисовнѣ Мещерской (р. 1734 г., † 1781 г.), родился 20 Февраля 1764 года; 11-и лѣтъ онъ числился кантепармусомъ въ Измайловскомъ полку, затѣмъ сержантомъ, 1 Января 1788 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1790 г.—въ подпоручики, въ 1791 г.—въ поручики, 1 Января 1796 г.—въ капитанъ-поручики, а 16 Апрѣля—въ капитаны. За это время Яковлевъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, а въ 1795 и 1796 гг. служилъ „волонтеромъ“ въ Англіи на эскадрѣ адмирала Дункана. Произведенный 14 Августа 1798 г. въ полковники, Яковлевъ 18 Сентября былъ назначенъ канцеляріи совѣтникомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и отправленъ сначала къ мисіи въ Швецію, а оттуда въ Англію, гдѣ 9 Мая 1800 г. произведенъ въ статскіе совѣтники и перемѣщенъ въ Штутгартъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Пожалованный въ камергеры (1807 г.) и орденомъ св. Іоанна Иерусалимскаго—28 Іюня 1809 г., Яковлевъ перепеменованъ въ чрезвычайные посланники и полномочные министры. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ состоять въ томъ же званіи при Вестфальскомъ королѣ, гдѣ и находился до Іюня 1812 года. Задержанный здѣсь, Яковлевъ, съ помощью своего камердинера Кало (о которомъ упоминаетъ Герценъ), сумѣлъ спасти и вывести дипломатическія бумаги, и за то, „въ знакъ Монаршаго благоволенія“, 30 Августа 1812 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст.; произведенный 28 Марта 1820 г. въ тайные совѣтники, онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 13 Августа 1829 г., кромѣ того, въ Москвѣ почетнымъ опекуномъ, управляющимъ Маринскою больницею и членомъ Совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ; 7 Ноября 1831 г. пожалованъ орд. св. Владиміра 2 ст., а 7 Апрѣля 1835 г. получилъ Бѣлаго Орла. Последней его наградой было производство 2 Апрѣля 1838 г. въ дѣйств. тайные совѣтники. Умеръ Яковлевъ 19 Января 1839 г. и похороненъ въ Поводѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ; онъ не былъ женатъ, но имѣлъ воспитанниковъ: Сергія (придворный фотографъ Левицкій), Пива, Софію (за А. А. Полюповымъ) и Паталію, которые получили первоначально фамилію Львовыхъ-Левницкихъ.

Что касается до нравственного облика Л. А. Яковлева, то онъ, какъ живой, является намъ изъ-подъ талантливаго пера его племянника, А. П. Герцена, въ его „Быломъ и думѣхъ“ (т. II): „Сенаторъ былъ по характеру человекъ добрый и любившій разсѣянія: онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ официально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ посеріознѣе, несмотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 по 1815 г. не только прошли возлѣ, но зацѣплялись за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвиллю, чтобы узнать, что предпринимаютъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію; онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 г. Наполеонъ вѣдѣлъ его задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ „при царѣ Ерѣмѣ“, какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ налицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ, какъ слѣдуетъ... Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время Вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ камергеры въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ двора. Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ Сенатъ, сдѣлавшись членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маринской больницы, начальникомъ Александровскаго института, и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое врядъ ли было нужно, со строптивостью, которая вредила, съ честностью, которой никто не замѣчалъ. Онъ никогда не бывалъ дома; онъ заѣзжалъ въ день 2 четверки здоровыхъ лошадей, одну утромъ, другую послѣ обѣда. Сверхъ Сената, котораго онъ никогда не забывалъ... онъ не пропускалъ почти ни одного французскаго спектакля и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ Англійскій клубъ. Скучать ему было некогда: онъ всегда былъ запятъ, разсѣянъ, онъ ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переплетовъ. Зато онъ до 75 лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человекъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и актахъ, все равно какихъ: агрономическихъ или медицинскихъ, страхового огня общества или общества естествоиспытателей... да, сверхъ того, за то же, можетъ, сохранилъ онъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту“...

(Съ миниатюры Мюллера; собственность Л. С. Левичаго, въ С.-Петербургѣ.)

LÉON ALEXÉEWITCH YAKOVLEFF, 1764—1839, fils du président du Collège de Justice Alexis Alexandrowitch Yakovleff (1726—1781) et de Natalie Borissowna, née princesse Mechtchersky (1734—1781), naquit le 20 février 1764. Enrôlé à l'âge de 11 ans capitaine d'armes au régiment Izmaïlowsky, il fut ensuite sergent, puis passa porte-enseigne le 1er janvier 1788, sous-lieutenant en 1790, lieutenant en 1791, capitaine lieutenant le 1er janvier 1796 et capitaine le 16 avril suivant. Durant ce temps, il fit la campagne de Suède, et, en 1795/1796, servit comme „volontaire“ en Angleterre, dans l'escadre de l'amiral Duncan. Colonel le 14 août 1798, il fut nommé le 18 septembre conseiller de chancellerie au Collège des Affaires étrangères et envoyé en mission d'abord en Suède, puis en Angleterre, d'où, fait conseiller d'état le 9 mai 1800, il passa chargé d'affaires à Stuttgart. Chambellan en 1807 et chevalier de Saint-Jean-de-Jérusalem le 28 juin 1809, il reçut le titre d'envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire, et alla l'année suivante en cette qualité à la Cour de Westphalie, où il resta jusqu'en juin 1812, et où, lors de son arrestation, il avait pu, aidé de son valet de chambre Calot (dont Herzen fait mention), sauver et mettre en lieu sûr les papiers diplomatiques, ce qui lui valut le 30 août 1812, „comme témoignage de satisfaction de Sa Majesté“, Ste-Anne de 1re classe. Conseiller privé le 28 mars 1820, il fut fait sénateur, puis, à Moscou, le 15 août 1829, tuteur honoraire, directeur de l'Hôpital Marie et membre du conseil des Instituts Catherine et Alexandre. Décoré le 7 novembre 1831 de St-Vladimir de 2e classe, et le 7 avril 1835 de l'Aigle Blanc, il obtint le 2 avril 1838 une dernière récompense, le rang de conseiller privé actuel. Il mourut le 19 janvier 1839, et fut inhumé au monastère Novodévitchi, à Moscou. Il ne se maria pas, mais eut des pupilles, Serge (le photographe de la Cour Lévitzy), Ivan, Sophie, mariée à A. Polénoff, et Natalie, qui reçurent d'abord le nom de Lvoff-Lvitzyky.

Quant au moral, voici Yakovleff pris sur le vif par son neveu Herzen avec le talent qui le caractérisait dans ses Souvenirs et opinions (T. II): „Excellent homme et aimant à se distraire, il passa toute sa vie sous les illuminations du monde officiel de la diplomatie et de la Cour, sans s'apercevoir qu'il y en avait un autre, plus sérieux, et en dépit même de tous les événements de 1789 à 1815, qui ne se bornèrent cependant pas à glisser sur lui et dont il eut à se ressentir. Le comte Worontzoff l'envoya à Lord Granville pour découvrir ce que préparait Bonaparte après avoir quitté l'armée d'Egypte; il fut à Paris au couronnement de Napoléon. En 1811, Napoléon le fit arrêter à Cassel, où il était ambassadeur „près du Roi Jérémie“, comme disait mon père dans ses moments de dépit. En un mot, il fut de tous les grands événements de ces derniers temps, mais dans des conditions bizarres, anormales... Pendant que les questions diplomatiques se résolvaient à coups de baïonnettes et de mitraille, il était ambassadeur, et termina sa carrière diplomatique à l'époque du Congrès de Vienne, cette brillante fête des diplomates. De retour en Russie, il fut fait chambellan à Moscou, où il n'y a point de Cour: sans connaître les lois ni la procédure russes, il entra au Sénat, devint membre du Conseil de Tutelle, directeur de l'Hôpital Marie, directeur de l'Institut Alexandre, et fit preuve en tout d'un zèle qui n'était guère utile, d'un entêtement qui fut nuisible, d'une probité qui passa inaperçue. Il n'était jamais chez lui, et fatiguait tous les jours deux attelages de quatre solides chevaux, l'un le matin, l'autre après dîner. Outre le Sénat, qu'il n'oubliait jamais, il ne manquait guère le spectacle français et allait trois fois par semaine au Club Anglais. Il n'avait pas le temps de s'ennuyer: toujours en affaires, toujours en distractions, toujours en courses, sa vie glissait tranquillement sans secousses, toute en surface et en décor. Mais aussi il resta jusqu'à 75 ans valide comme un jeune homme, allant à tous les grands bals, à tous les grands dîners, aux séances et solennités de toute nature, agricoles ou médicales, réunions de société d'assurances ou de société de naturalistes... et avec tout cela, peut-être même grâce à tout cela, il garda au cœur jusqu'à la vieillesse un fonds de sensibilité et de chaleur“...

(D'après une miniature de Müller, appartenant à L. Lévitzy, St-Petersbourg.)

ИВАНЪ (Іоаннь-Матіась) МАТВѢЕВИЧЪ СИМОЛИНЪ, 1720 — 1799, тайный совѣтникъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дипломатовъ времени Екатерины II, происходилъ изъ дворянскаго рода, переселившагося въ XVII вѣкѣ изъ Германіи въ Швецію и производившаго себя отъ Баторіевъ. Несмотря на такое происхожденіе, отецъ его Іоаннь-Матіась (р. 1690 г., † 1740 г.) занималъ сравнительно скромное положеніе пастора сначала въ Або, а потомъ въ предѣлахъ Россіи, въ Ревель, почему и сыновья его поступили на русскую службу. Симолинъ родился въ Або въ 1720 г., а въ 1743 г. опредѣленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ. Въ 1744 г. онъ былъ посланъ въ Копенгагенъ исправлять должность секретаря при посланникѣ баронѣ Корфѣ. Въ 1757 г. Симолинъ былъ переведенъ секретаремъ посольства въ Вѣну, а въ слѣдующемъ году назначенъ резидентомъ въ Регенсбургъ, мѣсто засѣданій Имперскаго сейма. Въ 1761 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ при представителѣ Россіи на Аугсбургскомъ конгрессѣ, по послѣдній не состоялся, и Симолинъ вернулся въ Регенсбургъ. Во время первой Турецкой войны, въ 1771 г. онъ состоялъ дипломатическимъ агентомъ при главнокомандующемъ графѣ П. А. Румянцевѣ, а въ 1773 г. назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Въ 1774 г. Симолинъ былъ переведенъ въ Стокгольмъ, а въ 1779 г. — въ Лондонъ. Екатерина II, создававшая въ это время систему Вооруженнаго нейтралитета, направленную главнымъ образомъ противъ Англіи, предписала своему посланнику, чтобы онъ, не нарушая дружественныхъ отношеній, держался „однихъ неопредѣленныхъ генеральностей“. Познакомившись съ англійской жизнью, Симолинъ сдѣлался англоманомъ, вѣшивался даже въ партійный распри, по популярности не приобрѣлъ. Въ одной Лондонской газетѣ появился на него пасквиль, гдѣ его называли шпиономъ. Симолинъ пожаловался, и виновные, въ томъ числѣ и редакторы газетъ, перепечатавшихъ пасквиль, были присуждены къ тюремному заключенію и денежнымъ штрафамъ. Награжденный во время пребыванія въ Лондонѣ чиномъ тайнаго совѣтника и Александровской лентой (1784 г.), Симолинъ въ 1784 г. былъ переведенъ въ Парижъ, гдѣ въ 1786 г. получалъ орденъ св. Владимира 2 степени. Ему пришлось быть свидѣтелемъ ужасовъ французской революціи и даже принять участіе въ устройствѣ неудавшагося побѣга королевской семьи въ 1791 г., хотя, повидимому, онъ нѣсколько сочувствовалъ революціонному движенію, но крайней мѣрѣ Екатерина II въ томъ же 1791 г. жаловалась Гримму: „J'ai fait par ce dernier courrier venu de Paris... la vilaine découverte que Simolin est devenu fortement démagogue et qu'il commence à voir merveille dans les bêtises que la vilaine assemblée fait“.

Въ 1792 г. Симолинъ былъ отозванъ изъ Парижа и въслѣдствіи назначенъ президентомъ Юстицъ-коллегіи ливонскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ проживалъ большею частью въ Германіи и умеръ 19 Сентября 1799 г. въ Вѣнѣ, по пути въ Россію.

Симолинъ былъ опытный дипломатъ, хорошо знакомый съ положеніемъ европейскихъ государствъ, въ большинствѣ которыхъ онъ перебивалъ въ качествѣ представителя Россіи, хотя и говорилъ, что онъ свои донесенія составлялъ по газетнымъ статьямъ, приносившимъ только ихъ къ стилю дипломатическихъ бумагъ. Сынъ пастора, иностранецъ, повидимому безъ связей, онъ, только благодаря своему трудолюбію и способностямъ, не представлявшимъ, впрочемъ, ничего особенно выдающагося, сумѣлъ достигнуть высокаго положенія. Небольшого роста, худощавый, Симолинъ былъ молчаливъ и крайне остороженъ въ выраженіяхъ. Какъ человѣкъ, онъ пользовался незавидной репутаціей за свою невоздержную жизнь. Графъ С. Р. Воронцовъ писалъ въ 1786 г. своему брату Александру: „Правы г. Симолина не соответствуютъ его способностямъ; онъ жилъ въ Лондонѣ и продолжаетъ жить въ Парижѣ въ самомъ дурномъ обществѣ, бывая въ дурныхъ мѣстахъ и зная лишь съ уличными женщинами“; графъ Е. О. Комаровскій также свидѣтельствуетъ, что Симолинъ велъ въ Парижѣ жизнь весьма уединенную и несоотвѣтствовавшую званію Россійскаго посланника.

(Съ миниатюры, находящейся въ собраніи Великаго Князя Николая Михайловича.)

IVAN (Jean-Mathias) MATVÉEWITCH SIMOLINE, 1720—1799, conseiller privé, un des diplomates les plus marquants de l'époque de Catherine II, appartenait à une famille noble venue d'Allemagne en Suède au XVIIe siècle et se disant apparentée aux Bathory. Malgré de tels liens de parenté, le père, Jean-Mathias (1690—1740), occupa la situation relativement modeste de pasteur, d'abord à Abo, puis en pays russe, à Rével, et c'est ainsi que les fils entrèrent au service russe. Né à Abo en 1720, Simoline débuta en 1745 au Collège des Affaires étrangères comme gentilhomme, puis fut envoyé l'année suivante à Copenhague faire fonctions de secrétaire du ministre de Russie, le baron Korff. Secrétaire de l'ambassade de Vienne en 1757, il fut nommé un an après résident à Ratisbonne, où se tenait la diète d'Empire. Désigné en 1761 pour être secrétaire du représentant de la Russie au congrès d'Augsbourg, il rentra à Ratisbonne, le congrès n'ayant pas eu lieu. Pendant la première guerre de Turquie en 1771, il fut agent diplomatique près du commandant en chef, le comte P. Roumiantzeff. Nommé en 1773 ministre à Copenhague, il passa l'année suivante à Stockholm, puis, en 1779, à Londres. Catherine II, qui inaugura alors son système de Neutralité Armée, dirigé surtout contre l'Angleterre, lui recommanda de s'en tenir „uniquement à de vagues généralités“, sans compromettre les relations d'amitié. Une fois familiarisé avec la vie anglaise, il devint anglomane, et se mêla même aux querelles de partis, mais sans acquérir de popularité. Un journal de Londres ayant publié contre lui un pamphlet où il était traité d'espion, il se plaignit, et les coupables, ainsi que des rédacteurs de journaux qui avaient reproduit le pamphlet, furent condamnés à une amende avec emprisonnement. Fait en Angleterre conseiller privé et décoré de St-Alexandre (1784), il passa la même année à Paris, où il reçut en 1786 St-Vladimir de 2e classe. Témoin des horreurs de la Révolution Française, il fut même des organisateurs de la fuite malheureuse de la famille Royale en 1791: il témoignait d'autre part un certain intérêt au mouvement révolutionnaire; du moins Catherine II écrivait la même année à Grimm: „J'ai fait par ce dernier courrier venu de Paris... la vilaine découverte que Simolin est devenu fortement démagogue et qu'il commence à voir merveille dans les bêtises que la vilaine assemblée fait“. Rappelé de Paris en 1792, Simoline devint dans la suite président du Collège de Justice pour les affaires de Livonie, Esthonie et Finlande. Il passa ses dernières années presque constamment en Allemagne, et mourut le 19 septembre 1799, de passage à Vienne, se rendant en Russie.

Diplomate consommé, Simoline, qui représenta la Russie dans presque toutes les capitales de l'Europe, était parfaitement au courant de la politique internationale, en dépit des opinions qui le représentent faisant ses rapports d'après des articles de journaux, qu'il se serait contenté de remanier en style diplomatique. Fils de pasteur, étranger, probablement sans relations, il ne dut qu'à son travail et à ses capacités, qui, du reste, n'avaient rien de bien extraordinaire, la situation élevée à laquelle il parvint. Petit et maigre, il parlait peu et avait un langage d'une extrême retenue. Comme homme, sa vie désordonnée lui valut une fâcheuse réputation. Le comte Siméon Worontzoff écrivait en 1786 à son frère Alexandre: „Les mœurs de M. Simoline ne répondent pas à ses capacités: il vivait à Londres, et continue à vivre à Paris, dans la pire société, fréquentant les mauvais lieux et ne connaissant que des femmes de la rue“; le comte Komarowsky atteste également qu'il menait à Paris une vie très retirée et peu compatible avec la dignité de ministre de Russie.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ПАТАЛЪЯ ЗАХАРОВНА КОЛЫЧОВА, 1774—1803, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захара Алексѣевича Хитрово (р. 1734 г., † 1798 г.) отъ брака съ Анастасіей Николаевной Масловой, родилась 15 Юня 1774 г.; состояла фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны и 6 Февраля 1799 года вступила въ бракъ съ Степаномъ Алексѣевичемъ Колычовымъ (р. 1746 г., † 1803 г.), внослѣдствіи посломъ нашимъ въ Вѣнь и Парижъ, а въ то время занимавшимъ постъ посланника при Голландской республикѣ.

Несмотря на большую разницу въ лѣтахъ съ мужемъ, который былъ почти на 30 лѣтъ старше ея, и на частую разлуку съ нимъ въ теченіе кратковременной супружеской жизни, во время его служебныхъ передвиженій, бракъ этотъ былъ, повидимому, счастливъ. С. А. Колычовъ страстно любилъ жену и тяготился разлукой съ нею; самое возвращеніе его изъ Парижа и желаніе быть освобожденнымъ отъ заграничной службы вызывалось стремленіемъ поскорѣ соединиться съ женой и опасеніемъ, что скорая смерть разлучитъ ихъ навсегда. Но С. А. Колычову суждено было пережить жену; два года спустя послѣ возвращенія мужа въ Петербургъ и назначенія его вице-канцлеромъ, Паталя Захаровна скончалась 25 Октября 1803 года, на 29-мъ году жизни, не оставивъ потомства; похоронена она на Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской лавры.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

NATALIE ZAKHAROWNA KOLYTCHOFF, 1774—1803, fille du conseiller d'état actuel Zakhare Alexéewitch Hitrovo (1734—1798) et d'Anastasia Nikolaewna, née Masloff, naquit le 15 juin 1774. Demoiselle d'honneur de l'Impératrice Marie Féodorowna, elle épousa le 6 février 1799 Stéphane Alexéewitch Kolytchoff (1746—1803), dans la suite ambassadeur de Russie à Vienne et à Paris, alors ministre près la République Batave.

Malgré la différence d'âge considérable, une trentaine d'années, et les fréquents déplacements du mari pour raisons de service, cette courte union semble avoir été heureuse. Kolytchoff aimait passionnément sa femme, dont l'absence lui pesait; son rappel de Paris et son désir de ne plus servir à l'étranger tenaient à son impatience de la retrouver et à son appréhension d'une mort prochaine qui le séparerait d'elle pour toujours. Mais c'était elle qui devait disparaître la première: elle mourut deux ans après le retour de son mari à Pétersbourg et sa nomination de vice-chancelier, le 25 octobre 1803, dans sa 29e année, sans laisser d'enfants; elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant à A. Hitrovo, St-Pétersbourg.)

СТЕПАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОЛЫЧОВЪ, 1746—1805, сынъ секундъ-майора Алексѣя Степановича (р. 1717 г., † 1752 г.) отъ брака съ Екатериной Ивановной Ржевской († около 1769 г.), родился 15 Юля 1746 г.; началъ службу въ 1760 г. въ Измайловскомъ полку капраломъ и дослужился до чина поручика арміи въ 1769 г., послѣ чего перешелъ на дипломатическое поприще и былъ причисленъ къ миссіи въ Гагъ. Своимъ пребываніемъ въ Голландіи онъ воспользовался для пополненія своего образованія и въ продолженіе 15 мѣсяцевъ слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. Переведенный затѣмъ въ Парижъ, Колычовъ въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ тамъ совѣтникомъ посольства, въ 1779 г. переведенъ въ Неаполь, въ 1780 г.—въ Испанію, но туда не поѣхалъ, а испросилъ разрѣшеніе вернуться на родину. Въ 1782 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и въ слѣдующемъ году назначенъ посланникомъ въ Гагу. Состоя въ этой должности, Колычовъ получилъ званіе камергера и орд. св. Владимира 2 ст.; занятіе Гагъ французами заставило его покинуть свой постъ. Въ 1794 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Берлинъ, гдѣ на его долю выпало вести переговоры съ Прусскимъ правительствомъ о третьемъ раздѣлѣ Польши и совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Отозванный въ 1797 г. изъ Берлина, Колычовъ вновь былъ назначенъ въ Гагу, но не поѣхалъ туда, такъ какъ Голландія продолжала оставаться Батавской республикой; въ 1799 г. онъ былъ посланъ въ Вѣну въ качествѣ представителя Павла I, какъ гротмейстера Мальтійскаго ордена. Положеніе Колычова было очень затруднительно: Вѣнскій дворъ долго не хотѣлъ принимать отъ него вѣрительныхъ грамотъ въ качествѣ орденаго представителя. Въ концѣ 1799 г. Колычовъ былъ назначенъ посломъ, послѣ того, какъ Разумовскій былъ сосланъ къ отцу. Въ 1800 г. онъ былъ отозванъ и произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Павелъ I вообще относился къ нему милостиво и пожаловалъ ему Мальтійское командорство, Александровскую ленту и званіе вице-канцлера (8 Января 1801 г.). Въ началѣ 1801 г. Колычовъ былъ посланъ въ Парижъ полномочнымъ министромъ для переговоровъ съ первымъ консуломъ; Павелъ I мечталъ соединиться съ Франціей, чтобы „распоряжаться во всей Нѣмецкой имперіи“ и „доставить миръ всей Европѣ“. Колычовъ долженъ былъ склонить Бонапарта къ принятію королевскаго титула, но въ крайнемъ случаѣ Франція могла остаться и республикой, лишь бы она помогла подорвать значеніе Австріи, Англіи и Пруссіи. Встрѣченный очень торжественно, Колычовъ сначала былъ очарованъ Наполеономъ. „Le premier consul est véritablement un grand homme, il fait le bonheur de la France, tout le monde commence à respirer“, писалъ онъ женѣ. Но вскорѣ онъ понялъ Наполеона и писалъ въ Петербургъ: „Il ne faut jamais oublier qu'ils visent à dominer partout en nous flattant, et qu'ils ne veulent de nous qu'un instrument afin de nous tromper et mieux parvenir au but qu'ils se proposent. Leur intention est... de subjuguier l'Europe“. Колычовъ настойчиво просилъ отозвать его изъ Парижа, гдѣ требуется человекъ, болѣе „независимый, скромный, прозорливый, твердый и, можетъ-быть, спѣсивый“. Первые мѣсяцы царствованія Александра I Колычовъ продолжалъ вести переговоры, а затѣмъ былъ смѣненъ графомъ Морковымъ. По возвращеніи изъ Парижа Колычовъ до конца жизни оставался не у дѣлъ. Послѣдніе годы его жизни были омрачены потерей молодой жены, Натальи Захаровны, рожденной Хитрово, скончавшейся 25 Октября 1803 г., на 29 году (женился онъ на ней 6 Февраля 1799 г.). Скончался Колычовъ 14 Марта 1805 г. и погребенъ, рядомъ съ женой, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Повидимому, Колычовъ не отличался выдающимися способностями, но былъ все-таки полезный дѣлатель, ревнито оберегавшій интересы своего отечества. Человекъ желчный и подозрительный, Колычовъ почти во всѣхъ иностранцахъ видѣлъ враговъ Россіи и съ трудомъ вездѣ уживался, чѣмъ создалъ себѣ репутацію „brouillon'a“. О его паружности сохранился отзывъ одного иностраннаго дипломата: „Это человекъ небольшого роста, живая и пріятная фигура, съ отпечаткомъ ума и доброты“.

(Съ портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

STÉPHANE ALEXÉEWITCH KOLYTCHOFF, 1746—1805, fils du second major Alexis Stépanowitch Kolytchoff (1717—1752) et de Catherine Ivanowna, née Rjewsky († vers 1769), naquit le 15 juillet 1746. Entré au service en 1760 caporal au régiment Izmailowsky, et parvenu en 1769 au grade de lieutenant dans l'Armée, il passa ensuite dans la carrière diplomatique comme attaché à la mission de La Haye, et profita de son séjour en Hollande pour compléter son instruction et suivre quinze mois les cours de l'université de Leyde. De là il alla à Paris, où il resta cinq ans conseiller d'ambassade, puis fut transféré à Naples en 1779, et, nommé en Espagne en 1780, n'accepta pas son nouveau poste et demanda son rappel. Gentilhomme de la chambre en 1782, il fut nommé l'année suivante ministre à La Haye, où il reçut le titre de chambellan et St-Vladimir de 2e classe, et d'où il dut partir lors de l'entrée des Français. Affecté à Berlin en 1794, il eut à négocier avec le gouvernement prussien le troisième partage de la Pologne et la coalition contre la France. Rappelé en 1797 et désigné de nouveau pour La Haye, il ne rejoignit pas son poste, la Hollande formant toujours la République Batave, et alla à Vienne en 1799 représenter Paul Ier comme grand maître de l'ordre de Malte. Il s'y trouva dans une position fort embarrassante, car la Cour de Vienne resta longtemps sans consentir à recevoir ses lettres de créance de représentant de l'Ordre. Nommé ambassadeur à la fin de 1799, quand Razoumowsky eut été renvoyé près de son père, il fut rappelé l'année suivante et fait conseiller privé actuel. Paul Ier, toujours bien disposé à son égard, lui conféra le commandorat de l'ordre de Malte, le cordon de St-Alexandre et le titre de vice-chancelier (8 janvier 1801), puis, au commencement de 1801, l'envoya à Paris comme ministre plénipotentiaire chargé de négociations avec le Premier Consul: l'Empereur rêvait de s'unir à la France pour „commander dans toute l'Allemagne“ et „assurer la paix à toute l'Europe“. Kolytchoff devait engager Bonaparte à prendre le titre de Roi; à la rigueur, pourtant, la France pouvait rester en République à condition de concourir à l'abaissement de l'Autriche, de l'Angleterre et de la Prusse. Reçu en grande pompe, il fut d'abord enchanté de Bonaparte: „Le premier consul est véritablement un grand homme“, écrivait-il à sa femme, „il fait le bonheur de la France, tout le monde commence à respirer“. Mais, bientôt revenu sur le compte de Napoléon, il rapportait à Pétersbourg: „Il ne faut jamais oublier qu'ils visent à dominer partout en nous flattant, et qu'ils ne veulent de nous qu'un instrument afin de nous tromper et mieux parvenir au but qu'ils se proposent. Leur intention est... de subjuguier l'Europe“. Et il demanda son rappel avec insistance: il fallait à Paris plus „d'indépendance, de simplicité, de pénétration, de fermeté et peut-être de morgue“. Les premiers mois du règne d'Alexandre Ier, il poursuivit ses négociations, puis fut remplacé par le comte Morkoff. A son retour de Paris, il rentra pour toujours dans la vie privée. Ses dernières années furent assombries par la perte de sa jeune femme, Natalie Zakharowna, née Nitrovo, qu'il avait épousée le 6 février 1799 et qui mourut le 25 octobre 1803 dans sa 29e année. Il mourut lui-même le 14 mars 1805, et fut inhumé près d'elle au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Kolytchoff ne devait rien avoir de saillant comme capacités, mais il eut son utilité comme gardien jaloux des intérêts de son pays. Atrabilaire et ombrageux, il voyait presque dans chaque étranger un ennemi de la Russie, et avait de la peine à s'acclimater partout, ce qui lui valut une réputation de „brouillon“. Physiquement, c'était, au témoignage d'un diplomate étranger, „un petit homme à l'extérieur vif et agréable, respirant l'esprit et la bonté“.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Графъ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГУДОВИЧЪ, 1741 — 1820, сынъ генеральнаго подскарбія Василія Андреевича († 1784) отъ 2-го его брака съ Маріей Степановной Миклашевской, получилъ образованіе въ университетахъ въ Кенигсбергѣ, Галле и Лейпцигѣ; 1 Января 1759 г. принятъ на службу инженеръ-прапорщикомъ; съ 1760 по 1762 г. состоялъ адъютантомъ сначала при графѣ П. И. Шуваловѣ, а потомъ при принцѣ Голштинскомъ. Братъ любимаго генераль-адъютанта Петра III, Гудовичъ, по воцареніи Екатерины II, былъ арестованъ и просидѣлъ въ заключеніи 3 недѣли, а въ 1763 г., по производствѣ въ полковники, отправленъ въ армию командовать Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въмѣстѣ съ нимъ онъ принялъ участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, давшей ему чинъ бригадира (1769 г.) и генераль-майора (за взятіе Бухареста, 1770 г.) и св. Георгія 3 ст. (за Ларгу). По окончаніи войны онъ командовалъ дивизіей въ Малороссіи и въ 1777 г. произведенъ въ генераль-поручики. Въ 1783 и 1784 гг. Гудовичъ дѣйствовалъ въ Польшѣ. Будучи съ 1 Января 1784 г. Александровскимъ кавалеромъ, онъ въ 1785 г. назначенъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ генераль-губернаторомъ и занималъ эту должность болѣе 10 лѣтъ; тутъ Гудовичъ получилъ въ 1787 г. орденъ св. Владиміра 1 ст.; когда началась вторая Турецкая война, онъ отправился въ дѣйствующую армию: имъ были взяты Хаджибей (нынѣшняя Одесса) и Килія. Произведенный въ 1790 г. въ генераль-аншефы, онъ въ Декабрѣ этого же года посланъ былъ на Кавказъ командовать Кубанской арміей и 21 Іюля 1791 г. взялъ штурмомъ Анапу, за что былъ награжденъ Георгіемъ 2 кл. и золотой шпалой съ алмазами; изображеніе Анапы (крѣпостная стѣна съ проломомъ) внесено было въ его гербъ. По окончаніи войны Гудовичъ остался на Кавказѣ въ качествѣ генераль-губернатора и построилъ рядъ новыхъ крѣпостей. За подготовку войны съ Персіей онъ былъ награжденъ Андреевской лентой и 1800 душами въ Подольской губерніи. Въ Ноябрь 1796 г. Гудовичъ былъ уволенъ въ отставку на 2 года, но Павелъ I, стремившійся наградить сторонниковъ своего отца, велѣлъ ему ѣхать обратно на Кавказъ и принять начальство надъ войсками, которыми командовалъ Валеріанъ Зубовъ. Въ день коронаціи Гудовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство и получилъ 3000 душъ въ Подольской губерніи. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ Киевскимъ губернаторомъ, но, не дождавъ туда, переведенъ былъ на такую же должность въ Каменецъ-Подольскъ. Въ Іюнѣ 1800 г. Гудовичъ былъ неожиданно отставленъ отъ службы и только въ 1806 г. былъ опять призванъ къ дѣятельности и посланъ на хорошо знакомый ему Кавказъ, гдѣ ему пришлось вести борьбу одновременно и съ непокорными туземцами, и съ войсками турецкими и персидскими. Блестящая побѣда надъ турками при Арпачаѣ доставила ему чинъ фельдмаршала (1807 г.), но неудачные осады и штурмы Эривани въ Ноябрь 1808 г. заставили его отступить въ Грузію, при чемъ онъ заболѣлъ, потерялъ глаза и просилъ объ увольненіи. Въ 1809 г. Гудовичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ. Вигель такъ характеризуетъ управленіе его Москвою: „Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, т.-е. заставлялъ себя повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ оффиціальныя обѣды и балы. Можеть-быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своеправіе. Несмотря на то, такъ сказать, выживъ изъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшого брата графа Миханла Васильевича, который самъ человѣкомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управленіе Москвою шло не лучше пышняго: все было продажное, все было на откупъ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ Сальватори, и они между собой дѣлили прибыль“. По словамъ князя Виземскаго, Гудовичъ былъ въ Москвѣ гонителемъ очковъ и троечной упряжи: никто не смѣлъ являться къ нему въ очкахъ, и даже въ постороннихъ домахъ онъ заставлялъ ихъ снимать, пріѣзжавшіе же въ Москву на тройкахъ должны были, подъ опасеніемъ понасть въ полицію, выпрагаты у заставы одну лошадь. Въ Февралѣ 1812 г. Гудовичъ былъ уволенъ, при чемъ получилъ портретъ Государя. Послѣдніе годы своей долгой жизни онъ провелъ въ Подольскомъ имѣніи Чечельникѣ, занимаясь музыкой и охотой. Графъ Гудовичъ скончался въ Январѣ 1820 г., завѣщавъ похоронить себя въ Киевскомъ Софійскомъ соборѣ; онъ былъ женатъ на графинѣ Прасковѣ Кирилловнѣ Разумовской († 1808 г.) и имѣлъ двухъ сыновей, Кирілла и Андрея, и дочь Елизавету († 1868 г.), за П. П. Лизогубомъ.

(Съ портрета Жерена; собственность графа В. П. Гудовича, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte IVAN VASSILIEWITCH GOUDOWITCH, 1741—1820, fils du trésorier général adjoint de Pologne Basile Andréwitch Goudowitch († 1784) et de sa seconde femme Marie Stépanowna, née Mikla-chewsky, fit ses études aux universités de Königsberg, Halle et Leipzig. Il débuta au service le 1er janvier 1759 comme porte-enseigne, du génie, et, de 1760 à 1762, fut aide de camp, d'abord du comte P. Schouvaloff, puis du prince de Holstein. Frère de l'aide de camp favori de Pierre III, il fut arrêté à l'avènement de Catherine II, resta trois semaines prisonnier, puis, promu colonel en 1763, alla à l'Armée commander le régiment d'infanterie d'Astrakhan. Après avoir fait la première guerre de Turquie, qui lui valut les grades de brigadier (1769) et de général major (prise de Bukarest, 1770), et St-Georges de 3e classe (Larga), il commanda une division en Petite-Russie et passa général lieutenant en 1777. Il fit en 1783 et 1784 la campagne de Pologne. Décoré de St-Alexandre le 1er janvier 1784, il fut nommé l'année suivante général gouverneur de Riazan et de Tamboff; il occupa ce poste plus de dix ans, et y reçut en 1787 St-Vladimir de 1re classe. Au début de la seconde guerre de Turquie, il rejoignit l'armée d'opérations: ce fut lui qui prit Hadjibey, l'Odessa actuelle, et Kilia. Général en chef en 1790, il prit en décembre de la même année le commandement de l'armée du Kouban, et enleva d'assaut Anapa le 21 juin 1791; il reçut en récompense St-Georges de 2e classe, une épée d'or enrichie de diamants et le droit de faire figurer Anapa dans ses armes sous la forme d'un rempart troué d'une brèche. A la paix, il resta au Caucase comme général gouverneur, et construisit toute une série de nouvelles forteresses. Sa préparation de la guerre contre la Perse lui valut le cordon de St-André et 1800 têtes de paysans en Podolie. Il avait obtenu en novembre 1796 un congé de deux ans, mais Paul Ier, jaloux de récompenser les partisans de son père, le fit retourner au Caucase pour y prendre le commandement des troupes de Valérien Zouboff, et, à son couronnement, l'éleva à la dignité de comte et lui donna 5000 têtes de paysans en Podolie. Nommé en 1798 gouverneur de Kieff, il fut affecté, avant d'y être arrivé, au même poste à Kaménetz-Podolsk. Destitué inopinément en juin 1800, ce n'est qu'en 1806 qu'il fut remis en activité, pour aller au Caucase, qu'il connaissait bien, et où il eut à tenir tête à la fois aux rebelles indigènes, aux Turcs et aux Persans. Sa brillante victoire sur les Turcs à Arpatchai lui valut en 1807 le titre de feld-maréchal, mais son échec au siège et à l'assaut d'Erivan en novembre 1808 l'obligèrent à rentrer en Géorgie: en même temps, il tombait malade, perdait un œil et donnait sa démission. Il fut nommé en 1809 commandant en chef de Moscou, membre du Conseil de l'Empire et sénateur. Wiegel fait de son administration à Moscou le tableau suivant: „Jaloux du bon renom de la haute dignité de commandant en chef, il tint à se faire obéir, à s'entourer de pompe et à donner des diners et des bals officiels. La fermeté qu'il avait eue sans doute dans la force de l'âge fit place dans la suite à de l'extravagance: et encore, la décrépitude aidant, tomba-t-il complètement sous la domination de son frère cadet Michel, connu pour son excessive cupidité. Aussi les choses n'allaient-elles pas mieux à Moscou qu'aujourd'hui: tout était à vendre, tout était à prendre. Ce frère avait pour prête-nom un médecin appelé Salvatori, avec qui il était de moitié dans les bénéfices“. Au témoignage du prince Viazemsky, Goudowitch était à Moscou la terreur des lunettes et des attelages à trois chevaux de front: on ne se risquait pas chez lui avec des lunettes, et il ne voulait pas en voir non plus dans les maisons où il allait; et les attelages à trois chevaux qui arrivaient à Moscou devaient, sous peine de poursuites, en laisser un à la barrière. Mis à la retraite en février 1812 avec le portrait de l'Empereur, il passa les dernières années de sa longue vie en Podolie, dans son domaine de Tchetchelnik, à faire de la musique et à chasser. Il mourut en janvier 1820, et demanda à être inhumé à la cathédrale Ste-Sophie, à Kieff. Il avait épousé la comtesse Prascovie Kirillowna Razoumowsky († 1808), dont il eut deux fils, Cyrille et André, et une fille Elisabeth († 1868), mariée à I. Lizougoub.

(D'après un original de Gérin, appartenant au comte B. Goudowitch, St-Pétersbourg.)

ПЕТРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЕРОПКИНЪ, 1724—1805, сынъ генераль-поручика Дмитрія Федоровича (мать изъ рода Скуратовыхъ), родился 24 Іюня 1724 г.; 28 Іюля 1756 г. „изъ недорослей“ поступилъ на службу прапорщикомъ; произведенный 25 Декабря 1755 г. въ полковники, Еропкинъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, а съ 1759 г., въ чинѣ генераль-майора, состоялъ при фельдмаршалѣ Салтыковѣ. По окончаніи войны онъ былъ награжденъ орденомъ Александра Невскаго и чиномъ генераль-поручика и уволенъ на два года въ отпускъ „для лѣченія болѣзней“; 24 Марта 1765 г. Еропкинъ, „по слабости его здоровья“, былъ уволенъ и назначенъ въ 5-й Московскій департаментъ сенаторомъ. Весною 1771 г. Екатерина поручила Еропкину, управлявшему въ то время Главною Солиною конторою, „охранять“ Москву отъ чумной заразы, на что оказывался неспособнымъ „главный командиръ“ фельдмаршалъ Салтыковъ. Дѣло это было поистинѣ „многотрудное“, какъ оно названо въ формулярѣ Еропкина. Военная команда была „мала и вся раскомандирована, городъ былъ великъ, подлосты для зла было довольно“; приходилось безъ всякихъ средствъ бороться съ эпидеміей и съ паникой, охватившей простонародье, болѣвшее больницъ и карантинныхъ болѣе чѣмъ чумы. Помощниковъ у Еропкина не было, старикъ Салтыковъ хотя, по его словамъ, „всячески помогалъ“ Еропкину, но не былъ расположенъ къ человеку, котораго полномочія были „предсудительны“ для „главнаго командира“; оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ „всюду бѣгалъ и всего смотрѣлъ“, но большого успѣха имѣть не могъ. Чувствуя свое безсиліе, Еропкинъ въ началѣ Августа пробовалъ отказаться отъ своей „комиссіи“ подъ предлогомъ, что у него въ домѣ оказался больной чумою. Мпlostивый рескриптъ убѣдилъ его остаться на его посту. Дальнѣйшія распоряженія Еропкина не были удачны: вмѣстѣ съ архіепископомъ Амвросіемъ (Зертисъ-Каменскимъ) они приняли роковое рѣшеніе запечатать ящикъ со святымъ сборомъ у Боголюбовской иконы; въ то время, когда обнаруживались явные признаки броженія среди черни, Еропкинъ не позаботился стянуть въ Москву кое-какія, бывшія въ его распоряженіи, военныя силы; 15 Сентября, когда началась бунтъ, Еропкинъ не показалъ ни твердости, ни распорядительности, а на другой день чернь напала на Донской монастырь и убила архіепископа Амвросія. Только тогда Еропкинъ, которому бунтовщики грозили участіемъ Амвросія, сумѣлъ собрать отрядъ въ 150 человекъ, и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы картечью разогнать буйный уличный сбродъ. Коптуженный во время этой стычки шестомъ и камнемъ, Еропкинъ слегъ въ постель; его полномочія перешли къ графу Гр. Орлову, прибывшему въ Москву съ диктаторскою властью. Въ отвѣтъ на просьбу Еропкина объ отставкѣ, Екатерина наградила его орденомъ св. Андрея „за патріотическую ревность и мужество“. Въ 1774 г. Еропкинъ, недовольный пожалованіемъ ему штатскаго чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вышелъ въ отставку, но черезъ 12 лѣтъ, 28 Іюня 1786 г., былъ вновь назначенъ Московскимъ главнокомандующимъ, съ чиномъ генераль-аншефа. „Ослабѣвшая память и болѣзнями истощенныя силы“ не позволили Еропкину многого сдѣлать для Москвы; 19 Февраля 1790 г. онъ покинулъ постъ главнокомандующаго; скончался скоропостижно 7 Февраля 1805 г. за партіей въ рокамболь и погребенъ въ селѣ Успенскомъ, Калужской губерніи; онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Леоптьевой († 1800 г.), но дѣтей не имѣлъ.

Еропкинъ былъ типичнымъ русскимъ дворяниномъ стараго закала. Красавецъ и силачъ въ молодости, воспитанный по старинному и не владѣвшій иностранными языками, Еропкинъ былъ уменъ и любилъ чтеніе; благочестивый и богомольный, онъ ежедневно прочитывалъ изъ Четьи-Мирей житіе празднуемаго святаго. Онъ не былъ корыстолюбивъ, довольствовался небольшимъ оброкомъ съ крестьянъ и не выпрашивалъ изъ казны денегъ. „По одежкѣ тяну ножки“, говорилъ онъ, „долговъ не имѣю; насъ съ женою двое, дѣтей у насъ нѣтъ, состояніе имѣемъ, къ чему намъ набирать лишнее“. Въ то же время онъ былъ гостепріименъ и хлѣбосоль по старинному. Его внѣшность, начиная съ прически *à trois marteaux*, и обстановка отпачились старомодной сановитостію; онъ ѣздилъ съ вершинами, и трубачъ возвѣщала грубымъ звукомъ, когда вельможѣ угодно было остановиться экипажъ. Еропкинъ пользовался въ Москвѣ всеобщимъ уваженіемъ.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

PIERRE DMITRIEWITCH ÉROPKINE, 1724 — 1805, fils du général lieutenant Dmitri Fédorowitch Eropkine et de sa femme, née Skouratoff, naquit le 24 juin 1724, et, „encore mineur“, entra au service porte-enseigne le 28 juillet 1736. Colonel le 25 décembre 1755, il fit la Guerre de Sept-Ans, et, en 1759, fut attaché au feld-maréchal Saltykoff avec le grade de général major. Décoré à la paix de St-Alexandre Newsky et promu général lieutenant, il obtint un congé de deux ans „pour se soigner“, et, le 24 mars 1765, quitta le service militaire „pour raisons de santé“ et fut nommé sénateur à Moscou, au 5e département. Au printemps de 1771, alors directeur de l'administration de la gabelle, il reçut de Catherine II la mission d'organiser les secours contre la peste qui ravageait Moscou: le feld-maréchal Saltykoff, commandant en chef, y avait échoué, et la chose était effectivement „hérissée de difficultés“, comme disaient les états de service d'Eropkine. Les troupes dont il disposait étaient „peu nombreuses et désorganisées, la ville était grande, et les éléments nuisibles ne manquaient pas“; on avait à combattre, presque sans ressources, l'épidémie et la panique régnant dans le peuple, qui redoutait les hôpitaux et les quarantaines plus encore que le fléau. Eropkine ne fut pas aidé: le vieux Saltykoff, tout en le „secondant de toute manière“, comme il disait, ne pouvait ne pas en vouloir à celui dont les pleins pouvoirs étaient une „improbation“ à son adresse, et le grand maître de police Bakhmétéff „courait partout et regardait à tout“, mais sans trop de succès. Sentant son impuissance, Eropkine tenta au commencement d'août de se démettre de sa „mission“, sous le prétexte qu'il s'était déclaré un cas de peste dans sa maison: un rescrit de S. M. le maintint à son poste. Il ne lui vint que de malheureuses inspirations: il eut, de concert avec l'archevêque Ambroise (Zertis-Kamensky), la fatale idée de faire suspendre la vente des cierges pour l'icône Bogolubsky. En dépit d'indices manifestes de fermentation parmi la populace, il négligea d'amener à Moscou le peu de forces dont il disposait; en présence de l'émeute qui éclata le 15 septembre, il n'eut ni fermeté ni habileté, et, le lendemain, la populace faisait irruption dans le monastère Donskoï et massacrait l'archevêque Ambroise. Alors seulement, menacé de subir le même sort, il sut rassembler un détachement de 150 hommes, qui suffit parfaitement à disperser à coups de mitraille la tourbe séditieuse. Blessé dans la mêlée d'un coup de bâton et d'un coup de pierre, il prit le lit, et remit l'autorité au comte Grégoire Orloff, envoyé avec des pouvoirs dictatoriaux. En réponse à une nouvelle offre de démission, Catherine le décora de St-André „pour son zèle patriotique et son courage“. Il prit sa retraite en 1774, mécontent du rang civil de conseiller privé actuel qui lui était conféré, mais, douze ans plus tard, le 28 juin 1786, fut de nouveau nommé commandant en chef de Moscou avec le grade de général en chef. „Sa mémoire affaiblie et ses forces épuisées par la maladie“ ne lui laissaient que peu de ressources, et, le 19 février 1790, il donna sa démission. Il mourut subitement le 7 février 1805 en faisant sa partie, et fut inhumé au bourg d'Ouspenskoïé, gouvernement de Kalouga. Il avait épousé Elisabeth Mikhaïlowna Léontieff († 1800), mais n'eut pas d'enfants.

Eropkine était le type du gentilhomme russe de vieille roche. Bel homme et de première force dans sa jeunesse, élevé à l'ancienne mode et ne parlant aucune langue étrangère, il avait de l'esprit et du goût pour la lecture; pieux et dévot, il lisait chaque jour la vie du saint dans le Ménologe. Dans son désintéressement, il n'exigeait de ses paysans qu'une modique redevance et ne demandait rien au Trésor: „Je vis de ce que j'ai“, disait-il, „je ne fais pas de dettes; nous ne sommes que deux, pas d'enfants, de la fortune: à quoi bon thésauriser?“ Il pratiquait de plus la vieille hospitalité russe. Son extérieur, à commencer par sa perruque à trois marteaux, et son genre de vie avaient le grand air du temps passé; il ne sortait pas sans piqueurs, ni sans trompettes pour sonner les arrêts. Il jouissait à Moscou de l'estime générale.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

Княгиня НАТАЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА РЕПНИНА, 1757—1798, дочь генераль-аншефа и оберъ-штабмейстера князя Александра Борисовича Куракина (р. 1697 г., † 1749 г.) отъ брака съ Александрой Ивановой Паниной (р. 1711 г., † 1786 г.), родилась 7 Апрѣля 1757 года. Въ супружество съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ вступила она 20 Января 1754 года. Бракъ этотъ былъ очень счастливъ; княгиня Репнина была нѣжной матерью и женой, и обожаема мужемъ и дочерьми; мужского потомства она не оставила, и послѣ смерти князя П. В. Репнина фамилія Репниныхъ перешла въ родъ старшей ея дочери, Александры, бывшей замужемъ за княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Волконскимъ (въ лицѣ старшаго ихъ сына князя Николая Григорьевича Волконскаго-Репнина); другая дочь ея, Прасковья, вышла за князя Ѳ. П. Голицына, скончалась еще при жизни родителей въ 1784 году; третья, Дарья, была замужемъ за барономъ Каленбергомъ. Изъ нихъ любимцею матери была княгиня А. П. Волконская, и у нея постоянно проживала княгиня Наталія Александровна во время частыхъ отлучекъ мужа, вызывавшихся его боевою службою. Съ назначеніемъ его въ 1792 году Виленскимъ, Гродненскимъ, Лифляндскимъ и Эстляндскимъ генераль-губернаторомъ, она перѣехала въ Гродну, гдѣ находился въ то время король Станиславъ-Августъ, постоянно проводившій время въ семьѣ Репниныхъ; 31 Декабря 1794 г. княгиня П. А. Репнина была пожалована въ статусъ-дамы, а въ 1798 г., въ день коронаціи Императора Павла I, получила орденъ св. Екатерины 1-й степени.

Въ томъ же году, въ лѣтней генераль-губернаторской резиденціи, Звѣринцѣ, близъ Вильны, княгиня Репнина и находившаяся при ней ея дочь, княгиня Волконская, въ одинъ и тотъ же день сильно заболѣли; болѣзнь княгини Репниной, имѣвшей еще силу вначалѣ ухаживать за больной дочерью, быстро приняла опасный оборотъ; призванные лѣкаря не распознали недуга, которымъ она страдала, и въ понедѣльникъ 22 Мая, въ 6½ часовъ утра, княгиня Репнина скончалась; послѣдними ея словами, обращенными къ мужу, были: „Богъ меня исцѣлитъ“. Дочь ея сама въ это время находилась при смерти, и все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на стараго фельдмаршала, что, дождавшись выздоровленія дочери, онъ оставилъ Сѣверо-Западный край.

Княгиня П. А. Репнина была похоронена въ Звѣринцѣ же, въ Закретской рошѣ, на берегу рѣки Вилии, и надъ могилой ея поставлена часовня. Въ 1812 году могила эта была разрыта французами, выкопавшими тѣло княгини съ цѣлью похищенія драгоценностей.

(Съ портрета Крафта; собственность князя Ѳ. А. Куракина, с. Надеждино, Саратовской губ.)

La princesse NATALIE ALEXANDROWNA REPNINE, 1757—1798, fille du général en chef et grand écuyer prince Alexandre Borissowitch Kourakine (1697—1749) et d'Alexandrine Ivanowna, née Panine (1711—1786), naquit le 7 avril 1757. Elle épousa le 20 janvier 1754 le général feld-maréchal prince Nicolas Vassiliewitch Repnine. Ce mariage fut très heureux: tendre mère et tendre épouse, la princesse était adorée de son mari et de ses filles; elle n'eut pas de descendance mâle, et, à la mort de son mari, le nom de Repnine passa dans la famille de sa fille aînée Alexandrine, mariée au prince Grégoire Serguéewitch Wolkonsky, par leur fils le prince Nicolas Grigoriewitch Wolkonsky-Repnine; sa seconde fille Prascovie épousa le prince Th. Golitzyne et mourut en 1784 du vivant de ses parents; la troisième Daria épousa le baron Kahlenberg. L'aînée était la préférée de la mère, qui ne manquait jamais de venir habiter chez elle lors des fréquentes campagnes de son mari. Lorsque celui-ci eut été nommé en 1792 général gouverneur de Vilna, Grodno, de Livonie et d'Esthonie, la famille alla résider à Grodno, et eut pour hôte assidu le Roi Stanislas-Auguste, alors fixé dans cette ville. La princesse Repnine fut faite le 31 décembre 1794 dame d'honneur, et, en 1798, le jour du couronnement de Paul Ier, dame de Ste-Catherine de 1re classe.

Cette même année, à la résidence d'été du général gouverneur, Zvérinetz, près Vilna, la princesse Repnine et sa fille la princesse Wolkonsky, qui se trouvait près d'elle, tombèrent le même jour gravement malades. La maladie de la mère, qui eut d'abord la force de soigner sa fille, prit rapidement une tournure dangereuse, et l'emporta le lundi 22 novembre, à six heures et demie du matin, sans que les médecins eussent pu faire un diagnostic sûr. Les dernières paroles de la mourante, adressées à son mari, furent: „Dieu m'a guérie“. Sa fille était elle-même à ce moment à l'article de la mort, et tous ces malheurs bouleversèrent à tel point le vieux feld-maréchal, que, dès qu'il vit sa fille rétablie, il quitta le pays.

La princesse Repnine fut inhumée à Zvérinetz même, sur les bords de la Vilia, et une chapelle fut élevée sur sa tombe. En 1812, la sépulture fut violée par les Français, qui déterrèrent le corps pour enlever les bijoux.

(D'après un original de Krafft appartenant au prince Th. Kourakine, Nadejdino, gouv. de Saratoff.)

Князь **НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РЕПНИНЪ**, 1754—1801, сынъ генераль-фельдцейхмейстера князя Василя Аникитича, 14-лѣтъ отъ роду принявъ участіе въ заграничномъ походѣ съ отцомъ, посланнымъ съ арміею на помощь Маріи-Терезіи и во время этого похода умершимъ. Затѣмъ онъ долго жилъ за границей, гдѣ получалъ „дѣльное нѣмецкое воспитаніе“. По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой и онъ участвовалъ, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Берлинъ. Въ 1763 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, но уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву, гдѣ ему было поручено защищать интересы диссидентовъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла и слова его: „Такова воля Императрицы“, имѣли рѣшающее значеніе. Какимъ почетомъ пользовался Репнинъ въ Варшавѣ, видно изъ того, что въ театрѣ ожидали его пріѣзда въ то время, когда король уже сидѣлъ въ своей ложѣ. Авторитетъ посла Россіи усиливало еще присутствіе значительнаго русскаго военнаго отряда. Въ 1768 г. Репнинъ добился утвержденія договора, обезпечившаго свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права для всѣхъ диссидентовъ. Дѣятельность Репнина вызвала къ нему непамять со стороны части Польской аристократіи. Составился даже заговоръ на его жизнь, по король своевременно извѣстилъ его объ угрожающей ему опасности. Вскорѣ Репнину пришлось выдвинуться и на военномъ поприщѣ. Во время 1-й Турецкой войны онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, отличился при Ларгѣ и Кагулѣ и взялъ Измаиль и Кицію. Въ 1771 г., командуя войсками въ Валахіи, разбилъ турокъ при Бухарестѣ. Уѣхавъ затѣмъ изъ арміи на нѣкоторое время, вслѣдствіе недоразумѣній съ главнокомандующимъ, онъ въ 1774 г. участвовалъ во взятіи Силистріи. По окончаніи войны, Репнинъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь, а въ 1776 г. — Смоленскимъ и Орловскимъ генераль-губернаторомъ. Въ 1779 г. онъ былъ посланъ съ войскомъ въ Германію, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ тамъ по поводу Баварскаго наслѣдства, и склонилъ Австрію къ Тешенскому миру, за что былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ Псковскимъ генераль-губернаторомъ. Во время 2-й Турецкой войны, Репнинъ, командуя войсками послѣ отъѣзда Потемкина въ Петербургъ, разбилъ турокъ при Мачинѣ, чѣмъ способствовалъ скорѣйшему заключенію мира. Въ 1792 г. онъ былъ назначенъ Рижскимъ и Ревельскимъ генераль-губернаторомъ, а въ 1794 г. — Виленскимъ и Гродненскимъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II Репнинъ не пользовался милостью Государыни: она была имъ недовольна за сношенія съ Новиковымъ и мартинистами. Павелъ I, высоко цѣнившій его способности, пожаловалъ его въ фельдмаршалы и назначилъ инспекторомъ пѣхоты Литовской и Лифляндской дивизій и Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Репнинъ былъ посланъ въ Берлинъ и Вѣну, чтобы склонить Пруссію и Австрію къ борьбѣ съ Франціей, но посольство его не имѣло успѣха, вслѣдствіе чего его постигла немилость Государя. Уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ и 12 Мая 1801 г. скончался въ своей Подмоховной, селѣ Воронцовѣ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Репнинъ былъ женатъ на княгинѣ Патаціи Александровнѣ Репниной и имѣлъ 5 дочерей. Онъ былъ послѣдній въ древнемъ родѣ князей Репниныхъ.

Репнинъ пользовался большимъ уваженіемъ среди современниковъ; такъ, масонъ Н. В. Лопухинъ просилъ, чтобы на гербѣ его вырѣзали подпись: „Онъ былъ другомъ Репнина“; князь отличался умомъ, благородствомъ, неустрашимостью, добрымъ, но вспыльчивымъ характеромъ, безкорыстіемъ. Обладая большими средствами, онъ отказался отъ 3000 душъ и 50/т. руб., которые хотѣла пожаловать ему Екатерина II, и щедро раздавалъ деньги близкимъ людямъ; въ этомъ отношеніи онъ доходилъ до расточительности. Будучи послѣдніе годы своей жизни въ немилости, онъ тѣмъ не менѣе съ негодованіемъ узналъ о событіи 11 Марта. Репнинъ имѣлъ величавый видъ и гордую осанку, но, по отзыву современника, „душу чаредворца“; съ людьми важными онъ держалъ себя высокомерно, зато съ женщинами былъ крайне любезенъ и питалъ къ нимъ слабость: по преданію, въ Варшавѣ онъ былъ близокъ съ матерью извѣстнаго князя Адама Чарторыйскаго, и молва называла его отцомъ послѣдняго...

Le prince NICOLAS VASSILIEWITCH REPNINE, 1754 — 1801, fils du prince Basile Anikitch Repnine, grand maître de l'artillerie, fit, à l'âge de 14 ans, campagne à l'étranger avec son père, qui, envoyé avec une armée au secours de Marie-Thérèse, y trouva la mort. Il vécut ensuite longtemps à l'étranger, où il reçut „une solide éducation allemande“. A la fin de la Guerre de Sept-Ans, à laquelle il prit part, il fut nommé ambassadeur à Berlin. Fait en 1763 directeur du Corps des Cadets, il fut envoyé quelques mois après à Varsovie comme ministre plénipotentiaire, avec la mission de défendre les intérêts des dissidents. Il y acquit une grande influence sur la marche des affaires, et ses paroles: „Telle est la volonté de l'Impératrice“ eurent une importance décisive. Il était traité à Varsovie avec tant de distinction qu'on l'attendait au théâtre quand le Roi était déjà dans sa loge. L'autorité de l'ambassadeur de Russie était encore accrue par la présence d'un détachement russe considérable. En 1768, il obtint confirmation d'un traité garantissant la liberté de conscience et les droits civils à tous les dissidents. Ses actes lui attirèrent la haine d'une partie de l'aristocratie polonaise, et un complot fut même ourdi contre lui, mais le Roi le prévint à temps du danger qui le menaçait. Bientôt Repnine dut paraître sur le champ de bataille. A la première guerre de Turquie, à la tête d'un corps détaché, il se distingua à Larga et sur le Kagoul, et prit Izmaïl et Kilia. En 1771, à l'armée de Valachie, il défit les Turcs sous Bukarest. Après quelque temps passé loin du théâtre de la guerre à la suite de démêlés avec le commandant en chef, il fut en 1774 à la prise de Silistrie. La guerre terminée, il devint ambassadeur à Constantinople, puis, en 1776, général gouverneur de Smolensk et d'Orel. Envoyé en 1779 avec un détachement en Allemagne lors des difficultés provoquées par la succession de Bavière, il décida l'Autriche à la paix de Teschen, et fut décoré de St-André. Il fut nommé en 1781 général gouverneur de Pskoff. A la seconde guerre de Turquie, il prit le commandement au départ de Potemkine pour Pétersbourg, et remporta la victoire de Matchine, qui hâta la conclusion de la paix. Nommé en 1792 général gouverneur de Riga et Rével, puis, en 1794, de Vilna et Grodno, il cessa d'être en faveur dans les dernières années du règne de Catherine II, mécontente de ses relations avec Novikoff et les Martinistes. Paul Ier, qui faisait grand cas de ses talents, le nomma feld-maréchal, inspecteur de l'infanterie des divisions de Lithuanie et de Livonie, et gouverneur militaire de Riga. Envoyé en 1798 à Berlin et à Vienne pour entraîner la Prusse et l'Autriche contre la France, il échoua dans sa mission, et tomba dès lors en disgrâce. Mis à la retraite, il alla se fixer à Moscou, et mourut le 12 mai 1801 dans sa propriété des environs, au bourg de Worontzoff; il fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé la princesse Natalie Alexandrowna Kourakine, dont il eut trois filles, et fut le dernier représentant de la vieille famille des Repnine.

Repnine était tenu en haute estime par les contemporains; c'est ainsi que le maçon I. Lopoukhine voulut faire ajouter à ses armes la devise: „Il fut ami de Repnine“. Il avait de l'esprit, de la noblesse, de l'intrépidité, un bon caractère, malgré son emportement, et beaucoup de désintéressement. Possesseur d'une grosse fortune, il refusa les 3000 têtes de paysans et les 50.000 roubles que voulait lui donner Catherine II; il faisait de grandes largesses dans son entourage, poussant même la générosité jusqu'à la prodigalité. La disgrâce où il passa ses dernières années ne l'empêcha pas d'être consterné de l'événement du 11 mars. Avec son air de majesté et son attitude fière, c'était, dit un contemporain, „une âme de courtisan“; affectant la hauteur avec les grands, il était avec les femmes d'une extrême amabilité: il avait un faible pour le beau sexe, et aurait été, dit-on, à Varsovie, intime de la mère du fameux prince Adam Czartoryski.

(D'après l'original d'Ivachkewitch, Musée Alexandre III.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТОЛСТАЯ, 176. — 1825, старшая дочь Екатерининского генераль-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского (р. 1727 г., † 1793 г.) и княгини Елены Пикитичны, рожденной княжны Трубецкой, была замужем съ 1788 г. за Могилевскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Дмитріемъ Александровичемъ Толстымъ (р. 1754 г., † 30 Июня 1832 г.), старшимъ братомъ оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича и извѣстнаго генерала, посла въ Парижѣ графа Петра Александровича. Первый годъ послѣ свадьбы Толстые жили въ Москвѣ, а затѣмъ, по свидѣтельству Державина, поселились въ домъ генераль-прокурора.

У графини Е. А. Толстой было многочисленное семейство, состоявшее изъ 5 сыновей и 8 дочерей, а именно: Александръ (р. 1794 г., † 1856 г.; полковникъ), Николай (р. 1796 г., † 186.; полковникъ), Павелъ (р. 1797 г., † 29 Октября 1875 г.; гофмейстеръ двора принца П. Г. Ольденбургскаго), Михаилъ (р. 1804 г.; дѣйств. статскій совѣтникъ), Константинъ (р. 1806 г.; майоръ), Александра (р. 20 Октября 1785 г., † 22 Августа 1847 г.; за генераль-адъютантомъ М. Ф. Влодекъ), Елена (р. 1789 г., † въ дѣтствѣ), Евдокія (р. 1791 г., † 1856 г.; за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ А. П. Лачиновымъ), Паталія (р. 1793 г.; фрейлина), Елизавета (р. 1798 г.; за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ М. П. Голыскимъ), Екатерина (р. 12 Ноября 1805 г., † 10 Января 1871 г.; за генераль-майоромъ П. П. Голубцовымъ), Анна (р. 1806 г., † 1853 г.; дѣвица) и Елена (р. 1808 г., † въ молодости).

Графиня Е. А. Толстая умерла 24 Июня 1825 г. и похоронена въ церкви св. Василія въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

На миниатюрѣ пишется подпись: „Annette, 1816“. Есть основаніе думать, что она писана младшей сестрой графини Толстой, дюшессой Анной Александровной Сетра-Каприола (р. 1770 г., † 1840 г.; см. т. II, № 103), которая занималась живописью и рисовала акварелью.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse CATHERINE ALEXANDROWNA TOLSTOÏ, 176.—1825, fille aînée du prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky (1727—1795), procureur général sous Catherine II, et de la princesse Hélène Nikititchna, née princesse Troubetzkoï, épousa en 1788 le comte Dmitri Alexandrowitch Tolstoï (1754—30 juin 1832), conseiller privé, gouverneur de Mohileff, frère aîné du comte Nicolas Tolstoï, grand maréchal de la Cour, et du comte Pierre Tolstoï, général, connu comme ambassadeur à Paris. Ils passèrent la première année de leur mariage à Moscou, puis, au témoignage de Derjavine, allèrent habiter chez le procureur général.

La comtesse Tolstoï eut une nombreuse famille de cinq fils et huit filles, Alexandre (1794—1856), colonel, Nicolas (1796—186.), colonel, Paul (1797—29 octobre 1875), maître de la cour du prince P. d'Oldenbourg, Michel (né 1804), conseiller d'état actuel, Constantin (né 1806), major, Alexandrine (20 octobre 1785—22 août 1847), mariée au général aide de camp M. Wlodek, Hélène (née 1789, morte enfant), Eudoxie (1791—1856), mariée au conseiller d'état actuel A. Latchinoff, Natalie (née 1795), demoiselle d'honneur, Elisabeth (née 1798), mariée au conseiller d'état actuel M. Golynsky, Catherine (12 novembre 1805—10 janvier 1871), mariée au général major P. Goloubtsoff, Anne (1806—1853), non mariée, et Hélène (née 1808, morte jeune).

La comtesse Tolstoï mourut le 24 juin 1825, et fut inhumée dans l'église St-Basile, au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

La miniature ci-jointe porte la mention: „Annette, 1816“, qui donne à penser qu'elle est de la jeune sœur de la comtesse Tolstoï, Anne, duchesse de Serra-Capriola (1770—1840; v. T. II, № 103), connue pour avoir fait de la peinture et de l'aquarelle.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АНИА ПЕТРОВНА КОЖУХОВА, 1793 — 1827, дочь князя Петра Николаевича Трубецкого (р. 1773 г., † 16 Января 1801 г.) отъ брака съ Надеждой Ивановной Пестовой, родилась 29 Декабря 1793 года. Въ замужствѣ была за Курскимъ губернаторомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Степановичемъ Кожуховымъ.

Вигель, который былъ знакомъ съ братомъ Кожуховой, княземъ Ю. П. Трубецкимъ, однажды долженъ былъ доставить по дорогѣ А. С. Кожухову посылку отъ князя и оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія строки, посвященныя Кожуховымъ: „Онъ (губернаторъ) встрѣтилъ меня посреди проспектовъ и залъ безъ стульевъ; важность, съ которою игралъ онъ роль свою, мнѣ понравилась. Начальнику русской губерніи, которая народонаселеніемъ равняется Норвежскому королевству, не подобаетъ вести себя паравнѣ со всѣми, какъ, къ сожалѣнію, сіе нынѣ дѣлается. Онъ обошелся со мной, какъ съ Петербургскимъ пріѣзжимъ, и сказалъ, что, какъ я самъ вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мною, и проситъ часа въ 2 пожаловать къ нему на дачу обѣдать... Кожуховъ представилъ меня жепѣ своей, Аннѣ Петровнѣ. Она совсѣмъ не была красавицей, но трудно было найти мнѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гибче ея стана. Говорили, что Императоръ Александръ былъ къ ней неравнодушенъ, и заключалъ изъ того, что въ проѣзды черезъ Курскъ онъ всегда лишній день съ нею оставался, а она всякую зиму мѣсяца на 2 ѣздила въ Петербургъ. Ну что за бѣда, если бы и правда! Самъ Кожуховъ былъ не очень высокаго роста, крѣпко тѣломъ, бѣлъ и румянъ. Правда, онъ деспотствовалъ въ губерніи, да какъ же иначе тамъ, гдѣ вѣковѣчные безпорядки иногда одною силою придавливаются. При немъ они почти прекратились“. Позднѣе, послѣ кончины Александра I, въ 1826 г., Кожуховъ, по словамъ Вигеля, былъ „безжалостно отставленъ“.

А. П. Кожухова умерла въ Москвѣ 29 Марта 1827 года и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. На памятникѣ ея—„Пезабвенному другу отъ неутѣшлага супруга съ четырьмя дѣтьми“—находятся слѣдующіе стихи:

„Мнѣ не дали омытъ твой милый прахъ слезами,
Внезапно, безъ меня ты въ вѣчность преселилась!
Страдать—вотъ мой удѣлъ, назначенный судьбами,
Но ненадолго ты со мною разлучилась!“

(Съ миниатюры, принадлежащей графу Д. П. Толстому, въ С.-Петербургѣ.)

ANNE PÉTROWNA KOJOUKHOFF, 1795—1827, fille du prince Pierre Nikolaewitch Troubetzkoï (1773—16 novembre 1801) et de Nadejda Ivanowna, née Pestoff, naquit le 29 décembre 1795. Elle épousa le conseiller d'état actuel Alexis Stépanowitch Kojoukhoff, gouverneur de Koursk.

Wiegel connaissait son frère, le prince Y. Troubetzkoï, qui profita d'un de ses voyages pour le charger d'une commission pour Kojoukhoff; il fait de cette entrevue le récit suivant dans ses Mémoires: „Il vint à moi dans une salle dépourvue de sièges et encombrée de solliciteurs. La gravité avec laquelle il jouait son rôle me plut: le chef d'une province russe aussi peuplée que le royaume de Norvège ne doit pas se tenir sur un pied d'égalité avec tout le monde, comme cela se fait malheureusement aujourd'hui. Il me traita comme un voyageur venu de Pétersbourg, et me dit que, comme je le voyais, il n'avait pas le temps de s'occuper de moi et me pria de venir dans une couple d'heures dîner à sa villa... Il me présenta sa femme Anne Pétrowna; elle n'avait rien d'une beauté, mais il était difficile de trouver plus charmant ni plus tendre que sa voix, son regard et son sourire, plus élégant ni plus souple que sa taille. On dit qu'elle ne laissa pas indifférent l'Empereur Alexandre, et on conclut de là qu'en passant à Koursk, il trouvait toujours un jour supplémentaire à lui consacrer, et qu'elle, de son côté, allait chaque hiver passer deux mois à Pétersbourg. Et quand c'eût été la vérité, où serait le mal? Kojoukhoff, lui, n'était pas très grand, vigoureux, le teint frais et rose. Un peu despote, à la vérité, dans son gouvernement; mais comment faire, avec des désordres séculaires qui ne cèdent parfois qu'à la force! Il y mit presque fin“. Plus tard, après la mort d'Alexandre Ier, en 1826, il fut, dit Wiegel, „révoqué sans pitié“.

Mme Kojoukhoff mourut à Moscou le 29 mars 1827, et fut inhumée au monastère Novodévitchi. On lit sur son monument („A l'inoubliable amie, son époux inconsolable et ses quatre enfants“) les vers suivants:

„De larmes je n'ai pu mouiller ta chère cendre:

„Pourquoi si loin de moi quitter soudain ce monde?

„Souffrir, voilà mon sort, fixé par le Destin;

„Mais nous ne sommes pas pour longtemps séparés!“

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

Графиня ЭМИЛИЯ КАРЛОВНА МУСИННА-ПУШКИНА, 1810—1846, дочь Выборгского губернатора сенатора Карла-Юганна-Эмилия Шернваль отъ брака съ Полиной Гассеръ, родилась 29 Января 1810 г.; сестра извѣстной красавицы Авроры Карловны Демидовой, во второмъ бракѣ Карамзиной (р. 28 Июля 1813 г., † 30 Апрѣля 1902 г.), Эмилия Карловна Шернваль 4 Мая 1828 г. вышла замужъ за графа Владиміра Алексѣевича Мусина-Пушкина (р. 31 Марта 1798 г., † 1854 г.), отъ котораго имѣла троихъ сыновей: Владиміра (р. 1832 г.), Алексѣя (р. 1854 г., † 1890 г.) и Александра († 1854 г.), и дочь Марію († 1889 г.; въ замужствѣ за бывшимъ министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи Линдеромъ).

Графиня Эмилия Карловна Мусина-Пушкина, умершая еще въ молодыхъ годахъ, 17 Ноября 1846 г., въ с. Борисоглѣбѣ, Мологскаго уѣзда, какъ и ея сестра, знаменитая Аврора, считались первыми красавицами своего времени. „Финляндскія звѣзды“—обѣ онѣ получили хорошее образованіе, и трудно было рѣшить, которая изъ сестеръ лучше. Графъ В. Соллогубъ говоритъ о Мусиной-Пушкиной въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Многіе предпочитали Аврорѣ ея сестру, графиню Мусину-Пушкину. Трудно было рѣшить, кому изъ обѣихъ сестеръ слѣдовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть-можетъ, еще обаятельнѣе своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнѣе и строже“.

А. Я. Булгаковъ съ восторгомъ отзывался въ письмахъ объ Эмилиі Карловнѣ; 28 Декабря 1832 г. онъ писалъ брату: „Ну, братъ, что за красавица Пушкина, жена Володина! Я не люблю блондинокъ, но вчера на нее залюбовался; къ тому же одѣта она была прекрасно, съ голубыми перьями на головѣ, а этотъ цвѣтъ идетъ къ ней очень. Скажи Вяземскому, что она рѣшительно лучше сестры своей“. Два года спустя, онъ также расхваливалъ ея качества своей дочери Ольгѣ: „Quelle douceur, quel esprit, quelle amabilité“. Пѣкаторыя о ней свѣдѣнія можно найти еще въ запискахъ М. А. Цаткуль, рожденной маркизы де-Траверсе.

Лермонтовъ (въ 1840 г.) посвящалъ ей слѣдующее стихотвореніе:

„Графиня Эмилія	И небо Италіи
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;	Въ глазахъ ея свѣтлѣя;
Стройнѣй ея таліи	Но сердце Эмиліи
На свѣтѣ не встрѣтится,	Подобно Бастиліи!“

(Съ миниатюры, принадлежащей Гейльмару Линдеру, Сварто, въ Финляндіи.)

La comtesse ÉMILIE KARLOWNA MOUSSINE-POUCHKINE, 1810—1846, fille du gouverneur de Viborg et sénateur Charles-Jean-Emile Schernwall et de sa femme, née Pauline Hasser, naquit le 29 janvier 1810. Sœur de la fameuse beauté Aurore Karlowna Démidoff, en secondes noces Karamzine (28 juillet 1815—30 avril 1902), elle épousa le 4 mai 1828 le comte Vladimir Alexéewitch Moussine-Pouchkine (31 mars 1798—1854), dont elle eut trois fils, Vladimir (né 1832), Alexis (1834—1890) et Alexandre († 1854), et une fille Marie († 1889), mariée à l'ancien ministre secrétaire d'état de Finlande Linder. Elle mourut encore jeune à Borissoglebsk, district de Mologa, le 17 novembre 1846.

La comtesse Moussine-Pouchkine et sa sœur, la célèbre Aurore, passaient pour les premières beautés du temps: ces „étoiles de la Finlande“ reçurent toutes deux une bonne instruction, et il était difficile de dire laquelle était la plus belle. Le comte B. Sollogub dit de la comtesse Moussine-Pouchkine: „Beaucoup la préféraient à sa sœur Aurore. On aurait eu peine à décider à laquelle revenait la palme: la comtesse exerçait peut-être une fascination encore plus grande que sa sœur, mais celle-ci était d'une beauté plus plastique et plus sévère“.

Alexandre Boulgakoff parle avec enthousiasme dans ses lettres de la comtesse Moussine-Pouchkine: „Ah! mon ami“, écrit-il à son frère le 28 décembre 1852, „quelle beauté, la femme de Vladimir! Je n'aime pas les blondes, mais hier je ne me suis pas lassé de l'admirer; et puis elle était fort bien habillée, avec des plumes bleues dans les cheveux, et c'est une couleur qui lui va très bien. Dis à Viazemsky qu'elle est décidément mieux que sa sœur“. Deux ans plus tard, il fait aussi l'éloge de ses qualités à sa fille Olga: „Quelle douceur, quel esprit, quelle amabilité!“ Il est encore question d'elle dans les Mémoires de Mme Patkul, née marquise de Traversay.

Lermontoff lui consacra en 1840 les vers suivants:

„La comtesse Emilie
 „Est plus blanche qu'un lys;
 „Taille plus fine au monde
 „On ne saurait trouver,
 „Et le ciel d'Italie
 „Resplendit dans ses yeux.
 „Mais le cœur d'Emilie
 „Est une vraie Bastille!“

(D'après une miniature appartenant à M. Hjalmar de Linder, Swartö, Finlande.)

АГЛАЯ АНТОНОВНА ДАВЫДОВА, 1787—1842, родилась въ Версали 17 Января (н. ст.) 1787 года; мать ея рано умерла, а отецъ, графъ де-Грамонъ (de Gramont), эмигрировалъ и жилъ при Людовикѣ XVIII, во время пребыванія его въ Россіи; его дочь, Аглая-Анжелика-Габріель, „вѣтрепалъ и кокетливая, какъ истая французенка, искала въ шумѣ развлеченій средства не умереть со скуки въ варварской Россіи“, пока, наконецъ, въ Августѣ 1804 г. не вышла замужъ въ Митавѣ за кавалергардскаго полковника Александра Львовича Давыдова (р. 1773 г.). Отправляясь въ походъ, Давыдовъ 12 Января 1807 г. писалъ дядѣ, графу А. Н. Самойлову: „Жену я оставилъ въ Митавѣ, во дворцѣ у Louis XVIII. Комнаты ея подлѣ королевскихъ, которая, сохраняя нѣжную память къ покойной матери жены моей, любитъ жену мою, какъ она заслуживаетъ, доказываетъ свою привязанность во всякой минутѣ и благодарила меня за удовольствіе, что я ей въ ея несчастіи доставилъ. Отецъ же Аглаіевъ недалеко отъ ея комнатъ живетъ и, какъ сущій дворецкій, управляетъ ея дѣлами и любитъ ее чрезвычайно. Дочь Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, также на всякомъ шагѣ доказываетъ женѣ моей свою дружбу“. Молодой герой, богатъ, человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, Давыдовъ, любившій жить роскошно и широко, былъ самымъ подходящимъ мужемъ для Аглаи. Всецѣло погруженный въ гастрономическіе вопросы, составившій даже гастрономическую карту Европы, онъ предоставлялъ полную свободу своей молодой женѣ; сонливый, растолстѣвшій, Давыдовъ заслужилъ отъ друзей прозвище „величаваго рогоносца“. Давыдовы жили въ с. Каменкѣ, Чигиринскаго уѣзда; въ этой „маленькой Капуѣ“ жилось весело: гости ѣли, пили, ухаживали за Аглаей и острили надъ радужнымъ хозяиномъ. Денисъ Давыдовъ проводилъ тутъ время въ 1809 г. и ухаживалъ за „волшебницей“. По словамъ его сына, „Аглая была въ Каменкѣ магнитомъ, привлекающимъ къ себѣ всѣхъ желѣзныхъ дѣтелей славнаго Александровскаго времени; отъ главнокомандующихъ до корнетовъ все жило и ликовало въ Каменкѣ, но, главное, умирало у ногъ прелестной Аглаи“. Увлеченный Денисъ писалъ ей: „Если бѣ боги милосердые | Были боги справедливости, | Если бѣ ты лишилась прелестей, | Нарушая обещанія,— | Я бы, можетъ-быть, осѣбился | Быть невольникомъ преступницы. | Но, Аглая, какъ идешь къ тебѣ | Быть лукавой и обманчивой! | Ты измѣнишь—и прекраснѣе! | И уста твои румяныя | Еще болѣе румянятся | Новой клятвой, новой выдумкой! | Ты улыбкою небесною | Разрушаешь всѣ намѣренія | Разлюбить неразлюбимую!“... Позднѣе она сдѣлала удачную попытку увлечь Пушкина, и результатомъ явилось стихотвореніе „Аглаѣ“ (1821 г.):

„И вы повѣрить мнѣ могли...
Послушайте, вамъ тридцать лѣтъ,
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ...
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца падоули...
Я вами точно былъ плѣнень!
Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы...“

Мы поклялись... потомъ... уви!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я—наперсницу Наташу.
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы—старшей дочери своей,
Я—своему меньшому брату...
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить“.

И Пушкинъ написалъ, дѣйствительно, краткую, по злому эпиграмму, начинающуюся словами: „Иной пылъ мою Аглаю...“

Овдовѣвъ въ 1833 г., Аглая Давыдова уѣхала во Францію и тамъ вышла замужъ за маршала графа Себастьяни (р. 1772 г., † 1851 г.). Умерла она 53 лѣтъ, 21 Февраля 1842 г. въ Парижѣ; отъ брака съ Давыдовымъ у ней были сынъ Владиміръ и 2 дочери, которыхъ она обратила въ католичество: одна—Адель, которой Пушкинъ написалъ стихи: „Играй, Адель, не знай печали...“, умерла католической монахиней, другая—Екатерина, была въ замужествѣ за маркизомъ де-Габріакъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

AGLAË ANTONOWNA DAVYDOFF, 1787—1842, naquit à Versailles le 17 janvier (n. st.) 1787. Elle perdit sa mère de bonne heure, et son père, le comte de Gramont, émigra et resta avec Louis XVIII pendant son séjour en Russie. La jeune Aglaë-Angélique-Gabrielle, „frivole et coquette, une vraie française, chercha dans le bruit des distractions le moyen de ne pas mourir d'ennui dans la barbare Russie“, et finit par épouser à Mittau, en août 1804, le colonel de Chevaliers-Gardes Alexandre Lvowitch Davydoff (né 1773). Partant en campagne, Davydoff écrivait le 12 janvier 1807 à son oncle le comte A. Samoiloff: „J'ai laissé ma femme à Mittau, au palais de Louis XVIII. Son appartement est contigu à celui de la Reine, qui, tendrement attachée à la mémoire de sa défunte mère, l'aime comme elle le mérite, lui prouve à toute minute son affection et m'a remercié de la satisfaction que je lui ai donnée dans son malheur. Quant au père d'Aglaë, il n'habite pas loin d'elle non plus, et, en bon majordome, gère ses affaires et l'aime infiniment. La fille de Louis XVI, la duchesse d'Angoulême, témoigne incessamment aussi son amitié à ma femme“. Jeune héros, riche, d'une taille colossale et d'une force extraordinaire, Davydoff, avec son goût pour la vie large et luxueuse, était bien le mari qu'il fallait: complètement absorbé dans des questions gastronomiques, auteur même d'une carte gastronomique de l'Europe, il laissait à sa jeune femme la plus entière liberté; somnolent et obèse, ses amis le nommaient „le cornard majestueux“. Les Davydoff habitaient le bourg de Kamenka, district de Tchiguirine; on ne s'ennuyait pas dans cette „petite Capoue“: les invités mangeaient, buvaient, courtoisaient Aglaë et faisaient des gorges chaudes du bonhomme. Denis Davydoff vint passer quelque temps en 1809 et courtoisa la „charmante“. Au témoignage de son fils, „Aglaë était à Kamenka l'aimant qui attirait tous ces hommes de fer du glorieux temps d'Alexandre; depuis les commandants en chef jusqu'aux cornettes, on s'en donnait à cœur joie, à Kamenka, mais surtout on mourait aux pieds de la charmante Aglaë“. Denis, transporté, lui écrivait:

„Si les dieux de miséricorde	„Tu me tromperais: eh, tant mieux!
„Etaient aussi dieux de justice,	„Car alors tes lèvres vermeilles
„Et qu'en violant tes promesses,	„Seraient plus vermeilles encore
„Tu dusses perdre tes appas,	„D'autres serments, d'autres mensonges!
„Alors peut-être j'oserais	„Et ton angélique sourire
„D'une coupable être l'esclave.	„Fait passer toute intention
„Mais, Aglaë, comme il te sied	„De te maudire, Immaudissable!“
„D'être astucieuse et perfide!	

Elle s'attaqua plus tard avec succès à Pouchkine, et ce fut l'origine de la pièce de vers Aglaë (1821):

„Vous avez aussi pu me croire!...	„Nous avons juré... puis, hélas!
„Ecoutez, vous avez trente ans,	„Ensuite oublié nos serments:
„Moi, vingt passés. J'ai vu le monde...	„Vous vous êtes pris un hussard,
„Serments, pleurs me semblent risibles,	„Et moi, ma chère Natacha.
„Frasques pour moi n'ont plus de charme;	„Laissons donc les feux du jeune âge,
„Vous aussi, de votre côté,	„Quand nous penchons vers le déclin,
„Les troubles du cœur vous ennuiant...	„Vous à votre plus grande fille,
„Vous m'aviez comme captivé!	„Nous à notre plus jeune frère...
„J'ai fait semblant d'être amoureux,	„Pour eux, c'est le moment d'aimer,
„Et vous, d'en être effarouchée...	„Nous, nous n'avons plus qu'à médire“.

Et Pouchkine composa effectivement la courte, mais méchante épigramme qui commence ainsi:

„Un autre a pris mon Aglaë“...

Devenue veuve en 1835, Aglaë Davydoff partit pour la France et s'y remaria au maréchal comte Sébastiani (1772—1851). Elle mourut à Paris le 21 février 1842, à l'âge de 55 ans. Elle avait eu de son mariage avec Davydoff un fils Vladimir, et deux filles qu'elle convertit au catholicisme: l'une, Adèle, à qui Pouchkine adresse la poésie:

„Joue, Adèle, n'aie point de peine!“...

mourut religieuse catholique; l'autre, Catherine, épousa le marquis de Gabriac.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ МАТВѢЙ ПВАНОВИЧЪ ПЛАТОВЪ, 1755—1818, происходилъ изъ казаковъ, но отецъ его, Иванъ Федоровичъ (р. 1725 г., † послѣ 1774 г.), былъ уже полковникомъ; Платовъ родился 8 Августа 1755 г. въ Старочеркасской станицѣ и 13-и лѣтъ поступилъ на службу урядникомъ. Ему пришлось принять участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, во время которой онъ привлекъ вниманіе главнокомандующаго князя В. М. Долгорукаго своей выдающейся храбростью и способностями и быстро достигъ чина войскового старшины. По окончаніи войны онъ отличился на Кубани при нападеніи крымцевъ и горцевъ на порученный его охранѣ транспортъ, и подвигъ Платова былъ увѣковѣченъ въ выбитой въ честь его медали. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ подавленіи Пугачевщины и во 2-й Турецкой войнѣ, доставившей ему рядъ наградъ: Георгіевскій крестъ 4-го кл. за Очаковъ, чинъ бригадира за Каушаны, орд. св. Георгія 5-го кл. и чинъ генералъ-майора за штурмъ Измаила, гдѣ „его неустрашимость претворяла всѣхъ въ герои“. Успѣшно дѣйствовалъ Платовъ и во время Персидской войны. При Павлѣ I онъ былъ оклеветанъ, обвиненъ въ пзмѣнѣ и сосланъ въ Кострому, а затѣмъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Только въ концѣ царствованія Павла I обнаружилась истина, и Платовъ, награжденный Мальтійскимъ командорскимъ крестомъ, прямо изъ крѣпости отправленъ былъ на Донъ, чтобы стать во главѣ казачьяго отряда, который былъ посланъ Павломъ завоевывать Индію. Александръ I произвелъ Платова въ генералъ-лейтенанты и назначилъ его войсковымъ атаманомъ. Мирная дѣятельность Платова по управленію и переустройству войска Донского была прервана Наполеоновскими войнами, доставившими войску и его атаману безсмертную славу. Платовъ прибылъ наканунѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау и принесъ столько вреда французамъ, что Наполеонъ называлъ казаковъ „la honte de l'espèce humaine“. Награжденный орденами св. Георгія 2-го кл., Владиміра 2 ст. и Александра Невскаго, Платовъ послѣ Тильзитскаго мира принялъ участіе въ войнѣ съ Турціей, гдѣ приобрѣлъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи и Владимірскую ленту. Во время Отечественной войны онъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ героев. Больше всего пришлось Платову потрудиться во время бѣгства Великой арміи. Онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы не нанести противнику вреда. При одной вѣсти о появленіи казаковъ французы сѣбшши сѣяться съ биваковъ и продолжать отступленіе. Заслуги Платова были оцѣнены Александромъ I, возведшимъ его 29 Октября 1812 г. въ графское достоинство, „во изъявленіе особеннаго благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ его и въ знакъ признательности къ войску Донскому“; наградою за кампанію 1813 г. были Андреевская лента и брилліантовое перо съ вензелемъ Государя для ношенія на шапкѣ. Въ Парижѣ Платовъ вступилъ въ свѣтъ Александра I и сопровождалъ затѣмъ его въ Англію. Непримиримые враги Наполеона—англичане—съ восторгомъ встрѣтили героя, столько содѣйствовавшаго его пораженію. Оксфордскій университетъ поднесъ Платову, не получившему никакого образованія, дипломъ доктора, Лондонъ—драгоценную саблю, принцъ-регентъ пожаловалъ свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными камнями; портретъ Платова былъ повѣшенъ въ королевскомъ дворцѣ. Скончался Платовъ 3 Января 1818 г. и погребенъ на Мишкиской дачѣ, въ 5-хъ верстахъ отъ Новочеркасска, гдѣ при Николаѣ I воздвигнутъ ему памятникъ.

Платовъ, будучи одаренъ выдающимися военными дарованіями и неустрашимостью, не имѣлъ соперниковъ въ томъ дѣлѣ, которое выпало на его долю: онъ умѣлъ воодушевить казаковъ на изумительнѣйшіе подвиги; онъ жилъ всегда одной жизнью со своими донцами и раздѣлялъ съ ними всѣ тягости и лишенія войны. Человѣкъ справедливый, сердечный и простой въ обращеніи, Платовъ пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ; прямой, онъ, однако, ловко умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія, не поступаясь своимъ достоинствомъ. И по достиженіи высокаго положенія Платовъ оставался настоящимъ казакомъ, оберегалъ патріархальные права своихъ родичей и щеголялъ настоящей образной казачьей рѣчью; онъ не отставалъ отъ казаковъ даже въ излишней слабости къ спиртнымъ напиткамъ. Образъ жизни его былъ самый простой: онъ любилъ охоту, рыбную ловлю, лошадей; въ высшей степени гостепріимный, онъ жилъ шире, чѣмъ позволяли его скромныя средства. Платовъ былъ женатъ на вдовѣ Марѣ Дмитріевнѣ Кирсановой, рожд. Мартыновой († 1812 г.), и имѣлъ 2 сыновей, обоихъ Ивановъ, и 4 дочерей: Анну, за Харитоновымъ, и Марію, за Т. Д. Грековымъ, Марѳу, за Плавойскимъ, и Александру.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le comte MATHIEU IVANOWITCH PLATOFF, 1755—1818, était d'origine cosaque, mais son père Ivan Féodorowitch Platoff (1725—après 1774), était déjà colonel; né le 8 août 1755 au bourg cosaque de Starotcherkassk, il débuta au service à 13 ans comme sous-officier. Il prit part à la première guerre de Turquie, s'y fit remarquer du commandant en chef, le prince B. Dolgorouky, par sa bravoure extraordinaire et par ses talents, et reçut bientôt un commandement. Après cette guerre, il se distingua sur le Kouban lors de l'attaque par les Criméens et montagnards d'un transport confié à sa garde, et son exploit fut immortalisé par une médaille frappée en son honneur. Il concourut ensuite à la répression de l'émeute de Pougatcheff, puis fit la seconde guerre de Turquie, qui lui valut une série de récompenses; la croix de St-Georges de 4e classe pour Otchakoff, le grade de brigadier pour Kaouchany, enfin St-Georges de 3e classe et le grade de général major pour l'assaut d'Izmaïl, où „son intrépidité fit de tous des héros“. Il opéra également avec succès à la guerre de Perse. Calomnié et accusé de trahison sous Paul Ier, il fut relégué à Kostroma, puis interné à la Citadelle Pierre-et-Paul. Ce ne fut qu'à la fin du règne que la vérité se découvrit, et Platoff, fait commandeur de l'Ordre de Malte, sortit de prison pour se rendre directement sur le Don et prendre le commandement du détachement de Cosaques destiné par Paul à la conquête de l'Inde. Alexandre Ier le fit général lieutenant et le nomma ataman. Son œuvre pacifique d'organisation et de réforme des Cosaques du Don fut interrompue par les guerres napoléoniennes, gloire immortelle de ces troupes et de leur ataman. Arrivé la veille de la bataille de Preussisch-Eylau, il fit tant de mal aux Français, que Napoléon appela les Cosaques „la honte de l'espèce humaine“. Décoré de St-Georges de 2e classe, de St-Vladimir de 2e classe et de St-Alexandre Newsky, il fit, après la paix de Tilsitt, la guerre de Turquie, qui lui valut le grade de général de cavalerie et le cordon de St-Vladimir. La Guerre Patriotique fit de lui un des héros les plus populaires. C'est surtout à la retraite de la Grande Armée qu'il déploya toute son activité, ne négligeant pas une occasion de faire du mal à l'ennemi: à la seule nouvelle de l'approche des Cosaques, les Français s'empressaient d'abandonner le bivouac et de poursuivre leur retraite. Les services de Platoff furent appréciés par Alexandre Ier, qui l'éleva le 29 octobre 1812 à la dignité de comte „en témoignage de bienveillance particulière pour l'assiduité de son service et le zèle de ses travaux, et en signe de gratitude pour les Cosaques du Don“; la campagne de 1813 lui valut le cordon de St-André et une plume en diamants au chiffre de S. M. pour sa coiffure. Il était de la Suite de l'Empereur à son entrée à Paris, et l'accompagna ensuite en Angleterre. Les Anglais, ces implacables ennemis de Napoléon, accueillirent avec enthousiasme le héros qui avait si puissamment contribué à sa défaite: sans qu'il eût la moindre instruction, l'université d'Oxford lui conféra le diplôme de docteur, Londres lui offrit un sabre de prix, le prince régent lui remit son portrait garni de pierres précieuses, et le portrait de l'ataman fut placé au palais royal. Platoff mourut le 3 janvier 1818 à la villa Michkinsky, à trois verstes de Novotcherkassk; un monument lui fut élevé sous Nicolas Ier.

Platoff, avec ses éminentes capacités d'homme de guerre et son intrépidité, était sans rival pour le genre d'opérations qui lui incombait: il savait entraîner ses Cosaques aux exploits les plus confondants; il vécut toujours de leur vie à eux, partageant avec eux toutes les fatigues et privations de la guerre. Juste, de manières cordiales et simples, il était universellement aimé et estimé; avec sa droiture, il savait user d'adresse pour se tirer d'embarras, sans rien sacrifier de sa dignité. Même parvenu à une situation élevée, il resta vrai Cosaque, sauvegardant les mœurs patriarcales de ses compatriotes et faisant parade de son pur langage imagé de Cosaque; il n'était pas jusqu'à un faible exagéré pour les liqueurs fortes par lequel il n'affirmât son origine. Son genre de vie était des plus simples: il aimait la chasse, la pêche, le cheval; passionné de réceptions, il vivait au-dessus de ses modestes ressources. Platoff avait épousé Marthe Dmitriewna, veuve Kirsanoff, née Martynoff († 1812), dont il eut deux fils, tous deux Ivan, et quatre filles, Anne, mariée à Kharitonoff, Marie, à T. Grékoff, Marthe, à Ilovaïsky, et Alexandrine.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МАРІЯ МАТВѢВНА ГРЕКОВА, 1791—1866, дочь знаменитаго Донскаго атамана графа Матвѣя Платовича Платова, жена генералъ-майора Тимофея Дмитріевича Грекова. Разсказываютъ, что, когда русская армія въ 1812 г. покинула Москву, Платовъ зарекался и затѣмъ объявилъ всѣмъ окружающимъ: „Если кто, хотя бы простой казакъ, доставитъ ко мнѣ Бонапартішку, живого или мертваго, за того выдамъ дочь свою, съ приданымъ въ 50/т. червонцевъ“. По словамъ Чеботарева, въ „Русской Старинѣ“ за 1872 г., когда это объявленіе дошло до Англіи, въ 1814 г. появился въ Лондонѣ портретъ дѣвочки въ національномъ русскомъ костюмѣ съ надписью: „Миссъ Платовъ. По любви къ отцу — отдаю руку, а по любви къ отечеству — и сердце свое“.

Въ „Словарѣ“ Ровинскаго можно найти болѣе точныя указанія и описаніе трехъ англійскихъ гравюръ (и ихъ повтореній и копій), которыя появились по этому поводу, съ полными надписями, которыя на нихъ пмѣются.

(Съ портрета Пашковскаго, 1813 г.; собственность М. И. Алфераки, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE MATVÉEWNA GRÉKOFF, 1791—1866, fille du comte Mathieu Ivanowitch Platoff, le célèbre ataman des Cosaques du Don, épousa le général major Timothée Dmitriewitch Grékoff. On raconte que, lorsque l'armée russe évacua Moscou en 1812, Platoff éclata en sanglots et déclara: „Celui qui m'apportera Bonaparte mort ou vif, serait-il simple cosaque, je lui donne ma fille avec 50.000 ducats de dot“. Au témoignage de Tchébotareff (Rousskaïa Starina, 1872), quand cette annonce fut connue en Angleterre, il parut à Londres en 1814 une gravure représentant une jeune fille en costume national russe, avec la légende: „Miss Platoff. Pour l'amour de mon père, je donne ma main; pour l'amour de ma patrie, je donne aussi mon cœur“.

On peut trouver dans le Dictionnaire de Rovinsky des indications plus précises et la description de trois gravures anglaises publiées à cette même occasion, avec leurs reproductions et copies, ainsi que les légendes entières qui les accompagnent.

(D'après un original de Pachkowsky, 1813, appartenant à M. Alferaki, St-Petersbourg.)

КОНСТАНТИНЪ МАРКОВИЧЪ ПОЛТОРАЦКІЙ, 1782—1858, изъ дворянъ Тверской губерніи, сынъ директора Придворной пѣвческой капеллы Марка Федоровича, женатаго на Агаѳоклей Александровнѣ Шипковой, родился въ С.-Петербургѣ 21 Мая 1782 г.; началъ службу въ Семеновскомъ полку, куда былъ записанъ фурыеромъ 24 Марта 1784 г.; 8 Сентября 1798 г. произведенъ въ прапорщики, 27 Октября 1800 г.—въ поручики, при чемъ 6 Октября 1804 г. назначенъ полковымъ адъютантомъ, а 14 Августа 1805 г. произведенъ въ штабъ-капитаны. За участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-го кл., а во время Прусскаго похода находился въ дѣлахъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за который получилъ Владиміра 4-й ст. и произведенъ 17 Августа 1807 г. въ капитаны; произведенный 12 Сентября 1808 г. въ полковники, Полторацкій участвовалъ въ Молдавскомъ походѣ 1810 и 1811 гг. командиромъ Нейшлотскаго полка и за сраженіе при Батинѣ и взятіе Ловчи награжденъ золотымъ оружіемъ и Владиміромъ 3-й ст.; 10 Января 1812 г. онъ былъ назначенъ шефомъ Тифлискаго пѣхотнаго полка, а 12 Марта переведенъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ. Во время Отечественной войны и кампаніи 1813 г. Полторацкій участвовалъ во многихъ дѣлахъ и за сраженіе при с. Городечнѣ (31 Іюля) награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.; въ составѣ Сѣверной арміи Полторацкій дѣйствовалъ въ герцогствѣ Варшавскомъ и участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Торнъ; за дѣло при мѣстечкѣ Кенигсваргѣ 7 Мая 1815 г. произведенъ въ генералъ-майоры, затѣмъ участвовалъ въ бояхъ при Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ, гдѣ заслужилъ орденъ: св. Анны 1-й ст., Прусскаго Орла 2-й ст. и Шведскій Военнаго Меча. Въ 1814 г., 8 Января, ему поручено командованіе Нашебургскимъ и Апшеронскимъ полками, съ которыми участвовалъ онъ въ дѣлахъ при Бриеннѣ-Лешато, Ларотьерѣ (получилъ орденъ „Pour le Mérite“), и при Шамноберѣ (29 Января) былъ взятъ въ плѣнъ французами. По возвращеніи изъ плѣна, назначенъ сначала командиромъ одной изъ бригадъ 9-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ бригадой въ 17-й пѣхотной дивизіи, а 13 Марта 1822 г. назначенъ состоять по арміи. Въ 1830 г., 28 Января, Полторацкій былъ уволенъ отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ тайные совѣтники. На другой же день, 29 Января, онъ былъ назначенъ Ярославскимъ губернаторомъ и оставался въ этой должности до 17 Іюля 1842 г., при чемъ 25 Іюня 1834 г. былъ вновь переименованъ въ генералъ-лейтенанты.

К. М. Полторацкій былъ женатъ, съ 18 Августа 1818 г., въ Павловскѣ, на фрейлинѣ княжнѣ Софіи Борисовнѣ Голлицкой, за которой получилъ въ приданое болѣе 1000 душъ въ Козельскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ; отъ этого брака былъ одинъ сынъ Борисъ (р. 9 Января 1820 г., † 10 Февраля 1850 г.; ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка). Полторацкій умеръ въ С.-Петербургѣ 15 Марта 1858 г. и похороненъ въ Сергіевой пустыни.

(Съ миниатюры на эмали; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

CONSTANTIN MARKOWITCH POLTORATZKY, 1782—1858, d'une famille noble du gouvernement de Tver, fils de Marc Féodorowitch Poltoratzky, directeur des chœurs de la Cour, et d'Agathoclée Alexandrowna, née Chichkoff, naquit à St-Pétersbourg le 21 mai 1782. Il débuta au service au régiment Sémenowsky, où il fut enrôlé fourrier le 24 mars 1784; porte-enseigne le 8 septembre 1798, lieutenant le 27 octobre 1800, il fut nommé le 6 octobre 1804 aide de camp de régiment, et promu capitaine en second le 14 août 1805. Austerlitz lui valut Ste-Anne de 4e classe, et la campagne de Prusse le vit à Gutstadt, Heilsberg et Friedland, où il gagna St-Vladimir de 4e classe et le grade de capitaine le 17 août 1807. Colonel le 12 septembre 1808, il fit, à la tête du régiment de Nyslott, la campagne de Moldavie en 1810/1811; la bataille de Batine et la prise de Lovtcha lui valurent une épée d'or et St-Vladimir de 5e classe. Nommé le 10 janvier 1812 chef du régiment d'infanterie de Tiflis, il permuta le 12 mars à celui de Nachébourg. Pendant la Guerre Patriotique et la campagne de 1813, il fut de nombreuses affaires: la bataille de Gorodetchna (31 juillet) lui valut St-Georges de 4e classe; il opéra avec l'Armée du Nord dans le duché de Varsovie et prit part au blocus de Thorn. Promu général major après l'affaire de Kœnigswart (7 mai 1813), il combattit à Bautzen et sous Leipzig, où il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe, de l'Aigle de Prusse de 2e classe et du Glaive Militaire de Suède. Il reçut le 8 janvier 1814 le commandement des régiments de Nachébourg et d'Apchéron, qu'il conduisit à Brienne-le-Château, La Rothière, où il fut décoré de l'ordre Pour le Mérite, et Champaubert (29 janvier), où il tomba aux mains des Français. Revenu de captivité, il fut nommé commandant d'une brigade de la 9e division d'infanterie, puis d'une brigade de la 17e, et, le 13 mars 1822, attaché à l'Armée. Mis à la retraite le 28 janvier 1830 pour être affecté au service civil, il permuta conseiller privé, et fut nommé, le lendemain, le 29 janvier, gouverneur de Yaroslav; il le resta jusqu'au 17 juillet 1842: il avait repris le 25 juin 1834 un grade militaire, celui de général lieutenant.

Poltoratzky épousa le 18 août 1818, à Pavlowsk, la princesse Sophie Borissowna Golitzyne, demoiselle d'honneur, qui lui apportait dans sa dot plus de 1000 têtes de paysans dans les districts de Kozloff et de Novotorjok, et dont il eut un fils Boris (9 janvier 1820—10 février 1850), capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde. Il mourut à St-Pétersbourg le 15 mars 1858, et fut inhumé au monastère St-Serge.

(D'après une miniature sur émail appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

СОФІЯ БОРИСОВНА ПОЛТОРАЦКАЯ, 1796—1871, дочь генераль-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына, женатаго на вдовѣ Аннѣ Александровнѣ де-Лиццной, въ дѣвицахъ княжна Грузинская (см. т. III, №№ 17 и 115), родилась 15 Августа 1796 г.; будучи фрейлнной, 18 Августа 1818 г. вышла замужъ за генераль-майора Константина Марковича Полторацкаго. С. Б. Полторацкая была родная сестра извѣстной благотворительницы Татьяны Борисовны Потемкиной. Въ бытность мужа Ярославскимъ губернаторомъ (съ 29 Января 1830 г. по 17 Юля 1842 г.), Софія Борисовна была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста.

Скончалась С. Б. Полторацкая внезапно, въ С.-Петербургѣ, 19 Января 1871 г.; похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга. У Полторацкихъ былъ единственный сынъ Борисъ Константиновичъ (р. 9 Января 1820 г., † 10 Февраля 1850 г.), ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, умершій неженатымъ.

(Съ миниатюры на эмали; собственность Великаго Князя Николая Михайловича.)

SOPHIE BORISSOWNA POLTORATZKY, 1796—1871, fille du prince Boris Andréewitch Golitzyne, général lieutenant, et d'Anne Alexandrowna, veuve de Litzyne, née princesse Grouzinsky (v. T. III, N°s 17 et 115), naquit le 15 août 1796. Demoiselle d'honneur, elle épousa le 18 août 1818 le général major Constantin Markowitch Poltoratzky. Elle était sœur de Tatiana Borissowna Potemkine, connue pour sa bienfaisance. Pendant le séjour de son mari à Yaroslavl comme gouverneur (du 29 janvier 1830 au 17 juillet 1842), elle fut faite dame de Ste-Catherine.

Mme Poltoratzky mourut subitement à Pétersbourg le 19 novembre 1871, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Elle avait eu un fils unique, Boris (9 janvier 1820—10 février 1850), capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde, mort célibataire.

(D'après une miniature sur émail appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь ГРИГОРІЙ СЕМЕНОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1742—1824, сынъ генераль-аншефа князя Семена Федоровича отъ брака съ княжной Софіей Семеновной Мещерской, родился 25 Января 1742 г.; онъ воспитывался въ домѣ барона П. Г. Строганова вмѣстѣ съ его дочерью Анной (мать князя П. М. Долгорукаго) и 14-и лѣтъ былъ уже произведенъ въ поручики, 15 Января 1757 г.—въ капитаны, въ 1763 г.—въ подполковники въ Ладожскій баталіонъ, а затѣмъ въ Рижскій карабинерный полкъ, 1 Мая 1768 г.—въ полковники въ Сибирскій карабинерный полкъ. Въ 1767 и 1768 гг. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ, затѣмъ участвовалъ въ 1-й Турецкой войнѣ и за сраженіе при Кагулѣ (12 Юня) получилъ 24 Августа 1770 г. св. Георгія 4-й ст.; 21 Апрѣля 1775 г. князь Волконскій былъ произведенъ въ генераль-майоры, 24 Ноября 1780 г.—въ генераль-поручики. Во время 2-й Турецкой войны, состоя въ отрядѣ тестя своего, князя П. В. Репнина, участвовалъ въ побѣдѣ при Мачинѣ, при чемъ былъ тяжело раненъ въ голову и получилъ 18 Марта 1792 г. орденъ св. Георгія 2-го кл.; 11 Декабря 1794 г. произведенъ въ генераль-аншефы. Въ 1797 г. Волконскій былъ переименованъ въ дѣйств. тайные совѣтники, а 14 Юля 1803 г.—въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. Говорятъ, что въ это время „умственные способности его были расшатаны“, такъ какъ онъ сильно страдалъ отъ полученной имъ раны въ голову; „во всякомъ случаѣ въ немъ было не мало странностей: онъ отличался причудливой одеждой, употреблялъ непомерное количество одеколона, становился на колѣни для молитвы среди улицы, нагружалъ карету, четверней, съѣстными припасами для раздачи бѣднымъ“... О чудачествахъ его и въ Оренбургѣ еще недавно рассказывали старожилы: онъ также бродилъ по улицамъ безъ шапки, останавливалъ знакомыхъ и угощалъ сластями, которые носилъ за нимъ на подносѣ ливрейный лакей. Край былъ въ волненіи, ипородческое населеніе терпѣло отъ злоупотребленій и притѣсненій чиновниковъ. Противъ ожиданія, „полоумный чудакъ“ принялъ разумныя мѣры и сумѣлъ успокоить населеніе. Дѣлательный старикъ самъ дѣлалъ большіе объѣзды верхомъ и много заботился объ облегченіи положенія заводскаго горнопромышленнаго рабочаго люда. Въ 1815 г. онъ снарядилъ экспедицію въ Киргизскія степи, которая открыла руду серебристаго свинца; 18 Ноября 1806 г. князь Волконскій былъ награжденъ Андреевской лентой, а весной 1817 г. вернулся въ Петербургъ, назначенный членомъ Государственнаго Совѣта.

Князь Г. С. Волконскій былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала князя П. В. Репнина и послѣдней представительницѣ этого княжескаго рода, княжнѣ Александрѣ Николасовнѣ (р. 25 Апрѣля 1756 г., † 23 Декабря 1854 г.; кавалерственная дама орд. св. Екатерины 1-го кл., статсъ-дама и оберъ-гофмейстериня), отъ которой имѣлъ 5 сыновей и одну дочь: Николая (р. 1778 г., † 1845 г.; съ 1801 г. получилъ фамилію князя Репнина), Александра († 7 Февраля 1780 г., въ дѣтствѣ), Никиту (р. 9 Юня 1781 г., † 18 Декабря 1841 г.), Григорія (р. 8 Октября 1782 г., † 28 Февраля 1783 г.), Сергѣя (р. 1788 г., † 1865 г.; декабристъ) и Софію († 26 Марта 1868 г.; за свѣта. княземъ П. М. Волконскимъ).

Князь Г. С. Волконскій умеръ 17 Юня 1824 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Очень почитавшій Волконскаго, друга дѣтства его матери, князь П. М. Долгорукій посвящалъ ему длинное стихотворное посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Волконскій! я въ тебѣ зрю барина прямого,
Какими въ старину бывало иногда
Россійская страна любила быть горда!
Отечеству служить ты долгомъ чтилъ любезнымъ;
Куда ни кликнетъ Царь, — спѣшишь ты быть полезнымъ,
Всевышняго рукой на подвигъ укрѣпись;
Въ день брани — ты герой, въ день мира — добрый князь!“

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя П. В. Репнина, въ Кіевѣ.)

Le prince GRÉGOIRE SÉMENOWITCH WOLKONSKY, 1742—1824, fils du prince Siméon Féodorowitch Wolkonsky, général en chef, et de la princesse Sophie Sémenowna, née Mechtchersky, naquit le 25 janvier 1742, et fut élevé chez le baron N. Stroganoff en même temps que sa fille Anne (mère du prince I. Dolgorouky). Lieutenant à 14 ans, il fut promu le 15 janvier 1757 capitaine, en 1763 lieutenant-colonel au bataillon de Ladoga, d'où il passa au régiment des carabiniers de Riga, et le 1er mai 1768 colonel à celui des carabiniers de Sibérie. Il fit la campagne de Pologne en 1767 et 1768; puis la première guerre de Turquie, où la bataille du Kagoul (12 juin) lui valut le 24 août 1770 St-Georges de 4e classe. Il passa général major le 21 avril 1775 et général lieutenant le 24 novembre 1780. A la seconde guerre de Turquie, il prit part avec le détachement de son beau-père le prince N. Repnine à la victoire de Matchine, où il fut grièvement blessé à la tête, et reçut le 18 mars 1792 St-Georges de 2e classe. Général en chef le 11 décembre 1794, il permuta en 1797 conseiller privé actuel, et le 14 juillet 1803 général de cavalerie. Il fut nommé la même année gouverneur militaire d'Orenbourg. A ce moment, dit-on, „ses facultés intellectuelles étaient dérangées“, car sa blessure à la tête le faisait beaucoup souffrir. „En tout cas, il manifestait de nombreuses bizarreries, se faisant remarquer par la singularité de son vêtement, par son abus de l'eau-de-Cologne, par ses prières à genoux au milieu de la rue, par ses distributions aux pauvres de victuailles qu'il charriait dans une voiture à quatre chevaux“... Ses extravagances sont restées jusqu'à ces derniers temps présentes à la mémoire des plus anciens habitants d'Orenbourg: c'est encore lui qui circulait dehors nu-tête, arrêtant ses amis pour leur offrir des bonbons présentés sur un plateau par un domestique en livrée qui l'accompagnait. Le pays était en effervescence: les allogènes souffraient des abus et des vexations des fonctionnaires; contre toute attente, „ce toqué, ce fantasque“ prit de judicieuses mesures et sut rétablir le calme. L'actif vieillard faisait lui-même de grandes tournées à cheval et mettait toute sa sollicitude à soulager le sort de la population ouvrière métallurgique. Il organisa en 1815 dans les steppes kirghises une expédition qui découvrit un gisement d'étain argentifère. Décoré de St-André le 18 novembre 1806, il fut rappelé à Pétersbourg au printemps de 1817 pour être membre du Conseil de l'Empire.

Le prince Wolkonsky avait épousé la fille unique du feld-maréchal prince N. Repnine, dernière représentante de cette famille princière, la princesse Alexandra Nikolaewna Repnine (25 avril 1756—23 décembre 1834), dame de Ste-Catherine de 1re classe, dame d'honneur et grande maîtresse de la Cour, dont il eut cinq fils et une fille: Nicolas (1778—1845), prince Repnine depuis 1801, Alexandre (mort enfant le 7 février 1780), Nikita (9 juin 1781—18 décembre 1841), Grégoire (8 octobre 1782—28 février 1785), Serge (1788—1865), décabriste, et Sophie († 26 mars 1868), mariée au prince sérénissime P. Wolkonsky.

Le prince Wolkonsky mourut le 17 juin 1824, et fut inhumé dans l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le prince I. Dolgorouky, grand admirateur de Wolkonsky, qui avait été ami d'enfance de sa mère, lui adressa une longue épître en vers, où il dit, entre autres choses:

„Wolkonsky! J'aime en toi l'homme de probité,
 „De ceux dont quelquefois, au bon vieux temps jadis,
 „La terre de Russie aime s'enorgueillir!
 „Servir pour la patrie est un plaisir pour toi:
 „Sur un signe du Tzar, à ton devoir tu cours,
 „Et la main du Très-Haut dirige tes exploits:
 „A la guerre héros, et bon prince à la paix!“

(D'après un original de Borovikowsky appartenant au prince N. Repnine, Kieff.)

Князь СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1788—1865, младшій сынъ Оренбургскаго генералъ-губернатора князя Григорія Семеновича отъ брака съ княжной Александрой Николасьевой Репниной, воспитывался сначала дома подъ руководствомъ своей умной, но строгой матери и закончилъ свое образование въ знаменитомъ пансіонѣ аббата Николы; воспитаніе не способствовало укрѣпленію слабого отъ природы характера, и какъ только онъ вышелъ изъ-подъ надзора матери, то увлекся шумной и разгульной жизнью товарищей и создалъ себѣ репутацію „шалуна“. Дѣйствительную службу Волконскій началъ въ 1805 г. поручикомъ Кавалергардскаго полка и принялъ участіе въ войнѣ 1806 и 1807 гг., гдѣ заслужилъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ за Пултускъ, золотой крестъ за Прейсишъ-Эйлау (здѣсь онъ былъ раненъ) и золотое оружіе за Фрилантъ. Въ 1810 г. онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ, былъ контуженъ и получилъ званіе флигель-адъютанта; съ 1812 по 1814 годъ Волконскій провелъ въ непрерывныхъ походахъ. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ состоялъ подъ начальствомъ Винцингероде; къ концу кампаніи былъ уже генералъ-майоромъ Свиты Его Величества по квартирмистерской части и кавалеромъ орденовъ св. Георгія 4 ст., Владиміра 3 ст. и Анны 1 ст.; по окончаніи войнъ Волконскій путешествовалъ по Европѣ; заграничные походы и путешествія произвели коренное измѣненіе въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ: служба, „вахтпарадная жизнь“, сдѣлалась для него скучной и тягостной, въ душѣ явилось смутное недовольство окружающимъ. Получивъ въ 1816 г. бригаду въ 1-й Уланской дивизіи, Волконскій, обиженный переводомъ безъ его вѣдома въ 1-ю Гусарскую дивизію въ 1818 г., взялъ отпускъ и только въ 1821 г. снова явился на службу и былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ въ 19 пѣхотную дивизію. Въ 1819 г. онъ встрѣтился въ Кіевѣ со своимъ товарищемъ М. О. Орловымъ, который былъ центромъ либеральнаго кружка; по предложенію Фонъ-Визина, Волконскій вступилъ въ члены Союза Благоденствій, а позднѣе былъ членомъ Южнаго общества. Подчинившись вліянію Пестеля, онъ мечталъ о республикѣ, хотя поверхностно усвоенные взгляды не составляли его твердаго убѣжденія; 7 Января 1826 г. Волконскій былъ арестованъ, отправленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость; 15 Февраля, подъ вліяніемъ матери, онъ написалъ письму Государю съ изъясненіемъ раскаянія. Верховный судъ призналъ Волконскаго виновнымъ въ томъ, что онъ „участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на царевубійство и истребленіе всей Императорской фамиліи, участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и употреблялъ печать Полевого аудиторіата“ (по признанію Волконскаго, онъ велѣлъ сдѣлать такую печать для вскрытія одного казеннаго пакета). Отнесенный къ первому разряду, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена ссылкой въ каторжную работу на 20 лѣтъ; уже 25 Октября Волконскій былъ водворенъ на Благодатскій рудникъ, близъ Чернышка, а въ Сентябрѣ 1827 г. переведенъ въ Читу—черезъ три года—въ Петровскій заводъ. Въ 1835 г. Государь, въ память его умершей матери, освободилъ его отъ каторжныхъ работъ. Мѣстомъ поселенія Волконскій избралъ Урпкъ, близъ Иркутска (съ Марта 1836 г.), на лѣто переезжалъ въ Усть-Куду, гдѣ жилъ А. В. Поджіо, близкій къ семьѣ Волконскихъ человекъ, и занимался здѣсь сельскимъ хозяйствомъ. Волконскій превратился въ хлопотливаго и практическаго хозяина и совсѣмъ опростился; въ обществѣ товарищей онъ бывалъ рѣдко.

Въ 1844 г. семьѣ Волконскаго, по случаю болѣзни его жены, разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ; 26 Августа 1856 г. декабристы были помилованы, и Волконскій вернулся въ Россію. Онъ получилъ права потомственнаго дворянства, но безъ титула, который потомъ возвращенъ былъ дѣтямъ.

Послѣдніе годы Волконскій проживалъ то за границей, для лѣченія, то въ имѣніяхъ зятя и племянника. Въ 1863 г. съ него снятъ полицейскій надзоръ и возвращены ему крестъ за Прейсишъ-Эйлау и медаль 1812 г.; смерть жены въ 1863 г. сильно потрясла Волконскаго; скончался онъ 25 Января 1865 г. въ имѣніи зятя с. Воронкахъ, Черниговской губерніи, и здѣсь погребенъ подъ церковью, рядомъ съ женой. Волконскій имѣлъ 4 дѣтей: 1) Николая (р. 1826 г., † 1827 г.), 2) Софію (р. и † 1830 г.), 3) Михану (р. 1832 г.) и 4) Елену (р. 1835 г.), бывшую замужемъ за Молчановымъ, Кочубеемъ и Рахмановымъ.

(Съ миниатюры Изабе; собственность Н. А. Всеволожскаго, С.-Петербургъ.)

Le prince SERGE GRIGORIEWITCH WOLKONSKY, 1788—1865, plus jeune fils du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky, général gouverneur d'Orenbourg, et de la princesse Alexandrine Nikolaewna, née Repnine, fut élevé d'abord chez ses parents sous l'intelligente, mais sévère direction de sa mère, puis alla finir ses études à la fameuse pension de l'abbé Nicolle; l'éducation ne put rien à sa faiblesse naturelle de caractère, et, à peine échappé à la surveillance maternelle, il se laissa entraîner par des camarades à la vie bruyante et désordonnée et se fit une réputation de „polisson“. Entré au service actif en 1805 comme lieutenant au régiment des Chevaliers-Gardes, il fit la guerre de 1806/1807; Pultusk lui valut St-Vladimir de 4e classe avec le ruban, Preussisch-Eylau, où il fut blessé, une croix d'or, et Friedland une épée d'or. A la guerre de Turquie, en 1810, il reçut une contusion et fut fait aide de camp de Sa Majesté. De 1812 à 1814, il ne cessa pas de faire campagne: lors de la Guerre Patriotique, il dirigea d'abord une troupe de partisans, puis fut sous les ordres de Wintzingerode; à la fin de la campagne, il était déjà général major pour l'Intendance à la Suite de Sa Majesté et chevalier de St-Georges de 4e classe, de St-Vladimir de 3e classe et de Ste-Anne de 1re classe. A la paix, il visita l'Europe; ses voyages et ses campagnes à l'étranger provoquèrent dans sa manière de voir et de penser un changement radical: le service, cette „vie de parade“, lui devint ennuyeuse et à charge, il se sentit envahi d'un vague mécontentement de tout. Après avoir reçu en 1816 une brigade de la 1re division de uhlands, il fut affecté d'office au bout de deux ans à la 1re division de hussards: froissé, il prit un congé, et ne rentra au service qu'en 1821 comme commandant de brigade à la 19e division d'infanterie. En 1819, il rencontra à Kieff son camarade M. Orloff, alors le centre d'un cercle de libéraux, et devint, sur la proposition de von Vizine, membre de l'Alliance de Prospérité, et plus tard de la Société du Midi. Dominé par Pestel, il rêvait de république, mais sans convictions plus solides que quelques opinions mal digérées. Arrêté le 7 janvier 1826, il fut amené à Pétersbourg et interné à la Citadelle Pierre-et-Paul; le 15 février, il adressa à l'Empereur, sur le conseil de sa mère, une lettre de repentir. Convaincu par la Haute Cour de „complicité tacite de tentative de régicide et extermination de toute la famille Impériale, de complicité de direction de la Société du Midi et d'usage du sceau des conseils de guerre“ (qu'il avoua avoir contrefait pour ouvrir un paquet officiel), il fut rangé dans la première catégorie et condamné à mort. La peine fut commuée en vingt ans de travaux forcés: dès le 25 octobre, il était aux mines de Blagodat, près Nerchinsk, d'où il fut transféré en septembre 1827 à Tchita, et, trois ans plus tard, à l'usine de Pétrowski. Libéré des travaux forcés par l'Empereur en 1835 en mémoire de sa mère, il choisit comme séjour de rélegation (mars 1836) Ourik, près d'Irkoutsk, allant passer l'été à Oust-Koud, où était A. Poggio, grand ami des Wolkonsky, et où il faisait de la culture; il devint un cultivateur laborieux et pratique, un homme tout simple, et ne vit plus que rarement ses camarades. Sa famille reçut en 1844, en raison de la maladie de sa femme, l'autorisation de se fixer à Irkoutsk. A l'amnistie des Décabristes, le 26 août 1856, il revint en Russie; il fut réintégré dans la noblesse héréditaire, mais sans le titre, qui fut plus tard rendu à ses enfants.

Wolkonsky passa ses dernières années, tantôt à l'étranger pour sa santé, tantôt dans les terres de son gendre et de son neveu. En 1863, il fut affranchi de la surveillance de la police et se vit restituer sa croix de Preussisch-Eylau et sa médaille de 1812; la perte de sa femme, la même année, fut pour lui un coup terrible. Il mourut le 25 novembre 1865 chez son gendre, au bourg de Voronki, gouvernement de Tchernigoff, où il fut inhumé près de sa femme dans la crypte de l'église. Il eut quatre enfants, Nicolas (1826—1827), Sophie, née et morte en 1830, Michel (né 1832) et Hélène (née 1835), mariée successivement à Moltchanoff, Kotchubey et Rakhmanoff.

(D'après une miniature d'Isabey, appartenant à I. Vsévolosky, St-Pétersbourg.)

Княгиня МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ, 1806—1863, дочь героя Отечественной войны генерала Николая Николаевича Раевского и Софьи Алексеевны, рожденной Константиновой, внучки Ломоносова, получила хорошее домашнее образование; зная въ совершенствѣ языки и музыку, одаренная замѣчательнымъ голосомъ, она обладала къ тому же чрезвычайно привлекательной наружностью; стройная и высокаго роста брюнетка, съ черными („какъ смородина“) горящими глазами, съ полусмуглымъ лицомъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордою, но плавною походкою, она вполне оправдывала данное ей прозваніе—„дѣвы Ганга“. Въ началѣ 1825 г. она была выдана по волѣ родителей замужъ за князя Сергія Григорьевича Волконскаго, заслуженнаго уже генерала, по возрасту годившагося ей въ отцы. Не прошло и года послѣ свадьбы, какъ мужъ ея былъ арестованъ (7 Января 1826 г.) и заключенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости, и княгиня Волконская, едва оправившись послѣ трудныхъ родовъ и узнавъ объ ожидавшей его судьбѣ, устремилась изъ отцовской деревни въ Петербургъ, чтобы раздѣлать его участь. Ни просьбы и уговоры родныхъ, ни препятствія со стороны правительства не могли остановить ее въ намѣреніи послѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Заручившись разрѣшеніемъ Императора Николая и оставивъ на попеченіе матери мужа малютку сына († 1827 г.), она пустилась въ концѣ Декабря 1826 года изъ Москвы въ далекій путь, въ сопровожденіи одной только горничной, и послѣ безостановочнаго 20-дневнаго путешествія, полнаго лишеній и неудобствъ, прибыла въ Иркутскъ, гдѣ принуждена была дать подписку за себя и за дѣтей объ отреченіи отъ всѣхъ правъ состоянія, и затѣмъ направлена въ Благодатскій рудникъ на Нерчинскомъ заводѣ, гдѣ паходился ея мужъ. Съ этого времени она не разставалась съ мѣстомъ его пребыванія, имѣя сначала позволеніе видѣться съ нимъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и раздѣляя съ другими женами декабристовъ всѣ лишенія и невзгоды добровольнаго изгнанія. Терпя и отъ голода, и отъ холода, и отъ недостатка денегъ, она сама стирала бѣлье, мыла полы, питалась хлѣбомъ и квасомъ, но при своемъ твердомъ характерѣ „никогда не падала духомъ и не выказывала никогда своей грусти; была весела и любезна въ обществѣ мужа и его товарищей, но горда и взыскательна съ комендантомъ и начальникомъ острога“. Волконская и другія жены декабристовъ внесли теплоту и нѣкоторую уютность въ жизнь ссыльныхъ, служили для нихъ связью съ внѣшнимъ міромъ. Декабристы боготворили этихъ женщинъ, которыхъ, какъ „ангелы съ лазури низлетѣли съ отрадою къ страдальцамъ той страны и узникамъ съ улыбкой утѣшенія любовь и миръ душевный принесли“. Вслѣдствіи, когда въ положеніи декабристовъ постепенно были сдѣланы различныя облегченія, и съ переводомъ мужа ея въ Читту, затѣмъ въ Петровскій заводъ и, наконецъ, въ Иркутскую губернію, жизнь Волконской была скрашена возможностью болѣе или менѣе удобно устроиться въ собственномъ домѣ, а главное рожденіемъ въ 1832 г. сына Михаила, а въ 1835 г. дочери Елены. Заботы и попеченія о дѣтяхъ до такой степени поглотили все ея существованіе, что она, не задумываясь, отказалась отъ предложенія Государя Николая I отослать ихъ въ Россію для помѣщенія въ казенныя учебныя заведенія. Опасеніе, что дѣти могутъ быть отняты отъ нея, такъ потрясло Волконскую, что она опасно заболѣла и затѣмъ уже никогда не могла вполне оправиться. Вслѣдствіе этой болѣзни ей было разрѣшено въ 1844 г. поселиться въ Иркутскѣ. Въ 1855 г., еще до общаго помплованія декабристовъ, дочь исходатайствовала черезъ Государя разрѣшеніе матери прѣхать въ Москву для лѣченія. По возвращеніи Волконскаго изъ Сибири въ 1855 г., вслѣдъ за востествіемъ на престолъ Александра II, княгиня М. П. Волконская сперва поселилась съ мужемъ въ Москвѣ, но затѣмъ, проведя по болѣзни своей и мужа двѣ зимы 1859 и 1860 гг. за границей, въ Римѣ и Парижѣ, перѣехала на постоянное жителство въ Малороссійское имѣніе зятя своего, П. А. Кочубея, село Воронки, гдѣ и скончалась на рукахъ сына и дочери 10 Августа 1863 г.; похоронена она тамъ же, подъ церковью, выстроенной надъ прахомъ ея, въ склепѣ, надъ сводомъ котораго вырѣзанъ текстъ: „Радуйся неусыпающая попечительница въ узахъ и темницѣ сдѣланныхъ“.

Княгиня М. П. Волконская увѣковѣчена Некрасовымъ въ его поэмѣ „Русскія женщины“. Сама она оставила послѣ себя полныя интереса записки о своей жизни, на французскомъ языкѣ, изданныя въ 1904 г. ея сыномъ, княземъ М. С. Волконскимъ.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse MARIE NIKOLAEWNA WOLKONSKY, 1806—1863, fille du général Nicolas Nikolaewitch Raewsky, le héros de la Guerre Patriotique, et de Sophie Alexcéwna, née Konstantinoff, petite-fille de Lomonossow, reçut dans sa famille une bonne instruction : sachant à la perfection les langues et la musique, et douée d'une voix remarquable, elle avait en outre un physique extrêmement séduisant : grande et élégante brune aux étincelants yeux noirs, au teint un peu basané, au nez légèrement retroussé, à la démarche fière, mais gracieuse, elle justifiait parfaitement son surnom de fille du Gange. Elle fut mariée au commencement de 1825 par la volonté de ses parents au prince Serge Grigoriewitch Wolkonsky, général déjà retraité et d'âge à pouvoir être son père. Moins d'un an après, il fut arrêté le 7 janvier 1826 et interné au ravelin Alexis, à la Citadelle Pierre-et-Paul : à peine remise de couches laborieuses, elle se hâta, à la nouvelle du sort qui l'attendait, de quitter la propriété de son père pour venir partager sa destinée. Ni les prières et les raisons de sa famille, ni les obstacles du gouvernement ne purent ébranler sa résolution de l'accompagner en Sibérie. Munie d'une autorisation de l'Empereur Nicolas, elle laissa son petit garçon († 1827) aux soins de sa belle-mère, et partit de Moscou à la fin de décembre 1826 pour le long voyage, avec une seule femme de chambre ; au bout de vingt jours de privations et d'incommodités, sans un arrêt, elle arriva à Irkoutsk, où elle dut signer sa renonciation pour elle et ses enfants à tous les droits civils, et fut alors dirigée sur les mines de Blagodats, près Nertchinsk, où était son mari. Elle ne s'éloigna plus dès lors du lieu de sa réclusion, ne pouvant d'abord le voir que deux fois par semaine et partageant avec les autres femmes de Décabristes toutes les privations et les épreuves de l'exil volontaire. Souffrant du froid, de la faim, du manque d'argent, lavant elle-même son linge, nettoyant par terre, se nourrissant de pain et de kvass, elle eut la force de caractère „de ne jamais perdre courage, de ne jamais dire son chagrin, gaie et aimable dans la société de son mari et de ses camarades, fière et exigeante avec le commandant et le chef du bagne“. Ces femmes apportaient dans l'existence des prisonniers un peu de chaleur et de confort, et les mettaient en communication avec le monde extérieur ; aussi bénissaient-ils „ces anges descendus de l'azur pour soulager les épreuves sur ce coin de terre et porter aux captifs dans leur sourire consolateur l'amour et la paix de l'âme“. Plus tard, quand le sort des Décabristes eut été peu à peu l'objet de divers adoucissements et que son mari eut été transféré à Tchita, puis à l'usine Pétrowsk, et enfin dans le gouvernement d'Irkoutsk, la jeune femme eut la satisfaction de pouvoir s'installer plus ou moins confortablement dans une maison à elle, et surtout celle de donner le jour à son fils Michel en 1832 et à sa fille Hélène en 1835. Le soin et le souci de ses enfants remplissaient si bien toute son existence qu'elle refusa sans hésiter la proposition de l'Empereur Nicolas de les envoyer à Pétersbourg pour les mettre dans les établissements d'instruction de l'état. La crainte de se voir enlever ses enfants l'inquiétait tellement qu'elle en fit une maladie grave, dont elle ne se remit jamais bien, et à la suite de laquelle elle reçut en 1844 l'autorisation de se fixer à Irkoutsk. En 1855, bien avant l'amnistie générale des Décabristes, sa fille lui fit avoir par l'Impératrice la permission de venir se soigner à Moscou. Quand son mari quitta la Sibérie en 1855, à l'avènement d'Alexandre II, elle se fixa d'abord à Moscou avec lui, mais plus tard, après deux hivers passés en 1859 et 1860 à l'étranger pour leur santé, elle se retira en Petite-Russie, chez son gendre N. Kotchubey, à Voronki, où elle mourut dans les bras de son fils et de sa fille le 10 août 1863, et où elle fut inhumée. La crypte de l'église élevée sur sa sépulture porte à sa voûte l'inscription : „Réjouis-toi, infatigable bienfaitrice des enchaînés et des reclus“.

La princesse Wolkonsky fut immortalisée par Nékrassoff dans son poème Femmes Russes. Elle a laissé elle-même sur sa vie des Souvenirs en français remplis d'intérêt, publiés en 1904 par son fils.

(D'après un original appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1795—1868, старшій сынъ генерала-отъ-кавалеріи Николая Николаевича Раевского отъ брака съ Софьей Алексѣевной Константиновой, родился въ крѣпости Георгіевской; получивъ основательное домашнее образованіе, въ 1810 г. опредѣленъ въ Симбирскій гренадерскій полкъ и, состоя при отцѣ въ Молдавской арміи, находился при осадѣ Силестріи и въ сраженіи при Шумлѣ; переведенный въ 5-й Егерскій полкъ (1811), онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., получивъ чины подпоручика и поручика за отличіе при Дашковѣ (Салтановѣ); награжденный за Бородино орд. св. Владиміра, а за Красный—золотой шпагой, онъ переведенъ былъ въ 1815 г. въ 4-й Егерскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ графу М. С. Воронцову; за отличіе при Фершампенуазѣ получивъ орд. св. Анны 2-й ст. съ алмазами, онъ былъ при взятіи Париза, а затѣмъ жилъ съ Воронцовымъ во Франціи и въ Англіи; въ 1817 г. произведенъ въ полковники и переведенъ въ Рязскій пѣхотный, а въ 1818 г.—въ 6-й Егерскій полкъ. Въ Апрѣлѣ 1819 г. Раевскій былъ уволенъ „до излеченія болѣзни“ къ Кавказскимъ водамъ, прикомандированъ къ Кавказскому корпусу и, находясь при Ермоловѣ (свойственникъ его отца), участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ Юнѣ 1820 г. Раевскій познакомился съ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ на Кавказъ съ семьей П. П. Раевского. По возвращеніи же оттуда жилъ у своей бабушки, графини А. В. Вранцкой, въ Бѣлой-Церкви и здѣсь сблизился съ графиней Е. К. Воронцовой. Переселившись въ Одессу, по назначеніи сюда графа М. С. Воронцова генералъ-губернаторомъ (Май 1823 г.), онъ постоянно бывалъ въ его домѣ на правахъ родственника; говорить, что для прикрытія своихъ отношеній къ графинѣ, онъ воспользовался Пушкинымъ, который вскорѣ и попался ссылкою въ деревню; 1 Октября 1824 г. Раевскій вышелъ въ отставку и жилъ—смотря по тому, гдѣ была Воронцова—то въ Одессѣ, то въ Бѣлой-Церкви; здѣсь онъ былъ арестованъ (29 Декабря 1825 г.) по дѣлу декабристовъ, привезенъ въ Петербургъ, но оправдался и даже пожалованъ былъ (21 Января 1826 г.) въ камергеры, а затѣмъ снова появился въ Одессѣ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронцовѣ, но въ этомъ званіи пробылъ лишь до Октября 1827 г.; въ Юлѣ слѣдующаго года Воронцовъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что Раевскій сказалъ какую-то дерзость его женѣ, а также неодобрительно отзывался о правительствѣ, добился Высочайшаго повелѣнія о высылкѣ его въ Полтаву, съ запрещеніемъ выѣзда изъ губерніи. Въ 1829 г. Раевскій лишь съ особаго разрѣшенія пріѣзжалъ къ умиравшему отцу, послѣ же смерти его поселился въ его имѣніи; лишь черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было переѣхать въ Москву. Здѣсь 11 Ноября 1834 г. онъ женился на Екатеринѣ Петровнѣ Книдяковой, но черезъ пять лѣтъ овдовѣлъ (26 Ноября 1839 г.) и отдался воспитанію единственной дочери Александры; по выходѣ ея замужъ за графа П. Г. Постица, онъ переселился въ Ниццу, гдѣ и умеръ 25 Октября 1868 года.

Связь съ Пушкинымъ давно уже заставила обратить вниманіе на своеобразную личность Раевского; поэтъ былъ друженъ съ нимъ, живя въ Одессѣ, велъ переписку и одно время былъ подѣ сильнымъ вліяніемъ его „изысканныхъ рѣчей“, вливавшихъ въ душу его „хладный лѣдъ“. Къ нему относятся стихотворенія Пушкина „Демонъ“ и „Ангелъ“, а, можетъ-быть, и „Коварность“. Странности характера Раевского сказались рано, несмотря на его недюжинный, но односторонній умъ; уже въ 1820 г. отецъ писалъ про него: „Я пишу въ немъ проявленія любви, чувствительности и не нахожу ихъ. Онъ не разсуждаетъ, а спорить, и тѣмъ болѣе онъ неправъ, тѣмъ его тонъ становится непріятнѣе, даже до грубости... У него умъ панзашку... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ея не испытываетъ и не старается ее внушить“. Вигель оставилъ о Раевскомъ крайне рѣзкій отзывъ; говоря, что онъ отличался какимъ-то „непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству“, онъ пишетъ: „Въ немъ не было честолюбія, по нѣ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лжи, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ... Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже изсушили его и наморщили его чело“; ему свойственна была какая-то демоническая злоба, которая заставляла его ненавидѣть тѣхъ, кто дѣлалъ ему добро, разрушать счастье вездѣ, гдѣ онъ ни замѣчалъ его. М. В. Юзефовичъ свидѣтельствуетъ, что Раевскій, „дѣйствительно, имѣлъ въ себѣ что-то такое, что придавливало душу другихъ; сила его обаянія заключалась въ рѣзкомъ и изысканномъ отрицаніи... Пушкинъ въ Одессѣ хаживалъ къ нему по вечерамъ, имѣя позволеніе тушить свѣчи, чтобы разговаривать съ нимъ свободнѣе впотѣмахъ“.

(Съ портрета, принадлежавшаго графу П. Г. Постицу, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE NIKOLAIEWITCH RAEWSKY, 1795—1868, fils aîné du général de cavalerie Nicolas Nikolaewitch Raewsky et de Sophie Alexéewna, née Konstantinoff, naquit à la forteresse St-Georges; après avoir reçu dans sa famille une instruction approfondie, il prit du service en 1810 au régiment des grenadiers de Simbirsk, et, attaché à son père à l'armée de Moldavie, fut au siège de Silistrie et à la bataille de Choumla. Transféré en 1811 au 5e régiment de chasseurs, il fit les campagnes de 1812—1814: il passa sous-lieutenant, puis lieutenant pour sa valeur à Dachkowka (Saltanowka), gagna à Borodino l'ordre de St-Vladimir, et à Krasny une épée d'or. Affecté en 1815 au régiment des chasseurs de la Garde et nommé aide de camp du comte M. Worontzoff, il fut décoré de Ste-Anne de 2e classe en diamants pour la bravoure qu'il déploya à la Fère-Champenoise, se trouva à la prise de Paris, puis resta avec Worontzoff en France et en Angleterre. Promu colonel en 1817 et affecté au régiment d'infanterie de Riajsk, puis, l'année suivante, au 6e chasseurs, il fut, en avril 1819, mis en non-activité pour „aller se soigner“ aux eaux du Caucase, et envoyé en mission au corps du Caucase, où, attaché à Ermoloff, parent par alliance de son père, il prit part aux expéditions contre les indigènes. En juin 1820, il y fit la connaissance de Pouchkine, venu avec la famille de son père. Il alla ensuite se fixer chez sa grand' mère la comtesse A. Branitzky, à Bélaïa-Tzerkov, et là, se lia avec la comtesse E. Worontzoff; puis, lorsque le comte M. Worontzoff alla à Odessa en mai 1825 comme général gouverneur, il l'y suivit et fut son hôte assidu sur un pied de parenté, se servant, pour couvrir ses rapports avec la comtesse, de Pouchkine, que ses bons offices firent bientôt reléguer à la campagne. Retraité le 1er octobre 1824, il habita, selon les déplacements de la jeune comtesse, tantôt Odessa, tantôt Bélaïa-Tzerkov, où il fut arrêté le 29 décembre 1825 comme décabriste; amené à Pétersbourg, il se justifia et fut même fait chambellan le 21 janvier 1826, puis retourna à Odessa comme fonctionnaire des commissions spéciales près de Worontzoff, titre qu'il ne conserva que jusqu'en octobre 1827. En juillet de l'année suivante, le comte, sous prétexte d'une impertinence dite à sa femme et de propos malveillants contre le gouvernement, le fit reléguer à Poltava par ordre de S. M. l'Empereur, avec interdiction de sortir de la province. En 1829, Raewsky ne put aller voir son père mourant qu'avec une autorisation spéciale, et, à sa mort, se fixa dans ses propriétés; ce ne fut que plusieurs années plus tard qu'il lui fut permis d'aller à Moscou. Il y épousa le 11 novembre 1834 Catherine Pétrowna Kindiakoff, puis, devenu veuf cinq ans après (26 novembre 1839), se consacra à l'éducation de sa fille unique Alexandrine. Après l'avoir mariée au comte I. Nostitz, il se fixa à Nice, où il mourut le 25 octobre 1868.

Il y a longtemps que l'amitié de Pouchkine appela l'attention sur l'originale personnalité de Raewsky, qui, après leurs relations d'Odessa, resta en correspondance avec lui et subit fortement, un moment, l'influence de ses „propos virulents“, versant dans son âme leur „poison glacé“. C'est lui que visent les poésies de Pouchkine *Le Démon*, *L'Ange*, et peut-être aussi *Fourberie*. Les bizarreries de son caractère se manifestèrent de bonne heure, malgré son esprit peu commun, mais un peu étroit; dès 1820, son père écrivait: „Je cherche en lui sans en trouver des preuves d'amour et de sensibilité. Il ne raisonne pas, il discute, et plus il est dans son tort, plus il prend un ton désagréable et même grossier... Il a la tête à l'envers... Il me semble qu'il ne croit pas à l'amour, puisqu'il n'en éprouve pas et ne cherche pas à en inspirer“. Wiegél est particulièrement dur à son égard; animé, dit-il, de je ne sais quelle „animosité contre l'humanité tout entière, il n'avait aucune ambition, mais son caractère était fait d'amour-propre démesuré, de paresse, de malice et de jalousie.... Son extérieur conservait encore quelque chose d'agréable, malgré la consommation et les rides dont les infirmités physiques et morales avaient marqué son front“; comme trait particulier, une sorte de ressentiment démoniaque lui faisait détester ceux qui lui avaient fait du bien, et détruire le bonheur partout où il le remarquait. Au témoignage de Youzéfowitch, il avait „effectivement quelque chose de déprimant; son prestige tenait à sa force de négation, dure et virulente... A Odessa, Pouchkine allait le voir le soir, et avait la permission d'éteindre pour causer en toute liberté dans l'obscurité“.

(D'après un original appartenant au comte I. Nostitz, Moscou.)

Князь СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1785—1835, третій сынъ генераль-апшефа князя Сергія Федоровича Голицына, женатаго на красавицѣ Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, родился 17 Февраля 1785 г.; записанный 2-хъ лѣтъ въ Семеновскій полкъ, 15-и лѣтъ онъ былъ произведенъ въ сержанты, въ 1797 г.—въ прапорщики, въ 1798 г.—въ подпоручики, а 14 Августа 1799 г. уволенъ; только въ 1801 г., уже въ новое царствованіе, онъ вернулся на службу и 30 Октября того же года былъ произведенъ въ поручики.

Выйдя въ отставку въ 1803 г. штабсъ-капитаномъ, князь Голицынъ въ 1806 г. поступилъ ротмистромъ въ кавалерію и былъ пожалованъ во фангель-адъютанты (3 Мая 1806 г.); за Аустерлицъ онъ получилъ орденъ св. Владимира 4 ст., за участіе въ другихъ дѣлахъ награжденъ золотымъ оружіемъ и за Фридландъ получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; 20 Мая 1808 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, 3 Іюня вновь пожалованъ во фангель-адъютанты, а 20 Августа 1812 г. произведенъ въ генераль-майоры. За битву при Лейпцигѣ получилъ золотую саблю съ алмазами и прусскій орденъ Краснаго Орла 2 ст., а позднѣе, послѣ взятія Парижа—орденъ „Pour le Mérite“. Въ 1815 г. князь С. С. Голицынъ былъ уволенъ въ отставку; позднѣе, въ 1830 г., пожалованъ въ званіе егермейстера; скончался 14 Марта 1835 г. и похороненъ въ с. Зубриловкѣ, Саратовской губерніи.

Князь С. С. Голицынъ былъ женатъ на Наталіи Степановнѣ Апраксиной (р. 13 Ноября 1796 г., † 7 Мая 1890 г.; см. т. III, № 120); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince SERGE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1785—1853, troisième fils du prince Serge Féodorowitch Golitzyne, général en chef, et de la belle Varvara Vassiliowna, née Engelhardt, naquit le 17 février 1785. Enrôlé à l'âge de deux ans au régiment Sémenowsky, il passa à 13 ans sergent, en 1797 porte-enseigne, en 1798 sous-lieutenant, puis fut destitué le 14 août 1799. Ce ne fut que sous un nouveau règne, en 1801, qu'il reprit du service, et, le 30 octobre de la même année, fut promu lieutenant.

Démissionnaire en 1803 comme capitaine en second, il passa en 1806 capitaine de cavalerie, et fut fait aide de camp de Sa Majesté le 3 mai 1806. Austerlitz lui valut St-Vladimir de 4e classe, d'autres affaires une épée d'or, et Friedland St-Georges de 4e classe. Colonel le 20 mai 1808, il redevint aide de camp de Sa Majesté le 3 juin, et passa général major le 20 août 1812. La bataille de Leipzig lui valut un sabre d'or enrichi de diamants et l'ordre prussien de l'Aigle Rouge de 2e classe, et la prise de Paris l'ordre Pour le Mérite.

Il prit sa retraite en 1815, et devint plus tard veneur, en 1830. Il mourut le 14 mars 1853, et fut inhumé au bourg de Zoubrilowka, gouvernement de Saratoff.

Le prince Golitzyne avait épousé Natalie Stépanowna Apraxine (15 novembre 1796—7 mai 1890; v. T. III, N° 120). Ils n'eurent pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1789—1858, восьмой сынъ генералъ-аншефа князя Сергѣя Федоровича Голицына, женатаго на племянницѣ Потемкина Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардъ, родился въ с. Зубриловкѣ 21 Ноября 1789 г.; получивъ въ дѣтствѣ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго и записанный въ гвардію, онъ, окончивъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николая, 23 Сентября 1806 г. поступилъ портупей-прапорщикомъ въ Семеновскій полкъ; произведенный 4 Февраля 1807 г. въ прапорщики, участвовалъ въ сраженіяхъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ, а подъ Фридрихсборгомъ былъ раненъ въ ногу пулею и получилъ золотую шпату. Въ 1808 г. Голицынъ былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1810 г. въ поручики. Во время Отечественной войны, состоя адыютантомъ при Беннигсенѣ, онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою и въ сраженіи при Тарутинѣ. Получивъ орденъ св. Анны 2 ст. съ алмазами, 23 Сентября произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 7 Октября въ капитаны. Пробывъ годъ въ отставкѣ (съ 31 Декабря 1815 г.), Голицынъ 28 Сентября 1816 г. вновь поступилъ на службу подполковникомъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій Цесаревича полкъ, гдѣ и произведенъ былъ 10 Марта 1818 г. въ полковники. Прослуживъ въ Варшавѣ около 2 лѣтъ, князь Голицынъ 13 Февраля 1819 г. вышелъ въ отставку. Вновь вернулся онъ на службу, только 20 лѣтъ спустя, определенный 3 Августа 1838 г. состоять при главнокомандующемъ арміи; въ 1842 г. онъ былъ военнымъ начальникомъ Люблинской губерніи, въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ.

Князь А. С. Голицынъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на разведенной женѣ графа Станислава Ходкевича, Каролинѣ Станиславовнѣ, рожденной графинѣ Валуевской (р. 1778 г., † 14 Февраля 1846 г.; похоронена на Петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ), вторымъ — на Еленѣ (Элеонора) Осиповнѣ Заржицкой (р. 9 Февраля 1823 г.); отъ этого брака онъ имѣлъ дѣтей: Сергѣя, Михаила, Евгенію (за княземъ П. П. Голицынымъ; нынѣ начальница Ксеніевскаго Института) и Елизавету (за П. П. Деревницкимъ). Князь Голицынъ умеръ 12 Сентября 1858 г. въ Калшѣ, гдѣ и похороненъ.

Князь А. С. Голицынъ имѣлъ прозвища „рыжій“ и „золотой“, по словамъ автора „Рода Голицыныхъ“, за свои высокія душевныя качества; онъ былъ отчасти поэтъ и писалъ сатирическія стихотворенія. По словамъ Вигеля, „князь Александръ былъ уменъ, храбръ, но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое онъ могъ бы съ успѣхомъ проходить“.

(Съ миниатюры, принадлежащей княгинѣ Е. А. Голицыной, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince ALEXANDRE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1789—1858, huitième fils du prince Serge Féodorowitch Golitzyne, général en chef, et de la nièce de Potemkine Varvara Vassiliowna, née Engelhardt, naquit à Zoubrilowka le 21 novembre 1789. Décoré tout enfant de Saint-Jean-de-Jérusalem et enrôlé à la Garde, il prit du service, après avoir fait ses études à la pension de l'abbé Nicolle, le 23 septembre 1806 comme sous-officier à dragonne d'argent au régiment Sémenowsky. Porte-étendard le 4 février 1807, il combattit à Gutstadt et Heilsberg, et, à Friedland, fut blessé d'une balle à la jambe et reçut une épée d'or. Sous-lieutenant en 1808 et lieutenant en 1810, il fit la Guerre Patriotique comme aide de camp de Bennigsen, et se signala au combat de Borodino et à la bataille de Taroutino: décoré de Ste-Anne de 2e classe en brillants, il passa le 23 septembre capitaine en second et le 7 octobre capitaine. En non-activité à partir du 31 décembre 1815, il reprit du service le 28 septembre suivant comme lieutenant-colonel du régiment du Césarewitch des uhlands de la Garde, où il passa colonel le 10 mars 1818. Après deux ans environ de service à Varsovie, il prit sa retraite le 13 février 1819, pour ne rentrer en activité qu'au bout de vingt ans, le 5 août 1838, comme attaché au commandant en chef de l'armée; en 1842, il fut chef militaire du gouvernement de Lublin, et fit en 1849 la campagne de Hongrie.

Le prince Golitzyne fut marié deux fois, en premières noces à la femme divorcée du comte Stanislas Khodkewitch, Caroline Stanislavowna, née comtesse Walewski (1778—14 février 1846; inhumée au cimetière de Smolensk, à St-Petersbourg), en secondes noces à Hélène (Eléonore) Ossipowna Zarjitzky (née 9 février 1825), dont il eut quatre enfants: Serge, Michel, Eugénie, mariée au prince N. Golitzyne, actuellement directrice de l'Institut Xénie, et Elisabeth, mariée à N. Dérévitzky. Il mourut le 12 septembre 1858 à Kalisch, et y fut inhumé.

Au témoignage de l'auteur de La Famille Golitzyne, le prince Golitzyne avait reçu les sobriquets de le Roux, et, en raison de ses hautes qualités morales, Cœur d'Or. Un peu poète, il fit des vers satiriques. Il avait, dit Wiegel, „de l'esprit, de la bravoure, mais ses idées fausses en matière d'honneur et son extrême entêtement interrompirent prématurément sa carrière militaire, qui pouvait être brillante“.

(D'après une miniature appartenant à la princesse E. Golitzyne, St-Petersbourg.)

Княгиня ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1785—1855, дочь Александра Львовича Нарышкина и Марии Алексеевны, рожденной Сепявиной, въ первомъ бракѣ, съ 13 Юля 1800 по 1811 годъ, была за сыномъ фельдмаршала Суворова, княземъ Аркадіемъ Александровичемъ, утонувшимъ въ рѣкѣ Рѣминкѣ 13 Апрѣля 1811 года. Бракъ этотъ не былъ особенно счастливъ; Суворовъ (см. о немъ т. I, № 68), подобно великому отцу, не былъ созданъ для семейной жизни: рысканье по полямъ съ собаками, холостая компанія, среди которой „Бизу“ предавался разгулу и необузданному вранью, отвлекали его отъ дома, гдѣ жена скучала одна и... принимала ухаживанія многочисленныхъ поклонниковъ: друзей—двоюродный братъ ея графъ М. С. Воронцовъ, сатирическій поэтъ, некрасивый, но умный С. П. Маринъ, мягкій и sentimentalный полковникъ Д. В. Арсеньевъ, питали къ ней нѣжныя чувства. Послѣдній бѣжалъ отъ нихъ даже въ армию на о. Корфу и въ Италію, Маринъ ругалъ за нее ея супруга, „котораго не худо бы прогнать шпицрутенами: какъ можно промѣнять жену на похабную цсовую охоту“; любясь ея маленькой дочкой Мими (Марія), Маринъ писалъ: „Какъ она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будетъ такъ же умна и любезна, какъ ея мать“, но въ то же время онъ находилъ, что „божество“ имѣть въ себѣ „все, что вѣтреность и кокетство имѣть опаснаго!“ За ту же неискренность и легкомысліе кузины охлаждалъ поздно къ ней и ея кузень Воронцовъ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы спасти отъ губительной страсти своего друга Арсеньева, выставляя ему на видъ всѣ недостатки прелестной княгини. (См. о ней еще т. I, № 51.)

Оставшись вдовою всего 26-лѣтѣ, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, княгиня Е. А. Суворова долго жила за границей, блистала въ 1814 году на Вѣнскомъ конгрессѣ и перебивала во всѣхъ почти столицахъ Европы, гдѣ пользовалась шумнымъ успѣхомъ, благодаря своей красотѣ и любезности. „Она соединила въ себѣ“, пишетъ одинъ изъ современниковъ, „съ замѣчательной красотой природную живость ума и обаяніе нѣжной и возвышенной души“. Желаніе правиться и прельщать долго ее не покидало и послужило предметомъ ѣдкаго замѣчанія князя П. А. Вяземскаго о „ея подведенныхъ рѣсницахъ и двухъ дюжинахъ парижскихъ зубовъ“.

Въ 1823 году, въ Баденѣ, княгиня Е. А. Суворова вышла замужъ вторымъ бракомъ за князя Василія Сергѣевича Голицына, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера, и остальную часть жизни провела почти безвыѣздно на югѣ Россіи, въ Одессѣ, Симферополѣ и въ Крымскомъ имѣніи мужа „Василь-Сарай“. Второй бракъ ея былъ бездѣтный, и старость ея протекала въ мирной домашней обстановкѣ; почти совершенно ослѣпшая подъ конецъ жизни, она сохранила полную свѣжесть ума и памяти, дѣлавшіе разговоръ ея и воспоминанія о прошедшемъ полнымъ живости и интереса. Скончалась она 3 Декабря 1855 г. въ Одессѣ; тамъ же и похоронена въ семейномъ склепѣ князей Голицыныхъ.

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse **HÉLÈNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE**, 1785 — 1855, fille d'Alexandre Lvovitch Narychkine et de Marie Alexéewna, née Séniavine, épousa en premières noces, le 13 juillet 1800, le fils du feld-maréchal Souvoroff, le prince Arcade Alexandrowitch Souvoroff, qui se noya dans le Rymnik le 13 avril 1811. Ce mariage fut loin d'être heureux: comme son célèbre père, Souvoroff (v. T. I, N° 68) n'était pas fait pour la vie de famille; battant la campagne avec ses chiens, se livrant en compagnie de célibataires à une débauche de conduite et de paroles, Bijou était perdu pour son foyer, où sa femme s'ennuyait seule et... accueillait les assiduités de nombreux adorateurs, son cousin le comte M. Worontzoff, le poète satirique, laid, mais homme d'esprit, S. Marine, le tendre et sentimental colonel D. Arsénieff, qui se retira de la société en allant rejoindre l'armée à Corfou et en Italie. Marine gourmandait pour elle son mari: „Il faudrait lui donner les verges; peut-on planter là sa femme pour une impudente chasse à courre?“ Il s'extasie sur sa petite fille Mimi (Marie): „Comme elle est devenue gentille! Je crois qu'elle sera, s'il est possible, aussi spirituelle et aussi aimable que sa mère“; mais il trouve en même temps que la „divinité“ présente „tous les dangers de la frivolité et de la coquetterie“. Ce manque de sincérité et cette légèreté refroidirent plus tard aussi son cousin Worontzoff, qui mit tous ses efforts à préserver d'une passion funeste son ami Arsénieff en lui faisant voir tous les défauts de la charmante princesse (v. aussi sur elle T. I, N° 51).

Veuve à 26 ans seulement avec quatre enfants en bas âge, la princesse Souvoroff habita longtemps à l'étranger, brilla en 1814 au congrès de Vienne, et fit le tour de presque toutes les capitales de l'Europe, où sa beauté et son amabilité lui valurent un bruyant succès. Au témoignage d'un contemporain, „elle unissait à une beauté remarquable une vivacité d'esprit naturelle et le prestige d'une âme tendre et élevée“. Le désir de plaire et de séduire lui resta longtemps, et fournit au prince Viazemsky l'occasion d'une observation mordante sur „ses sourcils peints et ses deux douzaines de dents de Paris“.

En 1825, à Bade, la princesse Souvoroff épousa en secondes noces le prince Basile Serguéewitch Golitzyne, conseiller d'état actuel et chambellan, et passa presque tout le reste de sa vie dans le midi de la Russie, à Odessa, à Simféropol et en Crimée dans la propriété de son mari, Vassil-Saraï. Elle n'eut pas d'enfants de ce second mariage, et sa vieillesse s'écoula dans le calme de son intérieur. Presque aveugle sur la fin de ses jours, elle avait conservé toute sa fraîcheur d'esprit et de souvenir: sa conversation et ses récits du passé étaient pleins de vivacité et d'intérêt. Elle mourut le 5 décembre 1855 à Odessa, et y fut inhumée dans le caveau de famille des princes Golitzyne.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Le prince BASILE SERGUÉEWITCH GOLITZYNE, 1792—1856, frère cadet des deux précédents, naquit le 5 décembre 1792. Entré au service le 29 août 1808 comme gentilhomme de XIVe classe au Collège des Affaires étrangères, il fut promu le lendemain à la Ve classe comme gentilhomme de la chambre, et envoyé le 7 novembre 1809 à l'armée de son père, en Galicie, „pour faire la correspondance diplomatique“. Il quitta le Collège au début de 1811, pour passer conseiller de l'administration de gouvernement à Penza, où son frère aîné Grégoire était alors gouverneur. Lors de la Guerre Patriotique et de la campagne de l'année suivante, il prit part dans les rangs de la milice de Penza à de nombreux combats: Leipzig lui valut Ste-Anne de 2e classe et Pour le Mérite, et le blocus de Hambourg une épée d'or. Passé le 19 juin 1815 major au régiment de hussards Alexandriysky, il quitta le service militaire le 18 mars 1817 pour entrer au Ministère des Affaires étrangères. Il fut affecté le 5 mai 1819 à la mission de Francfort, et fait chambellan le 12 décembre 1821, après quoi il prit sa retraite avec rang de conseiller d'état actuel et habita jusqu'à sa mort le midi de la Russie, Odessa et sa propriété de Crimée. Il mourut le 16 avril 1856, et fut inhumé à Odessa.

Il avait épousé en 1825 la princesse sérénissime Hélène Alexandrowna, Veuve Souvoroff, née Narychkine (1786—3 décembre 1856). Ils n'eurent pas d'enfants.

Au témoignage de Wiegél, qui connaissait bien toute la famille des Golitzyne de Zoubrilowka, le prince Golitzyne „n'était pas bête du tout et resta toujours un excellent et honnête homme; il aurait pu être plus utile, mais sa mère, qui l'adorait, lui fit beaucoup de tort en le gâtant. En général, tous les membres de cette famille sombrèrent dans une nullité, qui fut, pour les uns brillante, pour les autres pitoyable“.

(D'après une miniature appartenant à A. Fabergé, St-Petersbourg.)

Князь **ВАСИЛІЙ СЕРГѢВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1792—1856, младшій братъ двоихъ предыдущихъ Голицыныхъ, родился 5 Декабря 1792 г.; 29 Августа 1808 г. поступилъ на службу юнкеромъ XIV класса въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и на другой день пожалованъ въ камеръ-юнкеры V класса; 7 Ноября 1809 г. былъ командированъ въ Галицію, въ армію его отца „для отправленія дипломатической переписки“. Въ началѣ 1811 г. Голицынъ былъ уволенъ отъ службы въ Коллегіи, съ назначеніемъ совѣтникомъ Губернскаго правленія въ Пензу, гдѣ старшій его братъ, Григорій, былъ тогда губернаторомъ. Во время Отечественной войны и кампаніи слѣдующаго года участвовалъ, въ рядахъ Пензенскаго ополченія, во многихъ сраженіяхъ, при чемъ за Лейпцигъ получилъ орденъ Анны 2 степени и „*Pour le Mérite*“, а за блокаду Гамбурга—золотое оружіе; 19 Іюня 1815 г. переведенъ изъ ополченія въ Александрійскій гусарскій полкъ майоромъ, а 18 Марта 1817 г. уволенъ отъ военной службы, съ причисленіемъ къ Министерству Иностранныхъ дѣлъ; въ 1819 г., 5 Мая, князь Голицынъ былъ причисленъ къ Франкфуртской миссіи, 12 Декабря 1821 г. пожалованъ въ камергеры, а затѣмъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вышелъ въ отставку и жилъ до своей смерти на югѣ Россіи, въ Одессѣ и въ своемъ имѣніи въ Крыму. Умеръ князь В. С. Голицынъ 16 Апрѣля 1856 г. и похороненъ въ Одессѣ.

Съ 1823 г. князь В. С. Голицынъ былъ женатъ на вдовѣ свѣтлѣйшей княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Суворовой, рожденной Нарышкиной (р. 1786 г., † 3 Декабря 1856 г. въ Одессѣ). Потомства у нихъ не осталось.

Вигель, хорошо знавшій всю семью Зубриловскихъ Голицыныхъ, говоритъ о князѣ Василіи Сергѣевичѣ, что онъ былъ „весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще всѣ члены этого семейства погибли, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ“.

(Съ миниатюры, принадлежащей А. К. Фаберже, въ С.-Петербургѣ.)

МАТВѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СПИРИДОВЪ, 1751—1829, сынъ адмирала Григорія Андреевича (р. 1713 г., † 1790 г.) отъ брака съ Анной Матвѣевной Пестеровой (р. 1731 г.), родился 20 Января 1751 г.; 12-и лѣтъ зачисленъ въ пажи, затѣмъ до 1778 г. служилъ въ Семеновскомъ полку, послѣ чего перешелъ на гражданскую службу. Пожалованный въ камеръ-юнкеры, онъ былъ опредѣленъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, въ 80-хъ годахъ управлялъ Вотчинной коллегіей, а въ 1793 г. назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ; 28 Октября 1798 г. Спиридовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1800—1802 гг. произвелъ сенаторскую ревизію губерній Казанской, Вятской, Оренбургской и Саратовской и 12 Декабря 1809 г., состоя по 7 Апелляціонному Департаменту, уволенъ отъ службы. Скончался Спиридовъ въ 1829 году.

Съ молодыхъ лѣтъ Спиридовъ занимался литературой и наукой; въ 1771 г. онъ участвовалъ въ журналѣ Рубана „Трудолюбивый муравей“. Научныя его занятія главнымъ образомъ были посвящены русской генеалогіи. Въ 1793 и 1794 гг. онъ издалъ 2 тома „Родословнаго Россійскаго Словаря“ (буквы А и Б), который началъ составлять въ 1786 г. вмѣстѣ со своимъ тестемъ, историкомъ княземъ М. М. Щербатовымъ, а по смерти послѣдняго въ 1790 г. продолжалъ одинъ. Книги эти въ настоящее время являются библиографической рѣдкостью (второй томъ извѣстенъ въ одномъ только экземплярѣ), и библіографъ Остроглазовъ высказалъ предположеніе, что авторъ, недовольный своимъ трудомъ, самъ уничтожилъ его (Спиридовъ называетъ своимъ первымъ печатнымъ трудомъ книгу, изданную въ 1804 г.). Составители Словаря возвысились до современныхъ научныхъ требованій: каждое извѣстіе сопровождается точнымъ указаніемъ источника, но въ число источниковъ попали и вымышленныя Разрядныя книги. Перу Спиридова принадлежать еще: „Краткій опытъ историческаго извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1804 г., и „Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ“, первая 2 части котораго вышли въ 1810 г.; остальные 7 частей, совершенно готовыя къ печати, сгорѣли въ 1812 г. вмѣстѣ съ его Московскимъ домомъ; къ счастью, сохранились черновыя, которыя наслѣдниками принесены были въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ. Н. П. Лихачевъ приписываетъ еще Спиридову статью въ Древней Россійской Вибліотекѣ „О старинныхъ чинахъ въ Россіи“.

Съ 10 Мая 1775 г. Спиридовъ былъ женатъ на княжнѣ Ирпнѣ Михайловнѣ Щербатовой (р. 1757 г., † 1827 г.), отъ которой имѣлъ одну дочь, Акулину, и 6 сыновей: Григорія (р. 1777 г.), Алексѣя (р. 1785 г.), Пвана (р. 1787 г., † 1821 г.), Александра (р. 1788 г.), Андрея и Михаила (р. 1797 г.; декабристъ).

(Съ миниатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

MATHIEU GRIGORIEWITCH SPIRIDOFF, 1751 — 1829, fils de l'amiral Grégoire Andréewitch Spiridoff (1715—1790) et d'Anne Matvéewna, née Nestéroff (née 1751), naquit le 20 novembre 1751. Enrôlé page à 12 ans, il servit jusqu'en 1778 au régiment Sémenowsky, puis passa au service civil. Gentilhomme de la chambre, il fut affecté au Sénat, bureau du procureur général, dirigea dans les années 80 l'administration des domaines patrimoniaux, et devint en 1793 sénateur aux départements de Moscou. Conseiller privé actuel le 28 octobre 1798, il fit en 1800/1802 la revision sénatoriale des gouvernements de Kazan, Viatka, Orenbourg et Saratoff, et prit sa retraite le 12 décembre 1809: il siégeait alors au département d'Appel. Il mourut en 1829.

Spiridoff s'occupa tout jeune de littérature et de science: en 1771, il collaborait à la revue de Roubane *La Fourmi Laborieuse*. Ses travaux scientifiques sont surtout consacrés à la généalogie russe. Il publia en 1795 et 1794 deux volumes (lettres A et B) du *Dictionnaire Généalogique Russe* qu'il avait commencé en 1786 avec son beau-père le prince M. Chtcherbatoff, l'historien, et qu'il continua seul après sa mort en 1790. Ces livres sont aujourd'hui une rareté bibliographique (on ne connaît du second volume qu'un seul exemplaire), et le bibliographe Ostroglazoff a émis la supposition que l'auteur, mécontent de son travail, l'aurait détruit lui-même (Spiridoff appelle sa première publication un livre paru en 1804). Les auteurs du *Dictionnaire* se montrent à la hauteur des exigences de la science moderne: les renseignements sont tous accompagnés de l'indication précise des sources, parmi lesquelles figurent malheureusement de faux nobiliaires. On a encore de Spiridoff *Essai sommaire de Notice historique sur la Noblesse Russe*, paru en 1804, et *Abrégé des Etats de service des Russes Nobles*, dont les deux premières parties parurent en 1810, et les sept autres, complètement prêtes pour l'impression, brûlèrent en 1812 à Moscou avec la maison de l'auteur; les brouillons ont heureusement été conservés, et donnés par les héritiers à la Bibliothèque Impériale Publique. N. Likhatcheff attribue encore à Spiridoff un article de l'*Ancienne Bibliothèque Russe* sur *La vieille Hiérarchie Russe*.

Spiridoff épousa le 10 mai 1775 la princesse Irène Mikhaïlowna Chtcherbatoff (1757—1827), dont il eut une fille, Akouline, et six fils, Grégoire (né 1777), Alexis (né 1785), Ivan (1787—1821), Alexandre (né 1788), André, et Michel (né 1797), décabriste.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ИВАНЪ АКИФИЕВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ, 1752 — 1815, сынъ ротмистра Акифія Андреевича († 1796 г.), родился 27 Декабря 1752 г. и приобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что въ 1812 г. сохранялъ невредимымъ Московскій Воспитательный домъ. Хлопоты Тутолмина начались еще до вступленія въ Москву французовъ: сначала нужно было отправить въ Казань старшихъ питомцевъ, когда же въ городѣ были разбиты кабаки, пришлось приводить „въ нѣкоторый порядокъ“ прислугу, нанесшую вина въ Воспитательный домъ и перепившуюся, способомъ, характернымъ для того патріархальнаго времени: Тутолминъ „вино лилъ, а ихъ билъ“. Тотчасъ по вступленіи Наполеона въ Москву, Тутолминъ отправился въ Кремль и выхлопоталъ у французскаго генераль-губернатора „сальво-гвардію“ для Воспитательнаго дома. Когда начались пожары, и Воспитательный домъ былъ „со всѣхъ сторонъ окруженъ пламенемъ“, Тутолминъ „въ потѣ лица гасилъ и раскидывалъ сосѣдніе деревянные заборы и строенія“. Наполеонъ пожелалъ видѣть лично главнаго надзирателя, но Тутолминъ „равнодушно принялъ“ это приглашеніе; тѣмъ не менѣе, 6 Сентября отправился во Дворецъ, гдѣ имѣлъ подчасовую аудіенцію у императора французовъ. Непріятели рѣшили использовать уцѣлѣвшій Воспитательный домъ для устройства въ немъ лазарета; это гарантировало Воспитательному дому безопасность, но подвергло риску занесенія всякой заразы. Хлопоты Тутолмина не прекратились и тогда, когда Домъ былъ огражденъ отъ разграбленія. Къ нему со всѣхъ сторонъ стекались москвичи-погорѣльцы, просившіе „пристанища и покровъ“, „приползавшіе“ раненые изъ облитыхъ пламенемъ госпиталей, доставлялись безпомощные старики или безпріютныя дѣти. Тутолминъ не только давалъ имъ убѣжище, но, „хотя и бѣдный, употребилъ изъ своихъ денегъ не малую сумму на вспоможеніе своимъ нуждающимся собратіямъ, изъ христіанскаго состраданія“. Приходилось заботиться о продовольствіи многочисленнаго населенія Дома; Тутолминъ посылалъ по деревнямъ искать хлѣба, имѣя при этомъ и патріотическую цѣль — „дать извѣстіе войскамъ нашимъ о всѣхъ въ Москвѣ происшествіяхъ“; въ то же время онъ находилъ въ себѣ еще силы заботиться, чтобы питомцы вели нормальный образъ жизни, „занимались классическимъ ученіемъ, вязаніемъ чулокъ и рукодѣліемъ“. Вступленіе русскихъ войскъ принесло новыя безпокойства Тутолмину: 11 Октября казаки „вскакали въ Воспитательный домъ и, ворвавшись въ окружное строеніе, ограбили французовъ и расхищали все имущество жившихъ въ томъ строеніи служителей“. Тутолмину не было возможности отдохнуть: надо было очищать лазареты, „наполненные всякою нечистотою и мерзостью, съ вкоренившимися язвительными мокротами“, приходилось вести переписку о всѣхъ подробностяхъ погрома и съ Опекунскимъ Совѣтомъ, и съ самой Императрицей Маріей Ѳеодоровной; послѣднее особенно затруднило Тутолмина, и онъ признавался, что „отъ Государыни перепиской чрезвычайно замученъ“. Тутолминъ, наконецъ, слегъ и сталъ проситься въ отставку. Императрица и слышать не хотѣла объ этомъ: „сохраненіе ваше мнѣ драгоцѣнно“, писала она, „увольненіе же ваше вовсе отъ службы есть такое слово, о которомъ и помыслить не хочу“; онъ былъ награжденъ орд. Анны 1-й ст. и пенсією. И. А. Тутолминъ скончался 17 Сентября 1815 г., оставивъ бездѣтную вдову Анну Степановну, рожденную Кошкаркову; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. На памятникѣ его слѣдующая надпись: „Во время непріятельскаго вторженія въ Москву 1812 г., среди пожаровъ, грабежей и убійствъ сохранилъ онъ челоуѣколюбивое заведеніе—Воспитательный домъ съ питомцами и служащими при ономъ; давалъ въ немъ пристанище несчастнымъ жителямъ столицы и съ ними раздѣлялъ послѣднюю свою пищу. Сей памятникъ воздвигли ему супругъ его, благодарные подчиненные и тѣ изъ постороннихъ, которые въ 1812 г. пользовались его попеченіями и спасены отъ голодной и насильственной смерти. Мужъ добродѣтельный, честный, челоуѣколюбивый, пожертвовавшій собою для спротивъ и соотечественниковъ“.

„Отечеству, царю, сограждапамъ любезенъ,
Во время смутное онъ спривъ былъ полезенъ,
Младенцевъ сохранилъ, безкровнымъ далъ покровъ

И твердостью своей очаровалъ враговъ.
При жизни онъ искалъ несчастнымъ быть отцомъ,
По смерти—праведникъ, бесѣдуетъ съ Творцомъ“.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ.)

IVAN AKINFIEWITCH TOUTOLMINE, 1752—1815, fils d'un capitaine de cavalerie († 1796), naquit le 27 décembre 1752; il est célèbre pour avoir su conserver indemnes en 1812 les Enfants-Trouvés de Moscou. Ses peines commencèrent bien avant l'entrée de l'ennemi: il dut d'abord envoyer à Kazan les plus grands de ses pupilles. Puis, quand ce fut le pillage des cabarets de la ville, il fallut rétablir „un peu d'ordre“ dans le service: le personnel avait introduit de l'alcool et s'en gorgeait; Toutolmine fit, procédé bien caractéristique de ce temps patriarcal, „jeter la boisson et rosser les buveurs“. Sitôt les Français à Moscou, il alla au Kremlin se faire donner par le général gouverneur ennemi sauvegarde pour son établissement. Lorsque éclata l'incendie et que l'édifice fut „de toutes parts environné de flammes“, il travailla „à la sueur de son front à combattre le fléau et à jeter bas les clôtures et bâtiments voisins“. Napoléon voulut voir en personne le directeur général; celui-ci, „peu sensible“ à l'invitation, s'y rendit pourtant, et eut au Palais, le 6 septembre, une audience d'une demi-heure. L'ennemi décida d'installer une ambulance dans les bâtiments ainsi préservés du feu: les Enfants-Trouvés étaient dès lors garantis contre le danger, mais exposés à toute espèce de contagion. Les difficultés continuèrent même après qu'on eut évité le pillage: Toutolmine fut assailli d'incendiés demandant „asile et protection“, de blessés évadés des hôpitaux en feu, de vieillards abandonnés et d'enfants perdus, et non seulement il donna refuge à tous, mais encore, „pauvre comme il était lui-même, ne ménager pas ses ressources personnelles pour venir en aide à ses frères dans le besoin, par charité chrétienne“. Il fallait encore nourrir tout ce monde; il envoya chercher du grain dans les campagnes, ayant en même temps un but patriotique, celui de „faire communiquer à nos troupes tous les événements de Moscou“; il trouvait en outre la force de veiller à ce que les pupilles eussent leur régime normal, „classes, tricotage et travaux manuels“. A l'entrée des troupes russes, ce fut encore autre chose: le 11 octobre, les Cosaques „envahirent l'établissement et firent irruption dans l'annexe de service pour piller les Français et déponniller le personnel“. Toutolmine n'avait pas de repos: il fallut nettoyer les ambulances, „pleines de toute espèce de saletés et d'horreurs, imprégnées de germes pestilentiels“, entrer en correspondance sur tous les détails du pillage, tant avec le Conseil de Tutelle qu'avec l'Impératrice Marie Féodorowna elle-même, et ceci surtout lui donna beaucoup de mal: il disait lui-même que cette correspondance avec l'Impératrice „l'avait mis à bout de forces“. Obligé finalement de garder le lit, il donna sa démission; mais l'Impératrice ne voulut rien entendre: „Votre présence m'est précieuse“, lui écrivait-elle, „et votre retraite définitive est une chose à laquelle je ne veux même pas songer“. Il reçut Ste-Anne de 1re classe et une pension.

Toutolmine mourut le 17 septembre 1815, laissant une veuve sans enfants, Anne Stépanowna, née Kochkaroï; il fut inhumé au monastère Donskoï. Son monument porte l'inscription suivante: „Lors de l'invasion ennemie à Moscou en 1812, parmi l'incendie, le pillage et le meurtre, il préserva son établissement philanthropique des Enfants-Trouvés, pupilles et personnel, y donna asile aux infortunés habitants de la capitale et partagea avec eux ses derniers vivres. Monument élevé par sa veuve, ses subordonnés reconnaissants et tous ceux qu'il a protégés en 1812 et sauvés de la faim et de la mort violente. Vertueux, probe, charitable, dévoué aux orphelins et à ses compatriotes,

„Cher au pays, au Tzar, à ses concitoyens,
 „Au temps d'alarme il fut aux orphelins utile,
 „Protégeant les enfants, donnant asile aux pauvres,
 „Et par sa fermeté ravissant l'ennemi.
 „Dans la vie, sans succès il voulut être père,
 „Dans la mort, bienheureux, il parle au Créateur“.

(D'après un original conservé aux Enfants-Trouvés de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АЛЪБЬЕВЪ, 1746—1822, происходилъ изъ старинной дворянской фамилии и родился 21 Юня 1746 г.; поступивъ въ 1761 г. въ Преображенскій полкъ, онъ пробылъ въ военной службѣ до 1777 г., когда былъ уволенъ, съ чиномъ арміи полковника, для опредѣленія „къ статскимъ дѣламъ“. Послѣ кратковременной службы въ Мануфактуръ-коллегіи, Алъбьевъ около 20 лѣтъ съ успѣхомъ прослужилъ въ провинціи—на сѣверной и восточной окраинахъ Россіи. Всегда дѣятельный, энергичный, онъ вносилъ живое отношеніе во всякое порученное ему дѣло. Съ 1779 по 1783 г. Алъбьевъ занималъ должность совѣтника Вологодской казенной палаты и завѣдывалъ таможенной частью на всемъ крайнемъ Сѣверѣ. Назначенный въ 1783 г. Пермскимъ вице-губернаторомъ, онъ содѣйствовалъ развитію Уральской горной промышленности и улучшенію судоходства по р. Чусовой. Съ 1787 г. по 1796 г. Алъбьевъ состоялъ Тобольскимъ губернаторомъ; за это время онъ, между прочимъ, собралъ до милліона рублей недоимокъ безъ обремененія населенія и увеличилъ средства Приказа Общественнаго призрѣнія, чѣмъ далъ ему возможность расширить свою благотворительную дѣятельность. Въ 1796 г. Алъбьевъ былъ назначенъ Казанскимъ губернаторомъ, при чемъ ему была поручена и Астраханская губернія для приведенія ее въ порядокъ, что онъ исполнилъ успѣшно. Дѣятельность его тамъ усложнилась еще порученіемъ ему снабженія арміи провіантомъ во время войны съ Персіей. Въ 1798 г. Алъбьевъ назначенъ сенаторомъ и президентомъ Бергъ-коллегіи, къ чему онъ уже былъ подготовленъ своей предыдущей дѣятельностью на Уралѣ. По его мысли былъ устроенъ на Камѣ оружейный заводъ въ 1800 г.; въ томъ же году ему было поручено управленіе Горнымъ училищемъ, въ которомъ онъ произвелъ разныя улучшения, а въ 1801 г. еще и завѣдываніе Монетнымъ департаментомъ. Въ 1803 г. Алъбьевъ былъ уволенъ отъ должности президента Бергъ-коллегіи и остался только сенаторомъ сначала Межевого (по 1805 г.), затѣмъ 8 и 7 Департаментовъ (съ 1806 по 1822 г.). Въ качествѣ сенатора ему была поручена ревизія Олонецкой губерніи, Московскихъ присутственныхъ мѣстъ (1810 г.) и Костромской гражданской палаты (1815 г.). Въ 1818 г. Алъбьевъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Межевой канцеляріи и оставался въ этой должности до самой смерти, послѣдовавшей 16 Октября 1822 года. Чины Межевого корпуса, который Алъбьевъ, по словамъ надгробной надписи, „осчастливилъ всѣми тѣми благами, какія могутъ имѣть безприщипные начальники и благотворители, воздвигли“ въ Симоновомъ монастырѣ надъ могилой своего „благодѣтеля“ памятникъ со слѣдующей эпитафіей въ стихахъ:

„Державы твердый столбъ и сирыхъ благодѣтель,	Не тиламъ суди, вельможи
На службѣ правды и царю	[дѣтель, (Онъ ими не сіялъ,—они сіяли имъ),
Былъ чтиль, какъ древній храмъ, гдѣ крылась добро-	По челоуку здѣсь ты поклонись, прохожій,
И встрѣтилъ радостно безсмертія зарю.	И жить, и умереть учись надъ прахомъ симъ!“

До насъ дошелъ и противоположный отзывъ объ Алъбьевѣ. Поэтъ князь П. М. Долгорукой посвящаетъ ему въ своемъ „Капищѣ“ такія строки: „Мало людей въ столицѣ, да и во всей Россіи, на которыхъ я могъ бы съ такой ненавистью взглянуть, какъ на него. Не будучи со мной знакомъ, онъ всѣми образами старался мнѣ наносить обиды: сіе доказано многими дѣлами въ Сенатѣ, въ которыхъ голоса его всегда мнѣ вредили. Изъ всѣхъ случаевъ подобныхъ одинъ особенно сохранится до гроба въ памяти моей... Когда Высочайше повелѣно было отъ Верховнаго Совѣта сдѣлать мнѣ въ Общемъ собраніи Сената Московскаго выговоръ за неосновательную на него будто бы жалобу и дерзкія въ ней выраженія, я явился въ Сенатъ. Г. Алъбьевъ, какъ старшій членъ его по чину, имѣлъ духъ, не смигая, на меня глядѣть во все время исполненія сего несправедливаго приговора, и безъ малѣйшаго смущенія, отъ котораго не свободны были прочіе его сотоварищи, онъ, какъ бы съ торжественнымъ удовольствіемъ, приказалъ чтенію сего указа подойти ко мнѣ ближе, дабы я внятнѣе могъ выслушать все его содержаніе, и безъ того мнѣ весьма извѣстное. Такая топкость въ оскорбленіи челоука, ни въ чемъ передъ нимъ не вповсѣдному, есть вывѣска его характера“.—Алъбьевъ былъ женатъ (его жена, Анна Андреевна, умерла въ 1815 г.) и имѣлъ 2 сыновей: одинъ, Александръ, былъ композиторъ, авторъ популярнаго романа „Соловей“, каретникъ, кончившій печально, другой—извѣстный въ Москвѣ спортсменъ.

(Съ портрета, принадлежащаго А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH ALIABIEFF, 1746—1822, originaire d'une vieille famille noble, naquit le 21 juin 1746. Enrôlé en 1761 au régiment Préobragensky, il resta au service militaire jusqu'en 1777, et, alors colonel, passa „aux affaires civiles“. Après une brève apparition au Collège des Manufactures, il fit plus de vingt ans d'excellent service en province, à l'extrême nord et est de la Russie, toujours actif, énergique, introduisant partout un élément d'animation. De 1779 à 1783, il fut conseiller au fisc de Vologda et directeur des douanes de tout l'extrême nord. Vice-gouverneur de Perm en 1783, il s'efforça de développer l'industrie minière de l'Oural et d'améliorer la navigation de la Tchousovaïa. Gouverneur de Tobolsk de 1787 à 1796, il fit, entre autres choses, rentrer près d'un million d'arriérés sans obérer la population, et développa les ressources de l'Assistance Publique, lui permettant ainsi d'élargir le domaine de son activité. Gouverneur de Kazan en 1796, il eut en même temps à rétablir l'ordre dans l'administration du gouvernement d'Astrakhan, et mena la chose à bien; ses fonctions se compliquèrent encore du ravitaillement de l'armée de Perse au moment de la guerre. Nommé en 1798 sénateur et président du Collège des Mines, partie qui n'était pas nouvelle pour lui depuis son séjour dans l'Oural, il fit fonder en 1800 une manufacture d'armes sur la Kama, reçut la même année la direction de l'Ecole des Mines, où il fit diverses améliorations, et de plus, l'année suivante, celle du département des Monnaies. Il quitta en 1803 la présidence du Collège des Mines pour ne conserver que son poste de sénateur, d'abord, jusqu'en 1805, au département du Cadastre, puis, de 1806 à 1822, aux 8e et 7e départements. Il eut à faire, comme sénateur, la revision du gouvernement d'Olonetz, des administrations de Moscou (1810) et du tribunal civil de Kostroma (1815). Nommé en 1818 directeur général de la chancellerie du Cadastre, il le resta jusqu'à sa mort, le 16 octobre 1822. Les fonctionnaires du Cadastre, „comblé par lui“, dit son épitaphe, „de tous les biens que peuvent avoir des chefs et des bienfaiteurs sans pareils, ont élevé“ sur sa sépulture au monastère Simonoff un monument portant l'inscription suivante:

„Ferre appui du pouvoir, tuteur des orphelins,
 „Servant la justice et le Tzar,
 „Honoré comme un temple asile de vertu,
 „De la mort avec joie il salua l'aurore.
 „Aux titres du seigneur, du juge,
 „Qu'il ornait bien plutôt qu'il n'en était orné,
 „Ne songe pas, passant, mais honore ici l'homme,
 „Et sur sa tombe apprends à mourir et à vivre!“

Il existe aussi sur Aliabieff un témoignage tout opposé. Le prince poète I. Dolgorouky lui consacre dans son Sanctuaire les lignes suivantes: „Il y a peu de gens dans la capitale, et même dans toute la Russie, qui puissent me faire plus horreur que lui. Sans me connaître, il n'a pas manqué une occasion de me faire des avanies: témoin plusieurs affaires au Sénat où sa voix m'a toujours fait tort. Il en est une, entre toutes, dont je me souviendrai jusqu'au tombeau... Lorsque, par ordre de Sa Majesté, on dut m'infliger un blâme en séance plénière du Sénat de Moscou pour avoir lancé contre le Conseil Suprême une plainte soi-disant mal fondée et conçue en termes outrageants, je comparus au Sénat. M. Aliabieff, en qualité de doyen de rang, eut le courage de ne pas me quitter des yeux durant toute l'exécution de cette inique sentence, et, sans rien ressentir de la gêne de tous ses collègues, il eut une sorte de plaisir triomphal à faire approcher tout près de moi le lecteur de l'oukaze, afin que je pusse mieux en entendre le contenu, que je connaissais déjà bien assez. Un tel raffinement dans l'outrage quand je ne lui avais jamais rien fait sert d'enseigne à son caractère“.

Aliabieff eut de son mariage (avec Anne Andréewna, morte en 1813) deux fils, Alexandre, compositeur, auteur de la romance populaire Le Rossignol, joueur qui eut une triste fin, et un autre, connu à Moscou comme sportsman.

(D'après un original appartenant à A. Vsévolosky, Moscou.)

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТУТОЛМИНЪ, 1760—1839, сынъ статскаго совѣтника Василя Ивановича (р. 1710 г., † 1794 г.) и жены его Анны Павловны (фамилія неизвѣстна; р. 1743 г., † 1821 г.), родился 9 Ноября 1760 г.; съ молодыхъ лѣтъ онъ служилъ при дворѣ, состоя сначала въ числѣ кавалеровъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ, затѣмъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а 10 Мая 1793 г. въ камергеры ко двору Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны; 26 Февраля 1798 г. Тутолминъ былъ назначенъ шталмейстеромъ Великаго Князя Константина Павловича. Состоя почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго совѣта, Тутолминъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императрицы Маріи Θεодоровны и въ 1806 г. былъ назначенъ Императрицею управляющимъ (послѣ А. А. Саблукова) Маріинской больницей, въ С.-Петербургѣ, только-что устроявшейся въ то время Маріей Θεодоровной. Въ этой должности Тутолминъ оставался въ теченіе 26-и лѣтъ (до 1832 г.) и, по словамъ историка Маріинской больницы, „оставилъ неизгладимые слѣды своего крайне внимательнаго и дѣловаго отношенія къ больницѣ“.

Одновременно Тутолминъ былъ сенаторомъ, а съ 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта по Департаменту Государственной Экономіи; въ 1818 г. онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1831 г. назначенъ временно предсѣдателемъ Комиссіи прошеній. Преклонные годы и болѣзни жены заставляли Тутолмина тяготиться службой; ему приходилось часто отлучаться въ Москву и въ свое Каинское имѣніе. Наконецъ, онъ просилъ увольненія отъ службы, но, вмѣсто того, на Пасху 1832 г., 9 Апрѣля, получилъ звѣзду св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ, въ которомъ было сказано, что, „цѣня въ полной мѣрѣ заслуги“ Тутолмина, Государь проситъ его „не оставлять полезной Отечеству службы“.

И. В. Тутолминъ умеръ въ Москвѣ „отъ нервической горячки“ 7 Апрѣля 1839 г. и похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ; онъ былъ женатъ на единственной дочери фельдмаршала графа П. П. Панина, Софіи Петровнѣ (р. 18 Октября 1772 г., † 22 Мая 1834 г.; похоронена также въ Донскомъ монастырѣ).

Дѣтей у нихъ не было, но былъ пріемный сынъ, подкинутый въ Пасхальную ночь съ 9 на 10 Апрѣля 1832 г., въ день полученія Тутолминымъ ордена св. Андрея. Мальчика звали Алексѣй, затѣмъ онъ получилъ отчество Андреевича и фамилію Пасхина. Происхожденіе его осталось неизвѣстнымъ. Тутолминъ хлопоталъ ему дворянство и австрійское баронство, а Софія Петровна Тутолмина оставила значительное состояніе. (О баронѣ Пасхинѣ см. Русскій Архивъ, 1908 г., № 1; онъ умеръ, будучи ротмистромъ аб.-гв. Гусарскаго полка, безъ потомства, и на могилѣ его въ Сергіевской пустыни, на памятникѣ панинано: „родился 17 Апрѣля 1831 г., умеръ 20 Юня 1863 г.“).

Портретовъ И. В. Тутолмина извѣстно нѣсколько: въ с. Маренинѣ, Московской губ., у графини С. В. Паниной, въ ростъ; подобный же въ с. Дугинѣ, Смоленской губ., у князей Мещерскихъ; затѣмъ у И. Θ. Тутолмина, въ С.-Петербургѣ.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михайловичу.)

IVAN VASSILIEWITCH TOUTOLMINE, 1760—1839, fils du conseiller d'état Basile Ivanowitch Toutolmine (1710—1794) et d'Anne Ivanowna, née de famille inconnue (1743—1821), naquit le 9 novembre 1760. Il servit tout jeune à la Cour, d'abord chevalier du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, puis gentilhomme de la chambre et, le 10 mai 1793, chambellan de la Cour de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna; il devint le 26 février 1798 grand écuyer du Grand-Duc Constantin Pavlowitch. Tuteur honoraire du Conseil de Tutelle de Pétersbourg, il jouissait de la bienveillance et de la confiance particulières de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui le choisit en 1806 pour succéder à A. Sabloukoff à la direction de l'Hôpital Marie qu'elle venait d'organiser. Il y passa vingt-six ans, jusqu'en 1832, et, au témoignage de l'historien de l'Hôpital, „son administration soigneuse et entendue y laissa des traces ineffaçables“. En même temps sénateur, et, depuis 1810, membre du Conseil de l'Empire à la Section d'Economie politique, il fut fait en 1818 conseiller privé actuel. Nommé en 1831 président intérimaire de la Commission des Requêtes, son service se ressentit de son grand âge et de la santé de sa femme, qui l'obligeaient à de fréquents voyages à Moscou et dans ses terres de Kline. Il finit par donner sa démission, mais reçut en réponse, le 9 avril 1832, jour de Pâques, l'étoile de St-André avec un rescrit où l'Empereur, „rendant pleine justice aux mérites“ de Toutolmine, le priait de „ne pas quitter un service utile à la Patrie“.

Toutolmine mourut à Moscou d'une „fièvre nerveuse“ le 7 avril 1839, et fut inhumé au monastère Donskoï. Il avait épousé la fille unique du feld-maréchal comte P. Panine, Sophie Pétrowna (18 octobre 1772—22 mai 1834, inhumée également au monastère Donskoï). Ils n'eurent pas d'enfant à eux, mais en adoptèrent un abandonné la nuit de Pâques du 9 au 10 avril 1832, date de la décoration de Toutolmine. C'était un garçon qui reçut le nom d'Alexis, et plus tard le nom patronymique d'Andréewitch et le nom de famille de Paskhine. Sa naissance resta inconnue. Son père adoptif lui fit donner la noblesse et la baronnie autrichienne, et sa mère adoptive lui laissa une fortune considérable. (V. sur le baron Paskhine l'Archive Russe, 1908, № 1; il mourut capitaine de cavalerie aux hussards de la Garde, sans postérité, et son monument au monastère St-Serge porte l'inscription: „Né le 17 avril 1831, mort le 20 juin 1863“.)

On connaît plusieurs portraits de Toutolmine: au bourg de Marfino, gouvernement de Moscou, chez la comtesse S. Panine, en pied; un autre, analogue, au bourg de Donguino, gouvernement de Smolensk, chez les princes Mechtersky; puis un troisième chez I. Toutolmine, à St-Pétersbourg.

(D'après une aquarelle appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

51

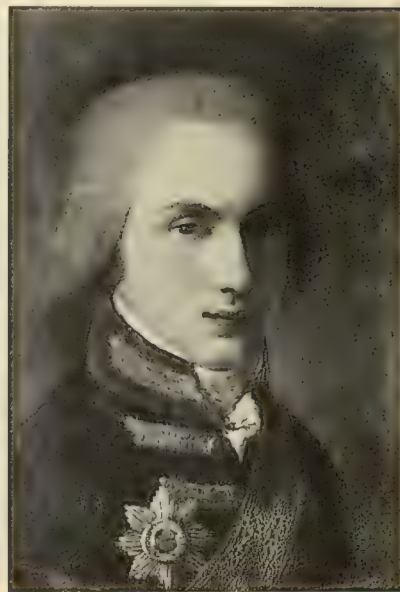
Княгиня Екатерина Васильевна La Princesse Catherine Vassilievna
Вяземская, Viazemsky,
1777. — 1816 1777. — 1816

52

Княгиня Елена Никитична La Princesse Hélène Nikititchna
Вяземская, Viazemsky,
1745 — 1832 1745 — 1832

53

Илс. Тонин Peint par Tancr
Князь Николай Григорьевич Le Prince Nicolas Grigorievitch
Вяземский, Viazemsky,
1769 — 1846 1769 — 1846

54

Клѣмѣня Вѣра Федоровна *La Princesse Véra Fédorovna*
Вяземская, *Viazemsky,*
1790 — 1886 1790 — 1886

55

Князь Петра Андреевича *Le Prince Pierre Andréievitch*
Вяземскій, *Viazemsky,*
1792 — 1878 1792 — 1878

56

Софія Федоровна *Sophie Fédorovna*
Ладомірская, *Ladomirsky,*
1794 — 1855 1794 — 1855

57

Василій Николаевичъ *Basile Nikolaevitch*
Ладомірскій, *Ladomirsky,*
1786 — 1847 1786 — 1847

58

Чл. В. Р. О. С. С. В.

Рост. на. Восточн.

Княгиня Клеопатра Пыритична
Лобановъ-Ростовская,
Lobanoff-Rostovsky,

1791. — 1840

1791. — 1840

59

Князь Александръ Яковлевъ
Лобановъ-Ростовскій,
Lobanoff-Rostovsky,

1788 — 1866

1788 — 1866

60

Пис. Лудерс, 1758

Paint par Luder, 1758

Князь Иванъ Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1731 — 1791

62

61

Пис. Лудерс, 1759

Paint par Luder, 1759

Княгиня Екатерина Александровна
Лобанова-Ростовская,
1735 — 1802

63

Князь Дмитрій Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1758 — 1838

Le Prince Dmitri Ivanowitch
Lobanoff-Rostowsky,
1758 — 1838

Князь Алексій Яковлевичъ
Лобановъ-Ростовскій,
1795 — 1848

Le Prince Alexis Yakovlewitch
Lobanoff-Rostowsky,
1795 — 1848

64

Андрей Тимофеевич
Болотовъ,
1738 — 1833

André Timoféewitch
Bolotoff,
1738 — 1833

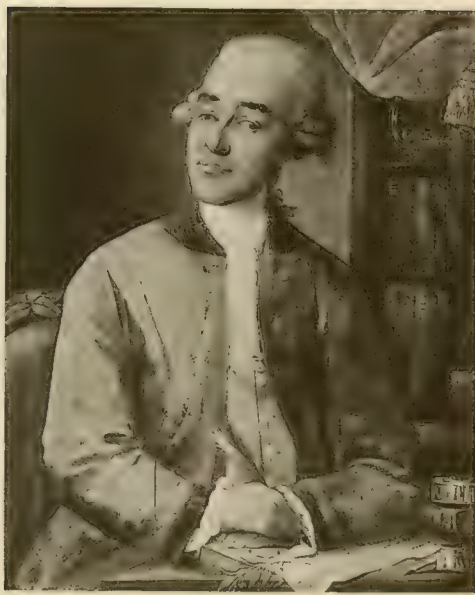
65

Василий Назарьевичъ
Каразинъ,
1773 — 1842

Basile Nazariéwitch
Karazine,
1773 — 1842

66

Пис. А. Клипкоффъ, 1786

Василий Григорьевичъ
Рубанъ,
1742 — 1795

Basile Grigoriéwitch
Roubane,
1742 — 1795

Peint par A. Klipchoff, 1786

67

Павел Перфильевич Елагинъ, *Pavel Perfilievitch Elaguine,*
1725 — 1793 1725 — 1793

69

Марта Ивановна Воронцова, *Marthe Ivanovna Worontzoff,*
1718 — 1745 1718 — 1745

68

Петръ Никитичъ Кречетниковъ, *Peter Nikititch Kretchetnikoff,*
1727 — 18 .. 1727 — 18 ..

70

Графиня Марія Артемьевна Воронцова, *La Comtesse Marie Artémievna Worontzoff,*
1725 — 1792 1725 — 1792

71

Митрополитъ Кіевскій Eugène,
Евгеній, Métropolite de Kieff,
1763—1837 1763—1837

72

Митрополитъ Московскій Platon,
Платонъ, Métropolite de Moscou,
1737—1812 1737—1812

73

Митрополитъ С.-Петербургскій Gabriel,
Гавріилъ, Métropolite de St-Petersbourg,
1730—1801 1730—1801

74

Архієпископъ Московскій Augustin,
Августинъ, Archevêque de Moscou,
1766—1819 1766—1819

Пис. А. Брунелли

*Надежда Андреевна
Дурова,
1783 — 1866*

Peint par A. Brullhoff

*Nadejda Andréewna
Douroff,
1783 — 1866*

76

77

*Марія Алексеевна
Бутурлина,
176 . — 1803*

*Marie Alexéewna
Boutourline,
176 . — 1803*

*Петръ Михайловичъ
Бутурлинъ,
1763 — 1828*

*Pierre Mikhaïlovitch
Boutourline,
1763 — 1828*

78

Николай Осиповичъ
Кутлѣвичъ,
1775 — 1849

Nicolas Ossipowitch
Koutloubitzky,
1775 — 1849

79

Иис. Н. Давидъ, 1822

Борисъ Борисовичъ
Лециано,
1740 — 1827

Boris Borisowitch
Lezcano,
1740 — 1827

Peint par Mlle David, 1822

80

Пётръ Андреевичъ
Аракчеевъ,
1780 — 1841

Piotr Andrejewitch
Arakchéeff,
1780 — 1841

81

Андрей Семенович *André Sémenowitch*
Кологривовъ, *Kologrivoff,*
1774 — 1825 1774 — 1825

82

Петръ Михайловичъ *Pierre Mikhaïlowitch*
Капцевичъ, *Kapizewitch,*
1772 — 1840 1772 — 1840

83

Марія Семеновна *Marié Sémenowna*
Римская-Корсакова, *Rimsky-Korsakoff,*
1731 — 1796 1731 — 1796

84

Александръ Васильевичъ *Alexandre Fassiïewitch*
Римскій-Корсаковъ, *Rimsky-Korsakoff,*
1729 — 1781 1729 — 1781

85

Князь *Le Prince*
 Михаилъ Александровичъ *Michel Alexandrovitch*
 Шаховской, *Schakhovskoi,*
 1758 — 1817 1758 — 1817

86

Княгиня Варвара Александровна *La Princesse Varvara Alexandrovna*
 Шаховская, *Schakhovskoi,*
 1748 — 1823 1748 — 1823

87

Княгиня Елизавета Сергеевна *La Princesse Elisabeth Sergueevna*
 Шаховская, *Schakhovskoi,*
 1769 — 1831 1769 — 1831

88

Иис. Сурень *Peint par Surney*
 Княгиня Елизавета Борисовна *La Princesse Elisabeth Borisovna*
 Шаховская, *Schakhovskoi,*
 1773 — 1796 1773 — 1796

89

Графъ Павла Андреевича Le Comte Paul Andréewitch
Шувалова, Schouvaloff,
1777 — 1823 1777 — 1823

90

Пис. Росси, 1826 — Peint par Rossi, 1826

Графиня Варвара Петровна La Comtesse Varvara Petrovna
Шувалова, Schouvaloff,
1796 — 1870 1796 — 1870

92

91

Князь Валентинъ Михайлович Le Prince Valentin Mikhaïlowitch
Шаховской, Schakhowskoï,
1801 — 1850 1801 — 1850

Графъ Гавріиль Карлович Charles de Raimond-Mormoir,
де-Реймондъ-Моденъ, Comte de Modène,
1774 — 1833 1774 — 1833

93

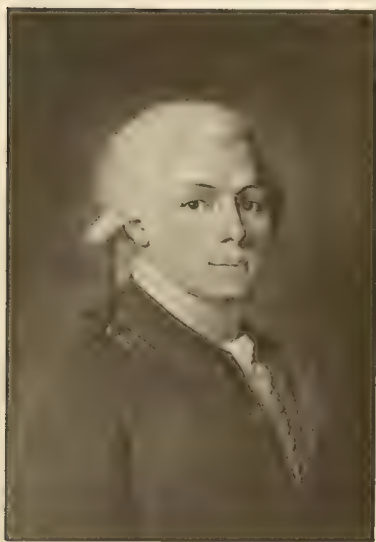
Графиня Анна Павловна *La Comtesse Anne Pavlovna*
Каменская, *Kamensky,*
 1749 — 1826 1749 — 1826

94

Графъ Михаилъ Федотовичъ *Le Comte Michel Fedotowitch*
Каменскій, *Kamensky,*
 1738 — 1809 1738 — 1809

95

Графъ Сергій Михайловичъ *Le Comte Serge Mikhailowitch*
Каменскій, *Kamensky,*
 1772 — 1834 1772 — 1834

96

Графъ Сергій Михайловичъ *Le Comte Serge Mikhailowitch*
Каменскій, *Kamensky,*
 1772 — 1834 1772 — 1834

97

Графиня Анна Петровна La Comtesse Anne Pétrowna
Кутайссова, Koutaïssoff,
176 . — 1848 176 . — 1848

98

Пис. Зангемин — Peint par Zangémine
Федоръ Петровичъ Théodore Pétrowitch
Уваровъ, Owaroff,
1769 — 1824 1769 — 1824

99

Пис. Верне, 1803 — Peint par C. Vernet, 1803
Дмитрій Петровичъ Dmitri Pétrowitch
Резвой, Rezwoi,
1762 — 1823 1762 — 1823

100

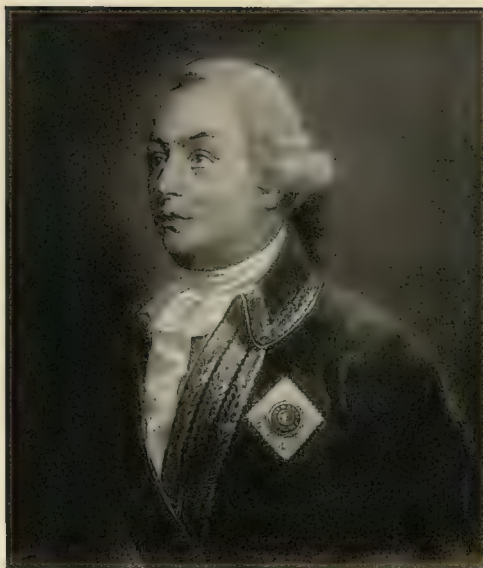
Пис. Верне, 1803 — Peint par C. Vernet, 1803
Надежда Васильевна Nadejda Vassilicowna
Резвая, Rezwoi,
1780 — 1845 1780 — 1845

101

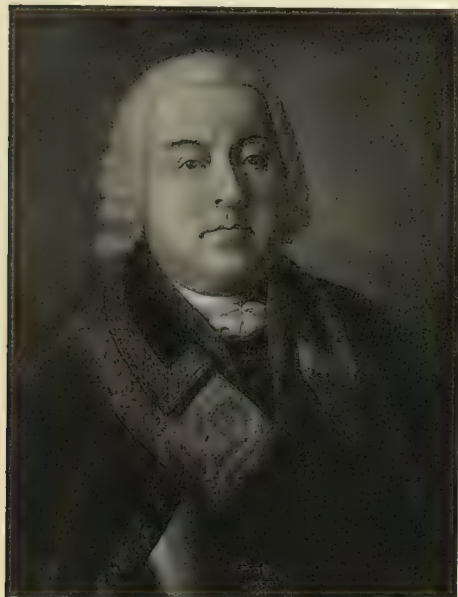
Графиня Екатерина Михайловна La Comtesse Catherine Mikhaïlowna
Румянцова, Roumiantzoff,
1724—1779 1724—1779

102

Графъ Пётръ Александровичъ Le Comte Pierre Alexandrowitch
Румянцова, Roumiantzoff,
1725—1796 1725—1796

103

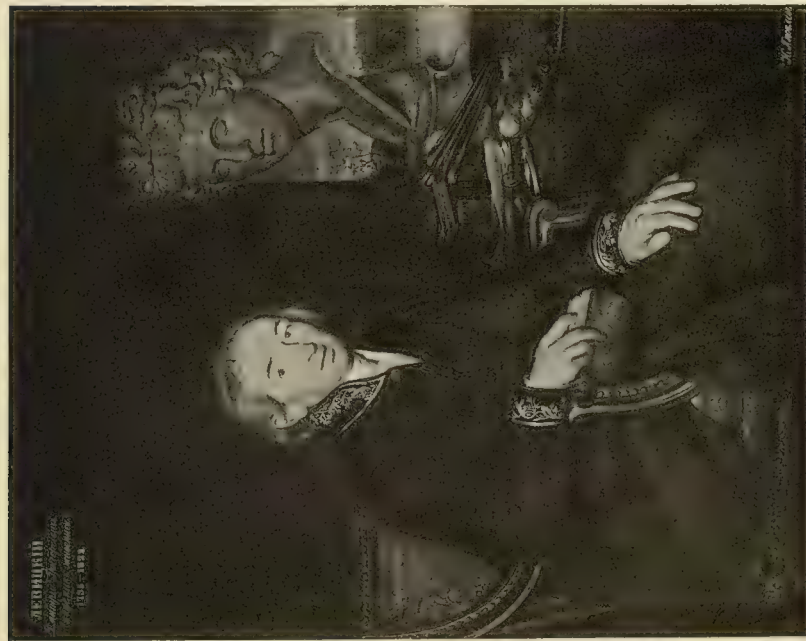

Князь Никита Юрьевичъ Le Prince Nikita Youriewitch
Трубецкой, Troubetzkoi,
1699—1767 1699—1767

104

Княгиня Анна Даниловна La Princesse Anne Danilowna
Трубецкая, Troubetzkoi,
171.—178. 171.—178.

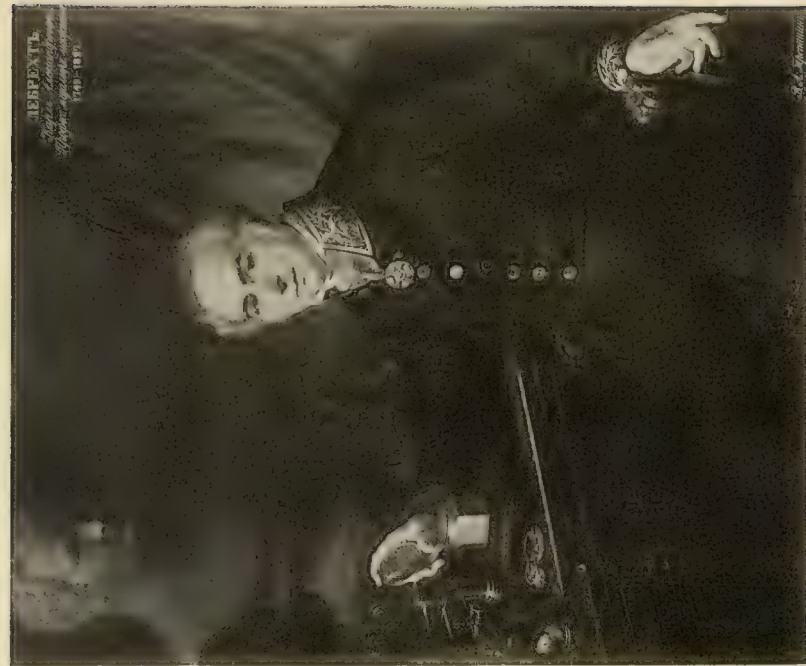

Пис. Я. С. 1-12

Дмитрій Григорієвич
Лєвіт'скій,
1733 — 1822

Порт пар Тєлєт'єф, 1812

Дмитрі Григорієвич
Лєвіт'скій,
1733 — 1822

Пис. Трѣпавовъ

Карлъ Александровичъ
Лебѣрехтъ,
1749 — 1827

Порт пар Трѣпавъ

Charles Alexandrovitch
Lebercht,
1749 — 1827

Пис. Вяземский

Графиня Ирина Ивановна
Воронцова,
1768 — 1848

Рис. для Фед. Ледява

La Comtesse Irène Ivanovna
Vorontzoff,
1768 — 1848

Пис. Рубин

Княгиня Евдокия Ивановна
Голицына,
1780 — 1848

Рис. для Рубина

La Princesse Eudoxie Ivanovna
Golitzine,
1780 — 1848

109

Принцесса Елизавета
Тараканова (?),
1752 (?) — 1775

*La Princesse Elisabeth
Tarakanoff (?),
1752 (?) — 1775*

110

Монахиня Досиоеа,
1746 — 1810

*La Religieuse Dosihée,
1746 — 1810*

111

Графъ Алексѣй Григорьевичъ
Орловъ-Чесменскій,
1735 — 1807

*Le Comte Alexis Grigorievitch
Orloff-Tschemensky,
1735 — 1807*

112

Графиня Евдокія Николаевна
Орлова-Чесменская,
1761 — 1786

*La Comtesse Eudoxie Nikolaevna
Orloff-Tschemensky,
1761 — 1786*

113

Пис. Мюллера — Peint par Müller

Левъ Алексѣевичъ Léon Alexéewitch
Яковлевъ, Yakovleff,
1764 — 1839 1764 — 1839

114

Иванъ Матвѣевичъ Ivan Matéwewitch
Симолитъ, Simoline,
1720 — 1799 1720 — 1799

115

*Пис. Вассе-Анжель**Peint par Vasse-L'Ange*

Наталія Захаровна Natalie Zakharowna
Колычева, Kolytcheff,
1774 — 1803 1774 — 1803

116

Степанъ Алексѣевичъ Stéphane Alexéewitch
Колычевъ, Kolytcheff,
1745 — 1805 1745 — 1805

117

Пис. Жеренъ

Peint par Gerni

Графъ Иванъ Васильевичъ Le Comte Ivan Vassilievitch
Гудовичъ, Goudowitch,
1741 — 1821 1741 — 1821

119

Пис. Крафтъ

Peint par Kraft

Княгиня Наталья Александровна La Princesse Natalie Alexandrovna
Репнина, Repnine,
1737 — 1797 1737 — 1797

118

Пис. Дмитріевъ

Pierre Dmitriewitch

Еропкинь, Erofkin,
1724 — 1805 1724 — 1805

120

Пис. Пашкевичъ

Peint par Pashkevitch

Князь Николай Васильевичъ Le Prince Nicolas Vassilievitch
Репнинъ, Repnine,
1734 — 1801 1734 — 1801

122

121

Гр. Екатерина Александровна La Comtesse Catherine Alexandrowna
Толстая, Tolstoï,
176. — 1825 176. — 1825

Анна Петровна Anne Pétrowna
Кожухова, Kojoukhoff,
1793 — 1827 1793 — 1827

123

Графиня Эмилия Карловна La Comtesse Emilie Karlovna
Музина-Пушкина, Moussine-Pouchkine,
1810 — 1846 1810 — 1846

124

Алая Антоновна Aglad-Angélique
Давыдова, Davydoff,
1787 — 1842 1787 — 1842

126

125

Графа Матюхи Івановича *Le Comte Mathieu Ivanowitch*
Платова, *Platoff,*
1751 — 1818 1751 — 1818

Пис. Паниковскій, 1813 г.

Peint par Pankowsky, 1813

Графиня Марія Матюєвна *La Comtesse Marie Matveevna*
Платова, *Platoff,*
1791 — 1866 1791 — 1866

127

Константина Марковича *Constantin Markowitch*
Полторацькій, *Poltoratzky,*
1782 — 1858 1782 — 1858

128

Софія Борисовна *Sophie Borissowna*
Полторацька, *Poltoratzky,*
1796 — 1871 1796 — 1871

129

*Пис. Боровиковскій**Peint par Borovikovsky*

Князь Григорій Семеновичъ Le Prince Grégoire Sémenowitch
Волконскій, Wolkonsky,
1742 — 1824 1742 — 1824

131

Княгиня Марія Николаевна La Princesse Marie Nikolaevna
Волконская, Wolkonsky,
1806 — 1863 1806 — 1863

130

Пис. Исаев — Peint par Issey

Князь Сергій Григоріевичъ Le Prince Serge Grigoriewitch
Волконскій, Wolkonsky,
1788 — 1865 1788 — 1865

132

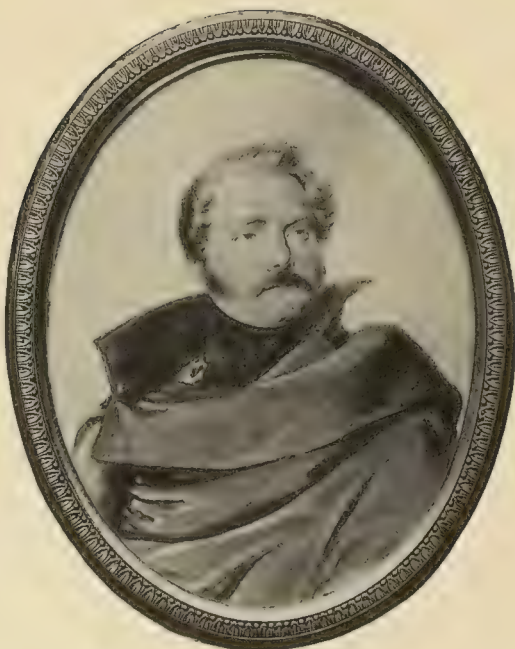
Александръ Николаевичъ Alexandre Nikolaewitch
Раевскій, Raewsky,
1795 — 1868 1795 — 1868

133

Князь Сергій Сергеевич Le Prince Serge Sergueitch
Голлицынъ, Golitzine,
1783 — 1833 1783 — 1833

134

Князь Александръ Сергеевич Le Prince Alexandre Sergueitch
Голлицынъ, Golitzine,
1789 — 1858 1789 — 1858

136

135

Княгиня Елена Александровна La Princesse Hélène Alexandrowna
Голлицына, Golitzine,
1785 — 1855 1785 — 1855

Князь Василий Сергеевич Le Prince Basile Sergueitch
Голлицынъ, Golitzine,
1792 — 1856 1792 — 1856

138

137

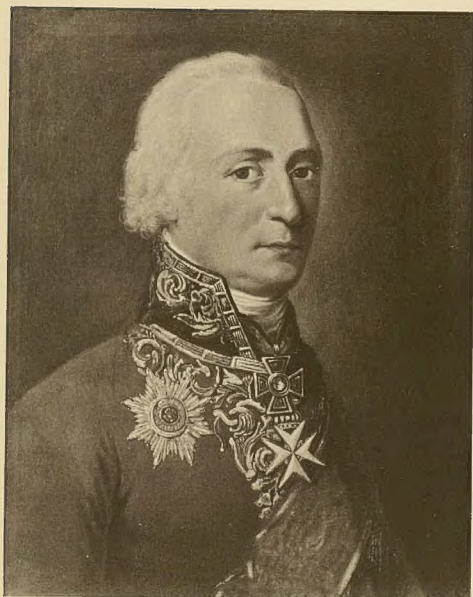
Матей Григорьевич Mathieu Grigorievitch
Спиридовъ, Spiridoff,
1751 — 1829 1751 — 1829

Иванъ Акинфиевичъ Ivan Akinfievitch
Тутолминъ, Toutolmine,
1752 — 1815 1752 — 1815

139

140

Александръ Васильевичъ Alexandre Vassilievitch
Алябьевъ, Aliabieff,
1746 — 1822 1746 — 1822

Иванъ Васильевичъ Ivan Vassilievitch
Тутолминъ, Toutolmine,
1760 — 1839 1760 — 1839

2007088112